

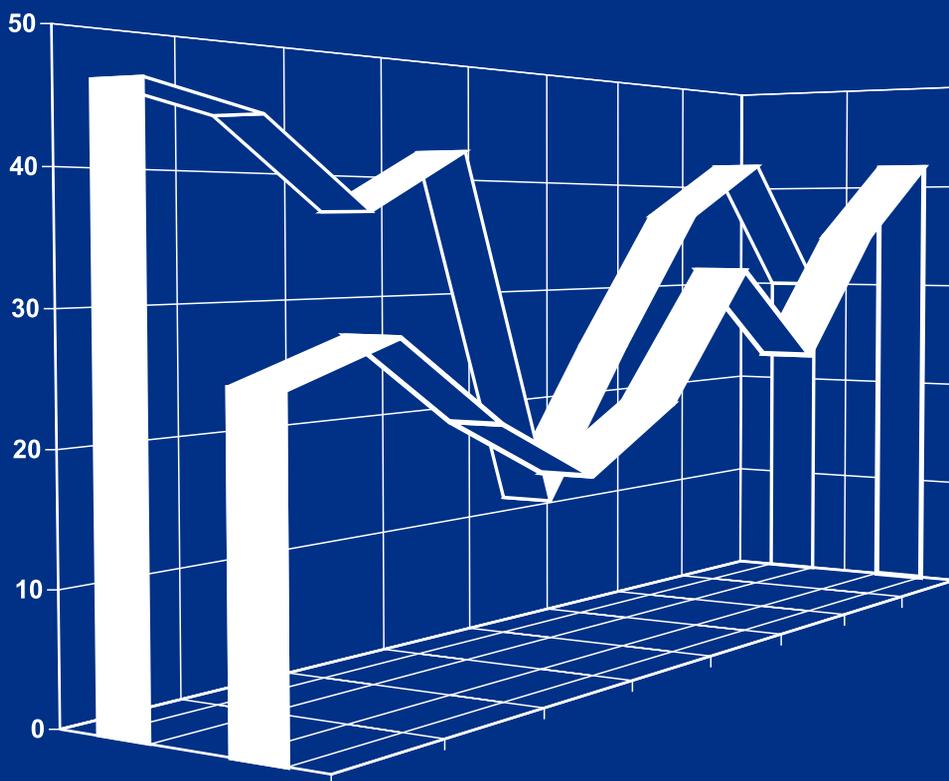
От мнений — к пониманию

ВЕСТНИК

THE RUSSIAN PUBLIC OPINION HERALD

ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Данные. Анализ. Дискуссии

1—2 (134)

ЯНВАРЬ — ИЮЛЬ 2023

НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ
(ИНФОРМАЦИЯ)
ПРОИЗВЕДЕН И
РАСПРОСТРАНЕН ИНОСТРАН-
НЫМ АГЕНТОМ АНО
«ЛЕВАДА-ЦЕНТР» ЛИБО
КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИНОСТРАННОГО АГЕНТА АНО
«ЛЕВАДА-ЦЕНТР»

**Аналитический
Центр Юрия Левады
(Левада-Центр)**

Редколлегия:

Л.Д. Гудков
(главный редактор)

Н.А. Зоркая
(ответственный
редактор)

М.Д. Красильникова
Л.А. Хахулина
(зам. главного
редактора)

Вестник общественного мнения

Данные. Анализ. Дискуссии

1–2(134)

Выходит 2 раза в год. Год издания 28-й

Январь–Июль 2023

СОДЕРЖАНИЕ

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ 4

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Федор Воскресенский
Екатерина Воскресенская. Восприятие проблемы независимости
и самостоятельности российскими судьями 21

Антон ОЛЕЙНИК. Каналы пропаганды и их сравнительная
результативность: вторжение России в Украину 33

Марк Тольц. Роль брачности в современной рождаемости в России 49
Любовь Борусяк. Новая волна эмиграции 58

Сергей Николук. Аверс и реверс Союзного государства 73
Алексей Левинсон. Самочувствие российских евреев. Лето 2022 г. 80

Лев Гудков. Состояние массового антисемитизма и ксенофобии
в условиях военных действий России в Украине 94

МЕТОДИКА, КАЧЕСТВО, ДОСТОВЕРНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЙ

Екатерина Козеренко. Анализ недостижимости в «Курьере»
«Левада-центра» 108

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Лев ГУДКОВ. Негативная идентичность. Настроения населения
России в ситуации кризисов и войны 115

IM MEMORIAM

Татьяна Ворожейкина. Виктор Леонидович Шейнис (1931–2023) 177

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА – ДОКУМЕНТЫ ВРЕМЕНИ

Дмитрий ШАЛИН. Виктор Шейнис и Алла Назимова: «Сведение
счетов и установление меры ответственности каждого мне кажется
занятием малопродуктивным» 180

АВТОРЫ НОМЕРА 188

SUMMARY 191

Ответственный редактор
выпуска Н.А. Зоркая

Редактор
В.Ф. Бабицкая

Корректор
Е.В. Пищулина

Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр)
109012, Москва, ул. Никольская, 17. Тел. : (499) 755-40-30
E-mail: direct@levada.ru

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна

Зарегистрировано Министерством РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
ПИ № 77981 от 10 декабря 2003 г.

© Левада-Центр, 2008 ISSN 2070-5107

The Russian Public Opinion Herald

Data. Analysis. Discussions

1–2(134)

Twice

January–July 2023

Analytic Centre
Yury Levada
(Levada-Centre)

Editorial Board

Lev Gudkov
(*Editor-in-Chief*)
Ludmila Khakhulina
(*Deputy Editor-in-Chief*)
Marina Krasilnikova
Natalia Zorkaya
(*Executive Secretary*)

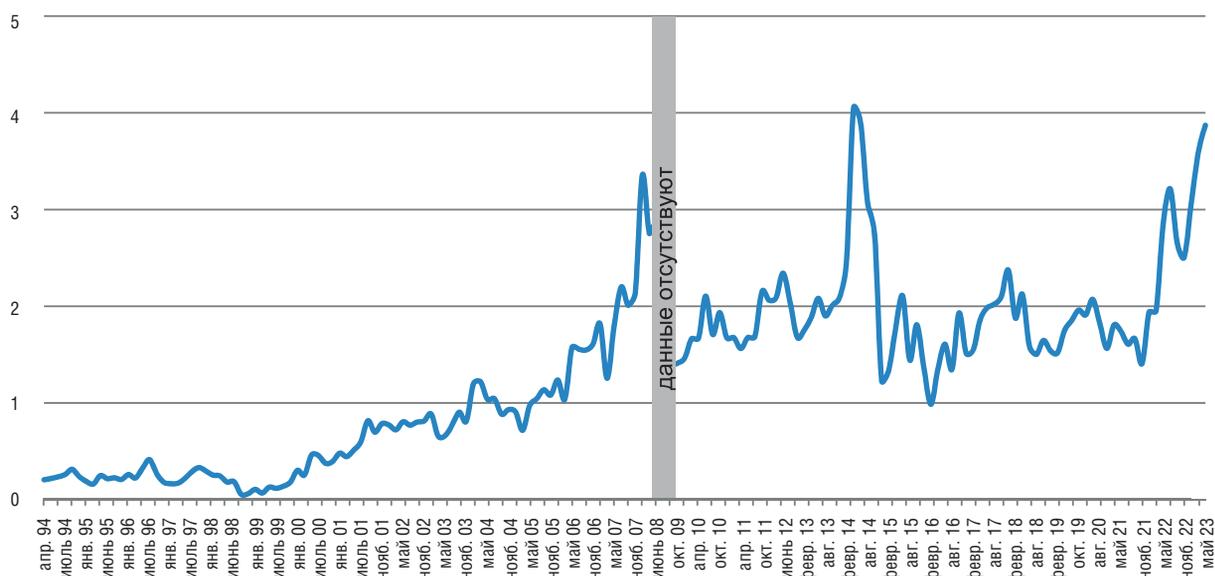
CONTENTS

MONITORING OF CHANGES: PRINCIPAL TRENDS	4
SOCIAL ISSUES	
The Perception of the Problem of Independence and Self-sufficiency by Russian Judges (by Fedor Voskresensky, Ekaterina Voskresenskaya)	21
Propaganda channels and their compared effectiveness (by Anton Oleynik)	33
Marriage as a Factor in Contemporary Fertility in Russia (by Mark Tolts)	49
The new wave of emigration of the educated: why did they leave and do they plan to come back (by Lyubov Borusyak)	58
Heads and Tails of the Union State (by Sergey Nikolyyuk)	73
The well-being of Russia's jews: summer 2022 (by Alexey Levinson)	80
Current state of antisemitism and xenophobia in Russia (by Lev Gudkov)	94
STUDY METHODS, QUALITY, RELIABILITY	
Inaccessibility analysis in Levada Center's Courier (by Ekaterina Kozerenko)	108
PUBLIC OPINION STUDIES METHODOLOGY	
Negative identity. Russia's populace's outlook in times of crisis and war (by Lev Gudkov)	115
IM MEMORIAM	
Victor Leonidovich Sheinis (1931-2023) (by Tatiana Vorozheikina)	177
FIRST PERSON ACCOUNT – TIME DOCUMENTED	
Victor Sheinis and Alla Nasimova: "Settling scores and determining the degree everyone's responsibility seems like a fairly nonconstructive endeavor to me" (by Dmitry SHALIN)	180
AUTHORS OF THE ISSUE	188
SUMMARY	191

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

1. ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ СТРАНЫ

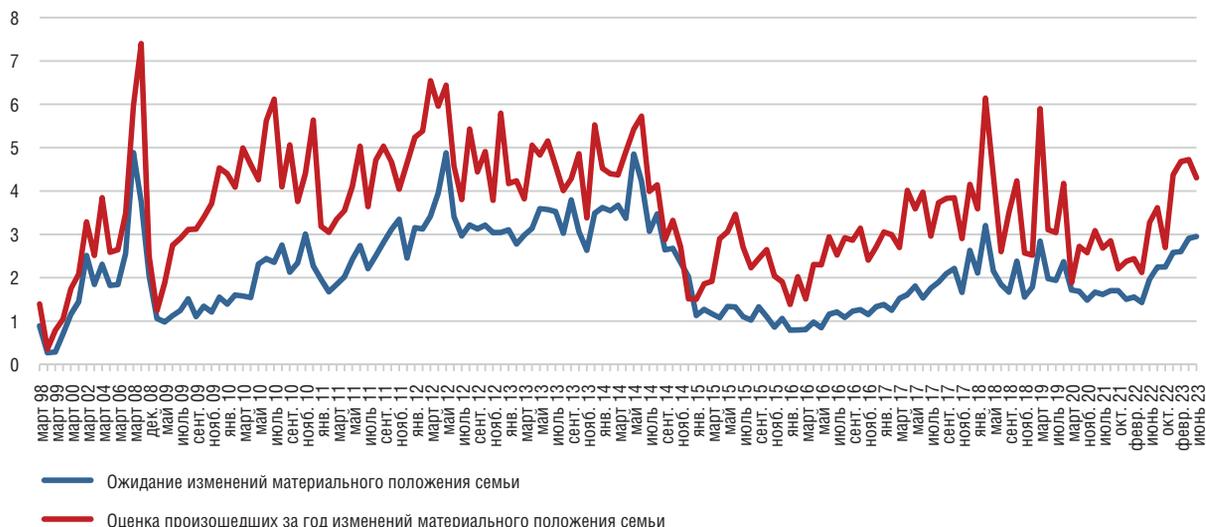
1.1. Как бы вы оценили экономическое положение России? (отношение положительных оценок – «хорошее» и «среднее» к отрицательным – «плохое» и «очень плохое»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

В 1994 г. $N = 3000$, в 1995–2001 гг. $N = 2400$, в 2002–2008 гг. $N = 2100$, с 2009 г. $N = 1600$, с апреля по июль и в декабре 2020 г. опросы проводились методом телефонного интервью.

Пики массовых оценок экономического благополучия России приходятся на военные кампании, проводимые руководством страны (война с Грузией 2008 г., присоединение Крыма 2014 г. и война с Украиной в 2022–2023 г.). Идеологическая мобилизация и подъем национальной гордости радикально меняют характер ожиданий относительно будущего процветания. Более приземленные оценки повседневного материального положения семьи следуют за более общими представлениями о перспективах экономического положения России в целом, но отстают от них по интенсивности своего выражения.

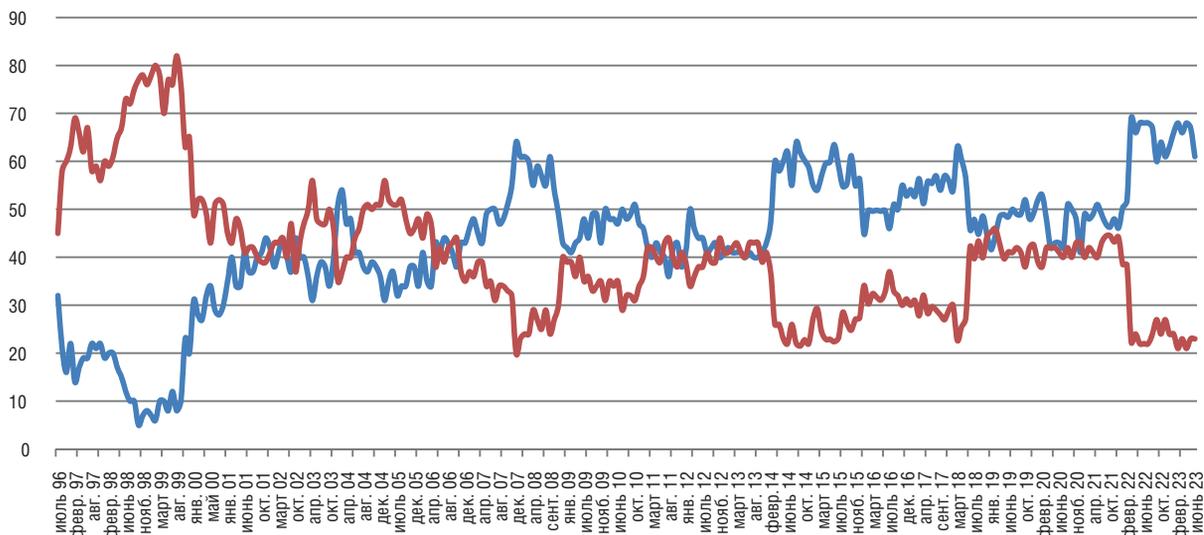
1.2. Как изменилось материальное положение вашей семьи за последний год? Как, по-вашему, изменится материальное положение вашей семьи в ближайший год? (отношение положительных оценок – «улучшится» и «не изменится» к отрицательным – «ухудшится»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

N = 1600, с апреля по июль и в декабре 2020 г. опросы проводились методом телефонного интервью

2. ОБЩИЕ ОЦЕНКИ ПОЛОЖЕНИЯ ДЕЛ В СТРАНЕ

2.1. Вы считаете, что дела в стране идут сегодня в целом в правильном направлении или Вам кажется, что страна движется по неверному пути? (в % от числа опрошенных)

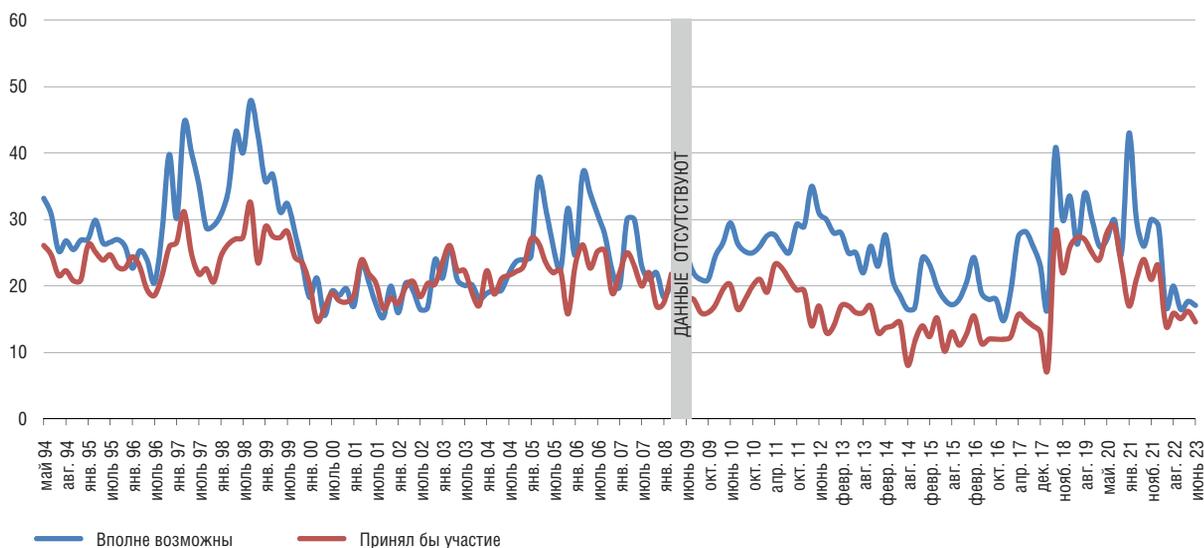
N = 1600, с апреля по июль и в декабре 2020 г. опросы проводились методом телефонного интервью.

Война с Украиной, как и предшествующие ей войны при правлении В. Путина, вызвали массовое одобрение и поддержку.

3. ПОТЕНЦИАЛ ПРОТЕСТА

3.1. ПОТЕНЦИАЛ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА

Насколько возможны сейчас в вашем городе, сельском районе массовые выступления против падения уровня жизни, в защиту своих прав?*; **Если такого рода митинги или демонстрации протеста состоятся, вы лично примете в них участие?** (в % от числа опрошенных)

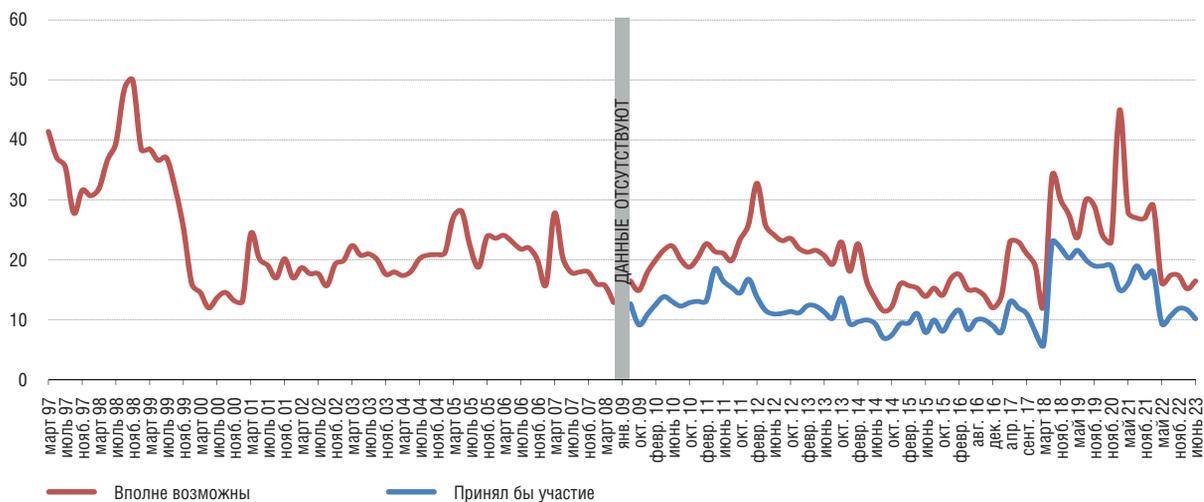
В 1994 г. $N = 3000$, в 1995–2001 гг. $N = 2400$, в 2002–2008 гг. $N = 2100$, с 2009 г. $N = 1600$, с апреля по июль и в декабре 2020 г. опросы проводились методом телефонного интервью.

* До марта 1997 г. задавался в формулировке «Насколько возможны сейчас в вашем городе, сельском районе массовые выступления против роста цен и падения уровня жизни?».

И вероятность массовых протестов, вызванных экономическими причинами, и готовность принять в них личное участие снизились до минимума. В еще большей степени этот тренд характеризует потенциал массовых протестных выступлений с политическими требованиями.

3.2. ПОТЕНЦИАЛ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА

Возможны ли, на ваш взгляд, в вашем городе, сельском районе выступления протеста (демонстрации, митинги, забастовки) с политическими требованиями? Если массовые выступления протеста с политическими требованиями состоятся, вы лично примете в них участие или нет? (в % от числа опрошенных)

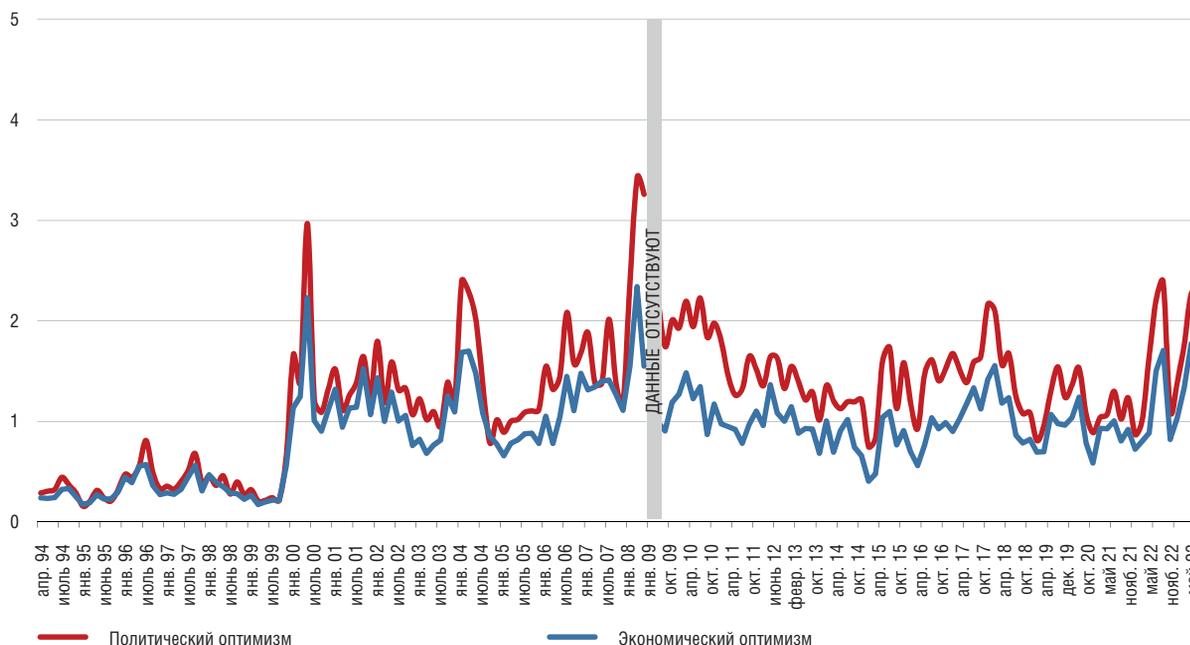

В 1997–2001 гг. $N = 2400$, в 2002–2008 гг. $N = 2100$, с 2009 г. $N = 1600$, с апреля по июль и в декабре 2020 г. опросы проводились методом телефонного интервью.

4. ПОКАЗАТЕЛИ ОПТИМИЗМА

**Что ожидает Россию в ближайшие месяцы в политической жизни?;
Что ожидает Россию в ближайшие месяцы в области экономики?**

(отношение положительных оценок — «значительное улучшение ситуации» и «некоторое улучшение ситуации» к отрицательным — «некоторое ухудшение ситуации» и «значительное ухудшение ситуации»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

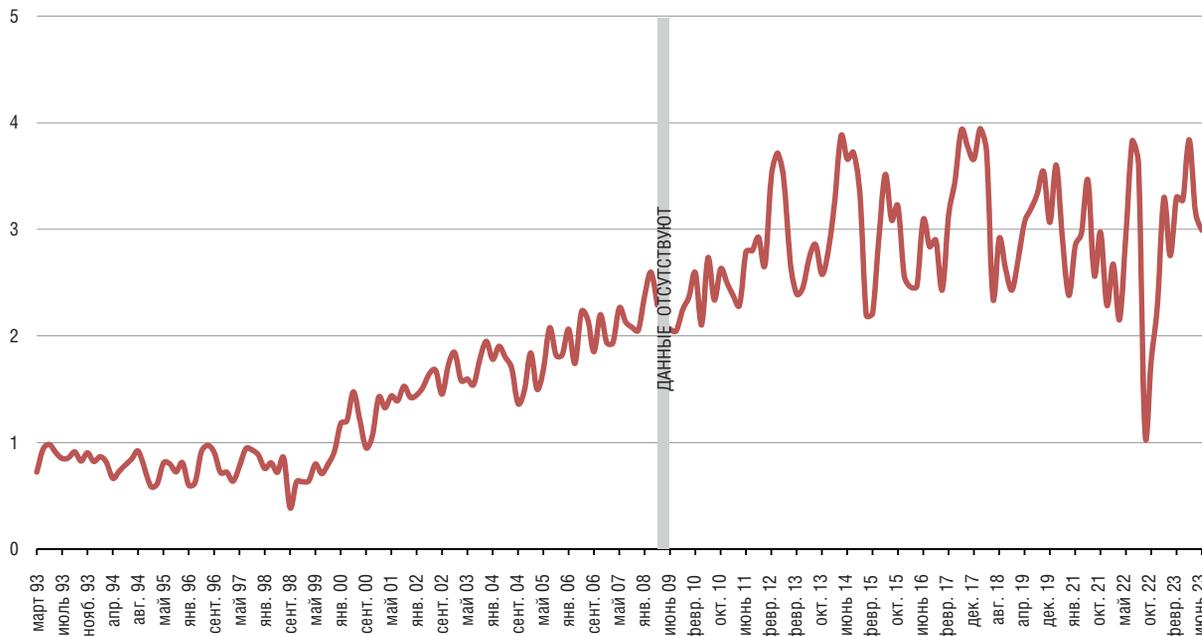

В 1994 г. $N = 3000$, в 1995–2001 гг. $N = 2400$, в 2002–2008 гг. $N = 2100$, с 2009 г. $N = 1600$, с апреля по июль и в декабре 2020 г. опросы проводились методом телефонного интервью.

Антизападная и милитаристская пропаганда в сочетании с цензурой и подавлением гражданского общества создала условия для информационной изоляции основной массы населения, что в целом обеспечило значительный рост оптимизма и удовлетворенности действиями руководства страны, надежду на лучшее будущее.

5. СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ

Что вы можете сказать о своем настроении в последние дни? (отношение суммы позитивных оценок «прекрасное» и «нормальное, ровное» к сумме негативных «испытываю раздражение» и «испытываю страх»)

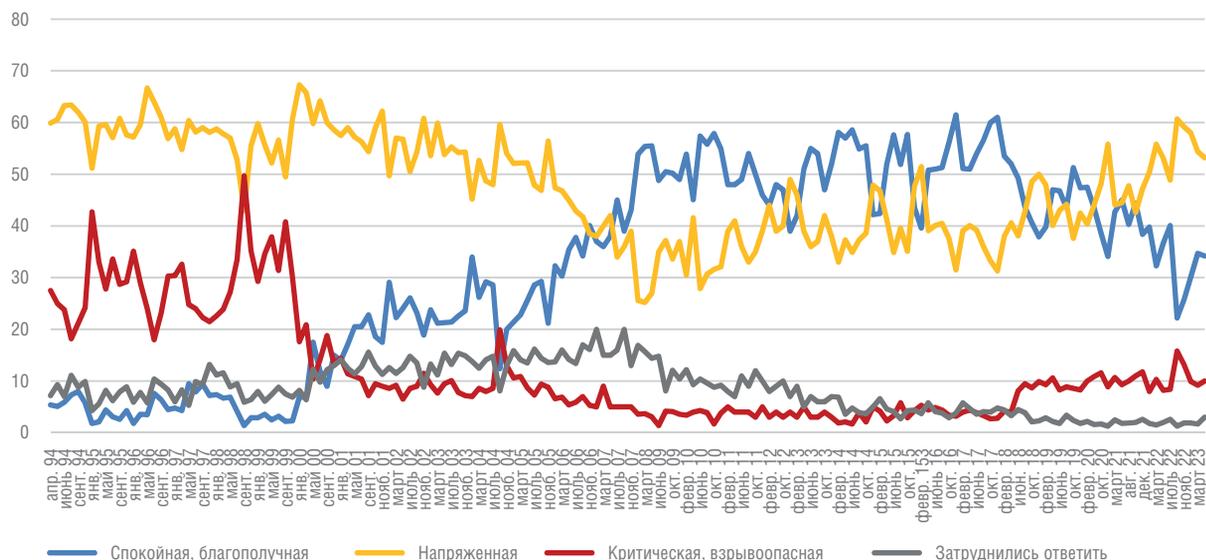

В 1994 г. $N = 3000$, в 1995–2001 гг. $N = 2400$, в 2002–2008 гг. $N = 2100$, с 2009 г. $N = 1600$, с апреля по июль и в декабре 2020 г. опросы проводились методом телефонного интервью.

Субъективные чувства и повседневные настроения людей характеризуются выраженной нестабильностью, колебаниями и быстрым переходом от негативных эмоций (тревоги, раздражения) к надежде и уверенности в будущем. Этим частные переживания отличаются от общих представлений о положении в стране, контролируемых ТВ и цензурой.

6. ОЦЕНКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ

Как вы оценили бы в целом политическую обстановку в России?

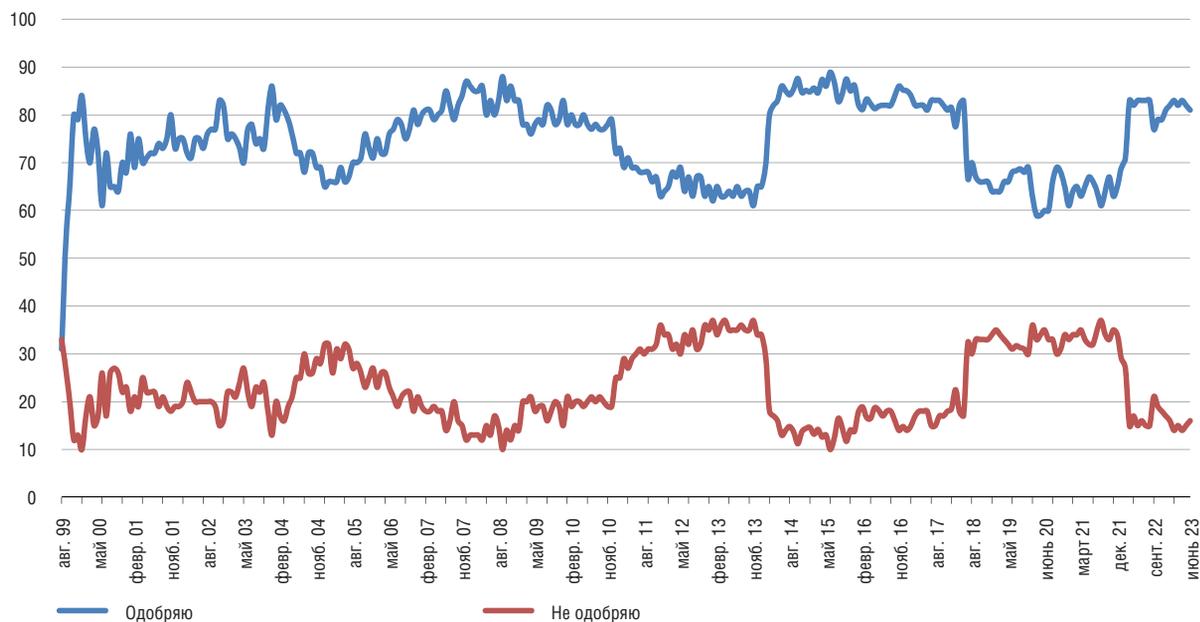

В 1994 г. $N = 3000$, в 1995–2001 гг. $N = 2400$, в 2002–2008 гг. $N = 2100$, с 2009 г. $N = 1600$, с апреля по июль и в декабре 2020 г. опросы проводились методом телефонного интервью.

Несмотря на пропагандистскую мобилизацию и коллективный оптимизм, политическая ситуация внутри страны воспринимается со всем большими опасениями: с 2017 г. последовательно снижается доля мнений о «спокойном положении» и растет доля ответов «напряженная». Мнения о приближении критической точки и возникновении открытых политических конфликтов стабильны. Последние годы они не превышают порога в 10%.

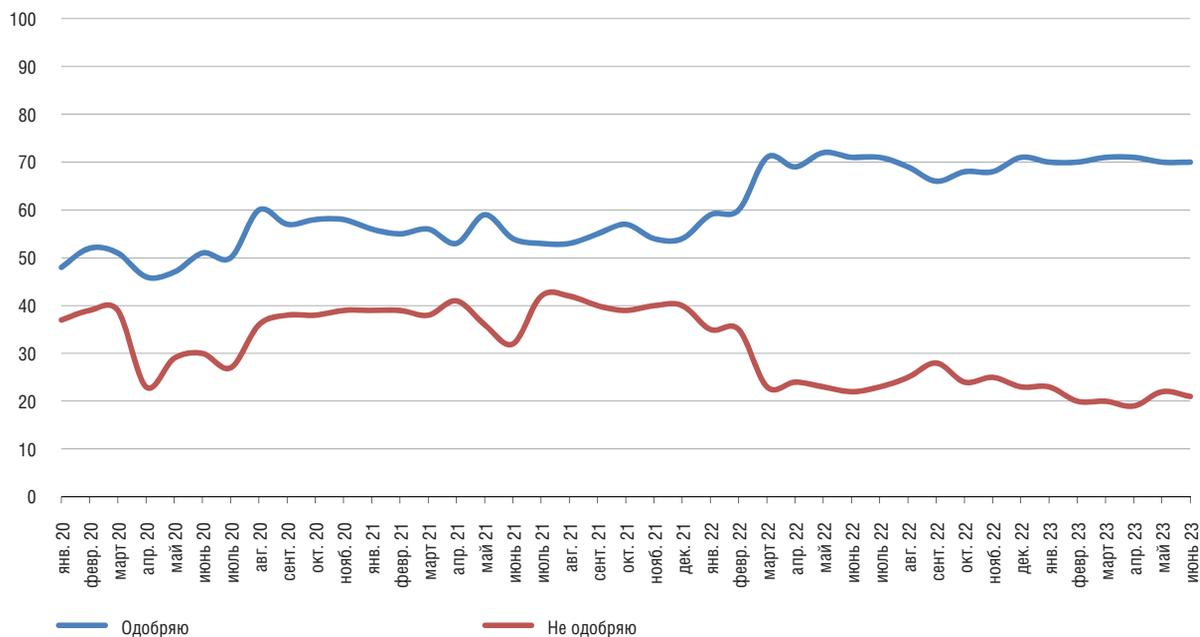
7. ОДОБРЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРВЫХ ЛИЦ И ВЛАСТНЫХ ИНСТИТУТОВ

7.1. Одобряете ли вы деятельность Владимира Путина?

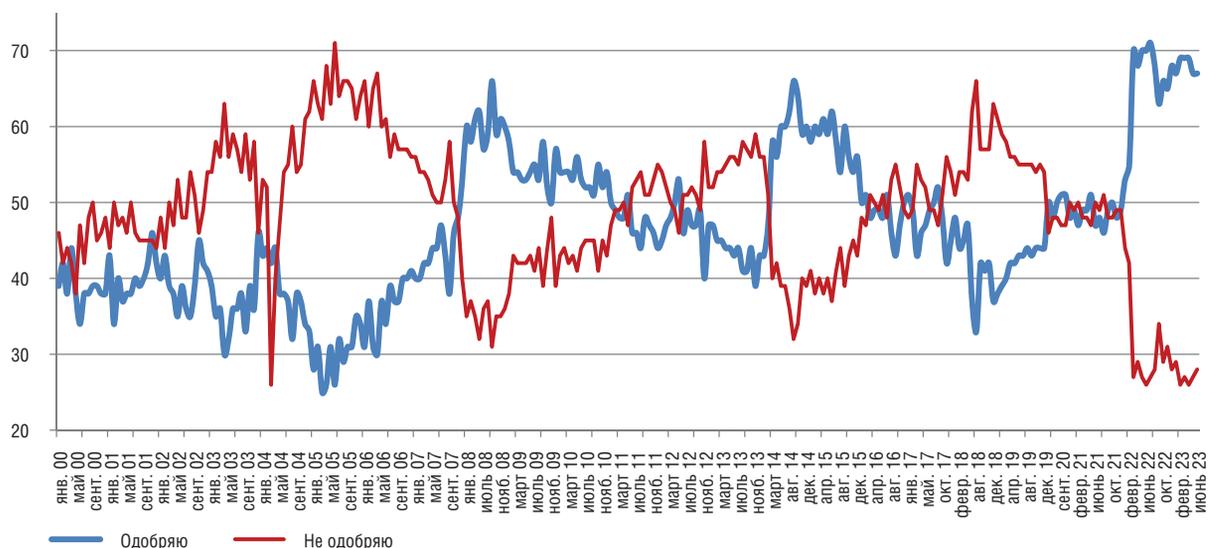
$N = 1600$, с апреля по июль и в декабре 2020 г. опросы проводились методом телефонного интервью.

7.2. Одобряете ли вы деятельность премьер-министра России? (с января 2020 г. — Михаила Мишустина)

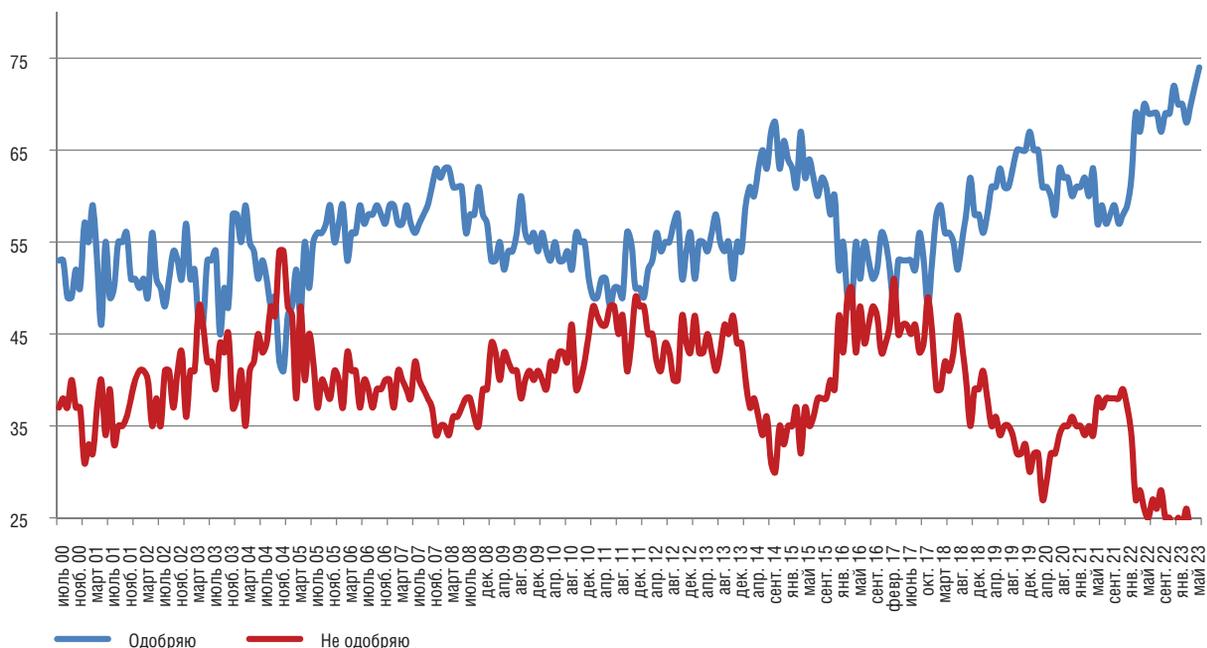
$N = 1600$, с апреля по июль и в декабре 2020 г. опросы проводились методом телефонного интервью.

7.3. Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность правительства России?

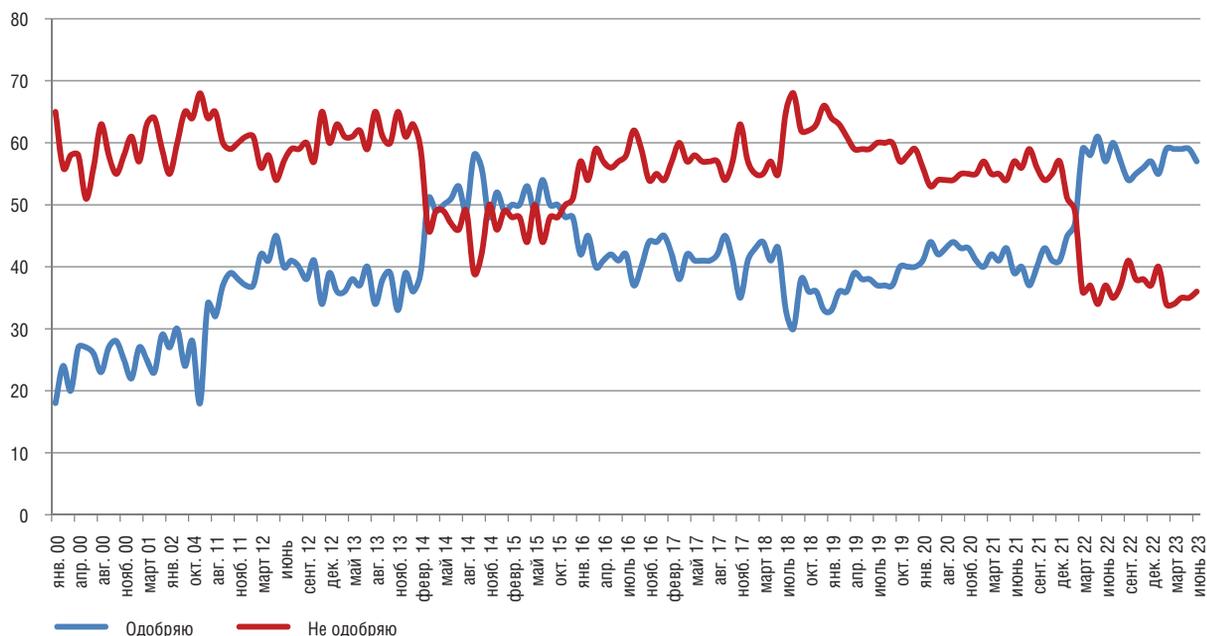
$N = 1600$, с апреля по июль и в декабре 2020 г. опросы проводились методом телефонного интервью.

7.4. Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность губернатора вашей области? (президента республики, в Москве – мэра)

$N = 1600$, с апреля по июль и в декабре 2020 г. опросы проводились методом телефонного интервью.

7.5. Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Государственной думы России?

$N = 1600$, с апреля по июль и в декабре 2020 г. опросы проводились методом телефонного интервью.

8. ДОВЕРИЕ К ПОЛИТИКАМ

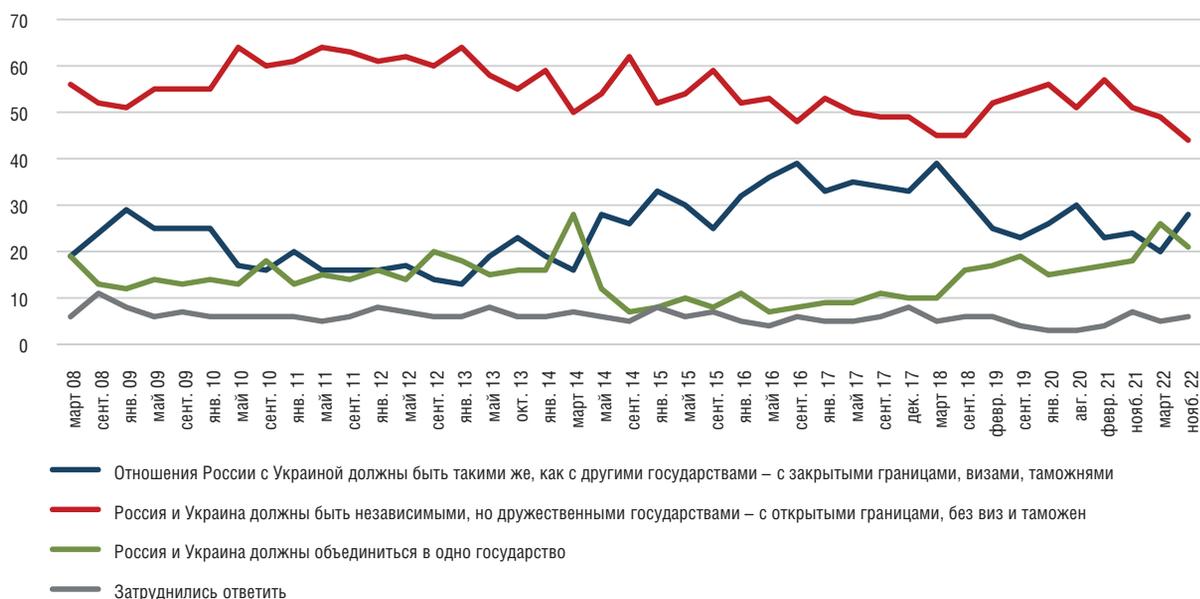
Назовите, пожалуйста, 5–6 политиков, которым вы более всего доверяете (приводятся данные открытого вопроса о доверии политикам, которые набрали в июне 2020 г. более 1% голосов от общего числа опрошенных; данные в таблице ранжированы по убыванию по результатам июня 2020 г.)

Вариант ответа	2017		2018			2019		2020	2021	2022		2023
	XI	VII	IX	III	VII	X	XII	X	II	III	X	VI
Путин В.	59	48	39	41	39	39	28	30	34	44	44	42
Шойгу С.	23	19	15	16	17	13	11	13	12	16	12	8
Мишустин М.	–	–	–	–	–	–	12	11	12	15	17	17
Лавров С.	19	14	10	14	13	14	8	10	14	15	13	14
Жириновский В.	14	14	15	16	15	14	13	9	10	15	4	3
Зюганов Г.	10	7	8	7	9	6	4	4	4	4	3	3
Миронов С.	4	2	2	2	2	2	2	3	2	2	2	1
Навальный А.	2	2	3	2	3	3	4	2	1	1	1	1
Грудинин П.	–	7	4	5	3	3	3	2	1	1	<1	1
Медведев Д.	11	9	10	13	11	9	<2	2	2	2	3	3
Собянин С.	3	4	4	3	3	2	2	2	2	2	3	4
Матвиенко В.	–	–	–	–	–	2	<1	1	1	1	2	2
Не интересуюсь политикой	1	1	1	1	1	1	0	0	1	0	1	1
Нет таких	14	21	18	17	18	24	23	22	27	16	19	19
Затруднились ответить /	11	12	18	16	18	14	23	16	16	15	14	15
Не знаю / нет ответа	–	–	–	–	–	–	2	2	1	1	–	–

N = 1600, * – вариант не был назван.

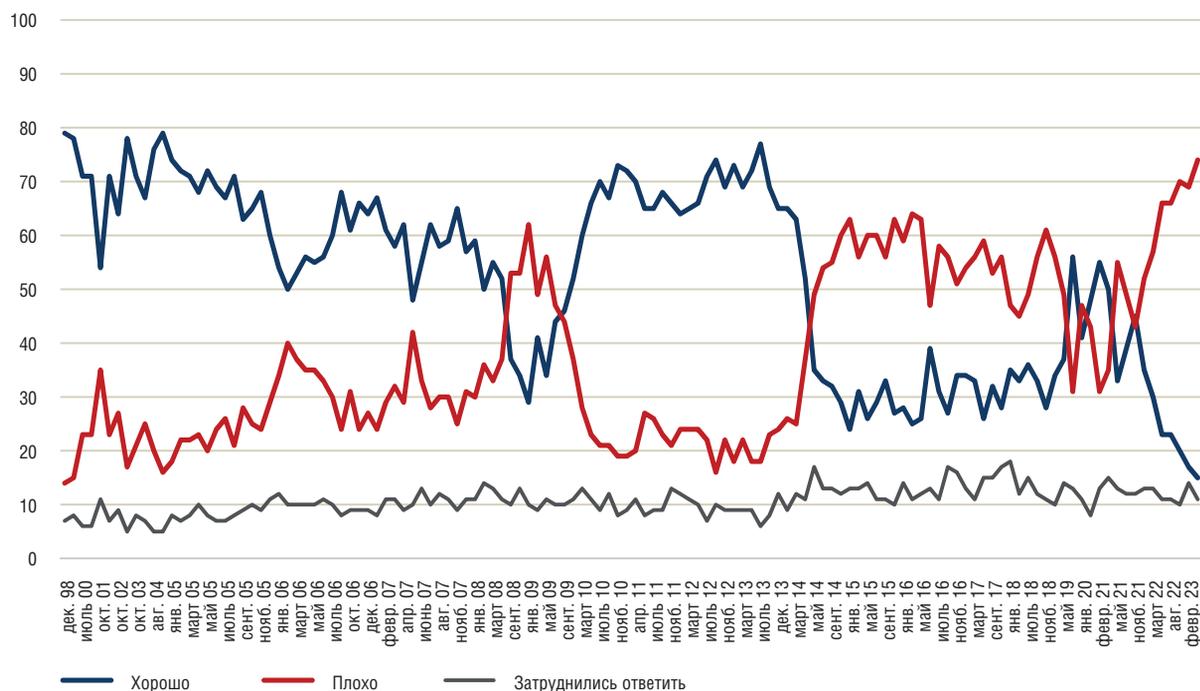
9. РОССИЯ И УКРАИНА

9.1. С каким из следующих мнений по поводу отношений России и Украины вы бы скорее согласились?

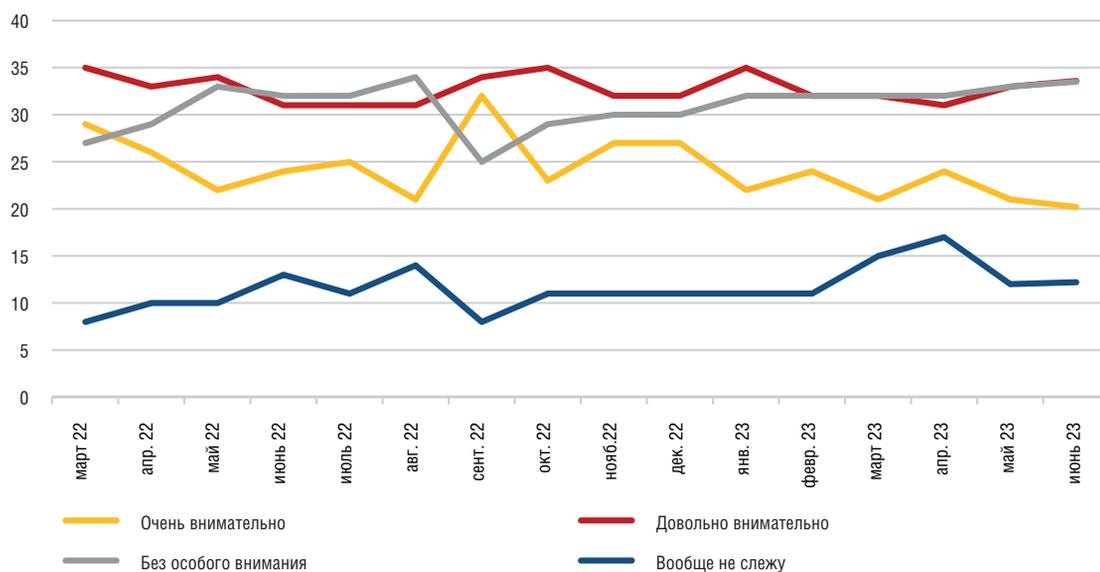

9.2. Как вы относитесь к Украине?

(сумма позитивных, негативных и нейтральных оценок)

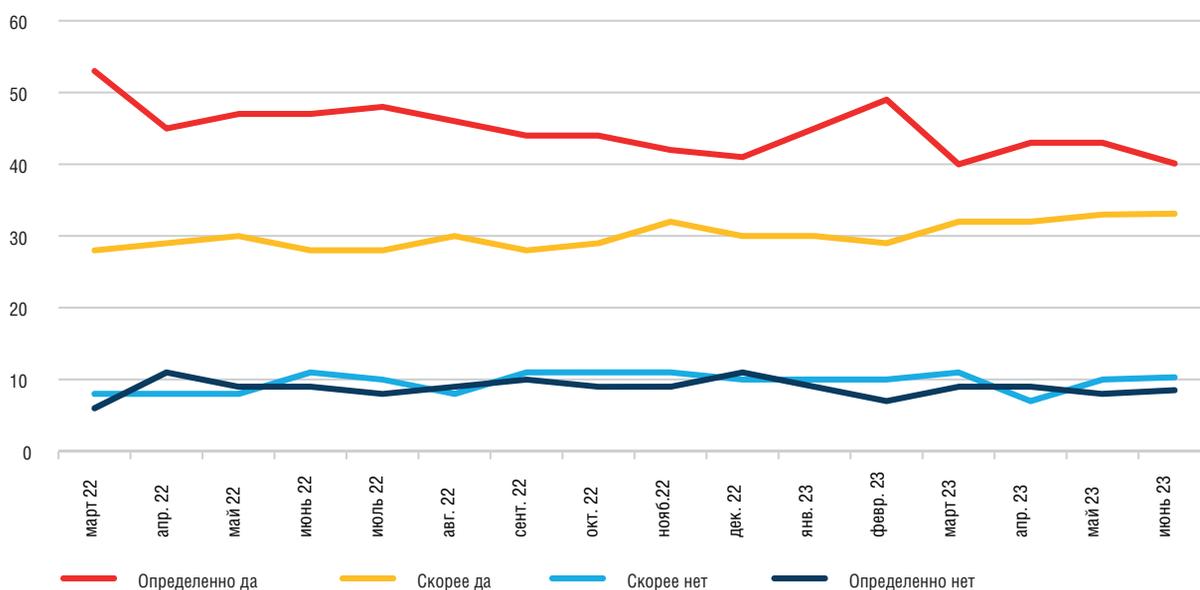

9.3. Следите ли вы за ситуацией вокруг Украины?

N = 1600

9.4. Вы лично поддерживаете или нет действия российских вооруженных сил в Украине?

N = 1600

9.5. Какие чувства у вас вызывают военные действия России в Украине?

	2022 III	2022 VIII	2022 XI	2023 III	2023 VI
Гнев, возмущение	8	11	11	10	8
Стыд	5	7	6	6	8
Подавленность, оцепенение	6	6	7	6	5
Тревогу, страх, ужас	31	31	34	34	32
Шок	12	12	11	10	11
Удовлетворение, радость	7	7	5	5	7
Воодушевление	7	8	5	5	6
Гордость за Россию	51	48	42	43	43
Другое	4	4	3	4	5
Никаких особых чувств	8	11	8	10	8
Затруднились ответить	2	3	3	5	4

N = 1600

9.6. Вас беспокоят текущие события в Украине?

	2022 IV	2022 V	2022 VI	2022 VII	2022 VIII	2022 IX	2022 X	2022 XI	2022 XII	2023 I	2023 IV
Очень беспокоят	46	40	43	44	37	56	58	42	46	45	50
Скорее беспокоят	36	40	37	37	37	32	30	38	38	39	34
Скорее не беспокоят	9	13	11	12	13	7	9	12	9	9	10
Совершенно не беспокоят	7	7	8	7	11	4	5	7	5	5	6
Затруднились ответить	1	1	1	1	1	1	1	1	2	2	1

N = 1600

9.7. По вашему мнению, насколько успешно или неуспешно продвигается специальная военная операция российских войск в Украине?

	2022 IV	2022 V	2022 IX	2022 XI	2023 II	2023 V	2023 VI
Очень успешно	18	17	9	9	11	12	9
Скорее успешно	50	56	44	45	52	49	46
Скорее неуспешно	12	11	22	23	18	20	20
Крайне неуспешно	5	4	9	9	6	8	8
Затруднились ответить	16	11	16	16	13	12	17

N = 1600

9.8. Чем, по вашему мнению, закончатся эти военные действия в Украине?

	2022 IV	2022 V	2023
Победой России	73	75	71
Победой Украины	1	1	1
Ни одна из сторон не сможет одержать верх	15	15	17
Затруднились ответить	11	9	10

N = 1600

9.9. Как вы считаете, несут ли такие люди, как вы, моральную ответственность за гибель мирных жителей и разрушения в Украине?

	2022 IV	2022 V	2022 VIII	2022 XII
Безусловно несут	9	11	10	10
В какой-то мере несут	19	25	23	24
Безусловно не несут	65	57	61	59
Затруднились ответить	7	6	7	7

N = 1600

9.10. Как Вы думаете, сколько еще будут длиться военные действия в Украине?

	2022 V	2022 VI	2022 VII	2022 VIII	2022 XI	2023 I
Не больше месяца	2	3	1	2	1	1
От месяца до двух	9	7	5	4	3	1
От двух месяцев до полугода	26	23	21	18	13	11
От полугода до года	23	22	24	24	23	25
Больше года	21	27	28	21	41	43
Затруднились ответить	19	18	21	22	19	20

N = 1600

9.11. Как вы считаете, сейчас следует продолжать военные действия или начать мирные переговоры?

	2022 VIII*	2022 IX	2022 X	2022 XI	2022 XII	2023 II	2023 III	2023 IV	2023 V	2023 VI
Определенно продолжать военные действия	48	29	22	24	27	27	25	26	30	26
Скорее продолжать военные действия		15	14	17	13	16	16	13	18	14
Скорее начать мирные переговоры	44	27	31	31	29	29	29	29	28	30
Определенно начать мирные переговоры		21	26	22	21	21	19	23	17	23
Затруднились ответить	8	8	7	6	10	7	11	11	7	7

N = 1600

*Приводится сумма двух первых и двух вторых вариантов ответа

9.12. Опасаетесь ли вы, что из-за военных действий в Украине будет объявлена всеобщая мобилизация в России?

	2022 IX	2022 X	2023 III
Определенно да	36	36	28
Скорее да	30	29	29
Скорее нет	17	16	23
Определенно нет	14	15	17
Затруднились ответить	4	4	4

N = 1600

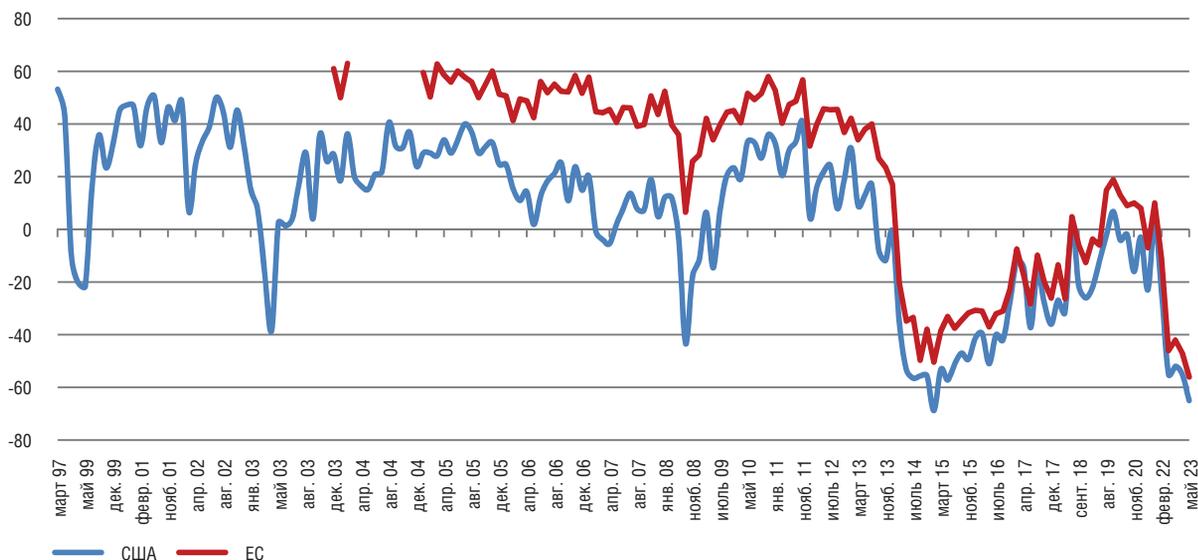
10. ОТНОШЕНИЕ К ДРУГИМ СТРАНАМ

10.1. Отношение к США и Евросоюзу

Как вы в целом относитесь сейчас к Соединенным Штатам Америки?

Как вы в целом относитесь сейчас к Европейскому союзу?

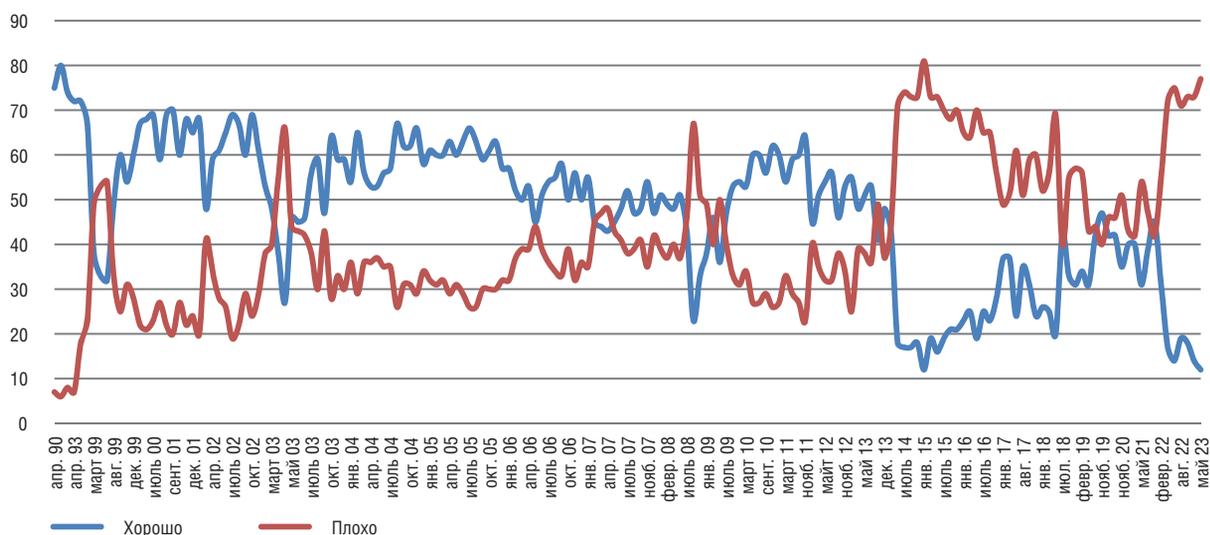
(разница положительных и отрицательных оценок)

$N = 1600$, с апреля по июль 2020 г. опросы проводились методом телефонного интервью.

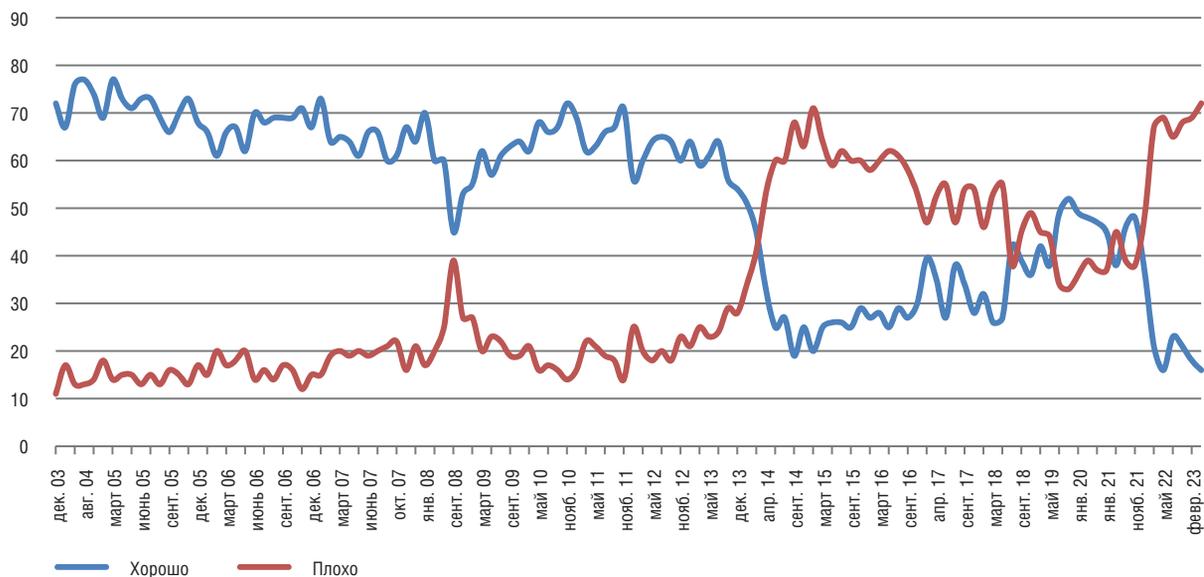
10.2. Как вы в целом относитесь сейчас к Соединенным Штатам Америки?

(сумма положительных оценок — «очень хорошо» и «в основном хорошо» к отрицательным — «в основном плохо» и «очень плохо»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

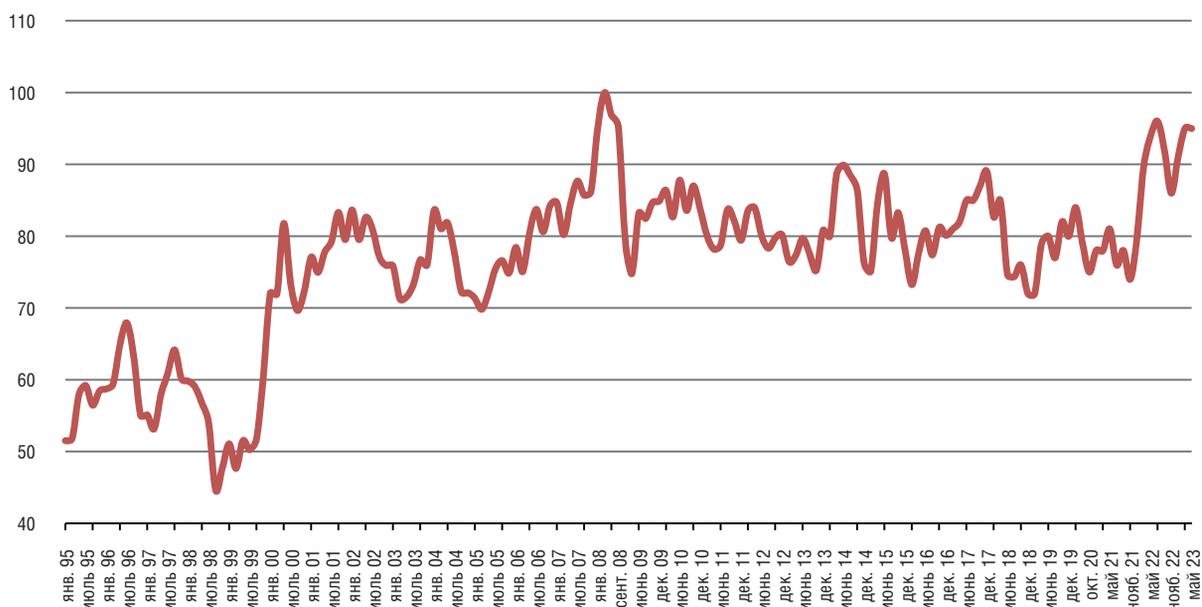
$N = 1600$, с апреля по июль 2020 г. опросы проводились методом телефонного интервью.

10.3. Как вы в целом относитесь сейчас к Европейскому союзу? (сумма положительных оценок – «очень хорошо» и «в основном хорошо» к отрицательным – «в основном плохо» и «очень плохо»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

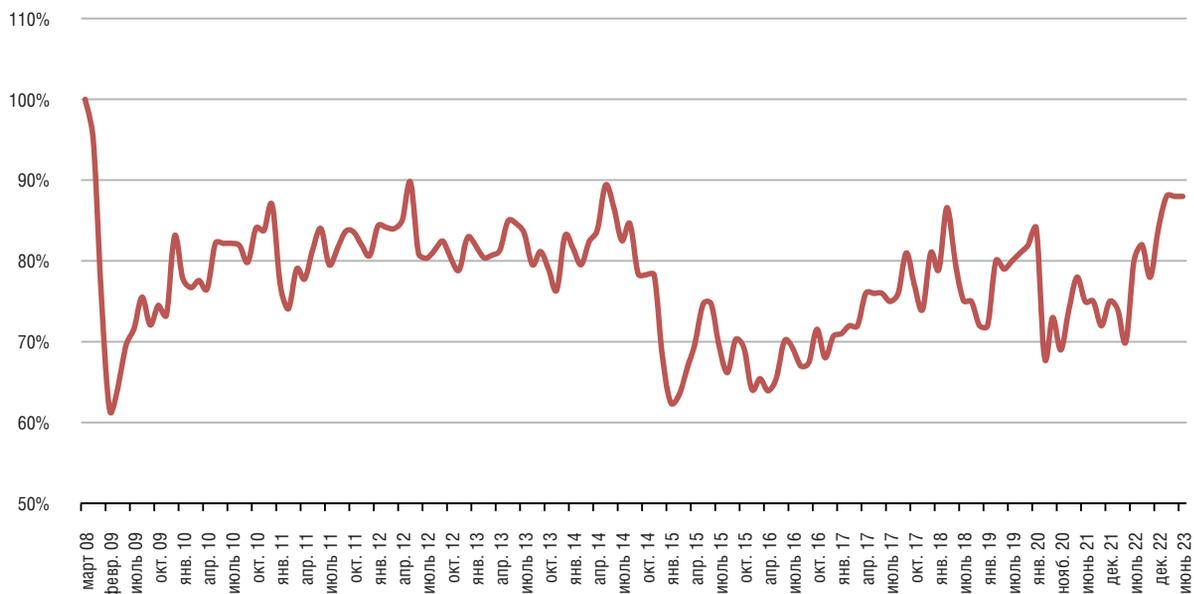
$N = 1600$, с апреля по июль 2020 г. опросы проводились методом телефонного интервью.

11. ИНДЕКС СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ (март 2008 = 100%)

До июня 2008 г. $N = 2100$; далее $N = 1600$.

12. ИНДЕКС ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ НАСТРОЕНИЙ

Федор ВОСКРЕСЕНСКИЙ

Екатерина ВОСКРЕСЕНСКАЯ

Восприятие проблемы независимости и самостоятельности российскими судьями¹

Введение

Проблема независимости и самостоятельности следователей, прокуроров и судей не теряет актуальности в России. В Концепции судебной реформы 1991 г. было констатировано плачевное состояние отечественной системы правосудия. Там обоснованно отмечалось, что «от тоталитарного режима мы получили безжалостное и чуждое интересам людей правосудие, суды составляли лишь важный элемент командно-административной системы, выступали как орган репрессий, освещая ритуалом судебного разбирательства предопределенную расправу»².

Отрицая принцип разделения властей, господствующая в СССР командно-административная система не воспринимала правосудие как самостоятельную политическую подсистему. Следовательно, действия ее акторов не должны были выходить за рамки общей политики государства, реализуя ее положения

в судебно-правовой сфере. Ущербность такой ситуации была нормативно зафиксирована Концепцией 1991 г., предопределившей необходимость существенных судебно-правовых реформ, которые перманентно осуществляются с начала 1990-х гг. Главное их направление — формирование и обеспечение должного уровня независимости и самостоятельности основных акторов системы правосудия. Ученые-правоведы, изучающие правовое положение следователей, прокуроров и судей, в обязательном порядке касаются в своих исследованиях оценки их уровня самостоятельности и независимости. На диссертационном уровне работы в этом направлении осуществляли в основном представители юридической науки А.В. Бабич (Бабич, 2012), Д.В. Потапов (Потапов, 2019) — в отношении следователей; Н.Р. Корешникова (Корешникова, 2010), Т.Ю. Сафонова (Сафонова, 2011) — в отношении прокурорских работников; Л.В. Шеломанова (Шеломанова, 2013), Т.К. Агузарова (Агузарова, 2003) анализировали судебную систему. Ученые отмечают принципиальную важность этих вопросов для полноценной и адекватной работы системы правосудия. Особенно это касается судебной системы, которая представляет собой одну из трех само-

¹ В исследовании помимо нас принимали участие сотрудники лаборатории политико-правовых исследований МГУ им. М.В. Ломоносова А.В. Тимченко, С.А. Бочкарев, А.А. Тимошенко.

² Концепция судебной реформы утверждена постановлением Верховного совета РСФСР № 1801-1 от 24 октября 1991 г. «О концепции судебной реформы в РСФСР». Взято 10 января 2021 г. с <http://www.consultant.ru>.

стоятельных ветвей власти, зафиксированных в Конституции РФ (Михайловская, 2013).

Задача представляется тем более актуальной, чем чаще экспертные позиции и опросы общественного мнения свидетельствуют о недоверии к судам, неудовлетворительном уровне самостоятельности судей. По мнению граждан, судьи не обладают независимостью от прямого или опосредованного давления органов власти¹ (Гудков и др., 2010; Козырева, Смирнов, 2015). Эксперты констатируют высокий уровень их зависимости от постороннего давления (Соломон, 2008; Петраков, 2011, с. 35; Моисеев, 2014, с. 396–405), причем, по мнению С.Ю. Барсуковой, это особенно относится к арбитражным судьям (Барсукова, 2009). При наличии соответствующего давления судьи нередко выносят неправосудные решения в интересах правящего политического режима.

Проблема давления на судей — довольно деликатная, чаще всего она скрыта от широкой общественности. Тем не менее, даже в таких условиях в медийное пространство периодически попадают публичные заявления судей о незаконном давлении на них с целью склонить к вынесению тех или иных решений. Такие факты в пространство публичной политики выносили руководители системы арбитражных судов Антон Иванов² и Василий Витрянский (Александренко, 2019, с. 181). Первый заместитель председателя Высшего арбитражного суда Елена Валявина³ указывала конкретных лиц в администрации президента РФ, попирающих принцип самостоятельности и независимости судей. Оглушительный эффект произвело публичное интервью судьи Конституционного суда Владимира Ярославцева испанской газете «EL PAÍS» под заголовком «В России правят органы безопасности, как в советские времена» от 31 августа 2009 г.⁴, в котором он заявил, что судебная

власть в России стала инструментом власти исполнительной⁵. «Я чувствую, что оказался на руинах правосудия», — сказал В. Ярославцев. Позицию коллеги поддержал в интервью «Собеседнику» другой судья Конституционного суда — Анатолий Кононов⁶.

Эмпирические данные и научные публикации свидетельствуют, что основной источник давления на следователей, прокуроров и судей — их собственное руководство, оказывающее существенное влияние на принимаемые решения⁷. В судебной системе это институт председателей суда, который превратился в обособленный от рядовых судей аппарат, касту, инструмент, который обеспечивает целостность управления не только судебной системой в целом, но и конкретными судебными решениями в частности⁸.

По понятным причинам факты давления руководства редко становятся известны за пределами узкой судейской корпорации. Тем не менее, такую крайне закрытую информацию обнародовали судьи Татьяна Секерина⁹, Тамара Рузметова¹⁰, Алла Овчинникова¹¹, Дмитрий Новиков¹², Варвара Ремизова¹³, Александр Ме-

¹ Зависимость от исполнительной власти губит репутацию российских судов (2012, 18 января). Взято 15 января 2021 г. с <https://pravo.ru/review/view/67212>.

² Интервью председателя ВАС А. Иванова «Итоги работы Высшего арбитражного суда РФ за 2009 год и стратегия развития арбитражной системы РФ» (2009, 25 ноября). Взято 19 января 2021 г. с <http://www.garant.ru/interview/213610>.

³ Суд публично признал давление сверху. Руководство российской судебной системы впервые признало факт давления на суд со стороны администрации президента РФ. Об этом сообщила первый заместитель председателя ВАС Елена Валявина (2008, 13 мая). Взято 21 января 2021 г. с <https://iq.hse.ru/news/177681279.html>.

⁴ Bonet P. (2009). «En Rusia mandan los órganos de seguridad, como en la época soviética». Взято 23 января 2021 г. с http://elpais.com/diario/2009/08/31/internacional/1251669606_850215.html.

⁵ Судья КС России, критиковавший Кремль, уходит в отставку. (2009, 2 декабря). Взято 22 января 2021 г. с https://www.bbc.com/russian/russia/2009/12/091202_ks_dismissal.

⁶ Налбандян Л. (2009, 27 октября). Судья Кононов: «Независимых судей в России нет». Взято 23 января 2021 г. с <https://sobesednik.ru/interview/kononov-sb-41-09>.

⁷ Задорожный А. (2019, 29 марта). «Что не так с судом в России. И как это можно исправить». Выступление ректора Европейского университета в Санкт-Петербурге Вадима Волкова. Взято 25 января 2021 г. с https://www.znak.com/2019-03-29/chto_ne_tak_s_sudom_v_rossii_i_kak_eto_mozhno_ispravit.

⁸ Там же.

⁹ Секерина Т.В. (2019). Публичное видеобращение судьи Волжского городского суда. Взято 17 марта 2021 г. с <https://www.youtube.com/watch?v=nMddR9CfngU>.

¹⁰ Верховный суд не вернул мантию судье, пожаловавшейся на высокую нагрузку и давление руководства (2018, 15 января). Взято 16 января 2021 г. с <https://pravo.ru/news/view/147165>.

¹¹ Малкова М. (2019, 29 января). Двойные стандарты, искажение данных и давление по громким делам. Стало известно, за что хотят лишиться полномочий председателя Центрального райсуда Челябинска. Взято 14 января 2021 г. с https://www.znak.com/2019-01-29/stalo_izvestno_zh_chto_hotyat_lichit_polnomochiy_predsedatelya_centralnogo_raysuda_chelyabinska.

¹² Петрова А. (2019, 22 ноября). Сочинский экс-судья Дмитрий Новиков получил статус адвоката. Взято 14 января 2021 г. с <https://www.kommersant.ru/doc/4169991>.

¹³ Определение судебной коллегии ВС РФ от 19.01.2005 по делу № 3-200/2004 по жалобе В. Ремизовой на заключение квалификационной коллегии судей Владимирской области от 11.02.2003 г. (дело № 86-Г04-15). Взято 15 января 2021 г. с <https://sudact.ru/vsrf/doc/sP811J2BLTIK/>.

ликов¹, Ольга Кудешкина², Татьяна Мирошникова³, Рамзия Лутфуллоева⁴. Жалобы на своих непосредственных руководителей, оказывающих давление по судебным делам, писали судьи Антон Долгов⁵, И.Г. Маркова, Е.А. Котлярова, О.А. Кокоева⁶, судьи Арбитражного суда Московской области⁷. Судья Елена Солопова на заседании ВККС прямо обвинила в давлении руководителей своего суда, после чего была лишена судейского статуса⁸. Как правило, достоянием публики такие факты становятся в случае, когда конфликт судей с руководителями судов заходит настолько далеко, что председатели судов направляют в Квалификационную коллегию запрос на лишение статуса несогласного судьи. Те или иные процессуальные нарушения допускают в своей работе все судьи, основанием для внесения квалификационных представлений и лишения статуса они становятся только в случае судей, не желающих подчиняться руководству. Как результат, международная комиссия экспертов даже высказала суждение, что российская система изнутри подвержена влиянию двух сил: страха и произвола⁹. Такие факты позволяют выдвинуть гипотезу о существенной зависимости судей, прокуроров и следователей от вышестоящего руководства. Проверка этой

гипотезы и явилась основной задачей проведенного социологического опроса.

Методология исследования

В качестве одного из инструментов проверки выдвинутой гипотезы возможно проведение социологического опроса, позволяющего дать внутреннюю оценку своей зависимости со стороны следователей, прокуроров и судей. Кто, как не они сами, может оценить степень и уровень собственной независимости и самостоятельности. Установление их личной позиции — важный эмпирический вклад в исследование проблемы. В связи с этим лаборатория политико-правовых исследований факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова провела масштабное анкетирование работников российской системы правосудия: судей, прокуроров, следователей.

Была разработана анкета, состоящая из 20 вопросов, которые имели несколько вариантов ответов (от 4 до 7). Помимо ответов, предложенных составителями анкеты, респонденты могли дать свой вариант. Личные идентифицирующие данные, подписи опрошенных лиц, анкеты не содержали.

Как основную проблему независимости судей, прокуроров и следователей составители анкеты расценивали вмешательство вышестоящего руководства в их процессуальную деятельность. Соответственно многие вопросы анкеты так или иначе были сформулированы с акцентом именно на внутрисистемный фактор отрицательного влияния вышестоящих руководителей на полноту, объективность и всесторонность действий основных акторов системы правосудия. Всего в ходе анкетирования было опрошено 1231 человек должностных лиц системы правосудия (прокуроров, следователей, судей). Они заполняли анкеты по месту работы в период с мая 2018 г. по апрель 2019 г.

Авторы статьи не могут не констатировать определенные методологические недостатки в формулировании вопросов анкеты, их прямолинейный характер, смешение институционально разнородных акторов, что способно снизить релевантность ответов респондентов. При этом наличие «открытых» ответов позволяло респондентам выразить собственную точку зрения на проблему, не ограничиваясь формулировками авторов анкеты. В целом полученные результаты, с нашей точки зрения, позволяют оценить внутреннее отношение судей к исследуемой проблеме, что в совокупности с использованием других методов позволяет по-

¹ Полудина В. (2011, 14 февраля). Насколько судья в России защищен от давления? Взято 15 января 2021 г. с https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2011/02/14/naskolko_sudya_v_rossii_zaschischen_ot_davleniya.

² Корня А. (2009, 14 августа). Ольга Кудешкина победила окончательно. Взято 15 января 2021 г. с <https://www.vedomosti.ru/library/articles/2009/08/14/olga-kudeshkina-pobedila-okonchatelno>.

³ Мирошникова Т.Г. (2013). Судья Татьяна Мирошникова ушла в отставку из-за оказанного на нее давления. Взято 21 июля 2023 г. с https://www.youtube.com/watch?v=_QoV-U-5Yuk.

⁴ Тяжелый случай: ВККС вернула должность председателя суда. Интернет-портал «Право». (2019, 25 июля). Взято 19 января 2021 г. с https://pravo.ru/news/213365/?desc_search=

⁵ URL: https://www.znak.com/2021-11-18/pochemu_sudya_s_urala_publichno_rasskazal_o_konflikte_vnutri_sistemy_i_chego_on_dobivaetsya.

⁶ Главу Челябинского суда, которой грозит отставка, заподозрили в махинациях с «мертвыми душами» / 74.ru. Челябинск-онлайн. 01.02.2019. URL: <https://74.ru/text/gorod/65900891/>.

⁷ Меркачева Е. (2012, 2 мая). Арбитражный суд-2. Служители Фемиды восстали против своего начальства. Взято 12 января 2021 г. с <https://www.mk.ru/social/2012/05/02/699824-arbitrazhnyy-zud-2.html>.

⁸ Иванов М. Судью лишили мантии за публикацию особого мнения в картотеке арбитражных дел // Legal. Report. 23.11.2017. URL: <https://legal.report/sudyu-lishili-mantii-za-publikaciyu-osobogo-mneniya-v-kartoteke-arbitrazhnyh-del/> (дата обращения 19.05.2021).

⁹ Состояние судебной системы в России. Доклад исследовательской миссии по судебной реформе в Российскую Федерацию 20–24 июня 2010 г. Женева. Швейцария. Ноябрь 2010 г. Взято 26 января 2021 г. с <https://www.hse.ru/data/2011/01/14/1208031240/Sostoyaniye%20судебной%20системы%20в%20России.pdf>.

лучить новую информацию о проблеме независимости ключевых институтов правосудия. Полученные результаты достаточно показательны и заслуживают внимания ученых, исследующих деятельность российских судей. В ранее опубликованных нами исследованиях показаны результаты опросов следователей (Воскресенский, Воскресенская, 2020a) и прокуроров (Воскресенский, Воскресенская, 2020b). В этой статье мы обратимся к результатам исследования опроса судей, предполагая, что они, отвечая на вопросы анкеты, в первую очередь оценивают собственную судебную систему. В их среде проблема независимости и самостоятельности всегда стоит достаточно остро, так как независимость судей — краеугольный камень функционирования судебной власти, главенствующий принцип, закрепленный в Конституции.

Описание исследуемой группы

Анкеты для заполнения были направлены в различные суды Российской Федерации, откуда поступило 175 анкет. Из Санкт-Петербургского городского суда поступило 32 анкеты. Из арбитражных судов Северо-Западного региона поступило 143 анкеты (арбитражные суды Тверской, Новгородской, Псковской, Калининградской, Мурманской областей, Республики Карелия, арбитражный суд Северо-Западного округа, 14-й апелляционный арбитражный суд (г. Вологда)). Из 175 обработанных анкет непосредственно судьями было заполнено 133 анкеты, которые и под-

вергаются анализу в настоящей статье. Региональное распределение по месту работы, следующее см. табл.

Санкт-Петербург	43
Псковская область	27
Республика Карелия	20
Калининградская область	17
Вологодская область	11
Мурманская область	5
Тверская область	4
Новгородская область	3
Не указали	3
Итого	133

Из 133 опрошенных судей большинство — 55,6% — имеют арбитражно-правовую, а 21,8% — гражданско-правовую специализацию. Это судьи арбитражных судов Северо-Западного региона. 23,3% имеют уголовно-правовую специализацию. Это судьи Санкт-Петербургского городского суда, специализирующиеся на рассмотрении уголовных дел. Некоторые судьи указали несколько специализаций. 77,4% старше 40 лет, 20,3% в возрасте от 30 до 40 лет и нет никого младше 30 лет. Все они достаточно долго работают на занимаемой должности: 60,9% свыше 10 лет, 20,3% от 5 до 10 лет. При этом общий стаж работы по юридической специальности даже значительнее: 82,7% — больше 15 лет, 13,5% — от 10 до 15 лет.

Результаты опроса

На рис. 1-5 представлен общий взгляд судей на исследуемую проблему, в том числе об уровне зависимости от вышестоящего руководителя

Рисунок 1

ОТВЕТЫ НА ВОПРОС О ТОМ, СУЩЕСТВУЕТ ЛИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ ПРОБЛЕМА НЕЗАВИСИМОСТИ (САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ) СУДЬИ, ПРОКУРОРА И СЛЕДОВАТЕЛЯ (ВОПРОС 7)

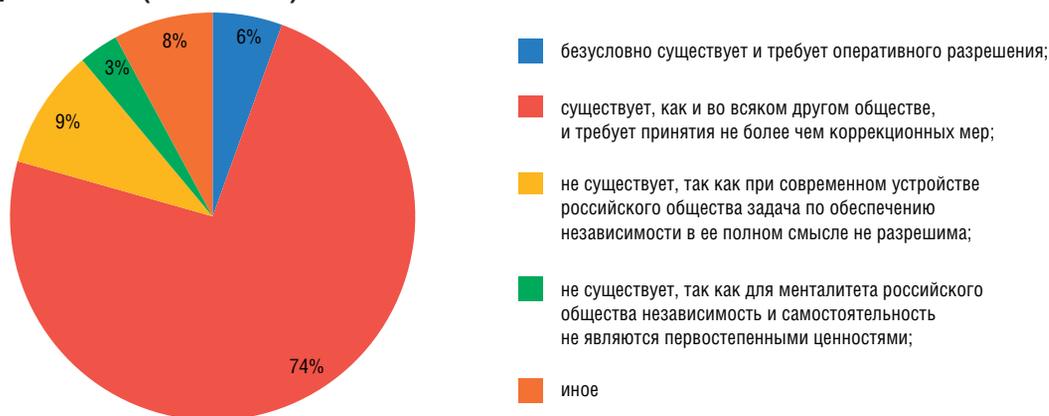
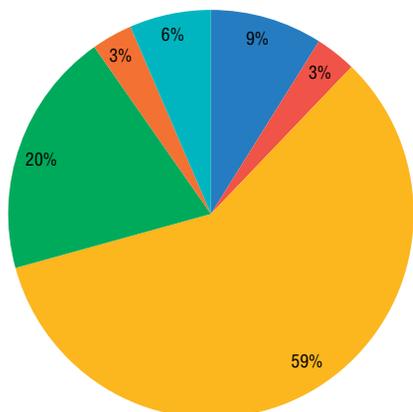

Рисунок 2

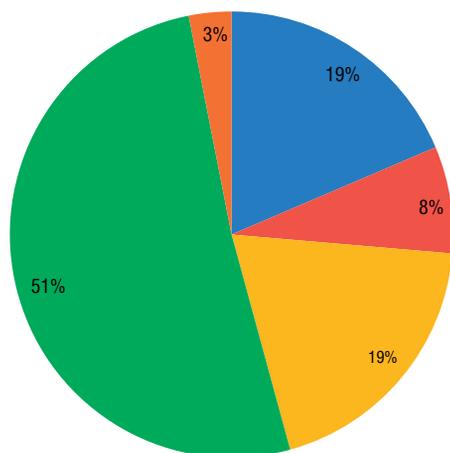
СТЕПЕНЬ РАСПРОСТРАНЕННОСТИ ПРОБЛЕМЫ НЕЗАВИСИМОСТИ (САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ) СУДЬИ, ПРОКУРОРА, СЛЕДОВАТЕЛЯ (ВОПРОС 8)

- встречается повсеместно, так как обусловлена несовершенством структуры органов юстиции и организации их деятельности;
- встречается достаточно часто, так как в большинстве случаев наблюдается неспособность судей, прокуроров и следователей в силу своих личностных (волевых) качеств отстаивать свою независимость (самостоятельность);
- встречается локально, так как судьи, прокуроры и следователи в основном противостоят внешнему влиянию;
- встречается локально, так как вызвана редкими случаями несоблюдения руководством следователей, прокуроров и судей их независимостью и самостоятельностью;
- встречается достаточно часто, так как несоблюдение руководством следователей, прокуроров и судей независимостью и самостоятельностью
- иное

Рисунок 3

ПОЗИЦИЯ РЕСПОНДЕНТОВ О ТОМ, В КАКОЙ ОБЛАСТИ ПРЕЖДЕ ВСЕГО ЛЕЖИТ ПРОБЛЕМА НЕЗАВИСИМОСТИ (ВОПРОС 9)

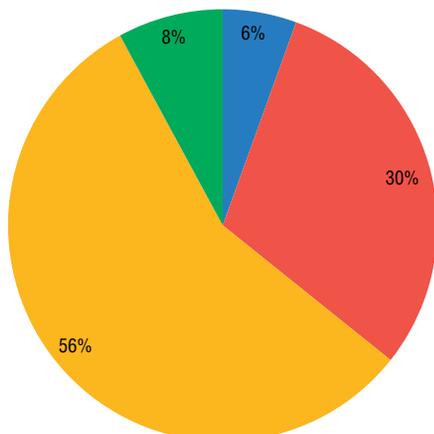

- правосознания, т.е. собственных представлений судьи, прокурора и следователя о степени своей свободы, самостоятельности и независимости;
- материально-технической обеспеченности их профессиональной деятельности и размера заработной платы;
- административно-организационного устройства правоохранительной системы в целом и каждого ее органа (учреждения) в отдельности;
- проблема не имеет общих причин, так как зависит от конкретных случаев нарушения независимости (самостоятельности) судьи, прокурора и следователя;
- иное

Четверо судей дали собственные ответы, указав, что исследуемой проблемы вообще не существует.

Рисунок 4

ОТВЕТ НА ВОПРОС О ТОМ, КАКОВ СУЩЕСТВУЮЩИЙ УРОВЕНЬ ВМЕШАТЕЛЬСТВА ВЫШЕСТОЯЩЕГО РУКОВОДИТЕЛЯ В ПРОЦЕССУАЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУДЬИ, ПРОКУРОРА И СЛЕДОВАТЕЛЯ (ВОПРОС 10)

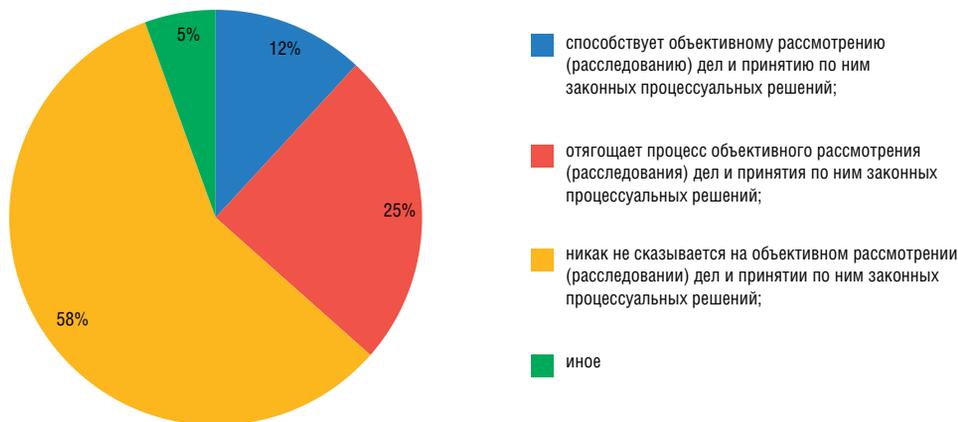

- высокий, так как, несмотря на гарантии независимости и самостоятельности, на деле доминируют отношения подчинения нижестоящего вышестоящему;
- приемлемый, так как следователь, прокурор, судья и их руководители выполняют одну и ту же работу;
- низкий, так как вмешательство вышестоящего руководства ограничено пределами закона по обжалованию решений нижестоящего следователя, прокурора или судьи;
- иное

Среди собственных ответов судей семь человек указали, что вмешательства вообще нет, один судья отметил, что у судей этот уровень низкий, а вот у следователя и прокурора высокий.

Рисунок 5

ОТВЕТ НА ВОПРОС О ТОМ, ЧЕМУ БОЛЬШЕ ВСЕГО СПОСОБСТВУЕТ СУЩЕСТВУЮЩИЙ УРОВЕНЬ ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВЫШЕСТОЯЩЕГО РУКОВОДИТЕЛЯ (ВОПРОС 11)

Помимо влияния руководства, исследовались и другие факторы, потенциально способные отрицательно повлиять на независимость и самостоятельность действий исследуемых акторов. Были предложены вопросы, посвященные оценке существующего уровня зависимости судьи, прокурора, следователя при рассмотрении (расследовании) дел от общественного мнения, средств массовой информации, а также органов государственной власти (рис. 6-8).

Примечательно, что на вопрос о значимости общественного мнения иные ответы дали 10,4%, согласно этим ответам, зависимости от общественного мнения нет вообще. Как мы видим, примерно поровну судей полагают, что уровень зависимости от общественного мнения приемлемый или низкий. Следовательно, данный фактор, по убеждению судей, не игра-

ет значительной роли при принятии того или иного решения. Такие результаты подтверждают уже отмечавшееся учеными достаточно прохладное отношение судей к позиции общества. Социологи Института проблем правоприменения Европейского университета в Санкт-Петербурге установили, что 9 из 10 судей убеждены, что не обязаны комментировать свои решения. Согласно их исследованию, мнение общества интересует всего треть судей (33%) (Волков и др., 2018).

Как мы видим на рис. 7, еще более низка зависимость от средств массовой информации. 11,1% (14 чел.) дали иные варианты ответа, согласно которым вообще никакой зависимости нет и такая проблема отсутствует, только один человек указал, что СМИ фактически оказывают давление, так как предъявляют требования к ожидаемому от судей решению.

Рисунок 6

УРОВЕНЬ ЗАВИСИМОСТИ СУДЬИ, ПРОКУРОРА И СЛЕДОВАТЕЛЯ ПРИ РАССМОТРЕНИИ (РАССЛЕДОВАНИИ) ДЕЛ И ПРИНЯТИИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ ОТ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ (ВОПРОС 12)

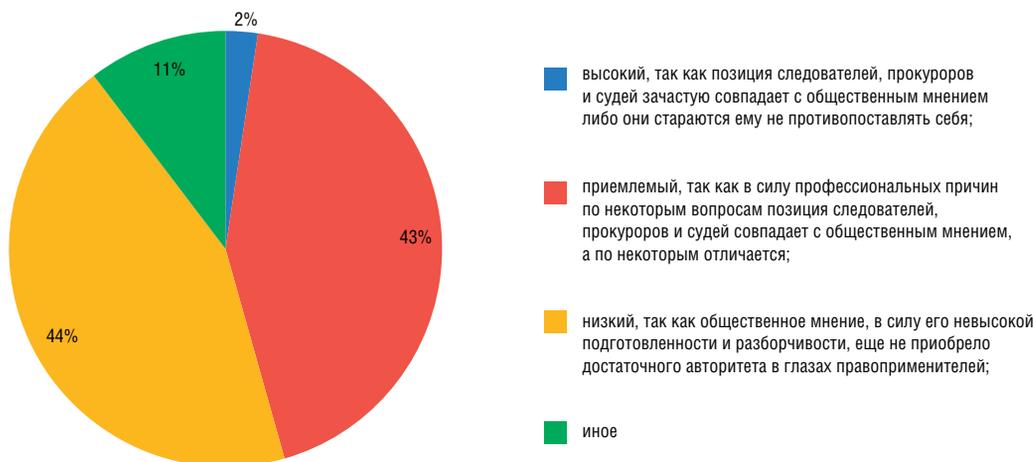

Рисунок 7

УРОВЕНЬ ЗАВИСИМОСТИ СУДЬИ, ПРОКУРОРА И СЛЕДОВАТЕЛЯ ПРИ РАССМОТРЕНИИ (РАССЛЕДОВАНИИ) ДЕЛ И ПРИНЯТИИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ ОТ ПОЗИЦИИ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ (ВОПРОС 13)

Рисунок 8

УРОВЕНЬ ЗАВИСИМОСТИ СУДЬИ, ПРОКУРОРА И СЛЕДОВАТЕЛЯ ПРИ ПРИНЯТИИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ ОТ МНЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ОРГАНОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ ФЕДЕРАЛЬНОГО, РЕГИОНАЛЬНОГО И МЕСТНОГО УРОВНЕЙ (ВОПРОС 14)

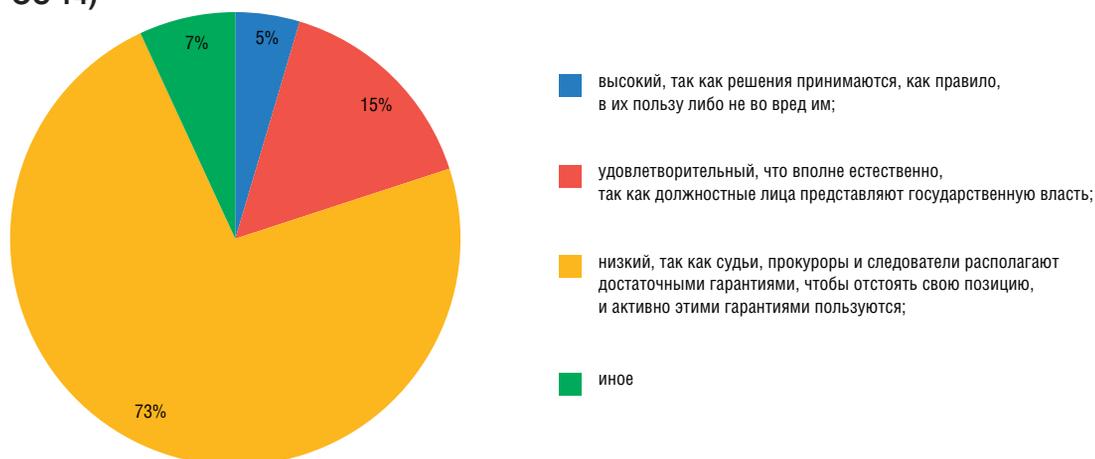

Рисунок 9

ОЦЕНКА УРОВНЯ ЛИЧНОГО УСМОТРЕНИЯ СУДЬИ, ПРОКУРОРА И СЛЕДОВАТЕЛЯ В СВОЕЙ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (ВОПРОС 17)

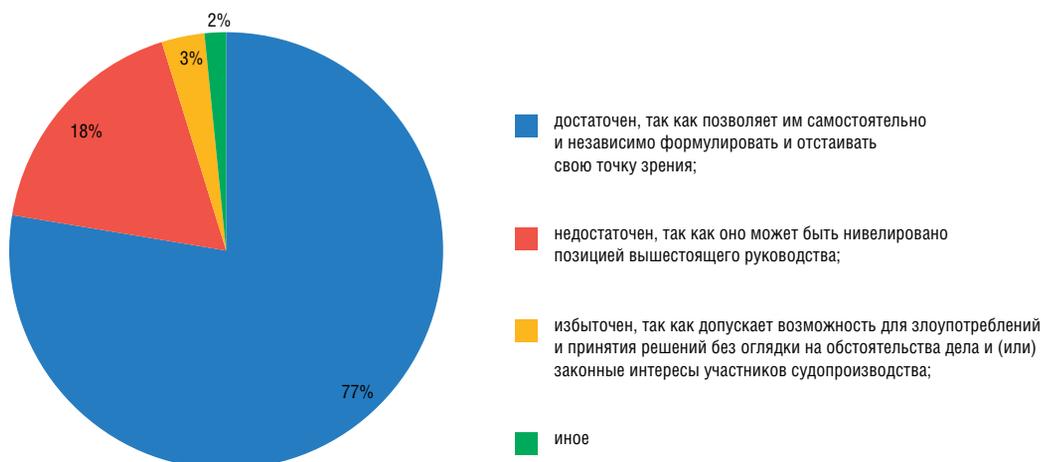

Рисунок 10

КАКИЕ ДЕЙСТВИЯ НАИБОЛЕЕ ЭФФЕКТИВНЫ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ НЕЗАВИСИМОСТИ (САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ) СУДЬИ, ПРОКУРОРА И СЛЕДОВАТЕЛЯ (ВОПРОС 18)

Рисунок 11

ЧАСТОТА НЕДОПУСТИМОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ПРОЦЕССУАЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СО СТОРОНЫ РУКОВОДСТВА (ВОПРОС 19)

Уровень зависимости от мнения должностных лиц органов и учреждений государственной власти федерального, регионального и местного уровня, согласно данным опроса, так же низок (рис. 8). Иные варианты ответов, которые сводятся к полному отсутствию зависимости и влияния, указали девять судей (6,9%). Только 4,6% (6 чел.) выбрали вариант ответа с высоким уровнем зависимости от власти.

Представленная на рис. 9 оценка уровня личного усмотрения судьи, прокурора и следователя в своей процессуальной деятельности показывает, что подавляющее большинство – 77,6% судей – считают уровень личного усмотрения судьи, прокурора и следователя в своей процессуальной деятельности достаточным,

так как он позволяет им самостоятельно и независимо формулировать и отстаивать свою точку зрения.

При ответе на вопрос о наиболее эффективных действиях для повышения уровня независимости (рис.10) мнения разделились. На него дано всего три собственных ответа, из которых двое предлагают ничего не менять и только один судья считает наиболее эффективным способом изменение порядка назначения судей.

Наконец, давая определение понятия независимости (рис.12), только 4,3 % выбрали вариант, предусматривающий вообще исключение какого-либо руководства над следователями, прокурорами и судьями. Среди собственных вариантов ответа судьи отметили: отсутствие какого-либо

Рисунок 12

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ, ПРОКУРОРА И СУДЬИ (ВОПРОС 20)

внешнего и внутреннего воздействия; гарантии невозможности наступления негативных последствий за высказанное мнение, принятое решение в рамках закона; ст. 5 АПК РФ; обеспечение верховенства права, оценка обстоятельств дела в соответствии с внутренними убеждениями.

Заключение

Проведенное эмпирическое исследование, в рамках которого были опрошены судьи арбитражных судов Северо-Западного округа и Санкт-Петербургского городского суда, показало следующее.

По мнению большинства респондентов, уровень личного усмотрения судьи, прокурора и следователя в их процессуальной деятельности достаточен и позволяет им самостоятельно и независимо формулировать и отстаивать свою точку зрения. Исследуемая проблема зависимости основных акторов системы правосудия от руководства не имеет каких-то общих конкретных причин, и сама по себе отнюдь не представляется респондентам острой (рис. 3). Большинство указало на ее локальность и невысокую значимость, так как судьи, прокуроры и следователи в основном противостоят внешнему влиянию (рис. 2). При этом все-таки четверть респондентов утверждают, что существующий уровень зависимости от руководителя отягощает объективное рассмотрение дел (рис. 5), кроме того, 19,4% в качестве опасного фактора указывают административно-организационное устройство правоохранительной системы в целом и каждого ее органа (учреждения) в отдельности (рис. 3), что имплицитно свидетельствует о наличии проблемы зависимости от вышестоя-

щего руководства. В совокупности 42% говорят о том, что в их практике все-таки было недопустимое вмешательство руководителей в процессуальную деятельность (рис. 11).

В целом же, по мнению судей, уровень вмешательства вышестоящего руководства в процессуальную деятельность судьи, прокурора и следователя достаточно низок и существующие механизмы обжалования дают возможность его скорректировать (рис. 4 и 9). При этом некоторые судьи согласны с ранее отмечавшимся нами фактом, что проблема гораздо более актуальна в отношении следователей и прокуроров и менее — в отношении судей (Воскресенский, Воскресенская, 2020а), что, собственно, и подтверждается представленным здесь результатом опроса судей, демонстрирующих гораздо более высокий уровень независимости, чем прокуроры и следователи, данные о которых анализировались нами ранее. Судьи обладают значительным запасом прочности и наличием гарантий, в том числе конституционных, позволяющих противостоять внешнему давлению.

Что касается других факторов, традиционно воспринимаемых как угрозы независимости, то результаты опроса показали их весьма незначительное влияние. Уровень зависимости от общественного мнения и средств массовой информации весьма мал, что, в общем-то, вполне предсказуемо, учитывая традиционно невысокое влияние этих институтов на функционирование государственных органов (рис. 6 и 7). Такие результаты подтверждают уже отмечавшееся учеными достаточно прохладное отношение судей к позиции общества

(Волков и др., 2018). Интересно отметить, что еще более низкий уровень зависимости, чем от СМИ и общественного мнения, позиционируется респондентами в отношении органов государственной власти (рис. 8), традиционно воспринимаемых гражданами в качестве основных выгодоприобретателей судебной деятельности.

В начале статьи мы приводили позицию общества и независимых экспертов, которые полагают, что уровень самостоятельности и независимости органов правосудия, включая судей, весьма невысок. При том что отдельные судьи регулярно публично заявляют о давлении со стороны власти и собственного руководства с целью склонить к принятию тех или иных судебных решений, приведенные оценки опрошенных судей рисуют гораздо более благоприятную картину, показывающую вполне достаточный уровень их независимости. Таким образом, результаты проведенного опроса весьма серьезно диссонируют с оценкой проблемы извне судейского сообщества и не позволяют считать подтвержденной выдвинутую гипотезу в отношении судей с помощью использованного метода их личного анкетирования.

С одной стороны, можно сделать вывод, что действительно, проблема независимости российских судей не оказывает существенного влияния на правосудие в России. То есть позиции отдельных судей, мнения экспертов и исследования ученых рисуют слишком мрачную картину, не отражающую в целом вполне приемлемый уровень самостоятельности российских судей. Однако такой взгляд противоречит и опросам граждан РФ — непосредственных «пользователей» системы правосудия. Их достаточно пессимистичная позиция требует от нас попытки обнаружения более глубоких интерпретаций результатов проведенного опроса. И дело даже не в недостатках методологического инструментария анкеты, слишком прямолинейный характер постановки вопросов в которой действительно способен отпугнуть респондентов, побуждая их давать социально одобряемые своей корпорацией ответы, возможно, не соответствующие внутренней личной позиции. С нашей точки зрения, данные судьями ответы на вопросы анкеты были вполне искренни и отражали их внутреннюю точку зрения.

Объяснение противоречия, с нашей точки зрения, лежит в институциональной плоскости исследуемого института судебной власти, являющегося, по нашему мнению, политическим

институтом. Для любых респондентов всегда очевидны угрозы их личной независимости, которая подразумевает принятие решений, не соответствующих личным убеждениям. Гораздо реже они осознают институциональную несамоостоятельность, предопределяющую часто неосознанное поведение, в том числе должностных лиц, не выходящее за рамки принятого в пределах той или иной социальной системы. Опытным судья не нужно давать прямых указаний, они руководствуются неписаными системными правилами¹. Если для следователей низкий уровень их личной независимости вполне очевиден (Воскресенский, Воскресенская, 2020а), то прокурорам картина видится гораздо более приемлемой (Воскресенский, Воскресенская, 2020b). Судьи же еще реже подвергаются прямому диктату руководителей, что обуславливает выражаемый ими в данных анкетах высокий уровень независимости.

Противоположный характер оценок общества и анкетированных судей, с нашей точки зрения, стал результатом смещения личной независимости, достаточно высокий в судейском сообществе, и институциональной самостоятельности. Последняя обусловлена кооптацией судейского сообщества в «силовой» блок органов государственной власти, для которого в первую очередь характерна ориентация на интересы государства, а не личности. Исходя из указанных особенностей для судей весьма важна самоцензура как добровольный выбор в предлагаемых обстоятельствах. В отличие от внешней цензуры, которая воплощает навязанную волю и воспринимается как давление и принуждение, что почти всегда приводит к сопротивлению, самоцензура судей ведет их к выбору тех решений, которые не вызывают конфликтов с системой.

В этом смысле навязывание решений в форме императивного диктата как таковое отсутствует, приобретая формы трудноуловимых внутрисистемных нарративов, которые сами судьи предпочитают не трактовать в прямолинейных терминах анкеты — «зависимость от руководства», «недопустимое вмешательство», «отношение подчинения нижестоящего вышестоящему», — явно акцентирующих внимание на зависимом положении рядовых судей. Факты взаимодействия

¹ Светова З. (2012, 29 мая). Российский судья самый зависимый на свете человек. Интервью заместителя председателя Волгоградского областного суда. URL: <https://newtimes.ru/articles/detail/52567> (дата обращения 14.05.2021).

с председателем суда, степень его влияния на принимаемые решения, трактуемая составителями анкеты в терминах «зависимости» и «подчинения», самими судьями воспринимается так далеко не всегда. Они предпочитают использовать термины «совет», «консультация», «передача опыта», что ставит влияние председателей судов на принимаемые решения в разряд нормы. Исследование Института проблем правоприменения ЕУСПб показало, что лишь 17% судей считают, что председатель суда не должен помогать разбираться в сложных вопросах (Волков, Дмитриева и др., 2018, с. 168). Другой механизм неформального контроля — институт кураторства¹. Для мировых судей ими назначают районного судью, каждый районный суд курируют в областном, а областной — в Верховном. Этот механизм не предусмотрен законом, но их деятельность описана во внутренних регламентах. Судьи советуются с ними в том числе по сложным политическим делам, связанным с нарушениями избирательного законодательства².

Прямые формы влияния могут оказаться ненужными, соответственно их использование избыточно в атмосфере, где понимание необходимости играть по неписаным правилам заведомо исключает «несистемное» поведение неговорчивых судей и «преобразует прямые формы воздействия в усовершенствованный и трудноуловимый код передачи и обмена материальных, информационных и властных ресурсов» (Леденева, Шушанян, 2008). Признание указанных культурных стандартов применительно к судьям в конечном счете определяет принадлежность к судейскому сообществу. Игнорирование же этих стандартов, тем более противодействие им неминуемо вызывает отторжение, принудительное исключение из профессионального сообщества в связи с нарушением солидарности в группе, что мы видим на вышеприведенных примерах судей, вынесших факты внутрисистемного давления в публичное пространство. В этом отношении российский судья независим лично, но не самостоятелен институционально, что интуитивно весьма ясно осознается гражда-

¹ Бушманов И. Синьоры и вассалы судебной системы. Не только власть в широком ее понимании, но и сами представители судебной системы пытаются постоянно манипулировать судьями // Адвокатская газета. 24.06.2016. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/senory-i-vassaly-sudebnoy-sistemy/> (дата обращения 10.06.2021).

² В квалификационную коллегия судей Тамбовской области направлена жалоба. 22.03.2017. URL: <http://tambov.rodina.ru/novosti/V-kvalifikacionnyu-kollegiyu-sudej-Tambovskoj-oblasti-napravlena-zhaloba> (дата обращения 10.06.2021).

нами, вызывая с их стороны негативные оценки степени уровня независимости и самостоятельности, который сами судьи в приведенном опросе оценивают вполне приемлемо.

Консолидация текущего состояния свидетельствует о недостатке политического сознания у российских судей, так как его критерий — уровень рефлексии, который сможет выявить реальный баланс и влияние.

Список литературы

1. Агузарова Т.К. Уголовно-правовое обеспечение независимости и неприкосновенности судей: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
2. Алексащенко С.В. Контрреволюция: Как строилась вертикаль власти в современной России и как это влияет на экономику. М.: Альпина-Паблицер, 2019.
3. Бабич А.В. Процессуальная самостоятельность и независимость следователя как основа его статуса в уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012.
4. Барсукова С.Ю. Неформальные основы формальных судебных решений (на примере арбитражной системы России) // Научные труды ДонНТУ. Сер. эконом. Вып. 37-1. 2009. С. 185-191.
5. Бочкарев С.А. Состояние независимости институтов правосудия в Российской Федерации: социологическое исследование // Российский журнал правовых исследований. № 1. 2019. С. 9-24.
6. Воскресенский Ф.А., Воскресенская Е.А. Самостоятельность и независимость следователей в системе правосудия (по результатам социологического исследования) // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. № 1-2 (130). 2020. С. 166-182.
7. Воскресенский Ф.А., Воскресенская Е.А. Исследование независимости и самостоятельности прокурорских работников: на материалах социологического опроса // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. № 3-4 (131). 2020. С. 180-207.
8. Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н. Российская судебная система в мнениях общества // Вестник общественного мнения. № 4 (106). 2010. С. 7-43.

9. *Корешникова Н.Р.* Основные правовые средства прокуратуры Российской Федерации как инструмент обеспечения исполнения законов: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010.
10. Российские судьи: социологическое исследование профессии / В. Волков, А. Дмитриева, М. Поздняков, К. Титаев. СПб., 2018.
11. Результаты радикальных реформ и проблема поддержки принципов и ценностей демократии в России / П.М. Козырева, А.И. Смирнов. М.: Новый Хронограф, 2015. 320 с. (Сер. «Российское общество. Современные исследования»).
12. *Леденева А., Шушанян Н.* Телефонное право в России // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. № 3 (95). 2008. С. 42-50.
13. *Моисеев В.В.* Актуальные проблемы России. Монография. М.: Директ-Медиа, 2014. 474 с.
14. Модернизация России: социально-гуманитарные измерения / под ред. акад. Н.Я. Петракова / Российский государственный научный фонд; Российская академия наук. М.; СПб.: Нестор-История, 2011. 448 с.
15. *Михайловская И.Б.* Суды и судьи: независимость и управляемость. М.: Проспект, 2013.
16. *Потапов Д.В.* Проблемы взаимодействия следователя, руководителя следственного органа и прокурора в досудебном производстве по уголовному делу: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2019.
17. *Сафонова Т.Ю.* Конституционно-правовое регулирование деятельности прокуратуры России как государственного органа с особым правовым статусом: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2011.
18. *Соломон Питер Г. мл.* Проблема независимости и подотчетности судей в Российской Конституции 1993 г. Международный доклад «Проблемы реализации Конституции» // Конституционный вестник. № 1 (19). 2008. С. 180-191.
19. *Шеломанова Л.В.* Независимость судей как конституционный принцип правосудия: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Орел, 2013.

Антон ОЛЕЙНИК

Каналы пропаганды и их сравнительная результативность: вторжение России на Украину

Введение

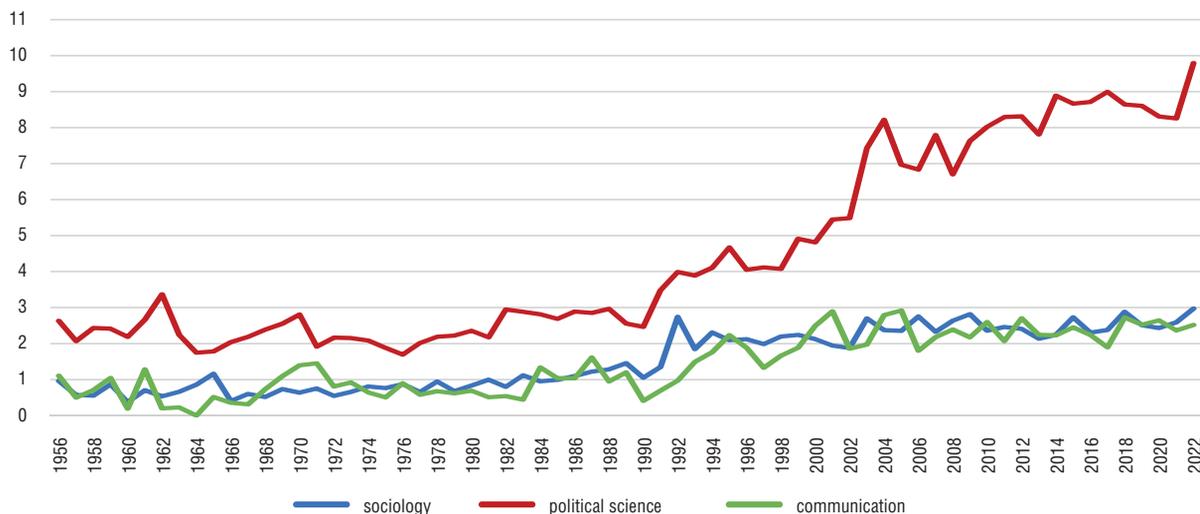
Хотя было бы неправильно сказать, что социологи пренебрегают войной как предметом исследования, они стали проявлять интерес к изучению войны сравнительно недавно (Wimmer, 2014). Доля научных публикаций в области социологии, метаданные которых (название, аннотация и ключевые слова) содержат слово «война», оставалась стабильной до конца 1980-х гг. В начале 1990-х она возросла в 2–3 раза, оставаясь после этого без существенных изменений (рис. 1)¹. Подобные тенденции характеризуют и ситуацию в области изучения коммуникации. Рост интереса к изучению войны в политических науках с конца 1980-х гг. был более заметным.

Война в Персидском заливе 1990–1991 гг., начатая возглавляемой США коалицией в от-

вет на вторжение Ирака в Кувейт, послужила вероятным толчком для активизации исследований на военную тематику. Не исключено, что вторжение России на Украину будет способствовать дальнейшей интенсификации исследований в этой области. Вторжение России на Украину имеет своим источником Революцию достоинства 2013–2014 гг. (Oleinik, 2018). Приоритизация вопросов достоинства указывает на возможные параллели с «арабской весной», массовыми протестами в Египте, Тунисе и других арабских странах как проявлением постколониальной потребности в достоинстве (El Bernoussi, 2015). Обретя формальную независимость в 1991 г., Украина тем не менее долгое время оставалась в сфере экономического и политического влияния России, ее бывшей метрополии. Россия отреагировала на Революцию

Рисунок 1

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ЧАСТОТА ПУБЛИКАЦИЙ, МЕТАДААННЫЕ КОТОРЫХ СОДЕРЖАТ СЛОВО «ВОЙНА», % ОТ ОБЩЕГО КОЛИЧЕСТВА ПУБЛИКАЦИЙ В ОБЛАСТИ СОЦИОЛОГИИ, КОММУНИКАЦИИ И ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК, ПРОИНДЕКСИРОВАННЫХ В WEB OF SCIENCE, 1956–2022 гг.

Источник: Web of Science, по состоянию на 11 апреля 2023 г.; расчеты автора.

¹ При интерпретации этих цифр необходимо иметь в виду присутствующие источнику информации ограничения: Web of Science индексирует прежде всего материалы в формате статей, а не монографий, написанных на английском языке, а не на других языках (Belaïd and Besagni, 2007).

достоинства, присоединив Крым и предоставив военную и иную поддержку сепаратистам в Донбассе. 24 февраля 2022 г. вторжение России на Украину стало полномасштабным, что привело к последующей аннексии подконтрольных сепаратистам частей Донбасса и некоторых частей Запорожской и Херсонской областей Украины.

Помимо двух воюющих сторон в войне России с Украиной, хотя и косвенно, участвуют и другие страны. Иран и Северная Корея, вероятно, поставляют оружие в Россию. Члены Контактной группы по обороне Украины, или «формата “Рамштайн”», отправляют на Украину военную технику. По состоянию на апрель 2023 г. в этой инициативе участвуют 54 страны.

Война имеет несколько измерений: военное, экономическое, информационное, социальное, экологическое и т.д. Пропаганда представляет собой информационное измерение войны (Lasswell, 1938: 9; Taylor, 2003: 5). Военная пропаганда здесь понимается как процесс передачи сформулированных обладающими властью лицами сообщений о войне целевой группе посредством СМИ и других каналов коммуникации (социальных сетей, слухов и т.д.). Сообщения о войне варьируются от политических заявлений до информации о ситуации, складывающейся на поле боя. В этой статье рассматривается исключительно информационное измерение войны.

Акцент на сообщениях, связанных с войной и исходящих от субъектов, наделенных властью, подразумевает ограничения на другие сообщения на те же темы. Первым СМИ отдают приоритет, а последние передаются с ограничениями или искажаются. Свобода СМИ как в России, так и в Украине во время войны ограничена, что создает питательную среду для пропаганды. Согласно Найтли (Knightley, 2003), ни одна современная война не освещалась объективно, а он в качестве точки отсчета использовал Русско-турецкую войну 1877–1878 гг.

Российское правительство ввело уголовную ответственность за распространение информации военного характера, не соответствующей его собственной позиции. С 4 марта 2022 г. в России стало уголовным преступлением публичное распространение, в том числе через социальные сети, «заведомо ложных сведений об использовании вооруженных сил Российской Федерации» в соответствии с поправками в Уголовный кодекс и ст. 31 и 151 УПК РФ. Кроме того, российское правительство запретило

гражданам доступ к интернет-сайтам, передающим отличную от официально утвержденной информацию, включая все западные социальные сети (Twitter, Facebook, Instagram) и большинство украинских СМИ². Доступ к Telegram, мессенджеру со штаб-квартирой в Дубае, ОАЭ, был заблокирован в период с апреля 2018 г. по июнь 2020 г., но впоследствии разблокирован. Telegram позиционирует себя как либертарианскую альтернативу методам регулирования и бизнес-моделям западных и российских социальных сетей (Nazaruk, 2022: 219).

Правительство Украины уделяет приоритетное внимание техническим ограничениям. Использование «единой информационной платформы» для распространения новостей о войне было введено в Украине с 24 февраля 2022 г. Крупнейшие телеканалы Украины — «1+1», «ICTV», «Украина», «24 канал» и «Интер» — формируют единую информационную службу, освещающую войну, «Єдині новини». Несколько других телеканалов — «Эспрессо», «Прямой» и «5 канал» — при этом были исключены из национальной сети цифрового вещания T2, оставаясь доступными для кабельных абонентов и онлайн. Доступ к ряду российских интернет-ресурсов был ограничен с апреля 2017 г. В их список входят российские социальные сети («ВКонтакте», «Одноклассники») и несколько СМИ³.

Предлагаемое исследование направлено на оценку сравнительной результативности различных каналов пропаганды, от традиционных СМИ до цифровых медиа. Исследовательский вопрос заключается в следующем: по каким каналам пропаганды сообщения политических лидеров о войне передаются с меньшими искажениями? Традиционные СМИ представлены газетами и телевидением. К «новым», или «цифровым», СМИ относятся новостные онлайн-порталы, социальные сети и онлайн-мессенджеры, такие как Telegram (Soroka and Wlezien, 2022: 14).

Социологические исследования войны

Согласно Уиммеру (Wimmer, 2014), основу текущей повестки дня социологических исследований войны составляют четыре темы:

² Постоянно расширяющийся список запрещенных интернет-ресурсов размещен на сайте Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, URL: <https://blocklist.rkn.gov.ru/>.

³ Данный перечень приложен к указу президента от 28 апреля 2017 г., URL: <https://www.president.gov.ua/documents/1332017-21850>.

ведущие к войне исторические события; организационные причины и последствия войны; влияние войны на политическую легитимность, культуру и нацию; роль политической власти и ее различных конфигураций. Предлагаемое исследование военной пропаганды касается первой и третьей из этих тем.

С одной стороны, война в России отражает противостояние между империей и национальным государством, nation-state, как двумя альтернативными моделями политической и социальной организации (Олейник, 2018). Именно возникновение национального государства в Украине вызвало попытки России восстановить свой контроль над этой бывшей территорией Российской/советской империи военными средствами (Kordan, 2022). Период российского вторжения в Украине совпал с непрерывным ростом популярности поиска информации об империи на украинском языке в Интернете (рис. 2). В России пик интереса к поиску такой информации пришелся на 2017 г. Предлагаемое исследование способствует лучшему пониманию взаимосвязи (нео)колониализма и войны.

С другой стороны, становление национального государства связано с укреплением национального самосознания. По словам Смита, война часто имеет именно такой эффект. «Длительные и тотальные военные действия, как правило, усиливают национальное или этническое самосознание ... и, несомненно, обе-

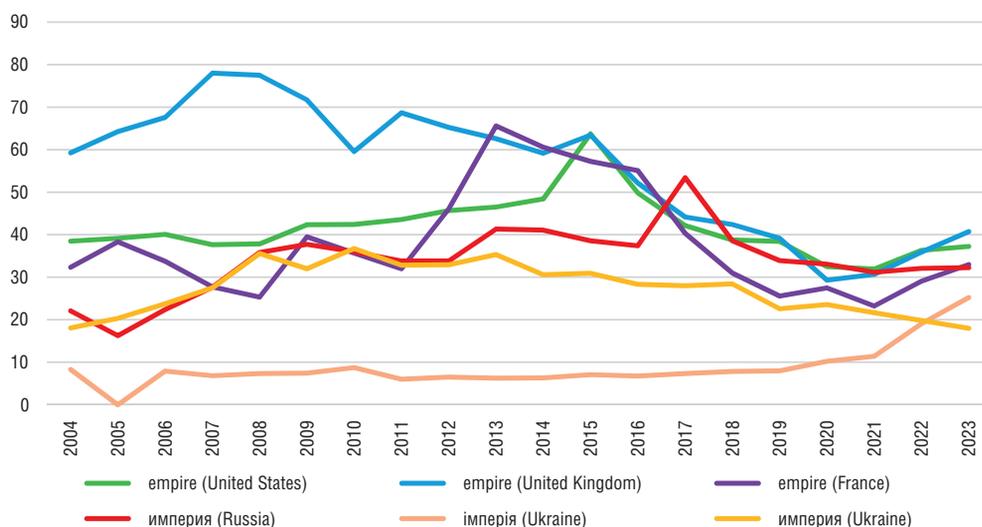
спечивают фонд пропагандистских образов и стереотипов, которые правительственные учреждения могут использовать в военных целях» (Smith, 2004: 169). Предлагаемое исследование помогает увидеть, действительно ли существует связь между войной и национальным самосознанием.

Социологи признают, что война — ключевой фактор в создании государства (Tilly, 1985; Mann, 1986). Например, военное поражение часто ускоряет переход к современной модели государства. Согласно гипотезе оборонительной модернизации, шок от военного поражения создает мощные стимулы попытаться догнать победителя путем реформирования вооруженных сил, затем системы образования, затем промышленности и т.д. (Badie, 1992: 129; Malia, 1999: 31–32; Joas, 1999: 461). Имперские войны представляют собой особый случай взаимосвязи между войной и становлением государства, выводя на первый план территорию и рынок как альтернативные основания государственного управления (Foucault, 2007).

Империя изначально имеет территориально неограниченную политическую власть в качестве своей основы (Longo, 2017: 757). Таким образом, классический империализм реализуется через территориальную экспансию. Империя также может воспроизводить себя посредством экономического господства. При этом сценарии контроль империи над рыночными обменами

Рисунок 2

ПОПУЛЯРНОСТЬ ПОИСКОВЫХ ЗАПРОСОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЛОВА «ИМПЕРИЯ» И ЕГО ЭКВИВАЛЕНТОВ, УКРАИНА, РОССИЯ, США, ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И ФРАНЦИЯ, 2004–2023 гг.

Источник: Google Trends, по состоянию на 11 апреля 2023 г. Значение 100 соответствует максимальной популярности термина поиска. Поскольку на Украине используются как украинский, так и русский языки, результаты для украинской и русской версии термина поиска указаны отдельно.

заменяет или дополняет контроль над территорией. Господство, основанное на контроле над рыночным обменом, интерпретируется в терминах неокOLONиализма (Nkrumah, 1965; Charle, 1966; Brunschwig, 1973; Langan, 2015; Segell, 2019), мир-экономики (Wallerstein, 2004: 17) или глобализации (Banerjee and Linstead, 2001: 694). Превращение колониализма в неокOLONиализм не кладет конец войнам (Joas, 1999; Go, 1999). Войны помогают империи либо обеспечить контроль над ресурсами и (или) рынками, либо сдерживать другую империю, избегая при этом прямой конфронтации, как в случае локальных войн (Nkrumah, 1965: xi).

Информационное измерение имперских войн также имеет свои особенности. Каждая империя стремится представить себя просвещенной (Sartre, 2001; Said, 2003). Соответственно имперские войны ведутся в интересах тех, кто якобы не способен управлять собой, что объясняет важность дискурсивной составляющей этих войн. Таким образом, истинные причины начала имперских войн, как правило, маскируются. Под дискурсом здесь понимается «организованный и узнаваемый способ преднамеренной передачи информации или знаний от одного человека к другому» (Said, 1975: 298). И определяемый таким образом дискурс, и пропаганда относятся к целенаправленной передаче информации, которая приносит пользу обладателям власти. «Пропаганда использует коммуникацию для передачи сообщения, идеи или идеологии, которые предназначены в первую очередь для удовлетворения личных интересов человека или людей, осуществляющих коммуникацию» (Taylor, 2003: 7; см. также Lasswell, 1938: 9; Ellul, 1973: 269). Эта цепочка рассуждений предполагает, что по сравнению с другими войнами пропаганда приобретает особое значение именно в контексте имперских войн.

При исследованиях пропаганды требуется уделять особое внимание вопросам результативности. Как заметил Эллиуль (Ellul 1973: x), «тот, кто занимается [пропагандой], заботится исключительно о ее результативности». Результативность следует отличать от эффективности (Bouckaert & Halligan, 2008: 15–18). Эффективность относится к соотношению «входа» и «выхода» (соотношению затраченных на пропаганду ресурсов и ее «результатов»: публикаций, количества рекламы и т.д.). Оценка результативности требует сравнения результатов и отдачи. Отдачу можно операционализировать как оценку либо масштабов воздействия на целе-

вую группу сформулированных властвующими лицами сообщений, либо изменений, вызванных этими сообщениями во мнении членов целевой группы. Распространяется ли сообщение среди целевой группы с минимальными искажениями? В какой степени мнение членов целевой группы меняется в сторону, выгодную власть имущим?

Данные и методологическая триангуляция

Для изучения результативности военной пропаганды в зависимости от канала, используемого для передачи сообщения политического лидера, необходимо собрать и обработать данные: а) у ее источника, т.е. выступления политических лидеров в вовлеченных в войну странах; б) во время их передачи посредством традиционных и цифровых СМИ; в) у ее целевого назначения, т.е. относящиеся к восприятию целевой аудиторией сообщений политических лидеров. Такие требования объясняют выбор смешанной методики исследования, включающей элементы триангуляции данных и методологической триангуляции.

Триангуляция данных предполагает использование данных из нескольких источников, тогда как методологическая триангуляция означает объединение нескольких методов при обработке данных (Perlesz and Jo, 2003). Браннен (Brannen, 2005) выделяет четыре возможных результата триангуляции: подтверждение, уточнение, дополнение и противоречие. Каждый из этих исходов потенциально информативен.

Политические и медийные дискурсы о вторжении России на Украину (текстовые данные) исследуются с использованием методов контент-анализа. Контент-анализ берет свое начало в изучении пропаганды времен Второй мировой войны (Krippendorff, 2004: 19–20; Lasswell and Leites, 1949). Реакция общества на сообщения политических лидеров оценивалась с помощью массовых опросов. Данные опросов были обработаны с помощью регрессионного анализа, а именно бинарной статистической регрессии. Уровень измерения переменных (номинальный) и более мягкие, чем в случае множественной линейной регрессии, допущения (нет требования нормальности распределения) объясняют выбор бинарной статистической регрессии (Warner, 2013: 1007).

Аналогичный дизайн исследования, предполагающий сочетание контент-анализа и данных опросов, использовал Харт (Hart, 2018; 2020) в своих исследованиях политического

и медийного дискурсов в США. Поскольку собранные данные относятся к разным этапам процесса пропаганды, ожидается, что результаты контент-анализа и статистического анализа данных опроса не совпадут. При выбранном дизайне исследования искомым результатом триангуляции становится взаимное дополнение.

В отличие от исследований Харта предложенный анализ имеет сравнительное измерение. Данные были собраны в нескольких странах. В условиях войны сбор данных в одной стране чреват предвзятостью и делает интерпретацию данных затруднительной, что отнюдь не означает, что все стороны военной конфронтации должны быть поставлены на одну доску. Текстовые данные были получены в пяти странах: в двух воюющих сторонах, в США, Великобритании и во Франции. Последние три страны — члены «формата “Рамштайн”». Речи о вторжении, произнесенные в первый год войны (с 24 февраля 2022 г. по 24 февраля 2023 г.) президентом Украины Владимиром Зеленским (443 626 слов), президентом России Владимиром Путиным (113 436 слов), президентом США Джо Байденом (56 755 слов), премьер-министрами Великобритании Борисом Джонсоном, Лиз Трасс и Риши Сунаком (30 874 слова), президентом Франции Эмманюэлем Макроном (21 608 слов), а также стенограммы соответствующих дебатов в национальных законодательных органах, украинской Раде (695 688 слов), российской Думе (2 063 606 слов), Конгрессе США (6 619 784 слова), Парламенте Великобритании (2 282 241 слово) и Национальной ассамблее Франции (1 768 992 слова) были взяты с официальных веб-сайтов.

Помимо корпуса политических дискурсов о войне в каждой из пяти стран были созданы массивы медийных дискурсов о вторжении. В Украине, в России и США массивы включают как минимум один телеканал, как минимум одну газету или информационное агентство, как минимум один новостной онлайн-портал и как минимум одно средство массовой информации, известное властям своей оппозиционностью. Массивы медиадискурсов содержат либо новостные ленты, посвященные войне, либо новостные ленты/стенограммы передач, содержащие два ключевых слова: «Украина» и «война» («военная операция» в российском случае)⁴.

⁴ Использование термина «война» в России официально запрещено в контексте вторжения России в Украину.

В Украине выборка включает пять СМИ: участвующий в телемарафоне «Єдині новини» телеканал «ICTV» (3 189 083 слова), крупнейший новостной интернет-портал «Українська правда», УП, (1 944 117 слов), новостной интернет-портал «Лига» (854 798 слов), информационное агентство «РБК-Україна» (12 729 188 слов) и известный своей пророссийской позицией интернет-портал «Страна» (2 230 631 слово). В России выборка включает шесть СМИ: «Первый канал» (855 113 слов), новостной интернет-портал «Газета.ру» (1 417 140 слов), деловую газету «Коммерсантъ» (1 206 092 слова), известную своей провластной позицией газету «Известия» (548 718 слов), оппозиционное СМИ «Медуза» (6 049 475 слов) и социальную сеть «ВКонтакте» (11 307 119 слов). В Соединенных Штатах выборка включает пять СМИ: CNN (5 334 480 слов), газеты New York Times (14 039 613 слов), Washington Post (3 440 847 слов) и USA Today (338 516 слов), а также известный своей критикой президента Байдена телевизионный канал Fox News (8 904 664 слова). В Великобритании и Франции было проанализировано только одно средство массовой информации в каждой: The Times (6 544 529 слов) и Le Monde (3 601 132 слова) соответственно.

Контент-анализ текстовых массивов проводился с использованием четырехязычного украино-русско-англо-французского словаря, содержащего 323 категории. Каждая категория состоит из нескольких слов и *n*-грамм. Словарный подход к контент-анализу использовали Сорока и Влещин (Soroka and Wleziен, 2022), а также Харт (Hart, 2020). Список категорий имеет два источника. С одной стороны, существующая литература указывает на необходимость включения таких категорий, как «потери» (Gartner, 2004; Lasswell, 1938: 111), «война», «мир», «насилие», «агрессия» (Lukin, 2013: 428–430), «героизм» (Lasswell, 1938: 98), имена лидеров противоборствующих стран (Shlapentokh, 1984: 92) и т.д. С другой стороны, в словарь были добавлены наиболее часто встречающиеся слова в корпусах политических и медийных дискурсов: «Россия», «русский», «Украина», «украинец», «Киев» (столица Украины) и др.

Частота включенных в словарь слов рассчитывалась для каждого из 28 корпусов (выступлений пяти политических лидеров, дебатов в пяти национальных законодательных собраниях, в 18 СМИ), взятых по отдельности, для корпуса речей политических лидеров в целом

и для каждой из пяти стран. Совокупный показатель для группы/страны, разделенный на общее количество слов, рассматривался в качестве ожидаемой частоты F_e . Частотности слов в конкретном корпусе принимались в качестве наблюдаемых частот F_o . Все частоты были нормированы на длине документов ввиду ее высокой изменчивости. Разность $(F_o - F_e)$, деленная на стандартное отклонение, использовалась в качестве критерия для оценки относительной распространенности слов в речах политического лидера или в освещении войны тем или иным средством массовой информации, что является эквивалентом d Коэна, меры величины эффекта (Шалак, 2004; Warner 2013: 104–105). Слова с индексом величины эффекта, превышающим уровень существенной значимости, $|0,8|$, были включены в короткий список и использованы в сравнениях. Отрицательные значения d указывают на тенденцию источника избегать использования определенных слов. Аналогичный подход применялся и в ряде других исследований (Oleinik, 2023; Savoy, 2016).

Наконец, информация для анализа была получена с помощью двух опросов, проведенных Киевским международным институтом социологии в июле 2022 г. с использованием репрезентативной для населения Украины выборки ($N = 2000$)⁵ и Левада-центром в феврале 2023 г. с использованием репрезентативной для населения России выборки ($N = 1626$)⁶. Поскольку автор проводил вторичный анализ данных, формулировки некоторых вопросов, заданных в двух странах, не были идентичными. Оба опроса содержат вопросы о временно оккупированных Россией территориях, что позволило дополнить результаты контент-анализа результатами бинарной логистической регрессии, как показано в следующем разделе. Российский опрос включал открытый вопрос о том, как респондент объясняет, почему Россия вторглась на Украину. Ответы на этот вопрос (7723 слова) были проанализированы с исполь-

⁵ В выборку не было включено население временно оккупированных Россией территорий. Автор признателен докторам Анне Печенкиной, Остину Куппе (Университет штата Юта) и Даниэлю Сильверману (Университет Карнеги — Меллона) за разрешение использовать ответы на некоторые вопросы, включенные в опрос по их просьбе (Kuppre, Austin J., Anna O. Pechenkina, and Daniel M. Silverman. N.d. "Civilian Mindsets and Attitudes Toward Peace in Wartime: Evidence from Ukraine." Working paper).

⁶ Автор выражает благодарность сотрудникам Левада-Центра, профессору Льву Гудкову за любезное разрешение использовать этот набор данных и Оксане Гребень за его подготовку для вторичного анализа.

зованием описанных выше методов, что представляет собой еще одно измерение триангуляции. Список использованных в регрессионном анализе переменных не был полностью идентифицирован — в этом дополнительное ограничение проведенного анализа.

Полученные результаты

Тринадцать категорий, как представляется, отличают дискурс В. Путина о войне от дискурсов других четырех политических лидеров: Донецкая и Луганская Народные Республики, ДНР и ЛНР (территории Украины, аннексированные Россией в сентябре 2022 г. после многолетней военной поддержки сепаратистов), Донбасс (название более крупного региона Украины, включающего ДНР и ЛНР), фашизм, рынок, военная операция, нефть и газ, мир, власти, Россия, советский, территория и Запад. Этим категориям В. Путин уделял значительно больше внимания, чем другие лидеры. Все соответствующие значения d превышают пороговое значение $+0,8$.

Постоянный акцент В. Путина на Донбассе, а также на ЛНР и ДНР особенно актуален для интерпретации российского вторжения на Украину как имперской войны. Донбасс В. Путин рассматривает как неотъемлемую часть имперской России, существовавшей до революции 1917 г. Статус Донбасса как украинской территории представляется ему исторической ошибкой, которую нужно исправить военными средствами:

«В результате большевистской политики и возникла Советская Украина, которую и в наши дни можно с полным основанием назвать "Украина имени Владимира Ильича Ленина". Он ее автор и архитектор. Это целиком и полностью подтверждается архивными документами, включая жесткие ленинские директивы по Донбассу, который буквально втиснули в состав Украины» (21 февраля 2022 г.)⁷.

«Сегодня ополченцы Донбасса вместе с бойцами армии России сражаются на своей земле, где разили врага дружинники Святослава и Владимира Мономаха, солдаты Румянцева и Потемкина, Суворова и Брусилова, где на смерть стояли герои Великой Отечественной войны — Николай Ватутин, Сидор Ковпак, Людмила Павличенко. Обращаюсь сейчас к нашим Вооруженным Силам и к ополченцам

⁷ URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67828>, аналогичные утверждения были сделаны В. Путиным в его выступлении 1 сентября 2022 г. (<http://kremlin.ru/events/president/news/69245>).

Донбасса. Вы сражаетесь за Родину, за ее будущее, за то, чтобы никто не забыл уроков Второй мировой. Чтобы в мире не было места палачам, карателям и нацистам... В открытую шла подготовка к очередной карательной операции на Донбассе, к вторжению на наши исторические земли, включая Крым» (9 мая 2022 г.)⁸.

Президент Зеленский в своих выступлениях на военную тематику расставил иные акценты. Он чаще, чем другие политические деятели, упоминает следующие 18 категорий: оборона, враг, свобода, Харьков, освобождение, жизнь, Мариуполь, ракета, оккупация, мир, санкции, обстрелы, государство, террор, Украина, украинцы, победа, война. Акцент В. Зеленского на оккупации представляет особый интерес. С одной стороны, величина разницы $d_{\text{Зеленский}} - d_{\text{Путин}}$ для категории «оккупация» (+12,11) уступает только соответствующей величине для категории «Украина» (+16,06). Различие между дискурсами В. Зеленского и В. Путина максимально именно для категорий «Украина», «оккупация» и «война» (+11,65). С другой стороны, акцент В. Зеленского на оккупации Россией территорий Украины свидетельствует о национально-освободительном характере войны. Для него происходящее — это война за национальное освобождение. Украинская национально-освободительная война ведется в ответ

на начатую Россией имперскую войну. Владимир Зеленский нацелен на восстановление контроля Украины над территориями, которые в настоящее время оккупированы российскими войсками:

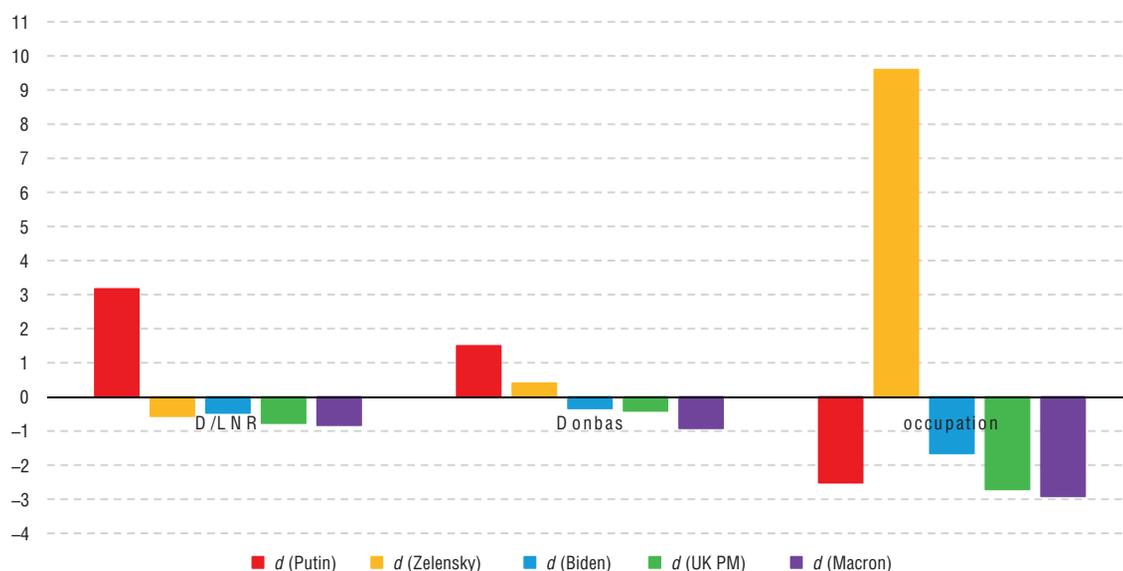
«Это особый героизм — протестовать, когда твой город временно оккупирован. Пусть и временно. Когда нет оружия, а тебе отвечают выстрелами. А ты не бежишь. Когда у тебя нет бронжилета, а на тебя едет БТР. Но ты не отступаешь. Именно поэтому оккупация — это временно. Она искусственна (штучна)» (5 марта 2022 г.)⁹.

«Вы выйдете на наши границы — на все ее участки. Увидите наши рубежи и вражеские спины. Увидите, как сияют глаза наших людей и пятки оккупантов. Они назовут это “жестами доброй воли”. Мы назовем это победой» (11 сентября 2022 г.)¹⁰.

В речах президента Байдена, в которых упоминается война, выделены следующие категории: закон, НАТО, народ, Путин, Россия, Украина и Соединенные Штаты. При обсуждении войны премьер-министры Соединенного Королевства уделяют основное внимание энергетике, друзьям, правительству, вторжению, Киеву, НАТО, народу, Великобритании, Украине и В. Зеленскому. Связанные с войной речи президента Макрона отличают частые упоминания

Рисунок 3

ЗНАЧЕНИЯ D КОЭНА ДЛЯ ТРЕХ КАТЕГОРИЙ, ДЛНР, ДОНБАСС И ОККУПАЦИЯ, В ВЫСТУПЛЕНИЯХ О ВОЙНЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ РОССИИ, УКРАИНЫ, США, ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ФРАНЦИИ, ФЕВРАЛЬ 2022 Г. — ФЕВРАЛЬ 2023 Г.

⁸ URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/68366>. Аналогичные утверждения были сделаны В. Путиным в его выступлении 8 сентября 2022 г. (<http://kremlin.ru/events/president/news/69314>).

⁹ URL: <https://www.president.gov.ua/news/ukrayinci-ne-vidstupayut-ne-zdayutsya-ne-zupinyayut-sprotivu-73373>.

¹⁰ URL: <https://www.president.gov.ua/news/ce-zvernennya-hochu-prisvyatiti-tim-hto-muzhno-stoyit-200-dn-77701>.

Франции, закона, мобилизации, Молдовы и властей. Выступления Дж. Байдена, британских премьер-министров и Э. Макрона подробно не обсуждаются. Они используются в анализе в качестве точки отсчета, с помощью которой было установлено и измерено относительное преобладание трех категорий, имеющих отношение к интерпретации российского вторжения на Украину как имперского (рис. 3). То же самое касается массивов медийных дискурсов в США, Великобритании и Франции.

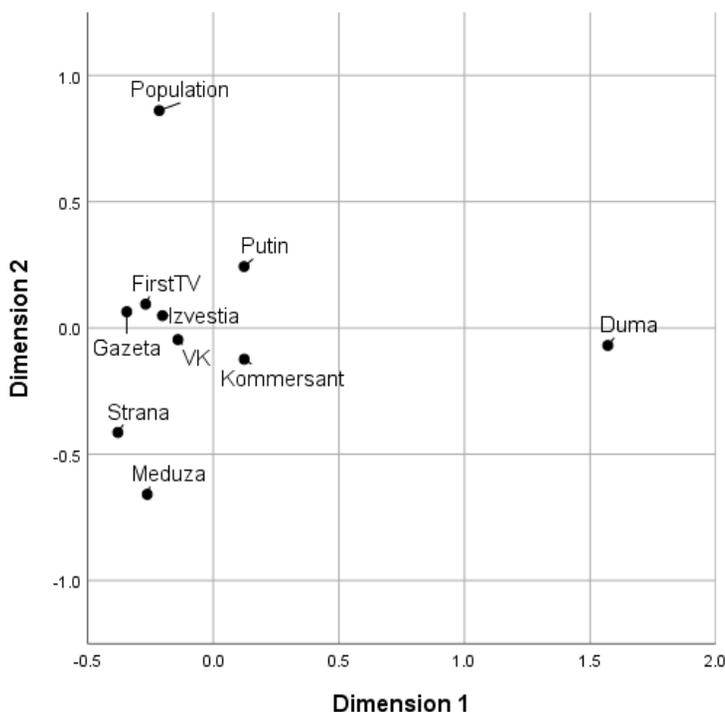
Используя косинус угла между парами векторов наблюдаемых частот включенных в словарь 323 категорий в качестве меры сходства (Jurafsky and Martin, 2008: Ch. 20), можно визуализировать дистанции между различными дискурсами о вторжении. Чем ближе точки на двумерной карте, тем больше похожи дискурсы, которые они представляют. Несколько русскоязычных СМИ передают рассуждения В. Путина о войне с наименьшими искажениями:

«Первый канал», «Коммерсантъ», «Известия» и «ВКонтакте» (рис. 4). Обращает на себя внимание близкое расположение социальной сети к точке, обозначающей выступления В. Путина о войне. Оппозиционные СМИ «Медуза» располагается ожидаемо дальше от дискурса российского президента (и дальше, чем единственное украинское СМИ, включенное в эту подвыборку из-за своей ориентации на русскоязычную аудиторию, «Страна»¹¹). Штабквартира «Медузы» находится в Латвии из-за статуса этого СМИ как нежелательной организации в России.

Для целей предлагаемого анализа необходимо более подробно рассмотреть позицию СМИ в отношении категорий, связанных с интерпретацией российского вторжения на Украину как имперской войны и войны за национальное освобождение. На данном этапе частоты категорий «Л/ДНР», «Донбасс» и «оккупация» в выступлениях президентов России и Украины

Рисунок 4

ДИСТАНЦИИ МЕЖДУ РУССКОЯЗЫЧНЫМИ ПОЛИТИЧЕСКИМИ, МЕДИЙНЫМИ И МАССОВЫМИ ДИСКУРСАМИ О ВОЙНЕ, ФЕВРАЛЬ 2022 Г. — ФЕВРАЛЬ 2023 Г., МНОГОМЕРНОЕ МАСШТАБИРОВАНИЕ

Легенда: PROXSCAL, Normalized Raw Stress: 0.011; Stress-I: 0.105.

¹¹ Хотя «Страну» критикуют за ее пророссийскую позицию в Украине, доступ к ее веб-сайту в настоящее время запрещен в России, поскольку в репортажах «Страны» о войне якобы содержится фейковая информация. Доступ к сайту «Медузы» также запрещен в России.

были приняты в качестве d при расчете значений d в подвыборках, включающих российские и украинские СМИ. Чем выше значения d , тем дальше освещение войны средством массовой информации имеет тенденцию отходить от установленных политическим лидером приоритетов. Похоже, что большинство российских СМИ усилили акцент В. Путина на Л/ДНР и передали его акцент на Донбассе без искажений (рис. 5). Только «Коммерсантъ» существенно уменьшил эти акценты. Дискурс законодателя имеет тенденцию быть по преимуществу юридическим и политико-экономическим (с преобладанием связанных с законотворчеством и бюджетированием терминов) во всех включенных в выборку странах, что объясняет удаленность соответствующих точек от других.

В случае с Украиной три СМИ — УП, РБК и Лига — усилили акцент В. Зеленского на оккупации (рис. 6). «ICTV» передал соответствующий акцент без изменений, поскольку значение d , равное $-0,75$, не превышает порогового уровня $|0,8|$. Освещение войны «Страной» существенно уменьшило акцент на оккупации украинских территорий Россией.

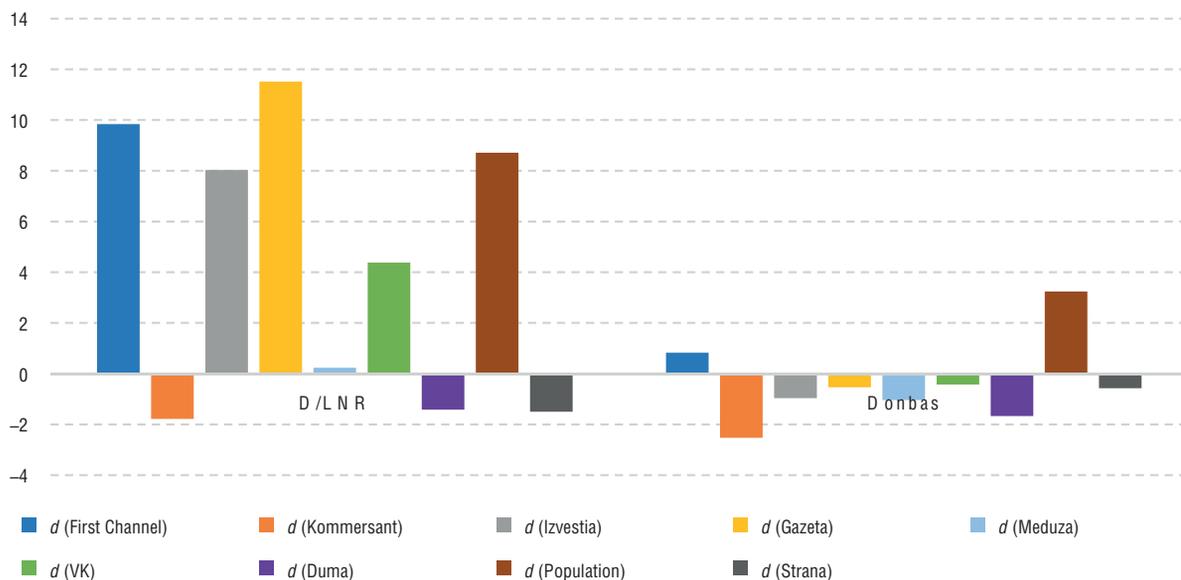
Акцент на Л/ДНР и Донбассе был воспринят населением России в усиленном виде ($d_{Л/Д}$

$d_{ДНР} = 8,89$ и $d_{Донбасс} = 3,16$). Вопросник в Украине не включал открытого вопроса о причинах российского вторжения, что ограничило возможности сравнений. Однако оба опросника, как в России, так и в Украине, включали сформулированные сходным образом вопросы об условиях, при которых может быть достигнуто мирное соглашение. Один из этих вопросов касается статуса Л/ДНР. 71,3% респондентов в России считают, что возвращение Л/ДНР Украине неприемлемо¹², что согласуется с заявленным В. Путиным обоснованием имперской войны. 88% респондентов в Украине считают, что согласие на сохранение контроля России над Л/ДНР неприемлемо¹³, что согласуется с представлением В. Зеленским войны как национально-освободительной. 12% респондентов в Украине придерживаются противоположного мнения, что совпадает с позицией В. Путина. Для сравнительного анализа были отобраны группы противников идеи возвращения Л/ДНР Украине в России и тех, кто принял идею контроля России над Л/ДНР в Украине.

Была также проведена бинарная логистическая регрессия, чтобы определить, существует ли связь между источниками информации,

Рисунок 5

ЗНАЧЕНИЯ d КОЗНА ДЛЯ ДВУХ КАТЕГОРИЙ, Л/ДНР И ДОНБАСС, В РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ И МАССОВОМ ДИСКУРСЕ О ВОЙНЕ, ФЕВРАЛЬ 2022 Г. — ФЕВРАЛЬ 2023 Г.

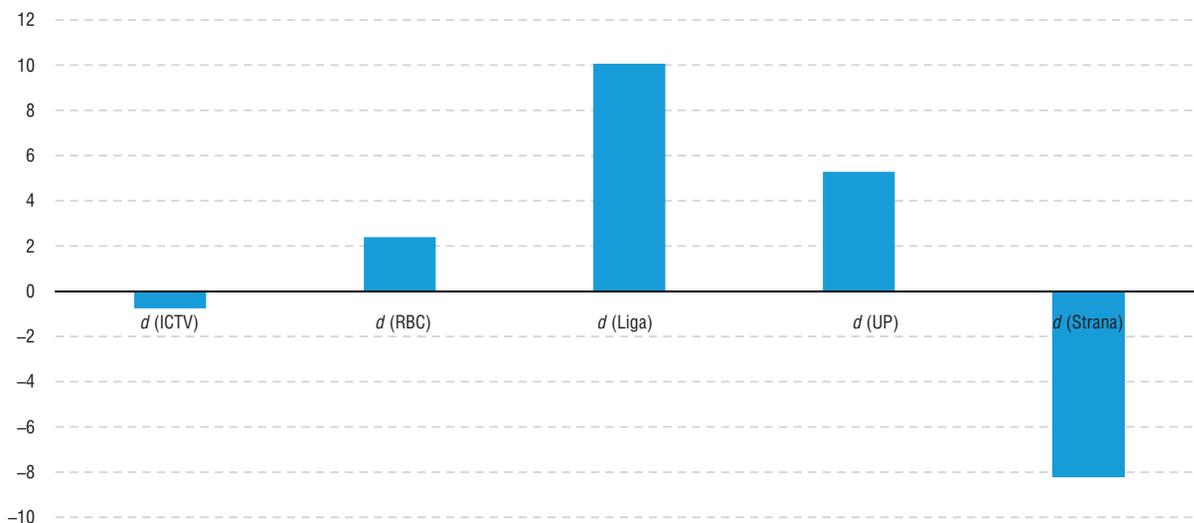

¹² «Согласны ли вы или не согласны с тем, что возвращение ЛНР и ДНР в состав Украины неприемлемо как условие достижения мирного соглашения?»

¹³ «Согласны ли вы или не согласны с тем, что контроль России над Донецкой и Луганской областями является приемлемым условием для достижения мирного соглашения с Россией, которое позволило бы восстановить мир и спасти жизни и экономику Украины?»

Рисунок 6

ЗНАЧЕНИЯ d КОЭНА ДЛЯ КАТЕГОРИИ «ОККУПАЦИЯ» В УКРАИНСКОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ О ВОЙНЕ, ФЕВРАЛЬ 2022 Г. — ФЕВРАЛЬ 2023 Г.

которыми пользуется и которым доверяет респондент (альтернативными каналами пропаганды), и принятием респондентом статуса Л/ДНР в составе России (табл. 1). Аудитория российского телевидения как в России, так и в Украине имела больше шансов согласиться с позицией В. Путина о том, что Россия должна сохранить контроль над Л/ДНР. Хотя российские телеканалы запрещены в Украине наряду с доступом к их веб-сайтам, их просмотр по-прежнему возможен через спутник. Статистика

Вальда для коэффициентов B для российского телевидения как источника информации оказалась статистически значимой в обеих странах, $\chi^2(d=1) = -0,478, p = 0,003$ в России и $\chi^2(df=1) = -1,008, p = 0,002$ в Украине. Значения $\exp(b)$ составили 0,62 и 0,365 соответственно, что свидетельствует о том, что шансы согласиться с позицией В. Путина для представителей аудитории российских телеканалов были выше, чем шансы людей, не смотрящих российское телевидение.

Таблица 1

РЕЗУЛЬТАТЫ ЛОГИСТИЧЕСКОЙ БИНАРНОЙ РЕГРЕССИИ ДЛЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ПРИНЯТИЯ РЕСПОНДЕМТОМ СТАТУСА Л/ДНР КАК ЧАСТИ РОССИИ НА ОСНОВАНИИ ИСТОЧНИКОВ ИНФОРМАЦИИ РЕСПОНДЕНТА И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ

	Россия				Украина			
	B	$S.E.$	$Wald$	$\exp(b)$	B	$S.E.$	$Wald$	$\exp(b)$
Мужской	-0,825***	0,13	40,254	0,438	0,156	0,153	1,042	1,169
Высшее или незаконченное высшее образование	0,062	0,142	0,189	1,063	0,033	0,154	0,046	1,033
Женат или состоит в гражданском браке	-0,142	0,124	1,308	0,868	0,142	0,150	0,902	1,153
Украинец по национальности					-0,042	0,277	0,023	0,959
Прихожанин Украинской православной церкви					0,379**	0,153	6,094	1,461
Отвечал на украинском					0,134	0,305	0,193	1,143
Говорит по-украински дома					0,492**	0,209	5,543	1,635
Говорит по-украински в личной жизни					0,328	0,221	2,201	1,389

Продолжение табл. 1

	Россия				Украина			
	<i>B</i>	<i>S.E.</i>	<i>Wald</i>	exp (<i>b</i>)	<i>B</i>	<i>S.E.</i>	<i>Wald</i>	exp (<i>b</i>)
Интернет-пользователь: каждый день или несколько раз в неделю	-0,653***	0,195	11,2	0,52				
Житель Москвы	-0,556*	0,275	4,085	0,573				
Житель крупных (0,5 млн+) городов	0,057	0,148	0,148	1,059				
Городской житель					-0,203	0,172	1,382	0,817
Северо-Западный ФО	0,022	0,216	0,01	1,022				
Центральный ФО	-0,002	0,173	0	0,998				
Южный и Кавказский ФО	0,01	0,173	0,004	1,011				
Дальневосточный ФО	-0,08	0,282	0,08	0,924				
Запад					-0,501	0,287	3,048	0,606
Центр					-0,142	0,243	0,341	0,868
Юг					-0,118	0,233	0,255	0,889
Возраст	0,022***	0,005	22,317	1,022	0,009	0,005	3,074	1,009
Низкий уровень дохода	0,131	0,138	0,901	1,14				
Высокий доход	0,442	0,412	1,148	1,555				
Сторонник В. Путина	-1,729***	0,161	115,637	0,177				
Негативное мнение о И. Сталине					0,874***	0,155	31,585	2,396
Источник информации: российское телевидение	-0,478**	0,159	9,043	0,62	-1,008**	0,320	9,930	0,365
Источник информации: украинское телевидение					-0,056	0,171	0,108	0,946
Источник информации: Русское радио	-0,097	0,273	0,125	0,908				
Источник информации: российские печатные СМИ	-0,082	0,314	0,069	0,921				
Источник информации: украинское радио и печатные СМИ					0,306*	0,161	3,598	1,358
Источник информации: друзья и знакомые	0,109	0,178	0,373	1,115	0,206	0,150	1,903	1,229
Источник информации: российские интернет-СМИ	-0,028	0,158	0,031	0,973				
Источник информации: российские соцсети	0,05	0,152	0,109	1,051	-0,040	0,388	0,011	0,961
Источник информации: западные соцсети					0,215	0,163	1,728	1,240
Источник информации: Telegram-каналы	-0,464*	0,2	5,407	0,629				
Источник информации: собственные глаза респондента					0,442**	0,153	8,333	1,556
Меня это не интересует	0,158	0,497	0,101	1,171				

Окончание табл. 1

	Россия				Украина			
	<i>B</i>	<i>S.E.</i>	<i>Wald</i>	exp (<i>b</i>)	<i>B</i>	<i>S.E.</i>	<i>Wald</i>	exp (<i>b</i>)
Доверяет телевидению как источнику информации	0,197	0,179	1,212	1,218				
Доверяет радио как источнику информации	0,503	0,274	3,38	1,653				
Доверяет печатным СМИ как источнику информации	0,106	0,308	0,118	1,112				
Доверяет друзьям и знакомым как источнику информации	0,278	0,213	1,711	1,321				
Доверяет онлайн-СМИ как источнику информации	0,073	0,196	0,137	1,075				
Доверяет социальным сетям как источнику информации	0,363*	0,179	4,112	1,437				
Доверяет Telegram-каналам как источнику информации	0,255	0,22	1,343	1,29				
Доверяет другим как источнику информации	0,083	0,769	0,012	1,087				
Никому не доверяет	0,329	0,232	2,009	1,389				
Согласен с тем, что сильный лидер лучше подходит для руководства послевоенным восстановлением Украины					0,654*	0,212	9,512	1,922
Согласен с тем, что сознательный украинец лучше подходит для руководства послевоенным восстановлением Украины					0,104	0,233	0,197	1,109
Согласен, что немногие сильные лидеры могут сделать для Украины больше, чем все законы и дискуссии					0,006	0,152	0,002	1,006
Постоянная	-0,436	1,366	0,102	0,646	-2,586***	0,679	14,529	0,075
Cox & Snell R^2	0,147				0,078			
Nagelkerke R^2	0,211				0,149			

Условные обозначения: *** значимо на уровне 0,001; ** значимо на уровне 0,01; * значимо на уровне 0,05.

Использование распространяемой российскими социальными сетями информации не оказывает существенного влияния на шансы согласиться с признанием статуса Д/ЛНР частью России в обеих странах. Значение exp (*b*) близко к единице как в России (1,051), так и в Украине (0,961), где некоторым пользователям удастся обойти технические ограничения. В то же время выяснилось, что мнение активных пользователей Интернета в России больше совпадает с позицией В. Путина, чем мнение тех, кто пользуется Интернетом реже, чем несколько раз в неделю. Статистика Вальда для коэффи-

циента *B* для активного использования Интернета статистически значима, $\chi^2(df=1) = -0,653$, $p = 0,001$. Значение exp (*b*) составило 0,52, что указывает на то, что вероятность согласия с позицией В. Путина для активных интернет-пользователей была выше, чем эта вероятность для менее частых интернет-пользователей в России.

Опора на Telegram-каналы более существенна в России. Члены аудитории Telegram-каналов оказались более восприимчивы к сообщениям В. Путина, чем россияне, которые не полагаются на этот источник информации. Статистика Вальда для коэффициента *B* для

использования Telegram-каналов в качестве источника информации оказалась статистически значимой, $\chi^2(df = 1) = -0,464$, $p = 0,02$. Значение $\exp(b)$ составило 0,629, что говорит о том, что шансы согласиться с позицией В. Путина у представителей аудитории Telegram-каналов действительно были выше. Интересно отметить, что жители Москвы, в наименьшей степени затронутого военной мобилизацией региона, имели больше шансов согласиться с позицией В. Путина по Донбассу, которая стала обоснованием для войны и, соответственно, последующей военной мобилизации.

Обсуждение

Представленные результаты показывают, что для изучения пропаганды необходимы триангуляция данных и методологическая триангуляция. Контент-анализ, если он не дополнен данными опросов, недостаточен для оценки воздействия пропаганды, т.е. ее результативности, если только последняя не понимается узко как распространение выгодных власти нарративов с минимальными искажениями. В этих условиях регрессионный анализ данных опроса дополняет контент-анализ политических и медийных дискурсов о войне.

Контент-анализ позволил выявить сообщения политических лидеров на стадии их формулировки, а также отследить их статус при передаче через СМИ и социальные сети. Контент-анализ также помог определить, насколько велики искажения в сообщениях политических лидеров при их передаче. Российская пропаганда стремится убедить целевую аудиторию в необходимости интерпретировать специальную военную операцию как попытку воссоздания империи. С этой точки зрения Донбасс и Крым должны быть возвращены туда, где им якобы и место, — в имперскую Россию. В Украине военная пропаганда несет другой послыл: военное противостояние Украины с Россией есть не что иное, как национально-освободительная война.

Регрессионный анализ позволяет сделать еще один шаг в оценке результативности пропаганды. Было показано, связано ли воздействие пропаганды с изменением мнения членов целевой аудитории и зависит ли интенсивность таких изменений от канала пропаганды. Воздействие российской пропаганды действительно способствовало сближению мнения тех, кто ей подвержен, со сформулированной В. Путиным позицией. Зрители российских телеканалов и

подписчики Telegram-каналов были склонны воспринимать путинскую трактовку вторжения как попытку установить имперский статус-кво. По сравнению с другими соцсетями, как российскими, так и западными, Telegram наименее зарегулирован. Военные корреспонденты, так называемые военкоры, пользуются относительной свободой, распространяя через Telegram-каналы информацию, которую затруднительно найти где-либо еще. Российские власти, в свою очередь, ставят на свою службу наиболее влиятельных военкоров. Несколько военкоров были приглашены на личную встречу с В. Путиным 17 июня 2022 г. (Аренина, Рубин и Баландин, 2022). Систематическая работа с военкорами, как показывает анализ, дала свои плоды. Telegram-каналы стали пропагандистским средством, по результативности уступающим только телевидению. Этот вывод заслуживает особого внимания, поскольку ранее цифровые медиа играли важную роль в массовой мобилизации против насильственных политических режимов (Attia et al., 2011; Hofheinz, 2011: 1419–1420; Dickinson, 2014). Результативность других российских цифровых медиа в рассматриваемый период была ниже.

Украинская пропаганда оказалась менее результативной. Хотя телевидение было наиболее контролируемым средством массовой информации в Украине, только аудитория украинского радио и печатных изданий продемонстрировала ожидаемую властью реакцию. Статистика Вальда для коэффициента B для использования украинского радио и печатных СМИ в качестве источника информации была близка к уровню статистической значимости, $\chi^2(df = 1) = 0,306$, $p = 0,055$. Значение $\exp(b)$ составило 1,358, что свидетельствует о том, что вероятность несогласия с позицией В. Путина у читателей украинских газет и журналов и слушателей украинского радио была выше, чем у пользователей других источников информации. Статус очевидца последствий российского вторжения увеличивал шансы на занятие критической позиции по отношению к имперской войне. Статистика Вальда для коэффициента B для статуса свидетеля событий была статистически значимой, $\chi^2(df = 1) = 0,442$, $p = 0,004$. Значение $\exp(b)$ равнялось 1,556, т.е., статус очевидца повышал вероятность несогласия с В. Путиным больше, чем доступ к любому другому пропагандистскому каналу. Действия российской армии представляются результативным средством против российской пропаганды.

Возможно и альтернативное объяснение описанной ситуации в Украине. Представление о том, что военная конфронтация Украины с Россией — это война за национальное освобождение, может быть проявлением становления нации, как предсказывал Смит, а не следствием исключительно военной пропаганды. Использование различных источников информации в Украине оказало меньшее влияние, чем социальный статус респондента. Статус прихожанина Украинской православной церкви¹⁴ и использование украинского языка дома увеличивали шансы на несогласие с путинским описанием вторжения. Статистика Вальда для коэффициентов B для статуса прихожанина Украинской православной церкви и для использования украинского языка дома была статистически значимой, $\chi^2(df = 1) = 0,379$, $p = 0,014$ и $\chi^2(df = 1) = 0,492$, $p = 0,019$ соответственно. Значения $\exp(b)$ составили 1,461 и 1,635 соответственно. Религия и язык — важные составляющие национальной идентичности.

Стоит отметить, что вторжение России привело к возрождению популярности украинского языка в Украине. Согласно опросу, проведенному в марте 2022 г., количество украинцев, считающих украинский язык своим родным языком, увеличилось с 57% в 2012 г. до 76% в 2022 г. (Рейтинг, 2022). Доля тех, кто использует русский язык в повседневном общении, снизилась с 40% в 2021 г. до 26% в конце 2021 г., а затем до 18% после начала полномасштабного вторжения. Эту тенденцию подтвердили и результаты другого опроса, проведенного в октябре 2022 г. (Суспільне, 2022). 42% стали чаще говорить по-украински после начала войны, а 14% заявляют, что полностью перешли с русского на украинский в повседневной жизни.

Негативное восприятие респондентом И. Сталина, имя которого тесно ассоциируется с советской империей, также оказалось хорошим предиктором шансов на согласие с путинской трактовкой войны, $\chi^2(df = 1) = 0,874$, $p < 0,001$ и $\exp(b) = 2,396$. В конце концов, восприятие происходящего в терминах национально-освободительной войны в Украине может быть вызвано не столько пропагандой, сколько с

другими, более глубокими процессами, связанными со становлением национального государства в этой стране.

Заключение

Предлагаемое исследование имеет как теоретическое, так и практическое значение. На теоретическом уровне оно вносит вклад в изучение дискурсивного измерения колониализма и постколониализма. Саид (Said, 2003) положил начало исследованию колониальных дискурсов своей новаторской работой, посвященной ориентализму. Вторжение России на Украину возрождает научный интерес к анализу и сравнению имперских дискурсов с дискурсами, возникающими в ответ на них. Дискурс национально-освободительной войны в Украине противостоит распространяемому в России имперскому дискурсу. Остается посмотреть, в какой степени российское население сможет понять и принять украинский национально-освободительный дискурс. Условием успеха в дискурсивной битве за мнение рядовых россиян выглядит усиление интеллектуальной составляющей украинского дискурса. Российский имперский дискурс разрабатывается не только властными элитами, но и российской интеллигенцией. Понятие империи привлекало относительно большее внимание российских ученых, чем другие связанные с идеологией понятия, такие как либерализм, социализм, национализм или православие (Завершение советской эпохи, 2021: 11–15).

На практическом уровне это исследование показывает, как результативность пропаганды можно оценить эмпирически и количественно. Исследования в этой области восходят к Лассвеллу и Лейтесу (Lasswell and Leites, 1949). Предложенное решение предполагает сочетание контент-анализа политических, медийных и массовых дискурсов со статистическим анализом данных опросов. Ввиду ограниченности имеющихся данных комплексный анализ массовых дискурсов о войне на данном этапе не проводился. Автор планирует восполнить этот пробел в будущем, получив текстовые данные о том, как украинцы объясняют войну, с помощью открытого вопроса, подобного заданному Левада-центром («Почему Россия вторглась на Украину?»). Автор также планирует собрать аналогичные данные в одной из стран, поддерживающих военные действия Украины, не принимая при этом непосредственного участия в военном противостоянии.

¹⁴ Обсуждение отношений между Украинской православной церковью (автокефальной) и Украинской православной церковью Московского патриархата выходит за рамки данной статьи. Достаточно отметить, что война обострила напряженность между ними. Связанных с Украинской православной церковью Московского патриархата священнослужителей часто обвиняли в распространении российских нарративов.

Список использованной литературы

1. *Аренина Катя, Рубин Михаил и Баданин Роман* (2022). Непубличный дом: Рассказ о том, как Кремль воюет с плохими новостями. Проект, 19 декабря 2022 г. URL: <https://www.proekt.media/guide/kremlin-telegram-meduza/>.
2. Завершение советской эпохи: оценки с дистанции в 30 лет (круглый стол) (2021) СОЦИС — Социологические исследования, 12: 3–26.
3. *Олейник Антон* (2018). Национальное государство и империя: востребованность проектов в России и Украине. *Общественные науки и современность*, 2: 140–159.
4. Суспільне (2022) 57% українців перейшли, або стали частіше спілкуватись українською з 24 лютого — опитування Суспільного. 20 жовтня 2022. URL: <https://suspilne.media/299240-57-ukrainsiv-perejsli-abo-stali-castise-spilkuvatis-ukrainskou-z-24-lutogo-opituvanna-suspilnogo/>.
5. *Шалак Владимир Иванович* (2004). Контент-анализ: Приложения в области: политологии, психологии, социологии, культурологии, экономики, рекламы. Москва: Омега-Л.
6. Рейтинг (2002). Шестой общенациональный опрос: языковой вопрос в Украине. 19 марта 2022 г. URL: https://ratinggroup.ua/ru/research/ukraine/language_issue_in_ukraine_march_19th_2022.html.
7. *Attia Ashraf M., Aziz Negris, Friedman Barry and Elhusseiny Mahdy F.* (2011). Commentary: The impact of social networking tools on political change in Egypt's 'Revolution 2.0.' *Electronic Commerce Research and Applications* 10(4): 369–374.
8. *Badie Bertrand* (1992). *L'Etat importé : Essai sur l'occidentalisation de l'ordre politique*. Paris: Fayard.
9. *Banerjee Subhabrata Bobby and Linstead Stephen* (2001). Globalization, Multiculturalism and Other Fictions: Colonialism for the New Millennium? *Organization* 8(4): 683–722.
10. *Belaïd Abdel and Besagni Dominique* (2007). Meta-Data Extraction from Bibliographic Documents for the Digital Library. In: Chaudhuri Bidyut B. (ed) *Digital Document Processing: Major Directions and Recent Advances*. New York: Springer, pp. 329–350.
11. *Bouckaert Geert and Halligan John* (2008). *Managing Performance: International Comparisons*. London: Routledge.
12. *Brannen Julia* (2005). *Mixing Methods: The Entry of Qualitative and Quantitative Approaches into the Research Process*. *International Journal of Social Research Methodology* 8(3): 173–184.
13. *Brunschwig Henri* (1973). *Décolonisation, néo-colonialisme: essai sur le vocabulaire de la politique coloniale: II*. *Cahiers d'Études Africaines* 13(49): 5–8.
14. *Charle Edwin* (1966). *The Concept of Neo-Colonialism and its Relation to Rival Economic Systems*. *Social and Economic Studies* 15(4): 329–337.
15. *Collins Randall* (1995). *Prediction in Macrosociology: The Case of the Soviet Collapse*. *American Journal of Sociology* 100(6): 1552–1593.
16. *Dickinson Jennifer* (2014). *Prosymo maksimal'nyi perepost! Tactical and discursive uses of social media in Ukraine's Euromaidan*. *Ab Imperio* 3: 75–93.
17. *El Bernoussi Zaynab* (2015). *The postcolonial politics of dignity: From the 1956 Suez nationalization to the 2011 Revolution in Egypt*. *International Sociology* 30(4): 367–382.
18. *Ellul Jacques* (1973). *Propaganda: The Formation of Men's Attitudes*. New York: Vintage Books.
19. *Gartner Scott Sigmund* (2004). *Making the International Local: The Terrorist Attack on the USS Cole, Local Casualties, and Media Coverage*. *Political Communication* 21(2): 139–159.
20. *Go Julian* (2007). *Waves of Empire: US Hegemony and Imperialistic Activity from the Shores of Tripoli to Iraq, 1787–2003*. *International Sociology* 22(1): 5–40.
21. *Hart Roderick P.* (2020). *Trump and Us: What He Says and Why People Listen*. Cambridge: Cambridge University Press.
22. *Hart Roderick P.* (2018). *Civic Hope: How Ordinary Americans Keep Democracy Alive*. Cambridge: Cambridge University Press.
23. *Hofheinz Albrecht* (2011). 'Nextopia? Beyond Revolution 2.0.' *International Journal of Communication* 5: 1417–1434.
24. *Joas Hans* (1999). *The Modernity of War: Modernization Theory and the Problem of Violence*. *International Sociology* 14(4): 457–472.

25. *Jurafsky Daniel and Martin James H.* (2008). *Speech and Language Processing: An introduction to natural language processing, computational linguistics, and speech recognition*. 2nd edition. Upper Saddle River, NJ: Pearson.
26. *Knightley Philip* (2003 [1975]). *The First Casualty: The War Correspondent as Hero, Propagandist, and Myth-maker from the Crimea to the Gulf War II*. London: André Deutsch.
27. *Kordan Bohdan* (2022). Russia's war against Ukraine: historical narratives, geopolitics, and peace. *Canadian Slavonic Papers* 64: 2–3, 162–172.
28. *Krippendorff Klaus* (2004). *Content Analysis: An Introduction to Its Methodology*. 2nd edition. Thousand Oaks, CA: Sage.
29. *Langan Mark* (2015). Budget support and Africa — European Union relations: Free market reform and neocolonialism? *European Journal of International Relations* 21(1): 101–121.
30. *Lasswell Harold D. and Leites Nathan* (1949). *Language of politics: Studies in quantitative semantics*. New York: George W. Stewart.
31. *Lasswell Harold D.* (1938 [1927]). *Propaganda technique in the World War*. New York: Peter Smith.
32. *Longo Matthew* (2017). From Sovereignty to Imperium: Borders, Frontiers and the Specter of Neo-Imperialism. *Geopolitics* 22(4): 757–771.
33. *Lukin Annabelle* (2013). The meanings of 'war:.' From lexis to context. *Journal of Language and Politics* 12(3): 424–444.
34. *Malia Martin* (1999). *Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum*. Cambridge, MA and London: The Belknap Press of Harvard University Press.
35. *Mann Michael* (1986). *The sources of social power*. Vol. 1: A history of power from the beginning to A.D. 1760. Cambridge: Cambridge University Press.
36. *Nazaruk Taras* (2022). Subscribe and Follow: Telegram and Responsive Archiving the War in Ukraine. *Sociologica* 16(2): 217–226.
37. *Nkrumah Kwame* (1965). *Neo-colonialism: The last stage of imperialism*. New York: International Publishers.
38. *Oleinik Anton* (2023). War propaganda effectiveness: a comparative content-analysis of media coverage of the two first months of Russia's invasion of Ukraine. *Atlantic Journal of Communication* online first. URL: <https://doi.org/10.1080/15456870.2023.2187801>.
39. *Oleinik Anton* (2018). *Building Ukraine from Within: A Sociological, Institutional, and Economic Analysis of a Nation-State in the Making*. Stuttgart: Ibidem.
40. *Perlesz Amaryll and Jo Lindsay* (2003). Methodological triangulation in researching families: Making sense of dissonant data. *International Journal of Social Research Methodology* 6(1): 25–40.
41. *Said Edward* (2003 [1977]). *Orientalism*. London: Penguin.
42. *Said Edward* (1975). *Beginnings: Intention and Method*. New York: Basic Books.
43. *Sartre Jean-Paul* (2001 [1964]). *Colonialism and Neocolonialism*. New York: Routledge.
44. *Savoy Jacques* (2016). Text Representation Strategies: An Example With the State of the Union Addresses. *Journal of the Association for Information Science and Technology* 67(8): 1858–1870.
45. *Segell Glen* (2019). Neo-colonialism in Africa and the Cases of Turkey and Iran. *Insight on Africa* 11(2): 184–199.
46. *Shlapentokh Vladimir E.* (1984). Moscow's War Propaganda and Soviet Public Opinion. *Problems of Communism* 33(5): 88–94.
47. *Smith Anthony D.* (2004). *The Antiquity of Nations*. Cambridge: Polity.
48. *Soroka Stuart and Wlezien Christopher* (2022). *Information and Democracy: Public Policy in the News*. Cambridge: Cambridge University Press.
49. *Taylor Philip M.* (2003 [1990]). *Munitions of the Mind: A history of propaganda from the ancient world to the present era*. Manchester: Manchester University Press.
50. *Tilly Charles* (1985). War Making and State Making as Organized Crime. In: Evans Peter B., Rueschemeyer Dietrich and Skopol Theda (eds) *Bringing the State Back In*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 169–191.
51. *Wallerstein Immanuel* (2004). *World-system analysis: An introduction*. Durham and London: Duke University Press.
52. *Warner Rebecca* (2013). *Applied statistics: From Bivariate Through Multivariate Techniques*. 2nd edition. Thousand Oaks, CA: Sage.
53. *Wimmer Andreas* (2014). War. *Annual Review of Sociology* 40: 173–179.

Марк ТОЛЬЦ

Роль брачности в современной рождаемости в России

Российская статистика накопила весьма обширные цифровые данные, отражающие влияние брачности на рождаемость. Они позволяют рассмотреть общероссийскую динамику этого явления в длительной ретроспективе, сравнить направление изменений в современной России с динамикой в других странах, проанализировать их динамику и дифференциацию для российских регионов, а также оценить вклад брачных и внебрачных рождений в динамику уровня рождаемости.

Общероссийская динамика

В современной России статистическая разработка актов о рождении дает сведения о детях, зарегистрированных по трем различным основаниям: свидетельству о браке родителей (брачные рождения); акту об установлении отцовства (в подавляющем большинстве в результате его добровольного признания по совместному заявлению родителей); заявлению матери. Последние две группы рождений в совокупности составляют рождения вне зарегистрированного брака. Однако почти четверть века во всем Советском Союзе это было не так. Закон не допускал добровольное признание отцовства. Лучшее понимание современной динамики может дать рассмотрение анализируемого явления в длительной ретроспективе.

Принятый менее чем за год до победы над Германией, 8 июля 1944 г., Указ Президиума Верховного Совета СССР ввел понятие «одинокая мать». Оно распространялось на всех женщин, родивших вне брака. Их дети регистрировались только по заявлению матери. Отец, при всем его желании, если он не состоял в браке с матерью ребенка, не мог быть записан в документах, удостоверяющих рождение сына или дочери. В метрике детей, рожденных вне брака, обязательно ставился прочерк вместо сведений об отце. Инициатором этих узаконений был Н.С. Хрущев, который потом, в период своего правления, препятствовал десталинизации в области брачно-семейных отношений в Советском Союзе¹. Всего за годы, когда в метри-

ке ставился этот прочерк, во всем СССР таким образом было «заклеймено» более 15 млн новорожденных².

В условиях огромной половой диспропорции в послевоенный период доля внебрачных рождений среди всех рождений в Российской Федерации была высокой. Сразу после войны, в 1946 г., она составила 22,8% (табл. 1). Через пять лет после ее окончания, в 1950 г., доля этих рождений достигла послевоенного максимума — 24%. В этом году только 76% детей были рождены в браке³.

В последующие годы, по мере смягчения половой диспропорции, доля внебрачных рождений постепенно падала. К 1970 г. она снизилась до 10,6%. Произошло это в новых условиях: по семейному законодательству, принятому в 1968–1969 гг., был отменен пресловутый прочерк в метрике. Теперь рождение ребенка вне брака могло быть зарегистрировано или по совместному заявлению его родителей, или только по заявлению матери. В последнем случае данные об отце заполнялись с ее слов, при этом для отца указывалась фамилия матери. В 1970 г. только 6,3% новорожденных в России были записаны по заявлению матери, а 4,3% — на основании установления отцовства. В этом году 89,4% детей появились у родителей, состоявших в браке. Гуманные изменения в законодательстве практически не привели к росту доли внебрачных рождений и в десятилетие, следовавшее за ним: в 1980 г. были рождены вне брака 10,8% детей.

По-настоящему существенный подъем внебрачной рождаемости начался в 1990-е гг. Доля

рии СССР // Развитие населения и демографическая политика. Памяти А.Я. Кваши: Сборник статей / Под ред. М.Б. Денисенко и В.В. Елизарова. М.: МАКС Пресс, 2014. С. 157–169; *Nakachi M.* Replacing the Dead: The Politics of Reproduction in the Postwar Soviet Union. New York: Oxford University Press, 2021. P. 28–36.

² Тольц М. От abortного термидора к законодательному либерализму. С. 161.

³ Здесь и далее подобные данные относятся только к зарегистрированным бракам, а внебрачные рождения — это рождения вне зарегистрированного брака, что обусловлено сущностью изучаемого явления (см.: *Вишневский А.Г.* Демографическая история и демографическая теория: курс лекций. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. С. 214).

внебрачных рождений среди всех рождений достигла максимума в 2005 г., когда она составила 30%, из них 16,2% были зарегистрированы по заявлению матери и 13,8% — на основании установления отцовства. В последующие годы доля внебрачных рождений заметно снизилась и к 2019 г. упала до 20,9%, из которых 10,1% были зарегистрированы по заявлению матери и 10,8% — на основании установления отцовства.

Как ясно из отмеченного выше, до 1968 г. все внебрачные рождения регистрировались по заявлению матери. Сегодня половина внебрачных рождений регистрируется обоими родителями, и дети в них имеют отца, несущего по

Таблица 1

ДОЛЯ БРАЧНЫХ И ВНЕБРАЧНЫХ РОЖДЕНИЙ СРЕДИ ВСЕХ РОЖДЕНИЙ В РОССИИ, 1946–2019 гг. (в %)

Год	Рождения в браке	Все внебрачные рождения	Из них зарегистрированные:	
			по заявлению матери	на основании установления отцовства*
1946	77,2	22,8	22,8	–
1950	76,0	24,0	24,0	–
1955	83,1	16,9	16,9	–
1960	86,9	13,1	13,1	–
1965	87,0	13,0	13,0	–
1970	89,4	10,6	6,3	4,3
1975	89,3	10,7	5,7	5,0
1980	89,2	10,8	6,7	4,1
1985	88,0	12,0	...	...
1990	85,4	14,6	8,4	6,2
1995	78,9	21,1	12,0	9,1
2000	72,0	28,0	14,8	13,2
2005	70,0	30,0	16,2	13,8
2010	75,1	24,9	13,7	11,2
2015	78,3	21,6**	10,4	11,2
2019	78,6	20,9**	10,1	10,8

*До 1968 г. не было предусмотрено законодательством.

**Кроме того, в 2015 г. 0,1% детей были зарегистрированы в органах ЗАГС по заявлению юридического лица (отказные, найденные, подкинутые дети), в 2019 г. доля таких детей составила 0,5%.

Источники: Тольц М. О влиянии брачного статуса на рождаемость // Демоскоп Weekly. 2020. № 871–872. Таблица 1. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2020/0871/nauka03.php>; Демографический ежегодник России. 2021. М.: Росстат, 2021. С. 67.

закону полную ответственность за них. Данные текущей статистики показывают, что в 2019 г. доля детей, зарегистрированных по заявлению матери (10,1%), была заметно ниже, чем в 1965 г. (13%), когда все внебрачные рождения записывались таким образом.

Начавшаяся в 2020 г. эпидемия ковида оказала сильное воздействие на условия протекания социальных процессов в России. Карантин создавал серьезные помехи для регистрации браков. Однако известно, что значительная часть рождений является следствием добрачных зачатий, которые приводят к регистрации брака. Сведения о доле таких рождений среди всех рождений в России были получены в результате специальных сплошных разработок данных регистрации рождений: 25% в 2002 г. и 23% в 2012 г.¹ Отмеченное не является чем-то новым, возникшим в постсоветский период. То, что значительная часть рождений являлась

¹ Тольц М.С., Антонова О.И., Андреев Е.М. Рождаемость и трансформация института семьи в современной России // Вопросы статистики. 2005. № 7. С. 56; Чурилова Е.В., Чумарина В.Ж. Внебрачные рождения и добрачные зачатия в России: осознанное решение родителей? // Вопросы статистики. 2014. № 7. С. 47; о распространенности этого явления среди первых рождений см.: Andreev E.M., Churilova E., Jasilioniene A. Partnership Context of First Births in Russia: The Enduring Significance of Marriage // European Journal of Population. 2022. Vol. 38. No. 1. P. 37–58.

следствием добрачных зачатий, которые приводят к регистрации брака, показали результаты двух подобных разработок данных в городе Пермь за 1966 и 1981 гг.¹ В условиях эпидемии ковида часть таких рождений могла попасть первоначально в категорию внебрачных. Именно потому в данной работе рассмотрение статистических материалов заканчивается 2019 г.

Кажущаяся уникальность российской динамики

После 1970 г. во многих странах Европы и США произошел существенный рост внебрачной рождаемости. В результате в конце рассматриваемого периода, в 2019 г., доля внебрачных рождений в этих странах превысила 40%, тогда как в 1970 г. в большинстве из них она была менее 10%. При этом в 2019 г. в 11 странах Европы более половины детей были рождены вне брака. Отличие от них России было очень значительным: в ней в этом году доля внебрачных рождений была намного ниже — 20,9% (табл. 2).

ландия (69,4%) и Франция (61%). Британским демографом Дж. Хайналом в его классической работе вся Европа еще в конце XIX — начале XX в. делилась на две части по условной линии Санкт-Петербург — Триест². К западу от нее, как он показал, господствовал «европейский» тип брачности, при котором вступление в брак было поздним, а безбрачие частым. К востоку от этой линии был распространен «традиционный» тип брачности, который имел свои существенные отличительные особенности: раннее вступление в брак при низкой доле мужчин и женщин, никогда не вступающих в брак. Этому типу брачности соответствовала и небольшая частота внебрачных рождений. Болгария и Россия находились тогда в одной группе стран. В 2019 г. ситуация в двух странах резко отличалась: доля внебрачных рождений в Болгарии была в 2,8 раза выше, чем в России.

Динамика внебрачных рождений в США во многом была подобна отмеченным изменениям

Таблица 2

ДОЛЯ ВНЕБРАЧНЫХ РОЖДЕНИЙ СРЕДИ ВСЕХ РОЖДЕНИЙ В НЕКОТОРЫХ СТРАНАХ ЕВРОПЫ И США, 1970–2019 ГГ. (в %)

Страна*	1970	1980	1990	2000	2005	2010	2015	2019
Исландия	29,9	39,7	55,2	65,2	65,7	64,3	...	69,4
Франция	6,8	11,4	30,1	43,6	48,4	55,0	59,1	61,0
Болгария	8,5	10,9	12,4	38,4	49,0	54,1	58,6	58,4
Словения	8,5	13,1	24,5	37,1	46,7	55,7	57,9	57,7
Норвегия	6,9	14,5	38,6	49,6	51,8	54,8	55,9	57,6
Португалия	7,3	9,2	14,7	22,2	30,7	41,3	50,7	56,8
Швеция	18,6	39,7	47,0	55,3	55,4	54,2	54,7	54,5
Дания	11,0	33,2	46,4	44,6	45,7	47,3	53,8	54,1
Эстония	14,1	18,3	27,2	54,5	58,5	59,1	55,9	53,7
Нидерланды	2,1	4,1	11,4	24,9	34,9	44,3	49,8	52,4
Бельгия	2,8	4,1	11,6	28,0	39,4	45,7	48,0	52,4**
Великобритания	8,0	11,5	27,9	39,5	42,9	46,9	47,9	48,5
Испания	1,4	3,9	9,6	17,7	26,5	35,5	44,5	48,4
Чехия	5,4	5,6	8,6	21,8	31,7	40,3	47,8	48,2
Финляндия	5,8	13,1	25,2	39,2	40,4	41,1	44,3	45,4

Знание исторических типов брачности заставляет обратить особое внимание на тот факт, что по доле внебрачных рождений Болгария в 2019 г. занимала 3-е место в Европе (58,4%), ее опережали по этому показателю лишь Ис-

¹ Тольц М.С. Взаимосвязи брачного и репродуктивного поведения // Детность семьи / Под ред. А.И. Антонова. М.: Мысль, 1986. С. 39–53.

² Хаджнал [Хайнал] Дж. Европейский тип брачности в ретроспективе // Брачность, рождаемость, семья за три века / Под ред. А.Г. Вишневого и И.С. Кона. М.: Статистика, 1979. С. 14–70; см. также: Калябихина Е.А. Исторические типы брачности в Европе // Проблемы народонаселения в зеркале истории: Шестые Валентеевские чтения. Москва, 22–24 апреля 2010 г. МГУ им. М.В. Ломоносова. Сборник докладов. Т. 2 / Под ред. В.В. Елизарова и И.А. Троицкой. М.: МАКС Пресс, 2010. С. 148–152.

Продолжение табл. 2

Страна*	1970	1980	1990	2000	2005	2010	2015	2019
Австрия	12,8	17,8	23,6	31,3	36,5	40,1	42,1	40,6
Люксембург	4,0	6,0	12,8	21,9	27,2	34,0	38,8	40,4
Словакия	6,2	5,7	7,6	18,3	26,0	33,0	39,2	40,1
США	10,7	18,4	28,0	33,2	36,9	40,8	40,3	40,0
Россия	10,6	10,8	14,6	28,0	30,0	24,9	21,6	20,9

*Приведены в соответствии с величиной показателя в 2019 г.

**2018 г.

Источники: OECD Family Database; Sardon J.-P. The Demographic Situation of Europe and the Developed Countries Overseas: An Annual Report. Population: An English Selection. 2000. Vol. 12. P. 314–315.

в Европе. Однако эти рождения в 1970 г. были практически одинаково незначительно распространены в России и США. Их доля составляла в обеих странах немногим более десятой части всех рождений — 10,6% в России и 10,7% в США. Уже в 1980 г. доля внебрачных рождений в США достигла 18,4%. Рост этого компонента рождаемости в России, как уже было отмечено, начался позже, где его доля практически не изменилась за десятилетие и составляла в 1980 г. 10,8% всех рождений. В 2005 г., когда доля внебрачных рождений в России достигла максимума, равного 30%, в США такие рождения составляли 36,9%. В 2019 г. разрыв в показателях для России и США составил 1,9 раза. Это было обусловлено тем, что в России доля внебрачных рождений упала до 20,9%, тогда как в США начиная с 2010 г. она стабилизировалась на уровне около 40%.

Однако на основе всех этих сравнений было бы преждевременно делать вывод об уникальности динамики внебрачной рождаемости в России. Сопоставление российских данных с показателями для Беларуси и Украины позволяет существенно уточнить наше понимание рассматриваемого явления (табл. 3).

В постсоветский период доля внебрачных рождений росла во всех трех странах. В 1990 г. ее величина в Беларуси (8,5%) заметно отличалась от той, что была в России (14,6%). Максимальные значения показателя в Беларуси (24,2%) и в России (30%) были достигнуты одновременно — в 2005 г. В 1990 г. доля внебрачных рождений на Украине (11,2%) была ближе к российской, чем показатель для Беларуси. Максимум этого показателя рождений на Украине (22,1%) был достигнут заметно позднее, чем в Беларуси и России, — только в 2013 г. В Беларуси, по последним имеющимся данным, в 2018 г. показа-

тель (13%) упал настолько, что был значительно ниже, чем в России. В 2019 г., после снижения, доли внебрачных рождений в России (20,9%) и на Украине (20,5%) были очень близки. Таким образом, рассмотренные данные хорошо показывают, что динамика внебрачной рождаемости в России не была уникальна, а подобна той, что была в Беларуси и на Украине.

Региональная динамика и дифференциация

Опубликованные Росстатом (ранее Госкомстат России) за весь период с 1990 по 2019 г. данные для 78 регионов позволяют проследить региональную динамику и дифференциацию внебрачной рождаемости в постсоветский период. Для получения общего представления об этом естественно начать с рассмотрения всех таких данных, сгруппированных по величине доли внебрачных рождений (табл. 4).

В 1990 г. доля рождений вне брака в большинстве регионов (в 43 из 78) не превышала 15%. В 1995 г. для большинства регионов (48) наблюдались более высокие значения показателя — между 15 и 25%, причем наиболее многочисленной группой была та, в которой доля рождений вне брака составляла от 15 до 20%. В 2000 и 2005 гг. самой многочисленной стала группа регионов, которая имела заметно больший показатель — между 25 и 30%. Начиная с 2010 г. наиболее многочисленной была меньшая по значению группа — от 20 до 25%. Значения показателя для большинства регионов в 2015 г. (52) и в 2019 г. (54) снова концентрировались, как и в 1995 г., в интервале между 15 и 25%. Доля рождений вне брака не менее 40% была характерна для значительного количества регионов только в 2000 г. (9) и 2005 г. (10). В остальные годы число регионов с таким показателем было крайне незначительно (1–2), а в 1990 г. не было

Таблица 3

ДОЛЯ ВНЕБРАЧНЫХ РОЖДЕНИЙ СРЕДИ ВСЕХ РОЖДЕНИЙ В БЕЛАРУСИ, РОССИИ И НА УКРАИНЕ, 1990–2019 гг. (в %)

Год	Беларусь	Россия	Украина
1990	8,5	14,6	11,2
1995	13,5	21,1	13,2
2000	18,6	28,0	17,3
2005	24,2	30,0	21,4
2010	19,6	24,9	21,9
2013	16,1	23,0	22,1
2015	13,8	21,6	20,6
2019	13,0*	20,9	20,5

*2018 г.

Источники: Демографический ежегодник. 1991. М.: Статкомитет СНГ, [1992]. С. 227. Демографический ежегодник Республики Беларусь. Минск: Белстат, 2019. С. 263; Демографический ежегодник России. 2021. М.: Росстат, 2021. С. 67; Населення України 2021. Київ: Держстат України, 2022. С. 104.

Таблица 4

ГРУППИРОВКА РЕГИОНОВ РОССИИ ПО ВЕЛИЧИНЕ ДОЛИ ВНЕБРАЧНЫХ РОЖДЕНИЙ СРЕДИ ВСЕХ РОЖДЕНИЙ, 1990–2019 ГГ. (в %)*

Доля внебрачных рождений	Число регионов						
	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2019
Менее 15,0	43	10	0	0	2	3	5
15,0–19,9	27	25	7	2	5	24	25
20,0–24,9	7	23	18	13	31	28	29
25,0–29,9	0	8	24	26	17	10	10
30,0–34,9	0	11	13	14	13	10	6
35,0–39,9	1	0	7	13	8	1	1
40,0 и более	0	1	9	10	2	2	2

*Данные приведены по одинаковому числу регионов (78), для которых имеются опубликованные Росстатом (ранее Госкомстат России) показатели за весь период. Жирным шрифтом выделены наиболее многочисленные группы регионов.

Источники: Демографический ежегодник России. М.: Госкомстат России, 1997. С. 229–238; Демографический ежегодник России. М.: Госкомстат России, 2001. С. 151–161; Демографический ежегодник России. 2006. М.: Росстат, 2006. С. 166–172; Естественное движение населения Российской Федерации за 2010 год. М.: Росстат, 2011. С. 12–14; Естественное движение населения Российской Федерации за 2015 год. М.: Росстат, 2016. С. 12–14; Естественное движение населения Российской Федерации за 2019 год. М.: Росстат, 2020. С. 15–17.

ни одного такого региона. Отмеченные изменения, конечно, соответствовали динамике величины показателя в целом по стране (табл. 1).

Обращение к данным по отдельным регионам позволяет детализировать наше представление о региональной динамике и дифференциации внебрачной рождаемости (табл. 5). Эти данные показывают, что начиная с 2000 г. минимальные значения показателя внебрачной рождаемости наблюдались в Кабардино-

Балкарии. До этого, в 1990 и 1995 гг., они были характерны для Пензенской области. В течение всего постсоветского периода наивысшее распространение внебрачной рождаемости было в Тыве, где ее доля в 2005 и 2015 гг. достигала 65,6%. Среди регионов с преобладающим русским населением наибольшие значения показателя наблюдались в разные годы в Иркутской области (23,6% в 1990 г. и 40% в 2010 г.), Магаданской области (34,5% в 1995 г.), Пермском

крае (44,8% в 2000 г. и 47,2% в 2005 г.) и в Еврейской автономной области (35,5% в 2015 г. и 32,5% в 2019 г.).

Доля внебрачных рождений среди всех рождений в Москве и Санкт-Петербурге на протяжении большей части рассматриваемого периода была ниже, чем в среднем по России (исключение — показатель для Санкт-Петербурга в 1990 и 1995 гг., а также для Москвы в 1995 г.). В обоих городах он достиг максимума в 2005 г. (25,3% в Москве и 27,9% в Санкт-Петербурге), а к концу рассматриваемого периода, в 2019 г., имел почти одинаковые значения в обоих столичных городах (18,1% в Москве и 18,0% в Санкт-Петербурге).

Как уже было неоднократно отмечено при анализе общероссийской динамики, в 2005 г. доля внебрачных рождений в целом по стране достигла максимума — 30% (табл. 1). Поэтому естественно уделить особое внимание географии явления в том году, которая представлена на карте (рис. 1). На этой карте хорошо видно, что распределение регионов по величине показателя не было случайным, а, как правило, имело форму кластеров, образуемых несколькими соседними регионами.

В европейской части страны кластер с долей внебрачных рождений более 40% образовывали три северо-восточных региона: Архангельская область, Республика Коми и Пермский край. При этом в последнем регионе, как отмечалось выше, в 2005 г. было наиболее распространены рождения вне брака среди всех регионов с преобладающим русским населением. Тут просматривается определенная историческая преемственность, поскольку Пермская губерния (правда, в более широких границах) в конце XIX в. занимала лидирующее место по распространению внебрачных рождений в Европейской России¹. Подобные два кластера со столь же высокой долей внебрачных рождений видны на карте в Восточной Сибири (Иркутская область, Бурятия и Тыва) и на Дальнем Востоке (Хабаровский край, Магаданская область, Еврейская автономная область и Чукотка). Все регионы, имеющие следующее значение показателя — от 35 до 40%, также образовывали сплошные массивы, которые находились между кластерами с наивысшими его величинами (в Западной и Восточной Сибири) или примыкали к ним (на северо-востоке европейской части страны и на Дальнем Востоке).

Таблица 5

ДОЛЯ ВНЕБРАЧНЫХ РОЖДЕНИЙ СРЕДИ ВСЕХ РОЖДЕНИЙ В НЕКОТОРЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ, 1990–2019 ГГ. (В %)*

Регион**	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2019
Кабардино-Балкария	10,3	12,9	15,1	15,9	11,9	10,8	9,6
Воронежская область	10,1	13,4	18,5	16,2	16,7	16,5	16,1
Тамбовская область	10,6	14,7	18,3	22,9	21,9	17,8	10,0
Пензенская область	9,7	12,1	18,5	23,7	14,6	12,9	13,6
г. Москва	13,4	22,4	25,2	25,3	21,4	18,6	18,1
г. Санкт-Петербург	15,4	24,2	27,8	27,9	22,3	17,8	18,0
Магаданская область	17,7	34,5	42,9	42,8	37,9	32,8	31,4
Еврейская автономная область	22,3	30,8	42,5	44,8	39,5	35,5	32,5
Иркутская область	23,6	31,8	43,4	46,1	40,0	33,1	29,5
Пермский край	21,9	33,9	44,8	47,2	37,4	30,0	28,5
Тыва	36,5	46,9	58,0	65,6	61,0	65,6	56,0
Россия	14,6	21,1	28,0	30,0	24,9	21,6	20,9

*Жирным шрифтом выделены крайние значения показателя для регионов с преобладающим русским населением.

**Приведены в соответствии с величиной показателя в 2005 г.

Источники: см. источники к табл. 4.

¹ См.: Coale A.J., Anderson B.A. and Härm E. Human Fertility in Russia Since the Nineteenth Century. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1979. P. 252–253.

Рисунок 1

ДОЛЯ ВНЕБРАЧНЫХ РОЖДЕНИЙ СРЕДИ ВСЕХ РОЖДЕНИЙ В РЕГИОНАХ РОССИИ, 2005 г.
(в %)

Менее 20,0
  20,0-24,9
  25,0-29,9
  30,0-34,9
  35,0-39,9
  40,0 и более

Оценка вклада брачных и внебрачных рождений в динамику уровня рождаемости

В течение продолжительного периода уровень рождаемости в постсоветской России был низким, однако после 2005 г. начался его значительный рост, который продолжался до 2015 г. За десять лет коэффициент суммарной рождаемости увеличился с 1,29 до 1,78. И именно в 2005 г., как уже отмечено, доля внебрачного компонента в абсолютном числе рождений достигла максимума, а затем стала снижаться (табл. 1).

Коэффициент суммарной рождаемости широко используется в демографии для характеристики динамики рождаемости за календарные годы. Он показывает, сколько в среднем детей родила бы одна женщина на протяжении всего репродуктивного периода (15–49 лет) при уровне рождаемости в каждом возрасте того года, для которого вычислен. Это стандартизованный показатель, элиминирующий влияние различий в возрастной структуре, что делает его пригодным для разнообразных сопоставлений. Рассматривая влияние брачности на рождаемость, естественно разложить этот показатель

на соответствующие категории родившихся¹. Результаты разложения коэффициента суммарной рождаемости показывают, что подавляющая часть его прироста за десятилетие была вызвана увеличением уровня брачной рождаемости — 0,46 из 0,49 (табл. 6).

Вклад брачного компонента в коэффициент суммарной рождаемости за этот период возрос с 70,5% в 2005 г. до 77% в 2015 г. При этом величина компонента, обусловленного внебрачными рождениями, зарегистрированными по заявлению матери, осталась без изменений — 0,20, а компонент, отражающий динамику рождений, зарегистрированных на основании установления отцовства, увеличился с 0,18 лишь до 0,21. Таким образом, приведенный расчет хорошо показывает ре-

¹ Мною использована методика, описанная в: Бондарская Г.А., Дарский Л.Е. Брачное состояние женщин и рождаемость // Демографические процессы в СССР. Отв. ред. А.Г. Волков. М.: Наука, 1990. С. 54–55. Эта методика соответствует классическому подходу к измерению относительного вклада брачного и внебрачного компонентов в общий уровень рождаемости, см.: Kuczynski R.R. The Measurement of Population Growth: Methods and Results. London: Sidgwick and Jackson, 1935. P. 156–159.

шающую роль увеличения рождаемости в браке в общем росте рождаемости в России с 2005 по 2015 г.

К 2019 г. коэффициент суммарной рождаемости снизился до 1,50. По сравнению с 2015 г. сократилась величина всех его рассматриваемых компонентов. Однако вклад брачного компонента не уменьшился, а достиг 78%. В 2019 г. коэффициент суммарной рождаемости оставался заметно выше (на 0,21), чем в 2005 г., когда он составлял 1,29. Это было вызвано только большим (на 0,26) уровнем брачной рождаемости, тогда как величина компонента, обусловленного внебрачными рождениями, зарегистрированными по заявлению матери, сократилась на 0,04, а компонент, отражающий динамику рождений, зарегистрированных на основании установления отцовства, снизился незначительно — на 0,01. Так детализированные методы анализа хорошо показывают рост значения брачности в современной рождаемости в России.

Выводы

Рассмотрение обширных цифровых данных официальной статистики, которые отражают влияние брачности на рождаемость, позволило достаточно подробно проанализировать несколько основных аспектов проблемы. Этот анализ показал, что в России доля детей, рожденных в браке, была минимальной в 2005 г. В этом году удельный вес внебрачных

рождений стал заметно выше, чем был даже в условиях огромной послевоенной половой диспропорции. Однако в дальнейшем распространение внебрачных рождений заметно сократилось. В этом Россия резко отличалась от большинства стран Европы и США, но не была уникальной. Динамика изменений внебрачной рождаемости в Беларуси и на Украине была аналогична российской.

Расчеты на основе такого стандартизованного показателя, как коэффициент суммарной рождаемости, показали, что почти все очень существенное (на 0,49 ребенка в расчете на одну женщину) повышение общего уровня рождаемости между 2005 и 2015 гг. было достигнуто за счет его брачного компонента. Последовавшее затем снижение общего уровня рождаемости не привело к сокращению относительного вклада этого компонента.

Анализ выявил существенную региональную дифференциацию распространения внебрачной рождаемости. Вместе с тем распределение регионов по величине характеризующего ее показателя не было случайным, а, как правило, имело форму кластеров, образуемых несколькими соседними регионами. Частота рождений вне брака в Москве и Санкт-Петербурге начиная с 2000 г. была ниже, чем в среднем по России. Такие рождения наиболее распространены на северо-востоке европейской части страны, в Сибири и на Дальнем Востоке.

Таблица 6

ДИНАМИКА КОЭФФИЦИЕНТА СУММАРНОЙ РОЖДАЕМОСТИ В РОССИИ, РАЗЛОЖЕННОГО ПО КАТЕГОРИЯМ РОДИВШИХСЯ, 2005–2019 гг.

Категория родившихся	Коэффициент суммарной рождаемости			Динамика коэффициента		
	2005	2015	2019	Между 2005 и 2015	Между 2015 и 2019	Между 2005 и 2019
1. Все родившиеся (2) + (3)	1,29	1,78	1,50	+0,49	–0,28	+0,21
Из них:						
2. У матерей, состоявших в зарегистрированном браке	0,91	1,37	1,17	+0,46	–0,20	+0,26
3. У матерей, не состоявших в зарегистрированном браке (4) + (5)	0,38	0,41	0,33	+0,03	–0,08	–0,05
В том числе зарегистрированные:						
4. По заявлению матери	0,20	0,20	0,16	0,00	–0,04	–0,04
5. На основании установления отцовства	0,18	0,21	0,17	+0,03	–0,04	–0,01

Источники: Тольц М. О влиянии брачного статуса на рождаемость // Демоскоп Weekly. 2020. № 871–872. Табл. 3; Демографический ежегодник России. 2021. М.: Росстат, 2021. С. 57, 63, 67, 68.

Собранные в целом по России данные показывают, что внебрачные рождения, особенно у одиноких матерей, скорее связаны с неблагополучием, они чаще распространены у женщин с низким уровнем образования¹. Более того, анализ данных по субъектам Российской Федерации за 2008 г. выявил тесную отрицательную корреляцию доли внебрачных рождений и величины ожидаемой продолжительности жизни, а также положительную корреляцию этой доли с коэффициентом смертности мужчин трудоспособного возраста от внешних причин².

После 2005 г. среди населения России продолжался рост значения базовых ценностей, относящихся к открытости изменениям³. По-

этому трудно согласиться с тем, что «мы имеем дело с признаками торможения или даже консервативного отката (выделено мною. — М. Т.) в процессе деинституциализации брака в России»⁴. Ведь падение распространенности юридического брака и рост рождений вне его вряд ли тождественны прогрессу. Другое дело, что изменяется содержание брака⁵. Российский опыт, отнюдь не уникальный (поскольку подобной была динамика внебрачной рождаемости в Беларуси и на Украине), показывает, что этот процесс может идти без деинституциализации брака, а главное — сопровождаться заметным ростом его значения в сфере рождаемости.

¹ Чурилова Е.В., Чумарина В.Ж. Внебрачные рождения и добрачные зачатия в России. С. 47.

² Клут М.А. Демографическая повестка XXI века: теории и реалии // Социологические исследования. 2010. № 8. С. 64.

³ Магун В.С., Руднев М.Г. Динамика базовых ценностей российского населения: 2006–2018 // Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций (к 90-летию со дня рождения В.А. Ядова). Международная научная конференция (Москва, 28–30 ноября 2019 г.). Сборник материалов / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. С. 651–653; Магун В., Руднев М. За пределами «человека советского» — россияне в европейской ценностной типологии // Сайт экспертной группы «Европейский диалог». 2020. URL: <http://www.eedialog.org/ru/2020/07/17/za-predelami-cheloveka-sovetskogo-rossijane-v-evropejskoj-cennostnoj-tipologii>.

⁴ Захаров С.В. Брачная структура населения, заключение и прекращение браков в России в свете результатов микропереписи населения 2015 г. // Население России 2016: двадцать четвертый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. С.В. Захаров. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018. С. 120.

⁵ См., напр.: Кон И.С. Клубничка на березке: Сексуальная культура в России. 3-е изд. М.: Время, 2000; Гурко Т.А. Эволюция и трансформация института брака: анализ эмпирических индикаторов // Социологические исследования. 2021. № 5. С. 58–69.

Любовь БОРУСЯК

Новая волна эмиграции

Массовые эмиграционные потоки из стран с неблагоприятной экономической и (или) политической ситуацией — не уникальное явление: во всем мире они случаются регулярно. Тем не менее новая мощная волна эмиграции из России с первых же недель вызвала большой интерес у исследователей, которые пытаются определить ее масштабы и сравнить с предыдущими волнами. Последняя заметная волна эмиграции произошла в первые постсоветские годы, но довольно быстро схлынула. Длительное время — примерно четверть века — Россия относилась к странам с невысокой эмиграционной активностью, а потому и серьезных исследований этого процесса было очень мало, причем это были совсем небольшие, локальные исследования¹.

Масштабы постсоветской эмиграции неизвестны по целому ряду причин: ее статистика не ведется, особенно сводная, многие люди по многу лет живут в других странах, оставаясь обладателями только российских паспортов, кроме того, что в течение длительного периода многие уехавшие россияне не рассматривали свой отъезд как окончательный, а само понятие эмиграции считали устаревшим. Конечно, оценки масштабов эмиграции из России производились, но их разброс — от 1,5 до 10 млн человек — показывает, что они очень условны².

¹ См., напр.: Грунт Е.В., Журавлева-Леенаф О. Культурная идентичность русскоязычных эмигрантов в современной Франции // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Социальные науки. 2015. Т. 10. № 4. С. 145–153; <file:///C:/Users/lubov/Downloads/1793-3815-1-SM.pdf>; Зборовский Г.Е., Широкова Е.А. Ностальгия российских эмигрантов: пробный опрос в Финляндии // Социологические исследования. 2003. С. 75–79. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/782/909/1216/010.ZBOROVSKI.pdf>; Климович Л.В., Лукичева Л.Ю. Специфика социокультурной идентичности современных выпускников российских вузов, эмигрировавших за рубеж (по материалам Ульяновского региона) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. University Proceedings. Volga Region. Social Sciences. Sociology. 2017. № 3 (43). С. 98–106; URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/spetsifika-sotsiokulturnoy-identichnosti-sovremennyh-vypusknikov-rossiyskih-vuzov-emigrirovavshih-za-rubezh-po-materialam>.

² URL: <https://www.interfax.ru/russia/531362> (последняя дата обращения: 10.05.2023); Рязанцев С., Письменная Е., Лукьянец А. и др.

Наиболее реалистичными кажутся оценки некоторых демографов, предполагающих, что за постсоветский период из России уехало около 3 млн граждан³.

В относительном выражении к числу российского населения эмиграция из России была не очень активной, в отличие от многих других постсоветских стран, таких как Молдова, Украина, Узбекистан, Литва, Латвия. Возможно, поэтому проблема эмиграции из России долгое время не вызывала большого научного интереса: только в конце 2010-х гг. начались активные исследования, посвященные этой теме. Практически одновременно были опубликованы две работы: монография Шейлы Пuffer, Даниэля МакКарти и Даниэля Сатински «Hammer&Silicon: The Soviet Diaspora in the US Innovation Economy»⁴ и доклад Джона Хёрбста и Сергея Ерофеева «Путинский исход: новая утечка мозгов» Атлантического совета Соединенных Штатов⁵.

Тогда же был проведен опрос молодых высокообразованных экспатов, который показал, что само понятие эмиграции представляется им устаревшим, поскольку в ситуации открытых границ люди свободно перемещаются по миру, выбирая страну проживания по собственному желанию⁶.

Современная эмиграция из России и формирование русскоязычных сообществ за рубежом // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 6. С. 93–107.

³ Денисенко М.Б. Эмиграция из бывшего СССР за последнюю четверть века. Доклад на научном семинаре в НИУ ВШЭ 24 апреля 2019 г. URL: <http://www.liberal.ru/articles/7357>.

⁴ Puffer Sh.M., MacCarthy D.J., Satinsky D.M. Hammer&Silicon: The Soviet Diaspora in the US Innovation Economy // Cambridge University Press, 2018.

⁵ Хёрст Дж., Ерофеев С. Путинский исход: новая утечка мозгов. Атлантический совет Соединенных Штатов, 2019. URL: http://publications.atlanticcouncil.org/putinskiy-ishod/putinskiy-ishod.pdf?fbclid=IwAR1ejwmkh52Vy-66bWHaR_ixDN6uQwgHbhpfiVv7L4GcuPmLKLEtPyibhE (дата обращения: 09.05.2023).

⁶ Борусяк Л. Молодые интеллектуалы: почему они уезжают и собираются ли вернуться? // Вестник общественного мнения. № 1–2 (128). С. 147–160.

После начала спецоперации в Украине тема эмиграции привлекла большое внимание как исследователей¹, так и широкой общественности. Стало очевидным, что теперь название доклада Атлантического совета, казавшееся преждевременным, начинает становиться реальностью. Относительно спокойная в течение многих лет ситуация сменилась настоящим эмиграционным взрывом, причем в значительной мере, судя по всему, этот процесс затронул наиболее образованную и успешную часть населения — тех, кого принято условно называть средним классом. Непонятно, насколько массовым оказался этот процесс, поскольку он все еще продолжается, но очевидно, что в течение года уехали сотни тысяч человек (хотя и не миллионы, как это нередко пишут в прессе и социальных сетях). На Демографической секции XXIV Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества специалисты по миграции оценивали количество уехавших за год россиян в 500–800 тысяч человек. Точно такую же оценку дает и демограф Алексей Ракша².

Эмиграционная активность резко выросла, при этом в ходе всероссийских опросов общественного мнения, проведенных Левада-центром, парадоксальным образом процент респондентов, заявивших о своем желании уехать за границу на постоянное местожительство, резко сократился: если в феврале 2022 г. 19% опрошенных ответили на этот вопрос «определенно да» и «скорее да», то уже через месяц их стало только 10%, причем этот показатель оставался практически стабильным в течение года. В феврале 2023 г. положительный ответ на вопрос о желании эмигрировать дали 11% респондентов³. Традиционно количество ответов такого рода существенно выше у представителей самой молодой возрастной группы (18–24 год: среди них ответы «определенно да» и «скорее да» дали 23%, что тоже существенно меньше, чем это было до начала спецоперации. Парадокс между резким ростом миграционной

активности и таким существенным снижением числа ответов о желании уехать объясняется тем, что раньше люди, говорившие о своем желании уехать из страны, имели в виду не столько реальную готовность к отъезду (их было не более 1%), сколько неудовлетворенность своей жизнью в России. Теперь же эмиграция в массовом сознании воспринимается в политическом ключе, а в ситуации высокого уровня поддержки специальной военной операции (в марте 2023 г. 72% респондентов указали, что они «определенно» или «скорее» поддерживают действия российских вооруженных сил в Украине⁴) отъезд означает отсутствие лояльности происходящему.

Тем не менее в России есть и противники спецоперации. В марте прошлого года их доля была минимальной — 12%, потом несколько повысилась и колеблется от 15 до 17%⁵, а это более 15 млн взрослых россиян, причем в младшей возрастной группе их по результатам мартовского опроса 2023 г. треть (34%). Именно они и стали основой новой волны эмиграции, а поскольку среди эмигрантов новой волны преобладают люди с высокими интеллектуальными и профессиональными ресурсами, жители крупнейших городов, то можно сказать, что название доклада Атлантического совета теперь описывает действительность.

Я 1 апреля 2022 г. начала исследование новой волны эмиграции. Хотелось понять причины отъезда, выяснить, в какие страны поехали новые эмигранты и релоканты, их мотивацию, первые проблемы, с которыми они столкнулись. Но потом стало ясно, что это долговременная эмиграционная волна, имеющая как пики, так и менее выраженные «хвосты», а потому необходимо исследовать, что с уехавшими происходит дальше, как они адаптируются к новой для себя ситуации: таким образом, исследование приобрело лонгитюдный характер. Я стала формировать панель респондентов, к которым обращаемся с перерывами в несколько месяцев.

Описание исследования и ограничения выборки

Исследование носит лонгитюдный характер, включает онлайн-интервью на платформе ZOOM с людьми, уехавшими из России, а также интернет-опросы среди остающихся в стра-

¹ В основном эти исследования проводят социологи, находящиеся вне России. В большинстве случаев они изучают ситуацию в странах, где находятся: в Армении, Грузии, Израиле и пр., хотя есть коллективы, изучающие ситуацию в других странах. Например, финские исследователи изучают российскую эмиграцию в разные страны.

² URL: https://prufy.ru/news/society/136372-eto_budet_rekordno_nizkoe_chislo_rodishikhhsya_vozmozhno_za_200_s_lishnim_let_aleksey_raksha_o_vliya/?fbclid=IwAR1okVISkUnQYAS0uMnW2g6ct6CeBThpfb1V6RemPEJ7yDbc53wuwclUM4o (дата обращения: 10.05.2023).

³ URL: <https://www.levada.ru/2023/03/07/emigratsionnye-nastoeniya-i-otnoшение-k-uehavshim-iz-rossii/> (дата обращения: 10.05.2023).

⁴ URL: <https://www.levada.ru/2023/03/30/konflikt-s-ukrainoj-otsenki-marta-2023-goda/> (дата обращения: 10.05.2023).

⁵ Здесь же.

не жителей, не согласных с происходящим. В этой статье в основном анализируются интервью с уехавшими.

Исследование не претендует на репрезентативность, его участники принадлежат к одной, достаточно узкой, группе — это люди с высшим образованием и студенты, преимущественно проживающие или проживавшие в Москве и Санкт-Петербурге (около 2/3 респондентов), а также в городах-миллионниках и других городах.

Эта ограниченность выборки была вызвана двумя обстоятельствами.

1. Принципиальным решением сосредоточиться на узкой группе, чтобы при большом количестве замеров получить самое общее представление о миграционном поведении именно таких людей. Кроме того, это дает возможность сравнить новую волну эмиграции с тем, что происходило до начала спецоперации, т.е. с результатами моего исследования высокоинтеллектуальной эмиграции, проведенного в 2018 г.

2. Характером набора. Использовался метод «снежного кома»: я опубликовала в своей социальной сети приглашение дать интервью или заполнить анкету, адресованное интересующей меня аудитории, и просила всех желающих распространять приглашение в своих социальных сетях и мессенджерах. Очень многие сделали это, сочтя исследование важным. Кроме того, для начала написала письма-приглашения дать интервью своим уехавшим знакомым, которые, в свою очередь, давали новые контакты. Когда об исследовании стало известно довольно широкому кругу, ко мне стали обращаться люди, находящиеся за рубежом после 24 февраля 2022 г., желающие дать интервью.

На данный момент исследование включает несколько этапов.

Первый этап: апрель 2022 г. — 60 интервью с уехавшими; 20 апреля — 500 заполненных анкет остающихся, после чего набор был закрыт, хотя в течение длительного времени мне писали люди, которые не успели заполнить анкету и просили продолжить набор.

Второй этап: август — 20 сентября 2022 г. — 100 интервью с уехавшими, в том числе 50 интервью с участниками весеннего этапа. Поскольку 21 сентября 2022 г. была объявлена частичная мобилизация, вызвавшая новую волну отъездов, в октябре исследование было продолжено — было взято 41 интервью с новыми респондентами. 10–11 ноября 2022 г. — опрос остающихся, 1300 заполненных анкет. И

вновь нашлось много людей, не успевших принять участие в опросе и пожелавших сделать это позже.

Третий этап: апрель — май 2023 г. — 80 интервью с уехавшими, в основном с теми, кто принимал участие в одном или двух предыдущих замерах.

Специфика данного исследования в том, что в связи с его лонгитюдностью и формированием панели уехавших респондентов есть возможность проследить их территориальные перемещения, профессиональные и (или) статусные изменения, адаптационные и интеграционные процессы. Вторая особенность — большое желание людей принимать участие в исследовании. Доля отказов дать интервью в первый и последующий разы была практически нулевой. В ходе осенних интервью, обратив внимание на эту активность, я начала спрашивать респондентов, с чем связано такое стремление принять участие в исследовании. Хорошо известно, насколько велик процент отказов у опросных фирм по всему миру, а здесь ситуация оказалась противоположной: люди очень хотели дать интервью и рассказать о себе. Выяснилось, что на то были три причины и одно важное обстоятельство. Готовность говорить респонденты объясняли доверием ко мне лично, чувством безопасности. Как сказала одна из респонденток: *«Если бы это были не вы, я бы ни за что не согласилась о себе рассказывать»*¹. По-видимому, люди, помогавшие мне с набором респондентов, ручались, что мне можно доверять и что все ответы будут использоваться только в научных целях. Что касается причин, по которой люди охотно давали интервью, в основном называли три:

1) такой разговор имеет психотерапевтический эффект — после интервью, даже когда я людей об этом не спрашивала, почти половина респондентов говорила, что им стало легче, что разговор стал для них своеобразной формой психотерапии;

2) это возможность лучше понять себя, от-рефлексировать, что с ними происходит. Резкое, часто неожиданное изменение жизни у многих вызвало желание лучше разобраться в себе и происходящем;

3) это исповедь.

Очень многие респонденты говорили, что, рассказывая о своих проблемах и переживаниях, они снимают напряжение, а потому были открытыми и искренними. В религиозном

¹ Здесь и далее цитаты респондентов даются курсивом.

смысле исповедоваться — значит рассказать о своих грехах и получить прощение; большинство моих респондентов, судя по всему, не чувствовали потребность в самооправдании. Некоторые из них не были уверены в правильности своего решения уехать, подозревали, что они сделали неверный выбор. Но все-таки немногие чувствовали вину за это и хотели каким-то образом снять ее с себя: скорее, такая светская исповедь в понимании респондентов — просто высокая степень откровенности.

Что касается остающихся несогласных, в их случае высокая активность в заполнении анкет связана с чувством социальной непредставленности, желанием заявить о себе обществу, показать, что они существуют: им очень тяжело и страшно, но у них нет возможности заявить о себе, не подвергаясь опасности, а анонимный опрос дал им такую возможность. Оставшимся в стране несогласным очень хотелось быть замеченными, услышанными, представленными в обществе, но у них не было для этого каналов. Как только такая возможность представилась, огромное количество людей охотно ею воспользовалось.

Основные социально-демографические характеристики респондентов

В ходе трех этапов исследования было взято 290 интервью; на втором и третьем этапе значительная часть из них были повторными (со многими респондентами я беседовала уже три раза с полугодовыми перерывами), но каждый раз добавлялись новые участники, которыми пополняется панель. Причин пополнения базы респондентов две: 1) эмиграционные процессы продолжаются, люди уезжают в период между замерами, причем оказываются не совсем в той же ситуации, что уехавшие раньше: 2) люди сами предлагают рассказать о себе, им это важно, и я не могу им отказать.

Гендерный баланс по сумме всех интервью оказался равным, мужчины и женщины представлены в одинаковом количестве. Возрастной разброс от 18 до 60 лет, но наиболее многочисленная группа — 25–45 лет. Это понятно, поскольку многие респонденты говорили, что уже после 50 лет очень тяжело так резко менять свою жизнь, фактически начинать ее с белого листа, а после 60 лет это практически невозможно. Исключение составляет Израиль, куда нередко уезжают расширенные семьи, а помощь государства в адаптации максимальна.

На первом этапе (в апреле 2022 г.) почти все респонденты уехали из Москвы и Санкт-Петербурга, на более поздних этапах появилось небольшое количество людей из других городов, но жители двух столиц по-прежнему преобладали.

Профессиональный состав участников исследования очень разнообразен: это представители IT-сектора, доля которых была максимальной на первом этапе исследования, поскольку большинство из них очень быстро после начала спецоперации релоцировалось в другие страны со своими компаниями, а также журналисты, научные сотрудники, включая докторов и кандидатов наук, школьные учителя, экономисты и финансисты, представители бизнеса, искусства, благотворительного сектора, гуманитарных профессий, студенты и пр.

Весной 2022 г. участники исследования находились в 15 странах, осенью того же года количество стран выросло до 26, причем 12 респондентов вернулись в Россию, но большинство из них снова уехали после объявления частичной мобилизации. Весной 2023 г. респонденты находились в 24 странах, причем было несколько человек, вернувшихся в Россию зимой — весной 2023 г.

Почему они уехали? Новая волна эмиграции: запланированная или ситуативная

Весной 2022 г. практически все респонденты уезжали спонтанно, заранее не подготовившись. Более половины из них (37 из 60) до 24 февраля не собирались никуда уезжать, остальные задумывались о возможном отъезде в неопределенном будущем, понимая, что ситуация в стране ухудшается, но не готовились к нему, и он все равно оказался для них неожиданно. Как говорили некоторые из таких респондентов, подготовка к отъезду если и была, то «очень вялотекущая». При этом довольно многие из них незадолго перед тем покупали квартиры в ипотеку, дачи, делали ремонт, т.е. собирались жить в России долгое время. Так что до начала этих событий большинство представителей этой группы режим в стране воспринимали как тяжелый, но вполне терпимый, не требующий резких действий — таких, как отъезд из страны.

Начало спецоперации все мои респонденты восприняли очень тяжело, драматически. Даже спустя полгода и год воспоминания об этом были крайне болезненными, а рассказы экспрессивными. Свое состояние в начале спец-

операции респонденты чаще всего определяли как «страх», «ужас», «шок», «потрясение».

Все они отмечали, что политическая ситуация к тому времени заметно ухудшилась, что режим постепенно ужесточался, но практически все были уверены, что мир — это устойчивая и неизменная норма, что может произойти очень много плохого, но только не то, что произошло. Именно нарушение этой жесткой, с точки зрения несогласных, нормы стало последней каплей, запустившей новый механизм — массовые отъезды. При этом лишь небольшое число респондентов полагало, что им угрожает реальная опасность репрессий из-за их политической активности. Не вызывает сомнений, что такого рода опасения стали причиной отъезда нескольких сотен россиян, но не десятков и не сотен тысяч.

Второй важнейшей причиной для очень быстрого, часто неподготовленного и незапланированного отъезда весной 2022 г. стал массовый страх перед возможным скорым закрытием границ и объявлением массовой мобилизации (люди называли конкретные даты, которые фигурировали в их кругу и в социальных сетях — 4 или 5 марта). Именно открытый мир, возможность свободно перемещаться по нему, приезжая и в Россию, считали нормой мои молодые респонденты в 2018 г., поэтому, как они полагали, даже само понятие эмиграции устарело¹. Да и вообще, всероссийский опрос о важнейших правах и свободах, проведенный Левада-центром в 2021 г., менее чем за год до начала спецоперации, показал, что важнее всего для россиян право на жизнь и личную неприкосновенность (75%), а право на свободу перемещения и выбора места жительства отметила как свой приоритет почти половина². Опасность возможной мобилизации воспринималась моими респондентами как недопустимое нарушение первого их права, а закрытие границ — второго.

Частичная мобилизация, объявленная в сентябре 2022 г., вызвала новый всплеск отъездов по той же причине, причем этот всплеск был явно выше весеннего и затронул уже не только жителей крупнейших городов и не только политически ангажированную часть общества. Как и весной, это мгновенно вы-

разилось во взлете цен на авиабилеты — это самое прямое свидетельство роста эмиграционной активности. Отметим, что весной 2023 г., когда появилась информация, что мобилизация может проводиться с помощью личных кабинетов на Госуслугах, нового взлета эмиграционной активности не произошло, заметного роста цен на билеты уже не было. Скорее всего потенциал людей, готовых резко, без подготовки покинуть страну, уже более или менее исчерпан. Спустя год после начала спецоперации у многих россиян уже есть знакомые, которые уехали таким образом раньше, но не смогли адаптироваться в новой стране из-за отсутствия ресурсов и вернулись, и остающиеся стали сопоставлять свое желание уехать со своими профессиональными и финансовыми возможностями.

Новая волна эмиграции стала массовым откликом на происходящее: как в случае любого обширного процесса, реакции его участников имеют индивидуальные различия, но гораздо больше сходств. Представители эмиграции 2022–2023 гг. объясняют свои действия одними и теми же немногими причинами. Практически все респонденты весной прошлого года говорили, что начало спецоперации стало для них неожиданностью и вызвало сильнейший шок. Год спустя некоторые респонденты, особенно новые, стали говорить, что течение политических событий последних лет вполне позволяло предположить возможность такого развития событий, но это была ретроспективная переоценка своего тогдашнего восприятия действительности. Сразу после начала событий таких ответов практически не было. Когда по прошествии времени стало ясно, что все это надолго, они уже иначе воспринимали ситуацию, предшествовавшую началу спецоперации.

В принципе, нарушение такой базовой нормы могло вызвать разные массовые реакции: мощная волна эмиграции — только один из вариантов. Но, судя по всему, для значительной части образованных столичных несогласных ориентация именно на отъезд в случае остро воспринимаемых социально-политических обстоятельств подспудно зрела давно. Весной и летом 2017 г. я брала интервью у участников молодежных протестов. Все они говорили о своей гражданской позиции, о необходимости бороться за демократию в стране, но когда спрашивала, что они будут делать, если это не получится, большинство отвечало коротко:

¹ Борусяк Л. Молодые интеллектуалы: почему они уезжают и собираются ли вернуться? // Вестник общественного мнения. № 1–2 (128). С. 153.

² Левинсон А. Права и свободы. URL: <https://www.levada.ru/2021/11/22/prava-i-svobody-2/>.

«Уеду!»¹. Они не думали о том, как и куда будут уезжать, не готовились к этому, но сама идея реакции в форме отъезда казалась наиболее приемлемой.

Чаще всего свою реакцию на начало спецоперации респонденты описывали как «страх», «ужас», «непонимание», и потому — стремление спастись, уехав; гораздо реже — как «гнев» и «возмущение», т.е. желание бороться, оставшись. Небольшое число респондентов в качестве причины отъезда называли реальную опасность репрессий, в основном это были политические активисты и правозащитники, а также те, кто рассматривал отъезд как политический жест («Я хотела развестись с этой страной», «Я не хочу платить налоги, которые пойдут на вооружение»). Были также единичные рассказы о чувстве бессилия: «Когда мы увидели, что почти никто не вышел на улицы, тут же решили уехать и через два часа купили билеты». Но все же главными причинами стали страхи, в том числе перед будущим — своим и своих детей.

Географическая мобильность: разнообразие, турбулентность, неопределенность

Можно выделить четыре основные особенности новой волны эмиграции в этом плане:

- 1) чрезвычайно широкий географический разброс;
- 2) случайный первоначальный выбор страны переезда;
- 3) очень высокая турбулентность: переезды, иногда неоднократные, из страны в страну;
- 4) твердая уверенность, что уже не будет страны, в которой они проживут всю жизнь.

Когда я брала интервью у молодых интеллектуалов², все они уезжали в конкретные страны, где были договоренности о работе или продолжении образования и где они собирались находиться длительное время. Поскольку у них были очень серьезные запросы к качеству университетов, где будут учиться, или к фирмам, где начнут работать, то разброс стран был невелик: это были США или европейские страны, прежде всего Германия, Великобритания, Франция, Нидерланды. Визовых или каких-то

иных проблем организационного толка у них не было.

С началом спецоперации, особенно в начале марта и конце сентября 2022 г., в моменты двух основных пиков эмиграционной волны, отъезды больше напоминали бегство. Уезжали не туда, куда хотели (хотели, как и раньше, в США и европейские страны), а туда, куда могли купить билеты, причем не за огромные деньги, туда, куда не требовались визы, а часто и наличие загранпаспорта. В ходе интервью опрос о выборе страны у многих респондентов вызывал недоумение: «Да куда могли уехать, туда и поехали», «Так особо выбирать не приходилось».

За время пандемии COVID-19 очень у многих закончились сроки действия загранпаспортов, почти у всех, у кого они были, — шенгенские визы, что резко сокращало возможности выбора страны. В результате подавляющее большинство оказывалось в странах, куда никогда не стремилось. Одна из респонденток свое положение объяснила так: «Эта страна никогда не входила в число ста первых стран, где я хотела бы жить». Естественно, в такой ситуации люди хотели и хотят переехать в более привлекательную для них страну, рассматривают страну первого выбора как своего рода «хаб», пересадочный пункт на пути к более подходящему месту проживания.

Казалось бы, после панической волны спонтанных отъездов весной 2022 г. люди могли подготовиться, хотя бы на всякий случай. Однако этого в целом не произошло по двум основным причинам. Во-первых, летом и в начале осени 2022 г. большинству уже уехавших стало казаться, что ситуация стабилизировалась. Очень многие респонденты весеннего этапа исследования в августе — начале сентября говорили, что уже не боятся закрытия границ, которое они теперь считали очень маловероятным, как и (хотя и в меньшей степени) объявление полной мобилизации. Более половины релокантов летом ездили в Россию: оформить необходимые документы, реже — продать квартиру или дачу, просто навестить родственников и друзей. Были и те, кто решил вернуться в Россию, во всяком случае, на время, поскольку им казалось, что это безопасно.

Так, один из юных респондентов, уехавший из России вместе с родителями, вернулся учиться в московский вуз. Интересный кейс произошел с молодым мужчиной, у которого был бизнес в Москве. Он в начале марта 2022 г. улетел из Москвы, но продолжал руководить своим биз-

¹ Борусяк Л.Ф. «Я же не овощ, который сидит за компом и жалуется на власть, я — гражданин». Анализ мотивации и гендерных особенностей участия молодежи в протестных акциях 2017 года // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2018. Т. 119. № 3. С. 153–168.

² Борусяк Л. Молодые интеллектуалы: почему они уезжают и собираются ли вернуться? // Вестник общественного мнения. № 1–2 (128). С. 147–160.

несом онлайн. В стране, где он оказался, ему не очень нравилось, бизнес вести удаленно было сложно, поэтому решил вернуться. При этом в начале сентября 2022 г. он мне рассказал, что чемодан, с которым прилетел в Москву, уже несколько месяцев стоит у него в коридоре, напоминая, что он может потребоваться, что расслабляться все же нельзя. Позже он снова улетел с этим чемоданом, о чем рассказал весной 2023 г.

Скорее всего это ощущение относительной безопасности было присуще и многим остающимся несогласным. Некоторые из них спокойно готовились к отъезду, чтобы он прошел максимально безболезненно. Другие (а их явно было много) не стали этого делать, не предполагая, что потребуются какие-то мгновенные, очень резкие действия.

Во-вторых, в осенней волне изменился состав уезжающих. Как рассказывали мне многие уехавшие респонденты, после объявления частичной мобилизации в городах, где они уже несколько месяцев жили, вдруг появилось множество людей, которые неплохо себя чувствовали в России, пока не ощущали угрозы себе лично, потому что не были противниками происходящего, а потому не готовились к отъезду. Но объявление частичной мобилизации заставило их уехать, причем многие считали свой отъезд временным и готовились вернуться при первой возможности. Думается, значительная часть этих людей так и поступила, как только закончились финансовые возможности жить в другой стране. От эмигрантов первой (весенней) волны они отличались тем, что в среднем относились к менее обеспеченным группам, имели худшую финансовую подушку. У них выбор страны чаще определялся не только отсутствием виз и загранпаспортов, но и стремлением найти самое дешевое для жизни место. Весной 2022 г. последний фактор также был достаточно важен для многих, но в несколько меньшей степени. Хотя и тогда респонденты не раз говорили, например, что в Турцию поехали более, а в Армению менее обеспеченные люди. Звучали и такие слова: «Эмираты — это для богатых», «Поехали бы в Аргентину, там при рождении ребенка сразу гражданство дают, но нам денег на билеты не хватало, не то что на жизнь там» и т.д.

О том, как происходили отъезды в пиковые моменты, приходилось выслушивать очень подробные, драматические рассказы: о том, например, как за 15 минут билет дорожал с 50 до 300 тысяч рублей, а то и больше; как билеты за-

канчивались в процессе оформления или рейс внезапно отменялся и люди металась по аэропорту, не зная, что делать. О привлекательности той или иной страны, возможности найти там работу речь в тот момент не шла вообще: лишь бы уехать. Осенью все социальные сети были заполнены фотографиями и видео с огромными очередями на проход в Грузию через Верхний Ларс, таким же сложным был в это время и проход через российско-казахскую границу. Один из моих респондентов был вынужден пешком пройти 40 километров, чтобы ускорить прохождение границы на сутки.

Тогда, весной 2022 г., наибольшее количество респондентов пришлось на Армению, Грузию, Турцию и Израиль, а остальные оказались в некоторых европейских странах (Латвии, Сербии, Чехии, Эстонии), в странах Средней Азии, одна семейная пара — в Аргентине. При этом лишь немногие рассматривали страну, где они оказались, как место постоянного или даже длительного (более шести месяцев — год) проживания. Некоторые уже к апрелю успели переехать из одной страны в другую, прожив в первой стране несколько недель, а то и дней.

Во время осеннего замера число стран увеличилось до 26. Добавились европейские страны (например, Франция, Германия, Нидерланды, Литва, Великобритания), а также США. При этом сократилось число находящихся в Армении, которую большинство весенних и новых осенних респондентов рассматривали как страну временного проживания; выросло число находящихся в Сербии, Черногории, а лидировали Грузия, Израиль и Турция. За это время 12 человек из 60 вернулись в Россию, но снова ее покинули после объявления частичной мобилизации. Наконец, весной 2023 г. из 24 стран, где находились респонденты, лидерами остались те же страны, но значительно увеличилось число находившихся в Германии, США, Казахстане и Литве. Появились респонденты и из Южной Америки, не только из Аргентины. При этом у многих по-прежнему географическая устойчивость не сформировалась. Довольно многие только что переехали в новую страну или собирались это сделать в ближайшее время. За год многие респонденты сменили одну-две страны, а часто и больше. Рекорд поставила молодая супружеская пара, которая успела пожить в шести странах, пока они не нашли постоянную работу в США.

Среди молодых одиноких респондентов и бездетных пар, преимущественно имевших не-

плохую финансовую подушку и работавших онлайн, нашлись те, кто такие переезды рассматривали как своего рода приключение — пусть незапланированное, но увлекательное. Правда, они составляют исключение из правила. Абсолютное большинство новых эмигрантов и релокантов, особенно люди не очень обеспеченные, семьи с детьми, люди среднего возраста, воспринимали необходимость переездов из страны в страну, ощущение нестабильности, сокращение (как они часто говорили «сдутие») горизонта планирования очень тяжело.

Новые эмигранты оказались в большинстве своем не в тех странах, в которых они хотели бы жить. Они считали себя представителями европейской культуры, носителями того, что они понимали как европейские ценности, а потому им казалось, что они имеют право оказаться в Европе или в США. Когда я брала интервью у молодых интеллектуалов, они с уверенностью говорили именно об этом: о том, что в лучших университетах мира, в крупнейших мировых компаниях они оказались совершенно заслуженно, это их законное место, поскольку они имеют отличное образование и высокую профессиональную квалификацию.

Но так было в мирное время, а теперь люди уезжали из страны, начавшей спецоперацию, поскольку были ее противниками. И тут выяснилось, что европейские страны не настроены их принимать, что получить визы и рабочие позиции в странах, куда они хотели бы поехать, им крайне сложно, а в некоторых просто невозможно. У очень многих это вызвало чувство обиды, они ощущали себя без вины виноватыми, отвергнутыми. Практически все мои респонденты весной прошлого года говорили, что такая политика европейских стран несправедлива, что это их (этих стран) отход от европейских ценностей, таких важных для самих уехавших россиян.

Правда, части респондентов с течением времени удалось перебраться в европейские страны и в США, особенно успешными оказались молодые высокообразованные люди. Поэтому за год география проекта существенно изменилась. Если весной в европейских странах, кроме Сербии, куда релоцировалось много фирм, а также достаточно доступной Черногории, было очень мало участников исследования, то к осени и весне 2023 г. их число существенно увеличилось. Отмечу, что среди моих респондентов много научных работников, часть из них была включена в международную науку, имела

связи с университетами и научными центрами. Благодаря этому многим удается получить контракты, но пока краткосрочные (на один-два года). Единственным исключением стала молодая супружеская пара, в прошлом году окончившая престижную московскую магистратуру по биологии. Оба они, столкнувшись, правда, с большими сложностями при получении визы, получили постоянные контракты с научными центрами в США.

Весной, как уже отмечалось, главными направлениями эмиграции стали безвизовые Грузия, Армения, Турция, а также Израиль, куда имели право в срочном порядке репатрироваться люди с еврейскими корнями. Осенью очень много людей поехали в страны Средней Азии. И вот там они оказались в сложной психологической ситуации. Россияне давно привыкли к массовой иммиграции из большинства этих стран. Очень многие в России воспринимали иммигрантов как нежелательное бремене для страны; предполагалось (а часто так и было в реальности), что они занимаются низкоквалифицированной, нередко тяжелой физической работой, непривлекательной для самих россиян. И вдруг ситуация коренным образом переменялась: теперь уже эмигранты из России поехали в Среднюю Азию, теперь их жизнь во многом зависела от отношения к ним местных жителей, с которыми они фактически статусно поменялись местами.

Надо сказать, что абсолютное большинство респондентов с благодарностью говорили, что местное население относится к ним очень хорошо, что они не сталкивались ни с какой враждебностью, а в большинстве этих стран у них не было языкового барьера, поскольку там многие говорят по-русски. Были единичные упоминания об эксцессах в Грузии, но ни одного — в Армении и Средней Азии. Никакой ответной враждебности («понаехали») не наблюдается. Другое дело, что находящиеся там россияне не могут найти работу, соответствующую их уровню квалификации и финансовым запросам. Они продолжают работать онлайн в тех же фирмах, где работали раньше, а потому в большинстве случаев надеются уехать в какую-то более привлекательную для них страну.

Мои респонденты оказались очень мобильными, в основном поневоле, но всех объединяет твердая уверенность, что в их жизни уже не будет страны постоянного проживания: они больше не рассматривают такую возможность. Пять лет назад многие молодые интел-

лектуалы говорили в интервью о том, что мир открыт, а потому нормально переезжать из страны в страну, если там лучше условия для работы. Один из них сформулировал это так: «*Мой дом там, где моя работа*»¹. Примерно так же охарактеризовать свою ситуацию могли бы и многие мои нынешние респонденты, только у прежних респондентов это был результат осознанного выбора образа жизни, а для нынешних этот выбор вынужденный, вызванный внешними, враждебными для них обстоятельствами. Между «*Я найду работу, которая мне интересна, в стране, в которой хочу несколько лет пожить*» и «*Поеду куда угодно, куда примут и где буду работать*» — пропасть, а ведь это люди сходных социальных, а часто образовательных и профессиональных данных.

К счастью, часть моих респондентов уже смогла найти страну по душе и работу, соответствующую профессиональному уровню, очевидно, их будет становиться все больше. Это видно хотя бы по распределению участников трех этапов исследования по странам проживания.

В первые месяцы в наилучшем, привилегированном положении оказались релоканты, переехавшие в другие страны со своими фирмами, особенно представители ИТ-сектора. Как говорили некоторые мои респонденты: «*Есть айтишники, а есть все остальные*». И действительно, одна представительница такой релокации описала ее так: «*У нас была лакшери-эмиграция. Компания заказала для нас специальный рейс, потом нас поселили в прекрасном отеле, пока мы не нашли подходящее жилье*». Постепенно выяснилось, что во многих странах есть спрос и на другие профессии, в том числе на людей, которые что-то умеют делать руками, а также на хороших учителей, экономистов и проч. Правда, очень многие респонденты, прожившие вне России уже более года, до сих пор работают онлайн на прежних местах, а потому у них нет чувства уверенности в завтрашнем дне, включая понимание, в какой стране они окажутся в конечном счете.

Свой среди своих, чужой среди чужих.

Выходить ли из зоны комфорта?

Сотни тысяч людей за очень короткий период оказались разбросанными по миру. Какое-то их количество (не очень большое в общей

массе) переехало, зная, где они будут жить и работать, серьезно подготовившись к переезду, постепенно таких людей и семей становится больше. Но остальные, особенно переехавшие в пиковые с точки зрения эмиграционной активности моменты, оказались в странах, в которых часто никогда не бывали прежде, не знают местного (а иногда вообще никакого иностранного) языка, не знают, как решать бытовые, организационные вопросы, с какими бюрократическими сложностями они столкнутся.

Для небольшой части респондентов все эти сложности померкли на фоне эйфории от обретенной свободы. В рассказах таких респондентов часто возникают слова «воздух», «дыхание». Они говорили, что смогли «*вздохнуть полной грудью*», «*почувствовали воздух свободы*», «*грудь наполнилась кислородом*», «*смогли нормально дышать*» и т.п. Но это чувство эйфории на первом этапе эмиграции свойственно далеко не всем, большинство испытывало острый стресс. Почти половина респондентов рассказывали, что им было психологически очень тяжело, осенью 2022 г. были даже упоминания о суицидальных настроениях. Вот как — вполне типичным образом — описала свое состояние одна из респонденток: «*Я долго не могла выйти из дома, просто не могла. У меня пачками выпадали волосы, я думала, что просто облысею*». Очень многие обращались за помощью к психологам, психотерапевтам, психиатрам. Даже те, кто испытал эйфорию от новой для себя ситуации, нуждались в помощи в решении бытовых проблем, без чего даже относительно короткое время невозможно жить в новой стране: снять за посильные деньги быстро дорожающее жилье, оформить счет в банке и т.д.

На первом этапе (весной 2022 г.) помощь поступала в основном онлайн, в форме советов и рекомендаций от людей, приехавших в страну и город раньше. Таких онлайн-сообществ возникало огромное количество, и этим новая волна эмиграции отличается от предыдущих, в частности от волны 30-летней давности. Только в Израиле новым репатриантам оказывает существенную поддержку государство. С течением времени, разобравшись в условиях новой жизни, люди весенней волны эмиграции стали как онлайн- так и офлайн помогать новым соседям. В этом смысле приехавшим осенью прошлого года было немного легче: появилось много людей, уже прошедших через решение общих проблем и готовых помочь не только словом, но и делом.

¹ *Борусяк Л.* Молодые интеллектуалы: почему они уезжают и собираются ли вернуться? // Вестник общественного мнения. № 1–2 (128). С. 153.

Отмечу, что не раз приходилось слышать, что люди, оказавшиеся в других странах до начала спецоперации, живущие за рубежом уже длительное время, нередко оказывались менее отзывчивыми. Довольно многие респонденты сетовали, что «старые» эмигранты им говорили или писали в группах в соцсетях, что им было трудно в свое время, они начинали с низов, а потому и вновь прибывшие должны пройти тот же тернистый путь. Конечно, это далеко не всегда было так, но случалось довольно часто. Отмечу, что очень многие люди, эмигрировавшие в конце 1980-х — начале 1990-х гг., действительно начинали с нуля, большинству из них было очень трудно.

В 1990 г. известный российский бард Евгений Клячкин написал песню с такими словами:

*Ах, Израиль, как здесь пьется, как поется!
Жизнь подмигивает: «Главное — не ной!
Ты же знал, что начинать с нуля придется!»
Да, конечно! Но не знал, что значит «ноль».*

Ту волну эмиграции обычно называют экономической, поскольку очень многие уезжали от бедности и профессиональной невостребованности. Оказавшись в более благополучных странах, люди были поражены совершенно другим уровнем жизни, наличием разнообразных товаров в магазинах (даже были рассказы, неизвестно, насколько правдивые, о падавших в обморок при виде такого изобилия). И большинство эмигрантов той волны стремилось повысить свой статус, достичь благополучия, не боясь потерять свой прежний статус, поскольку он был невысок. Теперь ситуация иная. Все мои респонденты — люди вполне успешные, большинство из них не раз бывало в европейских странах, их (представителей условного среднего класса) стандарты жизни уже не очень сильно отличались от стандартов их европейских коллег. А поскольку они чувствовали себя людьми европейскими, то в большинстве своем уже не готовы резко потерять в статусе и уровне жизни, хотя некоторые потери воспринимают с пониманием. И для них очень важна взаимопомощь, свойственно желание эту помощь принять, а со временем и оказать ее, чтобы как можно быстрее адаптироваться к новой жизни, начать жить нормально в том понимании, которое было у них в России.

Не случайно поэтому я слышала очень много рассказов о взаимопомощи людей новой эмиграционной волны. Приведу пространную

цитату из интервью 25-летнего парня, приехавшего в Казахстан в конце сентября 2022 г., сразу после объявления частичной мобилизации: «Перейдя границу, сначала я отоспался. Понял, что есть много ребят, которым нужна помощь, им негде остановиться. Они так же, как и многие, в панике покидали страну. Я решил заняться помощью в релокации молодых людей. В Уральске я жил в доме у своей тети и сестры. Они занимаются предпринимательством, у них есть пекарня, небольшое кафе. Они поддержали мое решение. Я понимал, что всем помочь не смогу, поэтому в большей степени помогал ребятам из своего лица. Я написал в Telegram и Instagram о том, что, если вы из этого лица и вам или вашим родственникам, знакомым нужна помощь, напишите мне. После этого следующие 26 часов я не спал, так как мне поступали сообщения и звонки от лицеистов либо от их родственников и друзей. Сообщение о том, что я оказываю помощь, разлетелось среди выпускников нашего лица. Я выработал самый простой алгоритм работы. То есть нужно было написать мне в Telegram, какого рода помощь вам нужна, где вы находитесь. Исходя из запросов, я старался помочь. Запросы были разные. Самый первый запрос — о том, где остановиться. Например, люди пересекли границу и не знают, где им ночевать. Решал вопросы временного размещения. Каких-то ребят я поселил в доме у родственников своих. Потом он переполнился. У меня была небольшая сумма денег, большую часть которой я потратил на аренду дома в Уральске для того, чтобы там тоже можно было селить ребят. В этот дом мы селили по восемь человек. Если у человека, который обращался ко мне за помощью, не было денег, я оплачивал за него какую-то сумму. Был случай, когда парень из этого же лица, на пять лет меня младше, позвонил мне, представился, сказал, что он на автовокзале, что у него нет денег. Я оплатил ему такси и жилье, перевел сумму на первичные расходы. В этот момент моя тетя целыми днями готовила, кормила всех. Сестра помогала контактами в этом городе. У нее были знакомые риелторы, которые сдавали дома за вменяемые деньги. Три дня мы так работали. Я один был на телефоне, писали тоже мне. Мне трудно сразу подсчитывать было. Я как-то сел потом и посчитал, удалось помочь 50 людям за три дня. Это расселение, поиск домов по вменяемой цене, финансовая помощь». Переехав из Уральска в крупный город, он помогал своим знакомым устроиться уже там. Вообще, помощь на

первых этапах требовалась практически всем, довольно многие ее получали и получают.

Собственно, период адаптации начинается уже после того, как люди решили первые важнейшие бытовые вопросы и определились, задержатся ли они в этой стране или очень скоро уедут, надеются ли получить ВНЖ, в какую школу определить детей (эта тема тоже очень активно обсуждается как очень важная для представителей образованных групп), будут ли учить местный язык и т.п. А далее, если люди хотят прожить в этой стране хотя бы шесть месяцев или год (планы на более долгий срок, особенно в первое после переезда время, строят немногие), возникает вопрос, будут ли они интегрироваться в новое общество или лучше держаться своих, войти в формирующуюся диаспору. Пока в странах массового пребывания новых эмигрантов больше распространена вторая стратегия.

Всех участников исследования можно разделить на две группы: одна (количественно преобладающая) — это эмигранты, которые оказались в странах и городах, где много людей в той же ситуации, тоже недавно приехавших из России. В абсолютном большинстве случаев в таких местах формируется очень активное русскоязычное комьюнити, люди регулярно встречаются, а круг общения остается исключительно или преимущественно русскоязычным. Многие респонденты с удовольствием рассказывали о том, что формы их досуга и круг общения с переездом в другую страну практически не изменились. *«Мы постоянно встречаемся в кафе, у нас в городе уже несколько мест постоянных встреч русских. Мы устраиваем квизы, играем в настолки, разговариваем»; «Мы постоянно играем в “Что? Где? Когда?”. Уже столько команд организовалось, что мы не помещаемся в обычные места встреч. В последний раз играли сразу 17 команд, было очень тесно»* и т.п. Многие рассказывали про слеты авторской песни, соревнования по типу «Бегущего города», домашние концерты и пр. Приведу подробный рассказ (с некоторыми сокращениями) о полном переносе домашних досуговых практик в столицу европейской страны, поскольку этот пример очень четко демонстрирует общий тренд: *«У нас в Москве было такое домашнее сообщество, когда к нам можно было домой прийти, а там проходят всякие лекции, какие-то еще активности. Это открытые мероприятия, не список гостей, а просто в Facebook публикуем: “Кто желает, приходите”. И в конце года про-*

водим такой день, когда вручаем всем подарки, различные премии. Это происходило в одну из последних пятниц каждого года. И мы решили в декабре провести это здесь, сделали совместную такую онлайн- и офлайн-встречу, потому что большинство наших тех активных друзей все-таки сейчас в разных странах. Поэтому была часть онлайн-, но и была офлайн-часть. И пришло, по-моему, 17 человек. На меня это произвело очень сильное впечатление. У нас дома, когда мы приглашали людей, где-то треть людей [бывала] незнакомых, потому что люди друг друга приглашают, а тут было наоборот: 30 процентов я знал, а остальные 70 были мне не знакомы».

Вообще, формы такого рода коммуникации очень распространены, нацелены на разные эмигрантские группы. Есть встречи людей сходных профессий, выпускников одного вуза, семейные встречи родителей маленьких детей, бывают встречи в книжных клубах и т.д. Информация о событиях распространяется в эмигрантских сообществах, постепенно формируются постоянные дружеские группы, где договариваются лично. Все участники таких досуговых форм говорили о том, что они получают большое удовольствие от общения со «своими», что формируется своего рода пузырь — зона социального комфорта, из которой не хочется выходить. Иногда такая старо-новая жизнь создает впечатление, что ничего в жизни не изменилось. Вот что рассказывает женщина, только что переехавшая из одной страны (куда она приехала в начале спецоперации из России), в другую: *«Мне даже жаль, что мы переехали, хотя я очень хотела. Сложное чувство испытываю, потому что там, в Израиле, мы жили рядом с друзьями, с которыми мы жили рядом в Москве, и нам грустно расставаться было очень, детям особенно. У нашей подруги дети — ровесники наших детей, они целыми днями все вместе валандались, гуляли. Сейчас мы сюда приехали, а у нас тут столько друзей и знакомых, что есть договоренности — принять гостей или пойти в гости — на все лето, все уже расписано. Мы только вчера приехали, а сегодня уже к нам наши московские друзья в гости придут».*

Поскольку эмиграция почти всегда переносится психологически тяжело, то общение со «своими» — это способ снизить напряжение, не выходить из зоны комфорта. При этом многие респонденты говорили, что желание не выходить за пределы русскоязычного пузыря — это не очень хорошо, потому что мешает интегра-

ции в новую жизнь, не возникает стремления общаться с представителями страны проживания, а часто и учить ее язык. Так, один из респондентов сказал следующее: «*Никто из моих знакомых не стремится ассимилироваться, как и я*». Когда я спросила, как он понимает ассимиляцию (как желание стать турками?), он с некоторым ужасом ответил: «*Нет, что вы! Мы всегда останемся русскими, нельзя стать никем другим*». Тем более что люди, критикующие стремление не выходить из сферы комфорта, обычно добавляют, что не уверены, что будут жить в этой стране долго, возможно или наверняка через какое-то время уедут, так что это не страшно.

Кроме своего, русскоязычного, круга общения в городах с большим количеством новых иммигрантов формируется и привычная инфраструктура: там, где это возможно, т.е. разрешено государством, создаются русскоязычные школы и детские сады, очень многие предпочитают стричься у приехавших из России парикмахеров, делать у «своих» маникюр, нередко вызывать «своих» сантехников, потому что уверены, что эти мастера работают лучше, чем местные. Иными словами, не выходить в незнакомый, большой и пока еще чужой мир, оставаться по возможности в небольшом, но привычном. Если сюда добавить огромное количество приезжающих на гастроли российских музыкантов, артистов, лекторов, этот пузырь становится еще более плотным.

Вторая (малочисленная) группа — это люди, оказавшиеся вне русскоязычного окружения. Это связано или с тем, что страна, где они находятся, не стала местом активной эмиграции (например, Мексика, Индонезия), или с тем, что они живут в маленьком городе. Например, эмигрантскими центрами Казахстана стали Астана и Алматы, а человек, один или с семьей, поселился в каком-то другом городе. Чаще всего это связано с желанием снимать недорогое жилье. Самоощущение в такой ситуации бывает разным. Были респонденты, которые говорили, что они интроверты, у них и в России было очень мало друзей и нет стремления вести активную социальную жизнь. Они не испытывают дополнительных сложностей с адаптацией, поскольку мало общаются как с местным, так и с эмигрантским окружением, не испытывая в этом потребности. Те же, кто нуждается в общении, находятся в тяжелой психологической ситуации. Они или пытаются сосредоточить социальную жизнь в Интернете, как можно больше общаться с родными и

знакомыми онлайн, либо думают о переезде в более крупный город или в другую страну, где у них много знакомых, чтобы влиться в социальную жизнь там.

У многих респондентов весенней (2023 г.) волны исследования стаж проживания вне России превысил год, тем не менее очень немногие стремятся интегрироваться в новую жизнь, больше общаться с местными жителями, изучать культуру и язык новой страны, хотя какие-то самые ходовые фразы на местном языке, необходимые в быту, практически все освоили. Возможно, причины этого связаны с недостатком большим стажем эмиграции, с тем, что далеко не все еще выбрали постоянное место жительства, настроены на относительно скорый переезд, страна рассматривается как долго- или кратковременное место жительства, но главная причина такого стремления — сохранить круг общения, типологически сходный с прежним, — это все-таки желание поддерживать психологический комфорт. Впрочем, когда я несколько лет назад брала интервью у молодых интеллектуалов, которые уже несколько лет жили в других странах и преимущественно прошли период адаптации, оказалось, что у большинства из них круг вне рабочего или вне учебного общения оставался в значительной степени русскоязычным. Как укоризненно сказал один из тогдашних респондентов: «*Они везде создают себе маленькую Россию. Зачем тогда надо было уезжать из России большой?*». Другой объяснил это стремление так: «*Люди из другой страны смотрели в детстве другие мультфильмы, они не поймут наши цитаты, а мы не пойдем их*».

Как их теперь называть? Эмигранты, релоканты, уехавшие?..

Вопрос о самоидентификации людей, покинувших страну, где они родились и прожили значительную часть жизни, всегда был непростым, хотя традиционно эмиграция воспринималась как отъезд из одной (родной) страны в другую без намерения вернуться. При таком подходе эмигрант — это человек, который уехал из своей страны навсегда. Тем не менее в ходе исследования Шейлы Пуффер с соавторами, респонденты которых уехали из советской и постсоветской России, начиная с 1970-х гг., и достигли огромных успехов в США, выяснилось, что нет никакого единства в самоопределении даже спустя десятилетия после отъезда¹.

¹ Пуффер Ш. и соавт. Указ. соч. С. 324–370. Теме идентичности эмигрантов посвящен большой раздел монографии.

Кто-то называл себя эмигрантами, кто-то американцами, кто-то русскими американцами, кто-то евреями и пр.: разброс был очень велик. Более того, многие респонденты с большим трудом смогли дать ответ на этот вопрос, хотя эмигрантский стаж у них был очень велик, а сама эмиграция оказалась весьма успешной.

Когда я проводила исследование молодых интеллектуалов, уехавших из России в основном 2010-е гг., вопрос о самоидентификации оказался для них еще сложнее, так как большинство об этом просто не задумывалось: «Никак себя бы не охарактеризовала. Переезжать из одного города в другой или из страны в страну за работой — это обычная жизнь, тут не нужно отдельного слова»¹. Тогда они делали акцент на том, что переезд в другую страну — это не какое-то особо важное, определяющее жизнь событие, а норма современной жизни. Как выразил эту идею один из респондентов: *«Я бы сказал, что переезд из Москвы в Берлин не сильно отличается от переезда из Новосибирска в Москву. Разве что условия жизни в Берлине сильно лучше»*. Однако многие каким-то образом себя характеризовали. Редко они называли себя эмигрантами, так как в момент отъезда только четверть из них была уверена, что на родину они не вернуться, остальные об этом не задумывались или считали возвращение возможным или вероятным. Слово «эмиграция» для тогдашних респондентов звучало слишком фатально и архаично, хотя происходило это исследование всего несколько лет назад. Чаще называли себя экспатами, людьми мира, русскими, живущими за рубежом, русскими учеными и т.п. Никто не давал определения через этничность, хотя среди респондентов далеко не все были этнически русскими, достаточно много было евреев.

Сейчас ситуация изменилась коренным образом: большинство респондентов уезжало не куда-то — в страну, где у них есть работа или приглашение в университет, — а именно из России, причем часто их отъезд больше напоминал побег. Соответственно понятие «эмиграция» снова стало актуальным.

Все же вопрос о самоидентификации остался для большинства проблематичным. Весной 2022 г. очень немногие решались называть себя эмигрантами, это слово казалось слишком фатальным. Эта боязнь перед страшным для него словом тогда четко описал один из респондентов:

¹ Борусьяк Л. Молодые интеллектуалы: почему они уезжают и собираются ли вернуться? // Вестник общественного мнения. № 1–2 (128). С. 152–155.

тов: *«Я пока не хочу бросаться словом “эмиграция” или [говорить,] что “мы не в изгнании — мы в послании”*. Пока я просто воспринимаю это, что так получилось и на какое-то время я выскочил из российской действительности в силу политических причин — несогласия». Очень многие люди в ситуации острого стресса боялись так себя называть, многие надеялись, что ситуация в стране изменится к лучшему и появится возможность вернуться, хотя и неизвестно когда. Поэтому они практически не совершали действий, которые бы сделали их отъезд окончательным, прежде всего не продавали, а в основном даже не сдавали свои квартиры. Остаться без жилья означает перерубить все корни, действительно стать эмигрантами. Тогда в ходу чаще было самоназвание «релоканты», причем так часто называли себя люди, уехавшие самостоятельно, а не переведенные или перевезенные в другую страну фирмой, где они работали.

Во время осенней волны исследования 2022 г. многие рассказывали, что летом они приезжали в Россию, причем некоторые неоднократно, с самыми разными целями: от продажи жилья до юбилея мамы. Эти временные возвращения одни воспринимали как способ снять излишнее психологическое напряжение, оказавшись в родных стенах, но для других это стало источником такого сильного стресса, что они решили больше не приезжать в Россию никогда. Вот наиболее драматичный рассказ такого рода: *«Ну, это как вторые похороны. Вот представьте себе, что у вас был какой-то близкий человек, очень близкий, и вдруг его не стало. И вот этот страшный разрыв, его потеря... И сначала проходит девять дней, потом сорок дней, ты постепенно привыкаешь, что его больше нет. Понятно, что время не лечит, но все равно самосохранение начинает включаться, ты привыкаешь жить без этого человека. А потом ты приезжаешь, ты его увидел, но знаешь, что через две недели будут похороны опять. И организм включает такой режим самосохранения: это вроде твое, но не твое. То есть вот эта квартира, в который ты 20 лет прожил, эти крючки голые, с которых фотографии сняли... Мы туда приехали, и вроде ловишь этот момент, что здесь ты был счастливым, но нет. И тогда организм начинает выключаться, ты думаешь: “Нет, не должно быть тебе хорошо, ты должен от этого отъехать, потому что скоро похороны. Не привыкай, не приживайся”. Первый раз был на адреналине, мы ведь резко уехали. А теперь ты не можешь не считать: “До похорон осталось пять*

дней, осталось четыре дня...” *Моя дочка на шестой день разрыдалась перед сном: “Мам, зачем мы сюда еще раз приехали? Второй раз прощаться я не смогу”*». Люди с таким самоощущением уже осенью 2022 г. начали называть себя эмигрантами, но и весной 2023 г. людей, так себя определяющих, было еще не очень много, хотя потом их число явно увеличилось.

Соответственно, термин «релоканты» как замена более фатальных «эмигрантов», как своего рода облегчающий самоопределение эвфемизм стал постепенно уходить. Его продолжили употреблять только люди, перевезенные своими фирмами, да и то не очень часто.

Совершенно не прижились так популярные несколько лет назад «экспаты». Скорее всего потому, что со страной проживания определились далеко не все. Самый популярный ответ на вопрос о самоопределении — «никак», т.е. люди пока никак себя не называют, что очень четко характеризует не до конца еще ясную их новую идентичность — у очень многих она еще не сформировалась: *«Вы имеете в виду, кто я? Эмигрантка? Москвичка? Не знаю. Я пока еще не думала об этом. Поэтому пока никак»*. И несомненно, причина такой неопределенности — неуверенность в том, что новое место жительства станет постоянным. Вот как ответила одна из респонденток на мой вопрос, считает ли она себя эмигранткой: *«Нет, я человек, который пытается вжиться в эту жизнь, найти некое свое место здесь. Не знаю, эмигрант я или не эмигрант. Я не считаю, не знаю, будет ли Израиль тем местом, где я буду жить до конца жизни. Возможно, через сколько-то лет это будет какая-то другая страна. Так что пока не знаю, кто я»*. А ведь в этом случае речь идет об Израиле, куда люди не просто случайно приезжают, а репатрируются, имея на это право.

Часть людей, приехавших в Израиль, называют себя репатриантами, которыми по документам и являются, но не все, поскольку многие выбрали Израиль не по причине еврейских корней, а по вполне прагматическим соображениям: это и большая помощь со стороны государства, и возможность получить паспорт, позволяющий без виз передвигаться по шенгенской зоне, и наличие в стране родственников, готовых помочь в первое время, и пр. Более того, один из израильских респондентов сказал о себе так: *«Я чувствую себя евреем, но не израильтянином, поскольку израильская культура мне не близка. Культура у меня русская»*.

Если говорить о самоопределении, то вариантов тут вообще очень много. Для кого-

то важно подчеркнуть страну, которую покинули: *«Я россиянка, живущая за рубежом»*. Кто-то подчеркивает временность отъезда: *«Я русская, временно живущая вне путинской России»*; *«Помню, что, даже когда мы в последний раз общались, для меня было неважно, как меня назовут: эмигрантом, релокантом... И тогда, и сейчас для меня это не так значимо. Я гражданин России, который, к сожалению, временно проживает вне ее»*.

Нередко люди называют себя уехавшими, а некоторые респонденты для смягчения болезненной темы используют иронические самоназвания: «понаехавшие», «поуехавшие» и пр. Тема самоопределения у многих респондентов не только вызывает затруднение, эта тема болезненная. Ответы нередко зависят от того, насколько люди обрубили свои российские корни, готовы ли они, называя себя каким-то образом, сказать самим себе, что их отъезд временный (до лучших времен) или это навсегда и Россия — перевернутая страница. Вообще, чем больше проходит времени, тем чаще люди уверенно утверждают, что уже никогда не вернуться.

В своей заметке «О понятии “эмиграция” — сейчас» философ Михаил Немцев пишет: *«Вероятно, сейчас еще пока невозможно найти универсальное слово, чтобы назвать им все случаи проживания в чужой стране, потому что это по какой-либо причине предпочтительнее нахождения в родной»*¹. Я полагаю, что такой термин не появится и в дальнейшем, поскольку разнообразие самоощущений слишком велико. Это показывают и результаты исследования Шейлы Пуффер и соавторов: такой универсальный термин не появился у представителей советской и постсоветской успешной эмиграции спустя десятилетия после приезда в США.

Заключение. Обратный поток: насколько он возможен?

Весной 2022 г. довольно многие рассказывали, как они были привязаны к своему дому, как тяжело было с ним расставаться, как хочется думать, что это не навсегда: *«Я очень не хотела уезжать, думала, что это станет трагедией, что я тот цветочек, который способен расти*

¹ URL: <https://www.istorex.org/post/%D0%BC%D0%B8%D1%85%D0%B0%D0%B8%D0%BB-%D0%BD%D0%B5%D0%BC%D1%86%D0%B5%D0%B2-%D0%BE-%D0%BF%D0%BE%D0%BD%D1%8F%D1%82%D0%B8%D0%B8-%D1%8D%D0%BC%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F-%D1%81%D0%B5%D0%B9%D1%87%D0%B0%D1%81-%D0%B7%D0%B0%D0%BC%D0%B5%D1%82%D0%BA%D0%B0?fbclid=IwAR3-rogcjbdqshfXCYZrmHE8tzf4DP-1Jzoi6PGOSN4dGZgDxx3cUrd5Y8>.

только в условиях российского климата: Москвы, Подмосковья. И действительно, мне очень тяжело»; «С материальной и физической точки зрения у нас никаких проблем. Умом и душой я в России и хочу быть в России»; «Конечно, прощаться с родным домом — это ужасно. Я просто стараюсь об этом не думать. А если начинаю думать, то, конечно, это очень горько и тяжело. Мне кажется, для меня одна из самых печальных вещей, что в Москве я понимаю: по этим улицам ходил мой прадед, мы живем рядом с местом, где он работал. Я каждый раз ходила по Новой Басманной и думала: мой прадед по этой улице ходил; вот по этой улице моя бабушка маленькая бегала. Чувствуешь себя на своем месте, человеком с корнями. Когда оказываешься в Израиле — это совершенно прекрасная страна, здесь все очень красиво и все очень добрые, но здесь вообще не мое место, я здесь чужая» и пр.

Очень многие, хотя далеко не все, испытывали чувство ностальгии, очень хотели вернуться домой, летом приезжали в Россию на время, старались не заглядывать в будущее, чтобы не расстраиваться еще больше. Но было немало тех, кто сразу решил, поскольку изменений к лучшему в родной стране они не ждут и уверены, что их не будет, то надо настраиваться, что в Россию они не вернуться.

Осенью 2022 г., когда у многих прошло уже полгода с момента отъезда, они частично адаптировались к новой жизни, острота переживаний первых месяцев начала снижаться, как и желание вернуться в свой дом, в свою прежнюю жизнь. Как уже отмечалось выше, 12 из 60 первых респондентов в августе — сентябре давали мне интервью из России, но с настроением, если ситуация в стране обострится, они вновь уедут, что большинство из них потом и сделало.

Весной 2023 г. для большинства респондентов тема возвращения в Россию ушла на дальний план, хотя несколько человек вернулись и считают, что с высокой вероятностью окончательно. В основном если респонденты и говорили, что хотели бы вернуться, то только при таких социально-политических обстоятельствах, которые сами они считали очень маловероятными: «В случае окна возможностей

мне хотелось бы вернуться, потому что это моя страна. Построить в ней демократическое правовое государство с республиканской формой правления (Смеется.) — это интересная задача, которую хотелось бы реализовать. Лежа на смертном одре, я буду жалеть, что в этом не участвовал»; «Я вообще очень мечтаю, что все-таки можно будет вернуться в Россию. Ну, пока не понимаю, как, какие сценарии: никаких сценариев не вижу». Ностальгические чувства у большинства респондентов за год существенно сократились, либо, если они оставались острыми, но вариант возвращения казался невозможным, люди стремились психологически отстроиться от своей прежней жизни и настроиться на настоящую как постоянную.

Гораздо более важной и актуальной для многих россиян, живущих в странах Закавказья, Средней Азии и некоторых других, в том числе для части респондентов из Израиля, стала другая тема: как попасть в страну, где они хотели бы жить и работать, переехать туда и прожить длительное время. Конечно, речь идет исключительно о европейских странах и США. Часть респондентов в момент беседы сидели на чемоданах, должны были вот-вот переехать, чему были очень рады. Те, кому это уже удалось, в преобладающем большинстве мечтали не о возвращении в Россию, а о том, чтобы суметь остаться в новой стране, если их рабочий контракт был кратковременным. Довольно много стало и тех, кто твердо и уверенно заявлял: тема закрыта, я больше в Россию не вернусь никогда, потому что бессмысленно надеяться на какие-то изменения в ней.

В итоге можно предположить, что среди представителей высокообразованной и политизированной части российской эмиграции ориентация на возвращение в страну все больше снижается. Скорее всего могут вернуться преимущественно те, кто разочаруется в своих возможностях успешно устроиться в странах нового проживания из-за профессиональных и финансовых сложностей. Если в течение длительного срока им это не удастся, некоторые из них будут возвращаться.

Сергей НИКОЛЮК

Аверс и реверс Союзного государства

К трем видам лжи (ложь, наглая ложь и статистика) архитекторы «белорусской модели» добавили четвертый — отсутствие статистики. Лидирует в его применении Национальный статистический комитет РБ. Успехи комитета наглядно иллюстрирует последовательное уменьшение количества страниц «Статистического ежегодника»: 2020 г. — 436, 2021 г. — 407, 2022 г. — 374.

Пример, заслуживающий отдельного внимания, — достижения в борьбе с коронавирусом. В Беларуси угроза массового психоза была поставлена выше угрозы заражения. Следствием такого понимания проблемы был отказ от любых видов карантина. Официальная статистика подтвердила правильность выбранного курса, инициатором которого был глава государства. Согласно отчету Всемирной организации здравоохранения, подготовленному на основании информации, предоставленной белорусским Минздравом, количество смертей от COVID-19 на миллион жителей по состоянию на декабрь 2021 г. составило в Беларуси 746,516 человек, в России — 2682,29, в Украине — 3002,614, в Польше — 2983,104, в Литве — 3486,836 и в Латвии — 3385,29.

Таким образом, смертность от COVID-19 на миллион жителей в Беларуси оказалась в 4,2 раза ниже усредненного показателя соседей. Ну как тут не согласиться с выводом, сделанным главой государства: «Важно, что весь мир убедился, что мы тогда прошли этот путь правильно. Мы этот путь прошли достойно — единственные в мире»¹.

Важной мерой в рамках такого подхода стал отказ Национального статистического комите-

та публиковать статистику по смертности. При чем сделано это было еще за два года до начала эпидемии. А в 2022 г. при подготовке «Статистического ежегодника» за 2021 г. исчезла информация о численности пенсионеров в стране в связи с более высоким уровнем смертности среди пожилых людей.

Но строгость распоряжений главы государства по сложившейся традиции была с лихвой компенсирована необязательностью их выполнения. Составители «Статистического ежегодника 2022», исключив информацию о численности пенсионеров, забыли проделать аналогичную операцию с информацией об инвалидах. В результате тайное стало явным. Если за период с 2015 по 2019 г. количество взрослых инвалидов увеличивалось в Беларуси ежегодно в среднем на 6,7 тыс. человек, то за два года пандемии их число сократилось на 33,5 тыс. человек (табл. 1). С учетом ожидаемого роста на 13,4 тыс. дополнительная смертность среди взрослых инвалидов составила 46,9 тыс. человек, что в 8,4 раза больше числа умерших за два года по республике в целом (5578 человек).

Национальный статистический комитет не публикует результаты социологических исследований. Аккредитацией на проведение подобных исследований в Беларуси обладают 11 организаций, но только одна из них (Аналитический центр ЕсооМ ООО «Медиафакт-Эко») периодически публикует рейтинги белорусских политиков. Единственная цель таких публикаций — демонстрация 30-кратного превосходства уровня поддержки А. Лукашенко над его политическими оппонентами. Следует отметить, что центр, несмотря

Таблица 1

СВЕДЕНИЯ ОБ ИНВАЛИДАХ, СОСТОЯЩИХ НА УЧЕТЕ В ОРГАНАХ ПО ТРУДУ, ЗАНЯТОСТИ И СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ (ТЫС. ЧЕЛОВЕК НА КОНЕЦ ГОДА)²

	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Численность взрослых инвалидов	520,6	525,6	533,9	537,1	539,4	529,7	505,9

¹ Посещение 6-й городской клинической больницы Минска 27 ноября 2020 г. URL: <https://president.gov.by/ru/events/poseshchenie-6-y-gorodskoy-klinicheskoy-bolnicy-minska>.

² «Статистический ежегодник 2022». URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/da7/2ofsg6kwxniibet4h4icu0kdlituroipo8.pdf>.

на столь привилегированное положение на рынке социологических услуг, не имеет своего сайта.

Социологию от ЕсооМ иллюстрируют рейтинги доверия белорусских политиков, измеренных по заказу БЕЛТА с 12 января по 8 февраля 2021 г.: Александр Лукашенко — 66,5%, премьер-министр Роман Головченко — 3,8%, кандидат на пост президента банкир Виктор Бабарико, к моменту проведения опроса находящийся в заключении, — 2,5% и кандидат Светлана Тихановская, допущенная до участия в президентских выборах в 2020 г., — 1,5%³.

В табл. 2 приведены официальные результаты президентских выборов в Беларуси. Результат второго тура первых президентских выборов стал обязательным ориентиром для последующих избирательных кампаний всех уровней. Процент поддержки не взят с потолка, так как в 1994 г. А. Лукашенко не имел возможности влиять на формирование персонального состава ЦИК. Это право он получил по результатам конституционного референдума 1996 г. При этом необходимо помнить, что ЦИК считает процент от числа проголосовавших. От списочного же состава избирателей в 1994 г. во втором туре результат победителя составил 56%, но об этом на официальном уровне вспоминать в Беларуси не принято.

Незыблемость сложившейся традиции была подтверждена 19 июня 2023 г. на встрече с председателем ЦИК Игорем Карпенко: «Около 80% однозначно сегодня поддерживают тот курс, который мы определили. Нам чего бояться? Ну, за 20%, которые колеблются и которые против, мы еще поборемся»⁴.

Институт социологии НАН Беларуси, основной целью которого «является проведение научных исследований в области социологического, социально-психологического и политологического знания»⁵, рейтинги политиков не публикует. Впрочем, как и результаты опросов по любым острым социально-политическим проблемам. В частности, попытки автора с помощью поисковика отыскать на сайте института публикации, связанные с отношением белорусов к специальной военной операции России в Украине (СВО), не дали результатов.

Учитывая, что независимые социологические исследования в Беларуси попали под запрет еще до президентских выборов 2020 г., страна, расположенная в географическом центре Европы с населением 9,2 млн человек, оказалась своеобразной terra incognita. Единственный официальный источник, позволяющий судить о состоянии белорусского общества, — государственные СМИ, находящиеся под жестким контролем администрации президента.

За невозможностью изучать белорусское общество с помощью национальных социологических служб, приходится прибегать к иностранным. Таких источников в настоящее время два: Белорусская аналитическая мастерская Андрея Вардомацкого в Польше и Королевский институт международных отношений (Chatham House) в Великобритании.

Между Европой и Россией

Между Европой и Россией

В 2014–2015 гг. под влиянием крымских событий Независимый институт социально-экономических и политических исследований (НИСЭПИ) зафиксировал аномальный рост поддержки государственных институтов, курса развития страны и социальных настроений в условиях стагнации реальных располагаемых денежных доходов населения в 2014 г. (100,9%) и значительного их снижения в 2015 г. (94,1%). В частности, при ответе на вопрос, предусматривающий выбор между объединением с Россией и вступлением в Европей-

Таблица 2

ПРОЦЕНТ ГОЛОСОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПОБЕДИТЕЛЕМ НА ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРАХ (по данным ЦИК, от числа проголосовавших)

	1994 г.*	1994 г.**	2001 г.	2006 г.	2010 г.	2015 г.	2020 г.
	44,82	80,34	75,65	82,97	79,65	83,47	80,10

*Первый тур

**Второй тур

³ URL: <https://www.belta.by/comments/view/rejting-vlasti-i-oppozitsii-otnoshenie-k-protestam-i-simvolike-musienko-prokommentiroval-itogi-masshtabnogo-7691>.

⁴ URL: <https://president.gov.by/ru/events/vstrecha-s-predsdatelem-cik-igorem-karpenko>.

⁵ URL: <https://socio.bas-net.by/institute/institut-segodnya>.

ский союз, доля респондентов, пожелавших объединиться с Россией, увеличилась с 37% в декабре 2013 г. до 52% в марте 2014 г. Одновременно доля сторонников евроинтеграции снизилась с 45 до 33%.

Такая геополитическая особенность не должна удивлять в обществе, в котором до 70% взрослого населения считают, что белорусы и русские — две ветви одного народа, и 65% разделяли версии российских СМИ о событиях в Крыму и на востоке Украины в 2014 г.

Реакция белорусов на спецоперацию оказалась ожидаемой. Пусть и не в такой степени, как во время крымских событий, но доля сторонников союза с Россией, по данным Белорусской аналитической мастерской, выросла с марта по сентябрь 2022 г. на 8 пунктов⁶ (табл. 3). Одновременно с традиционных 5% до 9% увеличилась доля сторонников вхождения Беларуси в состав России.

Высокая доля затруднившихся с ответом и отказавшихся от ответа — результат отсутствия в опроснике Белорусской аналитической мастерской варианта ответа «Собственный особый путь». Согласно российскому культурологу Игорю Яковенко, «на лимитрофе формируется специфическое мироощущение. Он осознает себя как особый мир, не тождественный цивилизационным центрам. Поэтому, в частности, население лимитрофа демонстри-

рует идеологическое разведение с соседними цивилизациями»⁷.

В феврале 2013 г. вопрос: «Каков, на ваш взгляд, должен быть исторический путь Беларуси?» содержал вариант ответа «Собственный, особый путь», и он оказался вне конкуренции — 46%. Вариант «Общий путь европейской цивилизации» поддержали 34% респондентов, вариант «Возвращение на советский путь» — 12%, воздержались — 8% (НИСЭПИ).

Свой опрос на тему «Отношение белорусов к войне и ценностные ориентации» британские социологи провели 15–27 марта 2023 г. Выборка соответствовала структуре городского населения Беларуси и была скорректирована по полу, возрасту, размеру населенных пунктов и уровню образования. Опрос был проведен с помощью интернет-интервью (CAWI), что на практике означает, что выборка была ограничена до пользователей Интернета. При этом, по данным на начало 2023 г., Интернет использует 87% населения Беларуси.

Поэтому есть вероятность, что поддержка А. Лукашенко и его политики может быть немного выше, чем отражено в опросе, поскольку сторонники президента зачастую менее социально и экономически активны, чем его противники. Статистическая погрешность выборки из 804 человек (с 95%-ным доверительным интервалом) не превысила 3,5%.

Таблица 3

В КАКОМ СОЮЗЕ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, БЫЛО БЫ ЛУЧШЕ ЖИТЬ НАРОДУ БЕЛАРУСИ — В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ ИЛИ В СОЮЗЕ С РОССИЕЙ (в % от числа опрошенных)*

Вариант ответа	Апрель 2021 г.	Декабрь 2021 г.	Март 2022 г.	Сентябрь 2022 г.	Май 2023 г.
В Европейском союзе	29	27	30	27	24
В союзе с Россией	42	44	46	54	54
Затрудняюсь ответить/отказ от ответа	27	27	24	19	22

*Белорусская аналитическая мастерская

Таблица 4

ИТОГИ ГОЛОСОВАНИЯ ЗА А. ЛУКАШЕНКО В 2015 Г. В ЗАВИСИМОСТИ ОТ РЕГИОНА ПРОЖИВАНИЯ (в % от числа опрошенных)*

Минск	Областные центры	Большие города	Малые города	Село
24	39	37	36	40

*НИСЭПИ

⁶ URL: <https://belsat.eu/ru/news/20-06-2023-iz-10-belarusov-2-pereuropejskih-3-prorossijskih-i-5-inertnyh-sotsiolog-varodomatskij>.

⁷ Яковенко И.Г. Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. М., 2008. URL: <https://obuchalka.org/2015030783081/rossiiskoe-gosudarstvo-nacionalnie-interesi-granici-perspektivi-yakovenko-i-g-2008.html>.

С выводом по поводу «немного выше» следует согласиться, что косвенно подтверждают результаты опроса НИСЭПИ, проведенного в декабре 2015 г. (табл. 4). За исключением Минска уровень электоральной поддержки победителя слабо зависел от региона проживания. При этом численность городского населения составила 7,1 млн человек (76%), сельского — 2,2 млн человек (24%). В Минске на конец 2015 г. проживало 1,9 млн человек (20%). Слабую зависимость ответов респондентов от региона проживания демонстрируют и опросы Левада-центра. В частности, в марте 2023 г. действия российских вооруженных сил в Украине поддержали 72% горожан и 73% жителей села.

Первое, что бросается в глаза при анализе ответов на вопрос: «Вы лично поддерживаете или нет действия российских вооруженных сил в Украине» (табл. 5), — это более чем двукратное превосходство доли сторонников спецоперации в России над их численностью в Беларуси. Как результат такого дисбаланса отношение сторонников спецоперации к противникам составило в марте 2023 г. в Беларуси 0,75, а в России — 3,3.

Таблица 5

ВЫ ЛИЧНО ПОДДЕРЖИВАЕТЕ ИЛИ НЕТ ДЕЙСТВИЯ РОССИЙСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ В УКРАИНЕ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Июнь 2022 г.	Август 2022 г.	Март 2023 г.	Март* 2023 г.
Определенно да	14	18	18	40
Скорее да	19	12	15	32
Определенно нет	8	10	14	11
Скорее не	36	36	30	9
Затрудняюсь ответить	23	24	24	8
Поддерживают/не поддерживают	0,75	0,65	0,75	3,6

Chatham House

*Левада-центр

Таблица 6

КАК ВЫ В ЦЕЛОМ ОТНОСИТЕСЬ К СЛЕДУЮЩИМ СТРАНАМ? (в % от числа опрошенных)*

Вариант ответа	Россия	Украина	Польша	Литва	ЕС	США	Китай
Очень хорошо	37	15	15	14	13	9	19
В основном хорошо	39	49	46	47	50	39	62
Очень плохо	8	16	16	16	12	16	6
В основном плохо	9	10	9	7	6	17	1
Затрудняюсь ответить	8	9	15	15	19	19	12
Позитивно/негативно	4,8	2,5	2,4	2,7	3,5	1,5	11,6

*Chatham House, март 2023 г.

Что бы ни говорила государственная пропаганда о единстве двух народов Союзного государства, но история с географией дает о себе знать. Расположенное в лимитрофной зоне между западнохристианской и российской цивилизациями население современной Беларуси, в отличие от своих северных соседей и соседа на Западе, не в состоянии окончательно определиться с геополитическим выбором. Распределение ответов на вопрос табл. 5 — лишь одна из иллюстраций этой неспособности.

Различия в геополитических предпочтениях белорусов и россиян наглядно демонстрируют данные табл. 6 и 7. Несмотря на всю мощь антиукраинской и антизападной государственной пропаганды в Беларуси, доля белорусов, позитивно относящихся к Украине, в 2,5 превышает долю относящихся негативно, и этот показатель практически не отличается от показателя Польши и Литвы. Заметное различие в отношениях к Европейскому союзу и США обусловлено тем, что пропаганда регулярно представляет ЕС в качестве жертвы Америки: «Для американцев важно поставить на колени Европу. Они им покажут, что такое вводить евро против доллара.

Это тоже понятно. И евро начало отвоевывать в свое время место под солнцем. Это американцам не нужно. А финансы — кровеносная система»⁸.

В стране, граничащей с тремя странами Евросоюза и лидирующей по количеству шенгенских виз на 100 тыс. жителей, пропаганда продемонстрировала свою неэффективность в создании образа врага из консолидированного Запада. Тем не менее успех в продвижении курса по «развороту на Восток» был достигнут, что и подтверждает рекордное отношение позитивных оценок к негативным (11,6) по отношению к Китаю.

В расколе белорусском обществе всегда было заметное количество граждан, рассматривающих Россию как «империю зла» и категорически не разделяющих концепцию отечества от Бреста до Владивостока, согласно которой «Два государства, но Отечество общее»⁹. Начало спецоперации и последовавшие за ней события лишь укрепили их в своей правоте.

Для россиян аббревиатура СВО после неудачной попытки «освободить Киев от нацистов» за три дня стала означать военное противостояние, в котором консолидирован-

ный Запад участвует пусть и не напрямую, но руками украинцев и до последнего украинца. Эффективность пропаганды в формировании консолидированного врага передает последняя строка табл. 7. Она также иллюстрирует и успех пропаганды в повороте общественного мнения на Восток. Судя по значению отношения позитивно/негативно для Китая (12,4), испытать чувство геополитического одиночества большинству россиян в ближайшее время не придется.

В расколе белорусском обществе каждая из его частей формирует свою геополитическую картину мира при помощи своих СМИ (табл. 8). При этом доля сторонников Союза с Россией в целом в 2,7 раза превышает долю сторонников вступления в Евросоюз. Однако желающих окончательно потерять государственную независимость в Беларуси немного — 4% в марте 2023 г. Годом ранее их доля составила 6%. Преобладает же утилитарная точка зрения на белорусско-российскую интеграцию: зона свободной торговли — 34%, единое экономическое пространство без политического объединения — 36%, которым заметно уступает вариант единого экономического про-

Таблица 7

КАК ВЫ В ЦЕЛОМ ОТНОСИТЕСЬ СЕЙЧАС К СЛЕДУЮЩИМ СТРАНАМ? (в % от числа опрошенных)*

Вариант ответа	Украина	ЕС	США	Китай	Беларусь*
Хорошо	15	16	12	87	92
Плохо	74	72	77	6	3
Затрудняюсь ответить	11	12	11	7	5
Позитивно/негативно	0,2	0,2	0,2	12,4	30,7

*Левада-центр, май 2023 г.

*Левада-центр, ноябрь 2022 г.

Таблица 8

В КАКОМ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ СОЮЗЕ ЛУЧШЕ НАХОДИТЬСЯ БЕЛОРУССКОМУ ГОСУДАРСТВУ? (в зависимости от аудитории СМИ в % от числа опрошенных)*

Вариант ответа	Всего	Аудитория гос. СМИ	Аудитория не гос. СМИ	Аудитория обоих типов СМИ
В Европейском союзе	14	2	56	8
В союзе с Россией	38	57	4	42
В союзе с Россией и ЕС	25	22	20	25
Лучше быть вне союзов	23	19	10	25

*Chatham House, март 2023 г.

⁸ URL: <https://president.gov.by/ru/events/vstrecha-s-sekretaryami-sovetov-bezopasnosti-gosudarstv-chlenov-odkb>.

⁹ URL: <https://president.gov.by/ru/events/vruchenie-pogon-vysshemu-officerskomu-sostavu>.

странства с единой внешней политикой и армией — 9%.

Годы экономики «нефтяного офшора», функционирующего за счет экспорта белорусскими НПЗ нефтепродуктов, получаемых из бесплошной российской нефти, не прошли даром. МВФ в сентябре 2016 г. только за 2005–2015 гг. оценивал общую поддержку белорусской экономики со стороны России в 106 млрд долларов, или около 9,7 млрд в год¹⁰. Более поздний нефтегазовый объем дотаций рассчитать самостоятельно не представляется возможным, так как Национальный статистический комитет РБ прекратил публиковать информацию, связанную с импортом и экспортом нефти и нефтепродуктов.

25 марта 2023 г. В. Путин сообщил о решении разместить на территории Беларуси российское тактическое ядерное оружие (ТЯО): «Мы уже помогли нашим белорусским коллегам переоборудовать их самолеты. Десять самолетов готовы для применения такого типа оружия. Мы уже передали в Беларусь наш известный, очень эффективный комплекс “Искандер”, он тоже может быть носителем [ТЯО]».

Владимир Путин пояснил, что решение разместить ТЯО в Беларуси принято потому, что президент Беларуси Александр Лукашенко «давно ставит вопрос». Но дополнительным поводом стало решение Великобритании поставлять Украине бронебойные снаряды с сердечником из обедненного урана¹¹. 25 мая президент Беларуси заявил о начале перемещения ядерного оружия из России в Беларусь.

Мартовский опрос Chatham House демонстрирует резко негативную реакцию белорусов на желание президента включить страну в клуб ядерных держав (табл. 9). Главный минус такого членства очевиден: наличие ядерных за-

рядов на территории страны повысит ее риск стать мишенью. При этом сложно себе представить, что перемещенные из России в Беларусь заряды перейдут под контроль вооруженных сил РБ.

Заключение

Мятеж основателя ЧВК «Вагнер» Евгения Пригожина пришелся на время работы над статьей, поэтому говорить о том, как он был воспринят белорусским обществом, не приходится. Но главные выводы руководители Союзного государства сделали. Они оказались неожиданными.

Владимир Путин: «Я хочу, чтобы мы все поняли, что происходило и что бы было, если бы вы не сделали то, что вы сделали и не исполнили бы своего воинского долга, не проявили бы верности присяге и русскому, российскому народу. Как всегда бывает в таких случаях, всегда и везде происходит одно и то же: после вооруженных мятежей наступает полный хаос и гражданская война» (27.06.2023).

Александр Лукашенко: «А что, у нас, в России все так хорошо? Да нет. Причин к тому, чтобы смута эта пошла, покатила по всей России и до нас докатилась, больше чем достаточно. Нужен триггер, нужен спусковой крючок. И он появился. <...> Если рухнет Россия, под обломками будем все мы. Если кто-то этого не понимает, задумайтесь над этим. Покопайтесь в истории»¹² (27.06.2023).

До 2020 г. белорусский агитпроп приложил немало усилий, чтобы позиционировать Республику Беларусь как гаранта европейской стабильности. У всех ее внутренних проблем были внешние источники, так как, по мнению Лукашенко, «лимит революций» в XXI в. Беларусь исчерпала.

Таблица 9

КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К ПРЕДЛОЖЕНИЮ РАЗМЕСТИТЬ РОССИЙСКОЕ ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ? (в % от числа опрошенных)*

Вариант ответа	Март 2022 г.	Апрель 2022 г.	Август 2022 г.	Март 2023 г.
Положительно	8	9	9	10
Скорее положительно	12	14	10	15
Скорее отрицательно	35	29	39	30
Отрицательно	45	47	43	44

*Chatam House, март 2023 г.

¹⁰ URL: <https://www.rbc.ru/economics/02/04/2017/58e026879a79471d6c8aef30>.

¹¹ URL: <https://www.rbc.ru/politics/26/03/2023/6420169a9a794700a4c92ad>.

¹² URL: <https://president.gov.by/ru/events/vruchenie-pogon-vysshemu-oficerskomu-sostavu>.

Но на 17-м месяце спецоперации Союзное государство, по мнению его руководителей, оказалось на пороге смуты. Для того, чтобы из латентной стадии она переросла в открытую, не хватает лишь повода (триггера). Такое признание дорогого стоит.

Собственный опыт такого рода в Беларуси имеется. Вспомним массовые протесты лета — осени 2020 г., вызванные президентской избирательной кампанией. В XXI в. в режимах имп-

тационных демократий выборы — как чемодан без ручки: не проводить их нельзя, а проведение чревато «цветными революциями». Но для белорусской политической элиты выборами проблема не ограничивается, ибо внутренние проблемы России легко могут трансформироваться во внутренние проблемы Беларуси («Если рухнет Россия, под обломками будем все мы»).

Алексей ЛЕВИНСОН

Самочувствие российских евреев

Лето 2022 г.

Предварительные методические замечания¹

Настоящий проект принадлежит одному из направлений научных исследований ВЦИОМа (до 2003 г.) и Левада-центра по изучению советского, постсоветского, российского общества и его культуры. В рамках этого направления с 1989 г. проводились количественные и качественные исследования отношения к евреям и «еврейскому вопросу» в обществе и исследовании среди еврейского населения страны.

Политическая обстановка, сложившаяся после начала специальной военной операции на Украине, внесла некоторые ограничения на проведение фокус-групп по сравнению с исследованиями прошлых лет, касающимися содержания вопросов. Кроме того, следует предполагать, что некоторая часть еврейской общественности уклонилась от участия в нашем исследовании из опасений политического характера. Далее следует отметить, что в исследовании не представлены: 1) глубоко религиозные члены общин; 2) представители крупного бизнеса; 3) лица на высоких руководящих постах.

Исследование представляет мнения и позиции наиболее массовых типов еврейского населения современной России по состоянию на первую половину 2022 г.

Основные темы, которые освещаются в данной публикации:

- Как сегодня стоит проблема антисемитизма в восприятии евреев.

¹ Исследование проводилось методом групповых дискуссий (фокус-групп) с представителями еврейского населения российских городов (Москва, Екатеринбург, Ростов-на Дону, Казань, Тула).

В каждом городе проводились одна фокус-группа с евреями — жителями города в возрасте от 18 до 40 лет (отмечены в тексте как младшие), а другая — с респондентами в возрасте от 40 лет и старше (отмечены как старшие). Количество мужчин и женщин в основном было одинаковое. Число участников колебалось от 6 до 10 человек.

Критерием для отбора была этническая самоидентификация потенциального респондента. Набранный таким методом состав участников отвечал задачам исследования.

Продолжительность групповых дискуссий — от 90 до 110 минут. Проводилась аудиозапись с последующей расшифровкой. В тексте дословные высказывания респондентов приводятся курсивом. Модератор А.Левинсон, менеджер С.Королева

- Как стоит проблема Израиля и репатриации.
- Проблема еврейской идентичности.

Вопрос об антисемитизме

Опыт переживания антисемитизма

Исследования, проводившиеся два года назад, показывали, что уровень антисемитизма весьма низок, но в еврейской среде сохранялись опасения, что он снова повысится в условиях напряжения или кризиса. С учетом цепочки кризисных явлений от пандемии до начала специальной военной операции представлялось важным установить, каково положение дел на сегодня. Исследование показало, что для нынешнего времени характерно отсутствие единого ответа на вопрос: сегодня антисемитизм в России есть или его нет?

Люди одного возраста, проживающие в одних и тех же городах, давали противоположные ответы на вопрос, сталкивались ли они и сталкиваются ли сейчас с проявлениями антисемитизма в их адрес.

Вот примеры.

— Люди более старшего поколения — они... ну не знаю, с какими-то предрассудками относятся. Они смотрят на тебя и говорят: «А вы случайно не еврейка?» И если ты ответишь, допустим, что «да, я частичная еврейка», то они скажут: «А, ну понятно». (Екатеринбург, младшие.)

— Когда переехала сюда, всем сказала: «Я еврейка». И сказала, знаете, не стеснясь ничего, и думаю: «Блин, чего мне сейчас сделают, чего мне сейчас скажут?» Нет, ни у кого ни одной плохой реакции не возникло. И также на работе. (Екатеринбург, младшие)

— Скрывать было нужно. Особенно в школе, в институте. И в детстве. Это был кошмар. То есть я в защите постоянно. Мне пришлось для этого пройти большой путь, чтобы гордиться. (Екатеринбург, старшие)

— В последнее время исключительно редко... Ну как, за последние лет 20 исключительно редко я видел что-нибудь негативное. (Екатеринбург, старшие)

— Сделала работу хорошо — «Ты еврейка, поэтому у тебя получилось», плохо — «А, ну ты же еврейка!» То есть на все один ответ. Это просто каждодневно и еще миллион раз. (Ростов-на-Дону, старшие)

— Я никогда не испытывал чувства антисемитизма [на себе], ни на работе, ни в армии, будучи на службе... ни в школе — нигде я не ощущал. (Ростов-на-Дону, старшие)

— К счастью, нет, не сталкивался. Ни в институте, ни в школе, ни в других местах. (Ростов-на-Дону, младшие)

— Ну бытовой антисемитизм был. Не скажу, что очень много и регулярно, но бывало, да. (Москва, старшие)

— Согласна, было. Но на таком уровне невысоком, на таком уровне — какие-то анекдотики, подколы... (Москва, младшие)

— Если ты еврей такой, который максимально русифицированный, толерантный ко всему — тебе и в Москве классно, и на Сахалине тоже неплохо. Ему будет везде более-менее, кроме сильно национальных регионов. Ну таких, как наш юг, и все такое. (Москва, старшие)

Неярко, но проявились новые тенденции, которые мы уже отмечали в прошлом исследовании: еврейство означает некоторое преимущество в глазах нееврейского окружения.

— Сейчас даже наоборот. Быть евреем считается немножко почетно. Избранные.

— Когда я рос, дразнили евреем. Евреи были все «хитрые». А сейчас говорят — «евреи все умные». (Тула, старшие)

— Я бы сказал, что евреем сейчас все популярнее и популярнее быть, и многие выбирают именно это, даже не будучи вообще евреем по рождению, с какой-то стороны, если там дедушка, прадедушка, неважно... Известны такие случаи, и я знаю, что многие интересуются, евреев считают умными. (Казань, младшие)

— Евреям даже в чем-то завидуют. И, кто могут, стараются у себя отыскать... Ведь на самом деле, если ты еврей, то у тебя много перспектив, и даже кто к этому мало отношения имеет, они понимают все плюсы как бы, возможность уехать, возможность получить тупо там этот... шенген, например. (Москва, младшие)

В качестве особого случая следует рассмотреть ситуацию в Казани. В одной своей части она вполне совпадает с ситуацией в других обследованных городах. Там также имеются как свидетельства людей, сталкивавшихся с антисемитизмом, так и не сталкивавшихся с ним.

— Когда работник правоохранительных органов говорит тебе что-то такое, типа «жид», это считается или нет? Ну, он говорит как бы от себя лично, а не от государства же... Если о государственной политике, то нет. (Казань, старшие)

— Вы знаете, я свою национальность, скажем так, не упоминаю до тех моментов, пока я не узнаю человека получше или собеседник меня, соответственно, получше не узнает. Потому что были моменты, когда, скажем так, сталкивался с определенным негативом. (Казань, младшие)

— Так вот, по идее, не сталкивался, кроме шуток, подколов на уровне каких-то... принятых в русскоязычном обществе каких-то стереотипов. То есть на вербальном уровне возможно, но это не было какой-то агрессией или чем-то там вроде погромов... (Казань, старшие)

— Наши родители, например моя бабушка, всегда говорили, что «на этом не надо заострять внимание, если есть возможность — уходите от этого». (Казань, старшие)

— Негативное отношение сохраняется, даже и в Казани, и в крупных городах это есть, и скрывать приходится национальность в ряде случаев. (Казань, младшие)

— Нет, я не скажу, что за евреев взялись... (Казань, младшие)

Но Казань имеет и русское, и татарское, и православное, и мусульманское население, это и часть Российского государства, и столица Республики Татарстан. Казанские евреи имеют особое самоощущение внутри этой среды — более сложной, чем в других обследованных городах.

— В Татарстане в любом случае будут чувствоваться все вот эти передраги меньше, чем, например, в Москве. Это 100 процентов. Ну если раньше еврейских мальчиков, например, возле Хоральной синагоги [в Москве] били, то возле Казанской синагоги я такого не слышала никогда. (Казань, старшие)

— Ну, несомненно, [татары] относятся... мягче и дружелюбнее. Они ближе [к евреям, чем православные], потому что еврею не запрещено заходить в мечеть, и мусульманину не запрещено зайти в синагогу... А зайти в церковь религиозно-му еврею нельзя. И наоборот. (Казань, старшие)

Помимо конфессиональных оснований респонденты указывали и на тот факт, что татары в России, так же, как и евреи, составляют этническое меньшинство. Казанские евреи видят себя меньшинством внутри более крупного татарского меньшинства. Это создает некие осно-

вания для чувства большей защищенности. При наличии фоновых этнофобий, антиеврейская среди татар оказывается слабее антирусской.

— Я думаю, у нас лучше говорить, что я еврейка, потому что тут к русским еще похуже будет отношение, чем к евреям. (Казань, младшие)

Указывали и на чисто политические причины. Руководство Татарстана, по словам респондентов, поощряет уважительное отношение к еврейской общине.

— Раньше, допустим, лет 20 назад, когда я в школе училась, этого [антисемитских проявлений] было гораздо больше, чем сейчас. Все-таки есть какое-то движение в сторону толерантности. (Казань, младшие)

— Люди, которые раньше не хотели позиционировать себя как евреи, сейчас, с годами, все больше и больше раскрываются, признают и заявляют о себе как о евреях.

— Каминг-аут! (Казань, младшие)

Роль В. Путина как гаранта отсутствия антисемитизма

В исследованиях прошлых лет мы фиксировали особую «путинскую» тему. На фоне общеизвестного позитивного отношения россиян к В. Путину отношение к нему со стороны евреев имело некоторые особенности. Значительная часть еврейства принадлежала к тем слоям российского общества, которые не присоединялись к указанным массовым чувствам в адрес В. Путина. Это было в первую очередь результатом их претензий к его политике и его стилистике, а во вторую — средством отделить себя от массы с ее массовыми симпатиями и антипатиями. Пребывая внутри этих слоев и составляя их важную часть, евреи разделяли названные претензии к В. Путину, однако отмечали как жизненно важную для себя особенность его позитивное (или, по крайней мере, не негативное) отношение к евреям.

Это отношение проявилось и в нынешнем исследовании. В основном оно выражалось людьми старших возрастов.

— Да, при Путине евреям стало легче жить, легче стало соблюдать какие-то вещи, если так глобально смотреть, — религиозность, кошерность и все остальное. (Москва, старшие)

— Я бы сказал, что он относится к ним неплохо. Потому что последние годы он давал место, где строить еврейские музеи, синагоги, постоянно встречался с Берл Лазаром, т.е. это выглядело как поддерживающие такие отношения. (Москва, младшие)

— Он пресекал много раз (антисемитизм), однозначно. Очевидная вещь совершенно. (Екатеринбург, старшие)

— Мне лично интуитивно кажется, что он даже симпатизирует. (Екатеринбург, старшие)

— Но окружают его именно в основном евреи. (Ростов-на-Дону, старшие)

— Я думаю, что это его позиция как человека, а не только как политика. Это очевидно совершенно, за 22 года уже можно было убедиться в его позиции неоднократно. (Екатеринбург, старшие)

Обращает на себя внимание, что, если в ходе исследования, проводившегося Левада-центром два года назад, уровень антисемитизма в путинское время считался почти нулевым, то в нынешнем исследовании его так не характеризовал никто.

— Когда ты сталкиваешься с какими-то жизненными ситуациями, то оно легче-то не стало. Все равно есть проблемы. (Москва, старшие)

— Для людей определенных национальных меньшинств этот вопрос стоит наиболее остро, потому что сейчас есть какая-то нетерпимость к другим нациям на территории страны. Даже если ты всю жизнь прожил на ней, то вот для людей других национальностей этот вопрос стоит чуть более остро. (Тула, старшие)

При этом респонденты соглашались с формулами «Путин — не антисемит», «Путин не поощряет антисемитизм», соглашались с тем, что акции в русле антисемитизма в стране (прежде всего так называемого «государственного», но за ним и бытового), например закрытие «Сохнута», следовали со стороны властей либо помимо контроля со стороны В. Путина, либо по его неявному согласию.

Что касается позиции В. Путина, то она, по мнению респондентов, скорее всего останется неизменной в обозримом будущем. Во всяком случае она, как полагают респонденты, не изменилась с началом спецоперации и не изменится после ее окончания. (каким будет это окончание и когда оно последует, они не знают).

— У самого главного сейчас [антисемитизма] нету. Вот чистого открытого антисемитизма нету у него. Открытого нет, а что там уже чуть за поворотом, может, и совсем другое. (Ростов-на-Дону, старшие)

Встречалось, однако, мнение, что если дела будут плохи, начнут искать виноватых, и тогда...

При обсуждении перспектив «после Путина» респонденты в основном соглашались, что,

если В. Путин сам назначит преемника, тот, вероятно, будет продолжать его линию (не антисемитскую). Но если ситуация будет развиваться иначе, к власти может прийти антисемит.

— Если Путин поставит вместо себя кого-то очередного, то, может, останется плюс минус то же самое. А дальше я не знаю. Может, революция случится какая-то, то там уже неизвестно, кто придет. (Тула, старшие)

Возможны и другие объяснения.

— Есть опасение, что пружина, которую сейчас Путин сжимает...ведь она никуда не денется, а Путин ее сжимает, он не дает ей распрямляться, пар не выпускается. Если даже придет человек, нейтральный к евреям [не антисемит, а нейтральный], эта пружина может начать распрямляться. (Екатеринбург, старшие)

Ожидания роста антисемитизма

Некоторый рост если не собственно антисемитизма, то опасений или отмечаемых признаков его роста становится больше. Отметим: растет не антисемитизм, а ожидания его роста.

Имеются опасения в отношении будущего.

— Есть такая вероятность, что, мне кажется, политика будет направлена в какой-то момент против [евреев] в недалеком будущем. Кто-то обязательно должен быть виноватым. (Тула, старшие)

— Я думаю, это в первую очередь будет из социальных сетей исходить, от людей, которые часто сидят под фейковыми страницами, не под своими именами и каждой новостью могут разжигать эту ненависть к евреям... И, собственно, это уже есть. Они могут быть кем угодно, какими-то радикальными организациями, скорее всего, которые могут даже не приветствоваться властью на данный момент. (Москва, младшие)

— Если выплывет где-то наружу информация о том, что евреев спонсирует Америка, а она может выплыть, то здесь, конечно, все будет не очень хорошо по отношению к евреям. (Ростов-на-Дону, младшие)

Особо остро реагировали на закрытие «Сохнута» (на момент исследования самым распространенным было мнение, что «Сохнут» закрыли).

— «Сохнут» — все! На этом все закрылось. Но я понимаю, что где-то в Минюсте сидит какая-то сволочь антисемитская. То есть они же никуда не делись, антисемиты. (Екатеринбург, старшие)

— Ну появились недружелюбные моменты. Потому что запретили выезд, запретили «Со-

хнут». Раньше это поддерживалось, можно было бесплатно даже до 35 лет съездить [в Израиль], кто-то спокойно выезжал на ПМЖ, кто-то даже на экскурсии. Сейчас это не приветствуется. Причем уже на государственном уровне. (Екатеринбург, младшие)

Респонденты прежде всего отмечают изменение общеполитической или общесоциальной ситуации, а этим объясняют фактически состоявшееся или ожидаемое изменение отношения в обществе к евреям.

— Потому что происходят аномальные события в человеческом обществе вообще, т.е. коронавирусы всевозможные, кризисы, непонятная ситуация в России, санкции и т.д. Естественно, возникает классический вопрос «Кто виноват?». Ответ... традиционный. (Екатеринбург, старшие)

— Лично не встречаю, но, общаясь с людьми, прям это чувствуется, многие винят евреев... (Ростов-на-Дону, старшие)

— Я уже сталкивался с такими [антисемитскими] высказываниями. Если еще пять лет [назад], в 17-м, я таких высказываний вообще не встречал, то сейчас они появились. (Казань, младшие)

Особую роль играет разделение мнений по поддержке и не поддержке действий российской армии на Украине. Впрочем, в основном это ожидания.

— Сейчас... у нас раскол в обществе, и личный. И очень много евреев сейчас заняли позицию... ну, как бы антипутинскую, может быть, даже антигосударственную! Поэтому последние события и некоторый раскол в обществе, который вообще намечился среди всех, обязательно вызовет и в частности антисемитизм. (Екатеринбург, старшие)

— Я думаю, если это будет, то это будет исходить от таких радикально настроенных граждан, которые считают себя патриотами. (Москва, младшие)

— Ну, пока то, что я вижу, особо не акцентируются на этом вопросе. Но, как мне кажется и людям, которые в моем окружении с еврейскими корнями, в случае, когда это закончится совсем все плохо, то, конечно, это станет проблемой. Пока еще до конца это непонятно, чем закончится, люди как-то в нейтралитете. Но когда это будет еще какой-то другой момент, я думаю, что, конечно, это выскочит, что «ну он же еврей». (Ростов-на-Дону, младшие)

— Об ожиданиях я могу сказать, что бог сейчас смотрит на то, что сейчас евреи вытворяют

[антипутинское], и думает: «Если одного Холокоста не хватило, можно повторить». Это мои ожидания. (Екатеринбург, старшие)

— Сейчас, наверное, все эти проявления косвенные, в моем окружении, но они вызывают определенный страх. То есть я делаю выводы из поведения более ярких представителей общности по отношению к представителям моего народа, о том, что может быть дальше. (Москва, старшие)

— Они [евреи] относятся к этому [специальной военной операции] негативно, по крайней мере, из моих друзей. И это может в любой момент взорваться. И отразиться на евреях в том числе. (Москва, младшие)

Выражены опасения, что на отношении к евреям может сказаться то, что:

— Большое количество звезд, там, эстрады, там, телевидения, ну, активных людей с еврейскими фамилиями, которые заняли такую позицию — против.... (Казань, младшие)

Заметим попутно, что раскол произошел, что закономерно, и в собственно еврейской среде.

— Они [евреи] разделились на два лагеря. И даже если у тебя к этому родственнику теплые чувства, но мнение об этой спецоперации, в принципе, о ситуации в стране кардинально противоположное... (Тула, младшие)

— И есть это повисшее неловкое молчание и в принципе нежелание общаться на эти темы. (Тула, младшие)

Этот раскол был весьма заметен на фокус-группах особенно в Москве и Екатеринбурге. Представители старшего поколения (возможно, более опасаящиеся выражать не одобряемую властями точку зрения) с известной демонстративностью заявляли о поддержке специальной военной операции. Что касается молодых, то среди них антивоенная позиция часто не декларировалась, поскольку рассматривалась как сама собой разумеющаяся.

Особо стоит отметить мнение о том, что, возможно, ожидаемое респондентом ухудшение отношения россиян к президенту Путину приведет и к ухудшению отношения к евреям.

— Я думаю, что будет ухудшаться. Как минимум, потому что непонятно, чем это будет заканчиваться... И второй момент: как бы ни было сейчас тяжело экономически многим, но все-таки президент и его отношение, которое он очень открыто транслирует, позитивное к еврейскому народу, — оно есть. Соответственно, если дальше будет ухудшаться отношение к власти, то и отношение к евреям тоже будет ухудшаться. (Ростов-на-Дону, младшие)

Как указывалось, основные опасения по поводу роста антисемитизма испытывают представители старшего поколения. Сказывается и их жизненный опыт, и их принадлежность к «классическому» еврейскому типу, каковой включает в качестве обязательной черты ожидание/боязнь антисемитских проявлений со стороны окружения. Что касается молодых людей, то из них значительная часть смотрит на вещи традиционным осторожным еврейским взглядом, часть принадлежит уже к новому типу евреев, которые не привыкли ни скрывать свое еврейство, ни опасаться антисемитских проявлений.

— Да, это набирало популярность, как раз самоопределение себя, думали: евреи — это общность и т.д. А сейчас наоборот — из серии: «не высывайся, будь потише, поспокойнее, не надо собираться, не надо встречаться...» (Москва, младшие)

— Да, сейчас я вижу меньше откликов, меньше походов в какие-то организации. Меньше того, что люди начинают высказываться, что «я есть, и я есть еврей». (Москва, младшие)

Возражение:

— Ну вряд ли евреям кто-то там по «Первому каналу» сказал: «Сидите тихо»... Нет... Это уже самоконтроль. (Москва, младшие)

Респондентов просили оценить уровни антисемитизма в России в различные периоды в XX и XXI вв. Оценка производилась по 10-балльной шкале, где 10 баллов — наивысший уровень, а 1 балл — низший уровень.

Результаты представлены в табл. 1.

В этих результатах нашел отражение отмеченный выше факт: «путинская эпоха» продолжается, но уровень антисемитизма на-

Таблица 1

ОЦЕНКА РЕСПОНДЕНТАМИ УРОВНЯ АНТИСЕМИТИЗМА В РОССИИ

Царская Россия	1920-1930-е гг.	Позднесталинский период	Брежневское время	Ельцинская Россия	Путинский период в целом	Пять лет назад	Сегодня	Через пять лет
8,6	8	8,3	6,1	4,7	3	3	3,4	5,3

чинает расти и будет расти и далее еще более активно.

Можно заключить, что приведенные выше факты массового сознания отражают не собственно уровень антисемитизма как антисемитских проявлений, а нарастающий уровень тревоги и негативных ожиданий, спровоцированных общим изменением ситуации и, возможно, точечными (пока) проявлениями враждебных к евреям действий.

Исследование показало, какую ситуацию создал к настоящему моменту идущий процесс ассимиляции/диссимиляции евреев в России. Родовая память евреев заставляет их ожидать тяжелых проявлений антисемитизма (упоминался даже новый Холокост). Но их не было. В своих жизненных историях опрошенные российские евреи старшего возраста припоминали случаи бытового антисемитизма (не государственного). Что важно подчеркнуть, значительная часть казусов, воспринимаемых как проявления антисемитизма, заключалась в одной лишь констатации со стороны окружающих или партнера: ты — еврей. Если учесть современный уровень ассимиляции евреев, порой лишаящий их каких-либо внешних признаков еврейства, обнаружение другими этих признаков воспринималось ими как что-то вроде разоблачения. Во многих случаях (наиболее интересных для данного рассуждения) из этой констатации (если угодно — стигматизации) не было, по словам респондентов, никаких следствий в поведении, отношении проводивших «расследование» окружающих. Но для еврея это означало потенциальную вероятность таких дискриминационных или насильственных действий, если и когда начнутся вечно ожидаемые гонения на евреев.

На этом фоне интересны две стратегии, так сказать, диссимилятивного толка. Одна состоит в том, что евреи (среди наших респондентов это еврейки), не дожидаясь вопроса и необходимости на него отвечать, заявляют о себе как о еврее (еврейке). Вторая, в шутку названная респондентами *coming out*, заключается в том, что человек, проведший значительную часть своей жизни как русский (по крайней мере, для других, но часто и для себя), обнаруживает/обнаруживает свое еврейское происхождение (как правило, на уровне дедов-бабок). Для части это означает приобрести новую идентичность или новый социальный и личностный опыт. Для части это означает возможность претендовать на израильское гражданство со всеми причитающимися бонусами и благами.

Что касается (части) молодых евреев, то для них обнаружить в себе и продемонстрировать другим свое еврейство означает приобрести определенный культурный и социальный капитал. Частично он заключается в культурных и образовательных возможностях, предоставляемых Государством Израиль. Но частично это средство повысить свой авторитет внутри своей молодежной среды, где теперь быть евреем — это круто.

Во всех описанных случаях мы можем констатировать общий момент. Исторический процесс ассимиляции здесь притормаживается этническим окружением, не дающим ввести себя в заблуждение: «Ты, может быть, уже внешне похож на нас, но ты — еврей».

Израиль как элемент жизненной ситуации российских евреев

Наследие прошлого в отношении к Израилю

Из прошлых исследований и из бытового опыта известно, что существование Государства Израиль имеет существенное значение для еврейского населения России. Если коротко описать «Историю Израйля для евреев России», то, как вспоминают самые пожилые, в первые времена после его создания, когда в Израиль направляли евреев-офицеров по решению партийных органов, основными были не сионистские чувства, а ожидание, что на Ближнем Востоке возникнет социалистическое государство — союзник СССР. Очень скоро отношение СССР к Израилю сделалось холодным, контакты почти полностью прервались. В 1953 г. на несколько месяцев были разорваны дипотношения, а в 1967-м они были снова разорваны на долгий срок (до 1991 г.). Антиизраильская пропаганда была весьма интенсивной.

В этих условиях ориентация на Израиль, связи с ним требовали определенного мужества от советских/российских евреев. Решившиеся на репатриацию подвергались различным видам гонений и прессинга. «Отъезжантов» и теперь вспоминают в еврейской среде как своего рода героев. Ситуация резко изменилась, когда в 2008 г. был установлен безвизовый режим, что позволило тысячам россиян, как евреев, так и неевреев, посетить и неоднократно посещать Израиль. Для россиян Израиль стал дружественной страной, местом хорошего отдыха. Негативное отношение к этой стране, внедрявшееся советской пропагандой в течение длительного периода, сменилось на позитивное. Для евреев России поездка в Израиль и пере-

езд в Израиль перестали быть актом гражданского мужества, сделались бытовым, личным и семейным событием. Разделяя с остальными россиянами общепозитивное отношение к Израилю, евреи, как показывали наши исследования, не переставали относиться с некоторым недоверием к этой ситуации.

Настоящей нормой им казалось отрицательное отношение к Израилю со стороны как властей, так и общества в России. Представители старшего поколения помнили, что антисемитские проявления со стороны власти преподносились как борьба с сионизмом, источником которого считался Израиль. Они помнили, что сионизм трактовался как «фашизм под голубой звездой». Использование в сегодняшней риторике по поводу спецоперации определения «фашизм» в таком же переносном значении, как и в антисемитской/антиизраильской пропаганде прошлых лет, дает повод ожидать возвращения к политике противостояния с Израилем.

Респонденты указывали и на активизацию связей РФ с Ираном — злейшим врагом Израиля, видя в этом параллель с ситуацией советских лет, когда СССР предпочитал сотрудничеству с Израилем дружбу с враждебными ему, Израилю, арабскими режимами.

Мы задавали вопросы о состоянии отношений между РФ и Государством Израиль и соответствующих перспективах. Весьма показательно, что часто респонденты характеризовали отношения как хорошие, очень хорошие, нормальные. Лишь в немногих случаях отмечали появившиеся трения в связи с позициями Израиля относительно действий РФ на Украине. Можно заключить, что существовавшие в последние годы действительно хорошие отношения между двумя этими странами — исключительно важная и дорогая для российских евреев реальность. И поэтому массовое сознание пока еще не готово «впустить» информацию о возможном их ухудшении, т.е. о возвращении советских паттернов внешней политики.

Здесь можно сделать одно общее замечание по поводу отношения российского еврейства к «еврейскому вопросу» в последние 30 лет. Трудности периода перестройки и реформ должны были, по убеждениям многих, вызвать взлет антисемитизма в СССР — России. Полученные в ходе первых массовых опросов данные о низком уровне антиеврейских настроений сперва вызвали недоверие, потом стали сенсацией. Подтверждаемые последующими опросами,

эти данные постепенно были приняты на веру, но «в глубине души» описываемая ими ситуация представлялась исключительной. Точно так же не сразу были приняты на веру сведения о том, что В. Путин — не антисемит. Наконец, введение безвизового режима между Россией и Израилем, празднование Хануки в Кремле и другие знаки государственной юдофилии говорили об установлении некоторой небывалой новой нормы отношения к евреям, еврейству и Израилю в России, но не могли отменить недоверия «старых евреев», носителей вековой еврейской мудрости, мнения об их «ненастоящем» характере.

Соответственно, по мере того, как в последние годы российская власть все больше сдвигалась в колею советской внешней и внутренней политики, ожидание того, что и политика в отношении евреев вернется к советским образцам, подспудно действовало на массовое сознание еврейства. Наше нынешнее исследование застает первые фазы ожидания того, что произойдет возвращение советских форм обращения с евреями.

Отношение к Израилю

В ходе исследования, помимо собственно групповых дискуссий, было проведено экспериментальное тестирование трех «младших» групп и одной «старшей» группы с помощью разработанной в Левада-центре одной из разновидностей тестов на ассоциации (тестировалось выраженное в предикатах отношение к России, США и Израилю). Тесты позволили подтвердить и уточнить некоторые из основных выводов из анализа групповых дискуссий.

Наиболее важным стал вывод о сложной (двойной, а в Казани — тройной) идентичности молодых евреев из российских городов. Они относятся как к родине и к России, и к Израилю, а в Казани — еще и к Татарстану.

Тесты показали, что отношение молодых евреев к России практически не отличается от отношения к ней молодых горожан не евреев, т.е. преимущественно русских (с тем же уровнем образования). Это позиция патриотов как сознательных граждан, выражающих любовь и уважение к своей стране, но не закрывающих глаза на то, что вызывает отрицательное отношение. (Соотношение позитивных и негативных предикатов 4:1, отношение в сравнимых не еврейских группах от 5:1 до 3:1.) Подчеркнем, что это отношение к России как к родине («родная», «любимая»). Среди молодых евреев

Казани отмечается аналогичное отношение к Татарстану как к «малой родине» (5:1). Отношение к «большой родине» несколько более сдержанное, чем у молодых евреев Тулы и Екатеринбурга (3:1).

Совсем другое отношение у названных респондентов к Израилю. (Соотношение позитивных и негативных предикатов 12:1.) Это воображаемая и идеальная родина. Израиль описывается прежде всего как «древний» и «исторический», старинный и чтящий свои традиции, «религиозный», потому «нравственный» и «святой».

Вторая группа признаков касается, напротив, современности и устремленности в будущее. Израиль в глазах респондентов «развитый», «быстро, активно развивающийся», «технологичный». Это, возможно, потому, что он «интеллектуальный».

Израиль в глазах молодых российских евреев «сильный», «уверенный», «свободный», «сколько его ни уничтожают, все равно восстает».

Их отношение к Израилю как к своему дому, к родине выражается в определениях — «родной», «свой», а также «семейный», «уютный», «теплый».

При взгляде из России Израиль — «благополучный» «процветающий». Это привлекательная страна, он — «интересный», «приятельный», поскольку «дружественный», «спокойный», «радостный», «позитивный», а также «цветущий», «яркий», «разнообразный», «самобытный».

Респонденты отдают себе отчет в том, что жизнь там бывает опасной из-за «взрывов», что это «милитаризированная» страна.

Израиль как убежище

Из некоторых источников поступали сведения о стремительном и массовом отъезде из России сразу после начала спецоперации. Были сведения о том, что среди отъезжающих значительное количество евреев. Наше исследование не позволяет ни подтвердить, ни опровергнуть эти сведения. Мы можем лишь констатировать, что они известны значительному числу участников наших групповых дискуссий и оказывают влияние на их позиции по обсуждаемым вопросам. Как будет видно, собственно уехавших много среди знакомых и родственников немногих участников фокус-групп. И напротив, у многих нет ни таких родственников, ни таких знакомых. Это может говорить о том, что люди из семей, жестко

ориентированных на отъезд, находящихся в ситуации выезда, не были склонны участвовать в наших фокус-группах. Но может быть и так, что настроения отъезда и сама практика срочного отъезда коснулись в основном столичного еврейства, а в других городах настроения были иными.

— *Евреи не дураки все-таки, выбирают для себя более благополучные условия, скажем так, всегда, они приспособленцы по своей природе. Есть ряд других стран либо наша историческая родина, где тебя примут и помогут туда переехать, если есть документы подтверждающие. Достаточно много эмигрантов все равно в Израиль...* (Ростов-на-Дону, младшие)

— *Ну вообще отъездов больше. Не только в Израиль.* (Екатеринбург, младшие)

— *Однозначно изменилось, я даже поняла, в чем это можно измерить. Это можно измерить в количестве резко уезжающих евреев. Я преподаватель иврита, и столько людей за последние месяцы, сколько я учу ивриту, у меня не было никогда.* (Казань, старшие)

— *Далеко не надо уходить, элементарно. Закрыт «Гоголь-центр», уехал Серебренников. Алла Борисовна Пугачева с Галкиным... Ну, Галкин в данном случае уехал в Израиль. Каналы ТВ — они же только об этом говорят.* (Ростов-на-Дону, старшие)

— *В Израиль много, у меня вот три человека уехало. Кто как бы с еврейскими корнями — все, собрались, сделали документы и сразу же. Но как бы прямым текстом сказали, что «если бы этого не было, мы бы не уехали».* (Екатеринбург, младшие)

— *Везде. В Израиль, в Америку, в Канаду — у кого есть какие возможности. Где-то воссоединение семей, где-то эмиграция по еврейской линии.* (Ростов-на-Дону, старшие)

— *Ну, у меня тоже некоторые знакомые... Вот одна в Израиль уехала, другие в Европу куда-то... То есть раньше у них не было таких планов...* (Екатеринбург, младшие)

— *Ну, у меня есть кто в Израиль уехали знакомые, есть кто уехал в Тбилиси, есть кто уехал в Ереван, есть кто уехал в Стамбул или какие-то другие страны...* (Екатеринбург, младшие)

— *Достаточно активные люди, и молодежь, и люди семейные... тоже сейчас... не знаю, в каком-то безумном количестве покидают страну.* (Москва, младшие)

О противоположных устремлениях государства и общества.

— *Ну, в целом курс агрессивный у [российского] государства. И вообще, как бы сейчас у нас на*

государственном уровне... всяческие препятствия объединению людей — неважно, общины, не общины, футбольные фанаты, хоть кто... Просто чтобы не было гражданского общества, и всех людей разбивают, разобщенными людьми проще руководить. То есть это общая тенденция такая. (Москва, младшие)

О том, что выезд затруднен, говорили многие.

— Нет, я скажу, что это более сложно, но возможно.

— Возможно, но стало сложнее.

— Сложнее.

— Да, сложнее.

— Даже чтобы документы сейчас оформить, очередь чуть ли не на девять месяцев. (Екатеринбург, младшие)

— Мы тут рассматривали времена там сталинские, на мой взгляд, тогда жесткие были, жесточайшие условия, и в том числе по выезду. Но все равно были квоты какие-то. И тогда люди уезжали, когда появилось Государство Израиль. (Казань, младшие)

— Молодежь в основном едет. (Казань, старшие)

Есть тема, которая особенно занимала респондентов из Москвы. Речь шла о том, что в нынешней ситуации желающие выехать в Израиль на постоянное жительство испытывают большие сложности в оформлении документов в посольстве в связи с тем, что их оказалось очень много.

Сторонники неотъезда тоже есть.

— Есть такие, кто сами говорят, что «прямо пока физической опасности не будет, то мы будем жить здесь». (Казань, старшие)

— Лично я, на свой взгляд, не опасуюсь никаких-то погромов, ни какого-то обострения национализма. Ну кроме каких-то там местечковых неадекватов, индивидов. В целом, скажем так, я даже не рассматривал никакие возможности переезда. Мне это не нужно, мне сейчас очень комфортно живется. Более того, после 24 февраля у меня, скажем так, в бизнесе началось даже... ну, ситуация во многом улучшилась. (Казань, младшие)

Закрытие границ

В ходе групповых дискуссий касались возможной проблемы закрытия границ российскими властями. В исследованиях прошлых лет евреи высказывали уверенность, что выезд не закроют или, что даже если будут закрывать, то евреи все равно смогут уезжать.

Эта точка зрения иногда звучала и в нынешнем исследовании.

— В Израиль кто захочет, тот сможет уехать

— В Израиль отток будет приличный

Проблем не будет?

— Проблемы будут уже там. (Тула, младшие)

В этом году такой уверенности уже не было.

— Мне кажется, будет сложнее выехать в какие-нибудь страны Европы, в Израиль. (Екатеринбург, младшие)

— Даже и не только евреи этого опасаются, что границы закроются. (Москва, младшие)

— Как бы выездные визы вообще не ввели, через пять-то лет. (Екатеринбург, младшие)

— В плане отъезда из России будет усугубляться, будет более проблематично. (Екатеринбург, младшие)

— Нет, но Государство Израиль заявило о том, что, если будут и дальше провоцироваться такие вещи, как сказал, допустим, Лавров, или закрытие «Сохнута»... они перестанут... (Москва, младшие)

— Мои знакомые... как раз уехали. Они стали опасаться из-за того, что границы будут закрыты и они вообще не смогут никуда уехать. Вот именно за эти последние пять лет. Ну а если быть точнее, то, наверное, все-таки больше в последние два года. Год, два. (Екатеринбург, старшие)

— Ну, закрытие «Сохнута» — это просто препятствие к отъезду. Просто «Сохнут» дает бесплатные билеты, это то, что сейчас тормозит всех желающих отъехать главным образом... Главное — что вообще возможность уехать, если что, сейчас не закрыта. То есть посольство работает. Но если это, например, семьи или куча людей совершенно небогатых, то, конечно, эти бесплатные билеты, которые подорожали в разы, — это большое препятствие. (Москва, младшие)

— «Сохнут» помогал тем, кто хочет обрести новую родину, уехать, в том числе и материально, потому что не могут себе это позволить. (Казань, старшие)

— Правда, сейчас, насколько я знаю, все вот эти центры, «Сохнут» закрываются, сложности там. И что касается выездов куда-то, то, я думаю, все будет хуже и хуже становиться с каждым днем. (Екатеринбург, младшие)

— Некоторые уезжают. Например, раввин из Хоральной синагоги уехал сейчас из России, знакомые уезжают... И это не просто так, это звоночек. (Москва, младшие)

— Я думаю, что невероятно [закрытие границ], но подспудно я очень боюсь. (Ростов-на-Дону, старшие)

— Вероятно, что будут закручивать гайки постепенно с отъездом. (Ростов-на-Дону, старшие)

Закрытие возможностей для выезда на сегодня — один из главных страхов евреев. По результатам других исследований известно, что массовый выезд сразу после акций, начатых 24 февраля, россияне, из которых значительную часть составляли евреи, имел одной из главных заявляемых причин именно опасение/убеждение, что в самом скором времени выезд из страны станет невозможен. С учетом того, что никаких официальных заявлений, утечек или намеков со стороны властей на эту тему до сих пор не поступало, можно заключить, что закрытие границ (со стороны России) представлялось и представляется российским евреям логичным элементом или шагом в том процессе изменения политической линии, который зримо разворачивается на глазах. Россияне массовым порядком берутся прогнозировать будущие шаги российской власти, потому что они понимают логику этого процесса. А понимание берется из исторического опыта: движение российской политики все более и более приближается к нормам и традициям внутренней и внешней политики СССР после начала холодной войны.

Вопрос о второй родине

У указанной темы — наличия Израиля как убежища — есть важные символические аспекты. В приведенной выше формуле «Мы, как все...» присутствует подтверждаемая и другими моментами исследования претензия евреев на то, чтобы считать себя и считаться полноценными россиянами, в том числе и такими же патриотами России, как условные «все». Наличие возможности в случае чего уехать в Израиль в их представлении не мешает быть и чувствовать себя патриотами России. Такая возможность существует для людей, выстроивших двойную или множественную идентичность. Это новый вид конструкции личности. Он отсутствовал у многих евреев, принимавших решение о репатриации и испытывавших буквально муки совести и сознания при попытке перехода из одной идентичности в другую. Не всем эти попытки удавались, и многие люди уезжали в Израиль, оставаясь советскими людьми или россиянами.

(В наличие такой возможности не верят в большинстве своем и собственно русские россияне.)

Обратим внимание на следующие высказывания.

— Мы такие же, как все, с той только разницей, что в случае чего нам есть куда... (Москва, старшие)

— Людям есть куда уехать, только и всего. Если бы другим было куда уехать, тоже, думаю, уезжали бы массово... (Казань, старшие)

— Это все [антиеврейские настроения] растет на волне ура-патриотических настроений, что евреи имеют вторую родину, т.е. «если с Россией будет что-нибудь, то у нас тут родина одна, а еврей может убежать к себе в Израиль, у него там второй паспорт или второе еще что-нибудь...» (Ростов-на-Дону, старшие)

Наши исследования позволяют констатировать, что стереотипные представления русских и других о евреях — «жадные», «расчетливые», «всюду пролезают» и пр., — остались в обиходе этих народов и функционируют там по моделям фольклора. При этом они все реже обращаются в качестве претензии к евреям, а обслуживают системы социализации и социального контроля внутри русской среды. Ушли из обихода и наиболее древние антисемитские предрассудки и обвинения касательно распятия Христа, кровавого навета, предрассудки советского времени касательно особой роли евреев в революции и терроре 30-х годов.

Между тем отмеченные выше обстоятельства наличия у российских евреев второй родины выходят в качестве претензии на первый план. Делаются выводы либо о том, что они не могут быть истинными патриотами России, либо о том, что это дает им неза заслуженные жизненные преимущества. Это становится основой нынешнего варианта антисемитизма, реализуется в подозрениях или обвинениях в (потенциальном) предательстве.

История реакций еврейства на тезисы антисемитов такова, что часть из них принимались как стигма, часть встраивалась в самообраз. Но в случае со второй родиной речь идет о некотором фактическом обстоятельстве, по поводу которого, как видим, существует согласие и обвиняющей, и обвиняемой стороны (коль скоро это выдвигается в адрес евреев как обвинение).

В известном смысле происходит развитие обвинений евреев в «безродном космополитизме» как основании подозревать их в отсутствии «советского патриотизма» и потенциальном

предательстве. Появление Государства Израиль как «родины всех евреев» лишает оснований тезис о «безродности», но сохраняется подозрение или убежденность в невозможности для еврея (вместо «безродного» становящегося обладателем двух родин) быть таким же патриотом России, как русский.

Понятно, что фигурирующая в этих построениях концепция русского патриотизма, при которой любой русский автоматически считается человеком с одной родиной (и потому автоматически же ее патриотом), лишь претендует на абсолютность. Чтобы показать необоснованность этих претензий, достаточно сопоставить количество людей, считающих себя русскими, но покинувших Россию и не желающих в нее возвращаться (вообще или на данный момент), с количеством проживающих в нынешней России евреев: первых существенно больше.

Но концепция существует и принимается, как видим, многими евреями. (Она не принимается людьми с «новой идентичностью, о которой будет сказано ниже.) Она принимается той частью российского еврейства, для которой процесс ассимиляции уже давно (одно, а то и два поколения назад) дошел до ступени, на которой Россия — не страна пребывания, а Родина в глубоком и высоком смысле этого слова, за которую надо нести ответственность, болеть душой, а при нужде и идти сражаться.

Появление Израиля в мысленном пространстве этих людей создало сложности и конфликты в их ценностной системе. Родившаяся концепция двух родин как еврейская концепция — результат сложной культурной работы, иногда имевшей формы личных, семейных драм, конфликтов с близкими и друзьями.

Новый тип идентичности

Разница в установках пожилых и молодых евреев отмечалась самими респондентами.

— Ну, я думаю, здесь надо разделить евреев на два поколения: более старшее, менее мобильное, и более мобильное, более молодое. Вот у более молодого, мобильного, поколения, наверное, есть определенный плюс, потому что у них есть всегда вот этот бэкграунд. Вариант эмигрировать, вариант второй родины и т. д. У более старшего поколения всегда есть страх, исторически, генетически он заложен, вот это «повторение 37-го года». Что когда какая-то нестабильность происходит, первое, что начинается, — это какие-то еврейские погромы... Есть два поколения. (Казань, младшие)

Проведенное нами исследование показало со всей определенностью, что, по крайней мере в среде молодых евреев, двойная и даже тройная идентичность вполне распространенный феномен и воспринимается как норма. Мы приводили результаты специальных тестов, которые показывают, что молодые евреи в российских городах успешно совмещают отношение к России как к родине и отношение к Израюлю как к родине. А проживающие в Татарстане воспринимают и его как отечество. Для таких людей эти родины как объекты референции не должны быть одинаковы ни образно, ни функционально (как не одинаковы «большая родина» и «малая родина», как не одинаковы любовь к родителям и любовь к детям и т.д.).

Проблематика двойной или множественной идентичности приобретает сейчас большую актуальность в связи с массовой эмиграцией из России после событий 24 февраля 2022 г. Как это бывало не раз в прошлом, евреи первыми или одними из первых начали осваивать эту новую социальную и психологическую конструкцию.

Наряду с нею продолжает существовать старая конструкция, где идентичность — прямой продукт ассимиляции. В ее рамках евреи также принимали нормы и ценности «большого» социума, но за счет отказа от своего еврейства или, в более мягком варианте, за счет выстраивания внутренней субординации, при которой внешнее доминирование русского воспроизводилось и во внутреннем его доминировании.

Собственное еврейство для них проблематично в контактах с нееврейским окружением. Тактика — от «спросят — отвечу» до «сообщить сразу». Для их партнеров, как правило, важно знать: ты еврей или нет (но среди изучаемого контингента это не считается антисемитизмом).

Широко известная практика сокрытия, утаивания своего еврейства — наиболее яркая иллюстрация этого устройства. Известны и более мягкие формы, предлагающие евреям не выпячивать свое еврейство, объяснять детям, что «это не главное», и т.п.

При такой конструкции вероятнее всего принимаемой российской/русской идентичностью для еврея будет становиться та ее версия, которая является доминантной (а значит, как правило, массовой) в соответствующей среде — с поправками на то, что еврею полагается реализовывать заложенные в нее нормы и ценности полнее и лучше, чем это в среднем делает большинство.

Так или иначе, но респонденты отождествляли себя с остальными россиянами.

— *Здесь мы все под одним одеялом.*

— *Мы граждане одной страны, и проблемы тоже одни.*

— *Все проблемы, в принципе, в России делимы с нами.*

В России после 24 февраля абсолютное большинство (около 70% по данным Левада-центра) поддержало действия российских властей, действия российских вооруженных сил на Украине. Давление этой массы заставляет носителей обсуждаемого здесь «старого» варианта идентичности ассимилянтов присоединяться к этому большинству, при этом, как полагаются еврею, поддерживать эти акции еще горячее большинства. Это проявилось сполна на групповых дискуссиях. Представители старшего поколения евреев не просто демонстрировали лояльность текущей политике. Получалось удачно: стоящая на втором плане еврейская идентичность могла быть использована с той же целью. Она подсказывала, что у евреев есть свои основания для антиукраинских настроений: на Украине антисемитизм всегда был очень силен. Он силен и теперь. А на тот неудобный факт, что Зеленский — еврей, находилась ответ: *он не еврей, он позор еврейского народа.*

Указанная выше двойная-тройная идентичность как таковая переживается российскими евреями — прежде всего молодыми — легко, поскольку в их среде она стала нормой. Но именно в силу того, что эти люди восприняли современную концепцию личности, они чувствуют себя свободными от обязательств перед страной. Их обязательства — перед нормами, перед принципами, перед ценностями. Поскольку эти сущности — достояние их сознания, и в этом смысле они «внутри» личности, то обязательства они имеют перед собой.

Они, в свою очередь, лояльны России как культурной сущности, как ценности и носителю ценностей. При том избирательно тех ценностей, которые они отобрали себе и для себя. Это не обязательно лояльность «земле», государству, режиму, персонам, как того требует «старая» идентичность и присущий ей патриотизм.

В соответствии с этой новой (ценностной) идентичностью для молодых людей (в данном случае евреев) иначе стоит вопрос и о патриотизме, и о географии проживания. Несогласие с действиями режима не создает для них дилеммы — отказаться от своих убеждений ради лояльности или отказаться от лояльности и уйти

в эмиграцию (внутреннюю или полную). Их идентичность позволяет им без драматического напряжения сохранять верность/лояльность той России, которую они как ценность или ценностную конструкцию выбрали для себя, несмотря на возможное несогласие с политической ее руководства.

Эта же идентичность позволяет им инструментально, а не «сердцем» решать вопрос о месте проживания или пребывания, что, в частности, предстает как вопрос об эмиграции или репатриации.

Общее самочувствие и отношения внутри еврейства

Страхи евреев

В ходе групповых дискуссий, проводившихся онлайн, респондентам предлагалось ответить письменно и конфиденциально на вопрос: «Чего вы более всего боитесь?».

По результатам этого теста собрано почти 70 записок. Примерно в трети из них перечислялось несколько страхов. Можно приблизительно считать, что получено около 100 ответов. Среди них преобладали различные варианты ответов о боязни за здоровье и судьбу детей и близких (такие же результаты — этот ответ на первом месте — постоянно получает Левада-центр в своих общероссийских опросах). Весьма многочисленны ответы о страхе, внушаемом «неопределенностью». Много ответов о боязни бедности, нищеты. Среди ответов молодых присутствует тема боязни не найти себя, не состояться в жизни (что также совпадает с результатами массовых опросов). В нескольких случаях сообщали о боязни репрессий («37-й год») и страхе перед идеологическим прессингом, особенно в школах.

Специфичными для данного исследования и текущей ситуации мы сочли ответы о боязни возрождения, роста антисемитизма (в одном случае упомянут Холокост), боязни закрытия возможностей для выезда (железный занавес), боязнь войны (атомной, ядерной войны, войны на территории России). Результаты подсчетов представлены в табл. 2.

Обращает на себя внимание повышенная тревожность старшего поколения евреев Екатеринбурга. Стоит отметить, что в ходе групповой дискуссии эти люди проявляли повышенную, чуть ли не демонстративную поддержку спецоперации.

Как видно из общих результатов, безусловно преобладает страх большой войны. Пример-

Таблица 2

СТРАХИ ЕВРЕЕВ В РФ

	Москва		Екатеринбург		Тула		Казань		Итого		Всего
	Мол.	Старш.	Мол.	Старш.	Мол.	Старш.	Мол.	Старш.	Мол.	Старш.	
Антисемитизм	1	1	2	1	1	1			4	3	7
Война	2	2	2	4	3	1	2	2	9	9	18
Закрытие границ			1	3	1		2	1	4	4	8
Сумма названных страхов	6		13		7		7		17	16	33

но в равной степени среди опрошенных распространён страх, что выезд из России станет невозможным и что в России вырастет/вернется/появится антисемитизм.

После выполнения этого теста на одной из фокус-групп было сказано:

— В книжных магазинах, книгу Оруэлла «1984» скупают как способ проживания сейчас, как инструкцию к проживанию в данный момент. (Тула, младшие)

Солидарность

Особо выяснялся вопрос, как изменились отношения внутри еврейства.

— Вы знаете, я в школе работаю уже 30 лет. И вот я сейчас смотрю на [еврейских] детей, у них потихонечку начинается стремление к тому, чтобы что-то узнавать и приближаться друг к другу. (Москва, старшие)

— Мне кажется, сейчас больше стало... связь эта увеличилась.

— Связь растёт и крепнет. (Москва, старшие)

Эти два тренда существуют и в обществе.

— Два каких-то взаимно... противоположно направленных процесса мне в этом видятся. С одной стороны, я как мама ребенка, который учится в еврейской школе, вижу, что мы тянемся друг к другу, все как-то стараемся друг друга держать. Мне больше нравится интеграция и единение.

С другой стороны, я, общаясь даже с родителями одноклассников моего сына, понимаю, что мы внутри себя все очень разнородные. И что мы не все друг другу созвучны, даже если мы соблюдаем Шаббат и ходим в синагогу, по каким-то личностным вопросам мы можем быть настолько противоположного мнения, что вот я, например, не могу к таким людям тянуться. Не потому, что они плохие или хорошие, может, это я плохая. Мы очень разные в нашей еврейской среде. (Москва, старшие)

— Люди разобщены, есть раскол на два фланга: то с этой пандемией, были антиваксеры и

ваксеры, а сейчас кто-то за военную операцию, а кто-то говорит, что против. (Тула, старшие)

Вот разные мнения о состоянии еврейских общин в Ростове-на-Дону.

— Ну, я в еврейской общине никогда в мероприятиях участия не принимал, но от знакомых слышал, что да, активность снизилась и практически ничего не происходит. То есть нет ни встреч, ни каких-то общих мероприятий, насколько мне известно. (Ростов-на-Дону, младшие)

— Перестали происходить какие-то мероприятия интересные, такие, как были раньше, от еврейской общины шло, и какие-то крупные праздники, такие как Пурим, Ханука, Рош ха-Шана, которые раньше праздновались и как-то людей собирали, это все спонсировалось... Это все полностью прекратилось. (Ростов-на-Дону, младшие)

— Ну вот смотрите: раньше достаточно активную я вела жизнь, связанную с общиной, я волонтерила, я как-то участвовала на мероприятиях. Была такая достаточно интересная мотивация, нас где-то развивали, какие-то общие мероприятия, т.е. было интересно, вкусно в плане эмоций... Я даже ездила волонтерить в Молдавию, там с детками работала. Все было классно, потом все прекратилось. (Ростов-на-Дону, младшие)

— Мероприятия прекратились, потому что Америка перестала спонсировать активно долларами. И плюс к тому, я предполагаю, что руководитель нашего центра не проводит то, что должна проводить. У нас не очень хороший руководитель ростовский. Без имен, т.е. я думаю, что в этом деле тоже, отчасти, может быть, коррупция, где-то что-то еще... как-то странно. То было все, а теперь ничего. (Ростов-на-Дону, младшие)

— Если брать более молодежный аспект — да, я с кем-то потерял связь, но у меня появились более... еще более взрослые знакомые евреи, и для меня ничего не поменялось, ничего не пропало. (Ростов-на-Дону, младшие)

— *На сегодняшний день? Я знаю, что еврейская община очень помогает своим людям. Помогает продуктами, у меня соседи есть, которые получают продукты, получают какую-то помощь, да, помогают.* (Ростов-на-Дону, старшие)

— *Я думаю, авторитет раввинов среди евреев сейчас растет, как и все религиозные отношения, потому что они очень долго были запрещены, а сейчас они развиваются.* (Ростов-на-Дону, старшие)

— *Растет, как для любой конфессии. Это очень высокий уровень... В любом случае, очень растет.* (Ростов-на-Дону, старшие)

Настоящее исследование подтвердило результаты прошлых в том отношении, что самочувствие евреев в среде российских (больших и средних) городов признается ими вполне удовлетворительным. Один из признаков «хорошего самочувствия» — их представление о собственной численности. Первый, и важнейший, момент состоит в том, что они чаще всего не задумываются над вопросом, сколько их. Это означает, что они не считают себя ничтожным меньшинством. Второй момент состоит в том, что принужденные вопросом модератора дать оценку количеству евреев в их городе и затем в России в целом они, как правило, дают ответ, превышающий установленное переписями количество в сотни, иногда в тысячи раз.

Мало кто говорит о полном исчезновении евреев в России, но высказывалось мнение о грядущем увеличении их количества. Отчасти за счет ожидаемой рождаемости, отчасти за счет выхода из тени.

— *Сейчас прибавилось. Посмелее стали.* (Тула, старшие)

Выводы

На текущий момент российские евреи в основном не отмечают проявлений государственного антисемитизма. Проявления бытового антисемитизма встречались, но в качестве отдельных случаев.

Сохраняется убеждение евреев в том, что президент Владимир Путин занимает и будет занимать не антисемитскую позицию. Однако несмотря на это, антиеврейские акции некоторых чиновников представляются возможными.

Зафиксировано тревожное ожидание появления и роста антисемитизма. Ожидание связано: 1) с общими тенденциями роста консервативных сил, репрессивной практики; 2) с ухудшением экономической и политической ситуации в стране; 3) с выступлениями ряда публичных фигур-евреев с критикой спецоперации.

Закрытие «Сохнута» и отъезд раввина Хоральной синагоги, критика официальных лиц в адрес Израиля воспринимаются как прямые сигналы начала антиеврейских государственных акций.

В целом нынешнее исследование застает первые фазы ожидания, что произойдет возвращение советских форм обращения с евреями.

Активно обсуждается тема репатриации в Израиль. Указывали на большие сложности в оформлении документов в посольстве в связи с тем, что желающих оказалось очень много.

Российские евреи (как и многие не евреи) испытывают очень большое беспокойство по поводу сокращения возможности выезда из России или полного закрытия границ.

Заключение

Исследование позволило получить результаты, которые в своей основе согласуются с результатами массовых опросов, проводимых Левада-центром среди всего многонационального населения России. Эта согласованность закономерна в силу того, что, как отмечают сами респонденты, *мы — как все*. Действительно, исследование охватило высокоассимилированное еврейство, и это наиболее массовый его тип в современной России.

Результаты исследования можно распространить на основную часть еврейского населения России. Однако следует учесть, что исследование проходило в весьма специфический период российской истории, когда проводилась специальная военная операция и ее результаты еще не были известны.

События и обстановка этого периода весьма сильно влияли на мнения и настроения респондентов. При изменении ситуации можно ожидать изменений и в установках и настроениях обследованной аудитории. Для их изучения понадобятся новые исследования.

Лев ГУДКОВ

Состояние массового антисемитизма и ксенофобии в условиях военных действий России на Украине

Левада-центр продолжает мониторинг состояния этнонациональных отношений и проблем массовой ксенофобии и антисемитизма. Исследования по этой тематике были начаты еще в 1989 г. За 30 лет проведено более 10 крупномасштабных социологических опросов (в 1990 и 1991 гг. по всесоюзной выборке, с 1997 г. — по общероссийской выборке), дополненных ежегодными замерами этнических и расовых установок населения по отношению к различным группам¹.

Обстоятельства проведения опроса

Опрос проходил в напряженной общественной ситуации — ведения Россией специальной военной операции на Украине. К моменту опроса крупномасштабные военные действия шли уже два месяца, сопровождаемые мобилизацией общественного мнения на поддержку политики руководства страны, острой конфронтации с мировым сообществом, осуждением действия России, снижением уровня жизни населения, атмосферой неуверенности и высокой тревожности.

Первые предположения о том, как эти события повлияют на уровень ксенофобии населения, сводились к тому, что антиукраинская и антизападная риторика и работа федеральных каналов СМИ (в первую очередь ТВ и радио, многотиражной прессы и провластных интернет-каналов («ВКонтакте», «Одноклассники» и др.) вызовут общий подъем низовой агрессивности по отношению к нерусским этническим общностям (внутри России и вне ее). Однако опрос не подтвердил эту гипотезу. Общий характер этнических установок населения² прак-

тически не изменился в сравнении с последним из предшествующих опросов (2020).

Рост антипатий или враждебности фиксируется по отношению к американцам и украинцам, с одной стороны, и, напротив, можно говорить об усилении симпатий к чеченцам в результате политики Кадырова и участия чеченских частей в боях на Украине.

Это обстоятельство указывает на роль государственной пропаганды и политики властей в динамике отношений к различным этнонациональным общностям. Материалы этого исследования в очередной раз подтверждают давний вывод социологов Левада-центра о том, что государство — ключевой фактор влияния

характеристикам (пол, возраст, образование, распределение по типам поселений, доходам, занятости и т.п.). Объем выборки составляет 1616 человек от 18 лет и старше. Опрос проходил в форме личного интервью по месту жительства. Его задача — определить распространенность ксенофобских, расистских и антисемитских представлений и изменения в их структуре и интенсивности выражения. Анкета в основных своих содержательных и тематических блоках повторяла диагностические вопросы, используемые в предыдущих исследованиях (1990–2020). Сохранение основного корпуса диагностических вопросов позволяет судить как об устойчивости массовых представлений в рассматриваемом аспекте, так и об изменениях в структуре этнонациональных установок опрошенных, о новых явлениях в массовом сознании. В методическом плане опрос нацелен на фиксацию отношения к значимым этническим группам, представляющим разные типы «других» — от наиболее развитых стран (США, ЕС), выступавших амбивалентными ориентирами развития, до отпавших от России как наследницы советской «великой державы» (СССР) бывших союзных республик (Азербайджан, Украина, Узбекистан), из периферии империи ставших самостоятельными национальными государствами. Кроме того, в шкалу сопоставления вводятся китайцы как представители иной, не западной культуры или альтернативного западным странам пути модернизации, а также этнические общности, играющие важную, хотя и принципиально различную роль для российского национального сознания, — евреи и чеченцы. Тип культурно и социально «чужих» представлен образом цыган, традиционным объектом массового отчуждения. Сам набор этнонациональных групп мог в разных замерах меняться (добавлялись немцы, англичане, арабы и др.), но структурная основа шкалы (современность — традиционность; свои — чужие, доминирование — зависимость, подчинение) сохранялась и существенно не менялась.

¹ См. предыдущую публикацию материалов по данному проекту: Антисемитизм и ксенофобия в современной России // Вестник общественного мнения. 2021. № 1–2. С. 175–270.

² Настоящий опрос проводился с 21 по 27 апреля 2022 г. по общероссийской репрезентативной выборке, отражающей структуру взрослого населения по основным социально-демографическим ха-

на уровень и интенсивность этнонациональных предпочтений и предрассудков. Имеющимися у государства институциональными средствами (работой СМИ, институтов образования, выступлениями политиков или политических кланов, полиции) можно как возбудить и навязать населению неприязнь и враждебность к группам, к которым ранее российское общество относилось спокойно, так и подавить существовавшие ранее или недавно возникшие антипатии, более того, можно превратить их в комплекс позитивных установок к этнической группе, бывшей ранее объектом общей неприязни и страха. Если не вспоминать о временах государственного антисемитизма и других кампаниях этнонациональных репрессий и чисток, то ближайшим примером этого эффекта следует считать динамику восприятия чеченцев, к которым в ходе двух чеченских войн (1994–2009) в российском обществе сложилось отчетливо негативное отношение (предубеждение, подозрение и страх). Но, как показывает настоящее исследование, доминировавший ранее в массовом сознании негативный комплекс «чувств» (установок) по отношению к чеченцам («раздражение и неприязнь», «недоверие и страх») за 20 лет (с 2000 по 2022 г.) снизился вдвое: с 51 до 27% (табл. 2).

Динамика ксенофобии и этнической толерантности

На первый взгляд кажется, что в массовом сознании преобладает терпимость по отношению к людям другой расы, национальности или этнического происхождения (табл. 1). Ко всем этническим группам большинство респондентов

выказывают «спокойное, ровное отношение» («без особых чувств»), за которым стоит безразличие и отсутствие выраженного интереса. Респонденты, улавливая скрытую интенциональность вопроса («Есть ли такие, кого вы терпеть не можете?»), отвечают на этот предполагаемый, но не названный вопрос: «Нет, таких особых сейчас нет». Даже к цыганам, стереотипный образ которых представляет совокупность черт «чужого» в социальном и культурном плане, или к американцам, которых государственная пропаганда наделила мотивами иррациональной и вечной русофобии, геополитического соперничества и враждебности к России, позитивное отношение (сумма двух вариантов ответа) держится на уровне 53–55%. Кажется, что нет особых предрассудков расового или этнического рода.

Однако более глубокий анализ подобных установок говорит о том, что в ответах на такого рода лобовые вопросы мы получаем выражение декларативной социальной нормы, запрещающей открытое проявление расовых или ксенофобских реакций (если только они не получают санкцию или косвенное одобрение со стороны государства). Было бы ошибкой считать, что эта коллективная или групповая норма исчерпывает все возможные варианты массовых отношений к другим группам. Значительная часть антипатий скрывается или не артикулируется публично, как это будет показано ниже на примере антисемитских предрассудков. Скрытые предубеждения могут искусственно или стихийно активироваться в особых обстоятельствах общественного возбуждения, а значит, единичные или однократные замеры могут их и не показать.

Таблица 1

КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К ...

	С симпатией, интересом	Спокойно, как ко всем другим	Сумма позитивных высказываний	С раздражением, неприязнью	Со страхом, недоверием	Сумма негативных высказываний	Затрудились ответить
Евреям	11	77	88	4	5	9	3
Американцам	5	48	53	22	21	43	4
Чеченцам	15	68	83	6	8	14	3
Азербайджанцам	8	70	78	8	10	18	4
Китайцам	13	70	83	4	8	12	5
Украинцам	8	54	62	16	17	33	5
Узбекам	8	72	80	7	9	16	4
Цыганам	5	50	55	17	24	41	4

Апрель 2022 г.

На протяжении более 20 лет (и даже 30 лет, считая с первых исследований антисемитизма, проведенных нами) отношение к евреям сохраняет подчеркнуто позитивный характер (колебания в пределах допустимых стандартов статистической точности измерения). Респонденты таким образом акцентируют отсутствие у себя тех предрассудков, которые были характерны для периода дискриминации евреев в советское время (именно это представление становится точкой отсчета для артикуляции своих взглядов и отношений).

Таблица 2

ИЗМЕНЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ К ВЫДЕЛЕННЫМ ЭТНИЧЕСКИМ ГРУППАМ*

	2000 г.	2005 г.	2015 г.	2020 г.	2022 г.	Изменения 2000/2022 гг. (%)
К евреям	87	86	92	90	88	=
К китайцам				79	83	=
К чеченцам	46	49	67	71	83	+37
К азербайджанцам	71	68	76	78	78	+7
К украинцам				82	62	-20
К американцам	90	81	69	68	53	-37
К цыганам	57	49	54	53	55	=

*Приводится только один тип ответов (их сумма): «с симпатией, интересом» и «спокойно, без особых чувств». Ранжировано по 2022 г.

Таблица 3

НАСКОЛЬКО ГОТОВЫ ВЫ ВИДЕТЬ СРЕДИ...

	Членов семьи	Друзей	Соседей	Коллег по работе	Жителей России	Только временно в России	Не пускал бы их совсем в Россию	Затруднились ответить
Евреев	11	10	14	7	30	10	12	6
Негров	3	6	8	6	21	25	20	7
Чеченцев	6	10	13	5	38	12	12	5
Выходцев из Средней Азии	4	6	10	6	28	27	15	5
Китайцев	5	8	13	9	25	21	13	6
Украинцев	8	7	9	5	28	16	23	6
Цыган	3	4	6	4	32	16	30	6

Таблица 4

ПРЕДЕЛЫ ЭТНИЧЕСКОЙ И РАСОВОЙ ТЕРПИМОСТИ

	Широкой радиус толерантности*	Узкий радиус толерантности**	Индекс нетерпимости***
Евреи	42	30	22
Китайцы	35	25	34
Чеченцы	34	38	24
Украинцы	29	28	39

Продолжение табл. 4

	Широкой радиус толерантности*	Узкий радиус толерантности**	Индекс нетерпимости***
Выходцы из стран Средней Азии	26	28	42
Негры (чернокожие)	23	21	45
Цыгане	17	32	46

*Широкий радиус определяется как готовность включать евреев или других в круг самых близких или просто личных связей и отношений, т.е. отсутствие предубеждений и барьеров.

**Узкий радиус означает дистанцирование от других, признаваемых «чужими», но терпимыми в качестве сограждан.

***Индекс нетерпимости в данном случае строится как сумма ответов «пускал бы только временно в Россию» + «не пускал бы их совсем в Россию».

Ранжировано по левому столбцу.

Таблица 5

СОЦИАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕСПОНДЕНТОВ С ВЫСОКИМ ИНДЕКСОМ НЕТЕРПИМОСТИ

	К евреям	К украин- цам	К цыга- нам	К неграм, чернокожим	К приезжим из Средней Азии	К китай- цам	К чечен- цам
В среднем	22	39	46	45	42	34	24
Мужчины	24	37	45	43	40	32	20
Женщины	21	40	46	47	44	36	27
Возраст							
18–24 года	18	34	40	29	30	21	20
25–39 лет	26	40	49	39	42	32	26
40–54 года	26	41	50	48	46	40	24
55 лет и старше	19	37	41	51	44	36	23
Образование							
Высшее	17	32	44	43	40	32	20
Среднее специальное	23	39	47	46	43	36	25
Среднее общее	25	45	42	45	43	32	24
Ниже среднего	36	43	55	52	45	41	29
Потребительский статус							
Едва хватает на еду	31	45	50	50	47	41	32
Хватает на еду и одежду	21	39	47	46	43	36	24
Могут позволить себе ТДП	17	33	41	40	38	28	18
Тип поселения							
Москва	12	44	57	64	68	43	18
Большой город (0,5 млн —1 млн)	19	33	45	40	41	31	24
Средний город	18	35	44	38	34	28	23
Малый город	27	43	45	46	43	38	26
Село	28	40	45	47	41	37	25

Продолжение табл. 5

	К евреям	К украинцам	К цыганам	К неграм, чернокожим	К приезжим из Средней Азии	К китайцам	К чеченцам
Род занятий							
Менеджер, управленец	17	45	47	39	40	31	20
Служащий	21	43	47	50	48	35	30
Рабочий	30	39	48	44	41	35	25
Учащийся	16	47	34	25	29	21	20
Пенсионер	22	48	43	54	47	41	26
Неработающий	30	38	53	51	46	35	26
Пользование Интернетом							
Ежедневно	21	45	46	43	42	34	22
Не пользуются	25	42	43	50	44	37	27

Основной массив ксенофобских и расистских представлений (как видно из табл. 5) концентрируется и воспроизводится в среде со средним уровнем образования (профессионального или общего), в средних или старших возрастных группах, в периферийных социальных слоях и средах, отличающихся невысокими доходами или даже бедностью (село, малый город или низшие слои мегаполиса, в первую очередь Москвы), среди служащих, рабочих, неработающих или пенсионеров. Причем сильнее негативистский потенциал проявляется у женщин, которые, как правило, придерживаются более консервативных или рутинных взглядов (что отчасти обусловлено преобладанием женщин в старших возрастных когортах, а значит — менее информированных). Исходя из опыта предшествующих социологических исследований, можно утверждать, что именно в таких группах сильнее проявляются внутренние напряжения, ресентиментные комплексы своей неполноценности (разрывы между претензиями и возможностями), а потому фиксируется высокий потенциал скрытой агрессии, нуждающейся в канализации.

Другой способ выявления латентного массива этнической нетерпимости или этнократических претензий, представлений об исходном неравенстве людей различного этнического происхождения в России, — тест на лозунг «Россия — для русских». В табл. 6 представлена динамика поддержки лозунга этнической иерархии.

Из табл. 6 следует, что желание сохранить этнократический принцип в устройстве государства сохраняет всю свою силу, идея ра-

венства граждан присутствует в головах лишь четверти россиян. Это не только остатки представлений о «русских как государствообразующем народе», но и неявное желание защитить свое социальное положение, получить компенсацию в случае административного произвола и стремление каким-то образом обеспечить относительные рамки благополучия для этнического большинства, ощущающего свою уязвимость. Такого рода представления коррелируют с государственным патернализмом, дефицитом справедливости в обществе и со скрытыми напряжениями и конфликтами основного большинства. В любом случае такие характеристики массового сознания далеки от убеждений о всеобщем равенстве людей и демократии.

Запрос на дополнительные привилегии для русских усиливается в периоды нарастания межэтнических конфликтов и напряженности (в России это 2013-й — год массовых разочарований в возможности изменения политического режима после масштабных протестов городского класса в 2010–2012 гг.), ослабляется в моменты прохождения острой фазы кризиса (после крымской мобилизации и экономического спада в 2015–2016 гг., ковида в 2020 г.). В среднем за 20 лет эти убеждения остались характерны для половины населения, что позволяет считать их доминантой общественного мнения. Это еще не фашизм, как считают многие россияне, но и не демократия.

С этим лозунгом сильнее солидаризируются низовая бюрократия (служащие без высшего образования — 58%, при средних значениях 2022 г. 49%), рабочие и пенсионеры (52–53%) (табл. 7). Заметно выше его популярность среди

Таблица 6

КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К ИДЕЕ «РОССИЯ — ДЛЯ РУССКИХ»?

Год	Поддерживаю, ее давно пора осуществить	Ее неплохо было бы осуществить в разумных пределах	Сумма одобрения	Отрицательно, это настоящий фашизм	Меня это не интересует.	Затруднились ответить	Сумма индиф- ферентных
2002	17	38	55	28	10	7	17
2004	22	37	59	25	12	5	17
2006	17	37	54	28	11	7	18
2007	14	41	55	27	11	7	18
2008	15	42	57	25	12	7	19
2009	18	36	54	32	9	5	14
2011	15	43	58	24	13	5	18
2012	15	41	56	23	14	6	20
2013	23	43	66	19	9	6	15
2014	18	36	54	27	14	5	19
2015	17	30	47	34	14	5	19
2016	14	36	50	21	21	6	27
2017	10	30	40	27	24	9	33
2018	19	30	49	30	18	3	21
2019	23	32	55	27	13	6	19
2020	16	29	45	31	20	3	23
2022	18	31	49	28	18	5	24
В среднем за 20 лет			50	27	–		23

Таблица 7

СОЦИАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТЕХ, КТО ПОДДЕРЖИВАЕТ И НЕ ПОДДЕРЖИВАЕТ ПРИНЦИП: «РОССИЯ — ДЛЯ РУССКИХ» (БЕЗ ИНДИФФЕРЕНТНЫХ И ЗАТРУДНЯЮЩИХСЯ С ОТВЕТОМ)

	Поддерживаю	Осуществить в разумных пределах	Отрицательно, это фашизм
В среднем	18	31	28
Мужчины	18	29	29
Женщины	19	32	27
Возраст			
18–24 года	13	36	27
25–39 лет	17	28	27
40–54 года	18	32	30
55 лет и старше	20	31	29
Образование			
Высшее	11	33	34
Среднее специальное	19	33	27
Среднее общее	24	25	25
Ниже среднего	35	18	16

	Поддерживаю	Осуществить в разумных пределах	Отрицательно, это фашизм
Потребительский статус			
Едва хватает на еду	25	24	25
Хватает на еду и одежду	18	34	27
Могут позволить себе ТДП	14	30	32
Тип поселения			
Москва	20	36	27
Большой город	13	30	33
Средний город	16	33	28
Малый город	21	31	26
Село	22	28	26
Род занятий			
Предприниматель	14	26	39
Руководитель	8	32	34
Служащий	24	34	22
Рабочий	22	30	27
Учащийся	7	36	30
Пенсионер	21	32	26
Неработающий	24	27	28

Жирным шрифтом помечены особо значимые данные.

москвичей — 56% (в больших городах он привлекает 43% респондентов — минимальный уровень поддержки в настоящем опросе). Напротив, считают его фашистским в первую очередь предприниматели (39%, при средних 28%), руководители, менеджеры и квалифицированные специалисты. Наибольшее безразличие к этнократической риторике проявляют учащиеся (24%, при средних 18%).

Социальные барьеры в доступе к значимым социальным позициям

Существование ограничений указывает на эксклюзивный, иерархический характер социального порядка, предполагающий действие неформальных норм поведения в рамках соответствующего социального положения (социального статуса) в группе или в принадлежности к этнической общности. Ограничения (в настоящее время формально отсутствующие) могут касаться социальной карьеры индивида, работы в определенных сферах, вступления в брак, получения образования и т.п. Иначе говоря, массовое сознание по-прежнему поддерживает и одобряет дискриминацию и затруднения в доступе к заня-

тию ключевых позиций во власти и институтах, обеспечивающих воспроизводство действующей системы контроля над социальной структурой российского «общества-государства».

В феврале 2022 г. 36–38% опрошенных считали, что русские в России должны иметь определенные преимущества перед всеми остальными, в частности при занятии государственных должностей; 56–59% были не согласны с этим принципом государственного порядка³. Наибольшей защитой наделяется символический статус президента: 55% считают нежелательным, чтобы еврей занимал пост президента России (не имели ничего против — 37%).

Представления о необходимости жестких ограничений затрагивают в первую очередь символические (наиболее значимые и ценные массовым сознанием) позиции во власти (здесь требования следить за этнонациональным составом кадров и необходимость полити-

³ Одним из оправданий такого предубеждения был аргумент, что «нерусский человек не может быть настоящим патриотом России» (так утверждали 27%, с ними были не согласны 69% опрошенных). — Собственный инициативный опрос Левада-центра (общероссийская репрезентативная выборка, N = 1600).

ки селекции разделяют больше половины опрошенных, другими словами — это доминантное мнение, имеющее социально-нормативный характер). Следующие по значимости (хотя и не преобладающие в обществе) дискриминационные мнения касаются институтов воспроизводства и коммуникационно-информационной сферы (образования и СМИ). Наименее значимыми оказываются позиции в силовых институтах, по отношению к которым проявляется известная «неразборчивость» или «терпимость» в характере комплектования персонального состава по этническим критериям (табл. 8).

Если проследить динамику мнений о значимости такого контроля за допуском к важным социальным позициям, то можно отметить: а) устойчивость или неизменность представлений о приоритетности русских в высшем руководстве; б) ослабление требований к этническому контролю в силовых ведомствах (армии, МВД, госбезопасности и т.п.); и, напротив, в) требование усиления внимания к селекции по этническим признакам в репродуктивных и коммуникативных институтах (в системе образования и СМИ, рост в 2 раза — с 19 до 39%; по отношению к СМИ картина не столь одно-

Таблица 8

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, СЛЕДУЕТ ЛИ ПРИНИМАТЬ ВО ВНИМАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА...

	Да, следует	Нет, не следует	Затруднились ответить
При занятии ключевых позиций в правительстве	51	46	3
При преподавании в школах, вузах	39	58	3
В СМИ	36	61	4
В вооруженных силах, ФСБ, МВД	20	78	2

Апрель 2022 г.

Таблица 9

ДИНАМИКА МНЕНИЙ В ОТВЕТАХ НА ВОПРОС: «КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, СЛЕДУЕТ ЛИ ПРИНИМАТЬ ВО ВНИМАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА ПРИ ЗАНЯТИИ...»

	1997	2011	2015	2018	2020	2022
При назначении на государственные должности в правительстве России?						
Да	53	53	55	47	48	51
Нет	40	40	39	48	48	46
Затрудняюсь ответить	7	7	6	5	4	3
При назначении на руководящие посты в армии, полиции, госбезопасности?						
Да	43	48	50	45	43	20
Нет	50	46	45	50	53	78
Затрудняюсь ответить	7	6	5	5	4	2
При подборе преподавателей в школы, вузы?						
Да	19	22	30	33	27	39
Нет	75	74	65	62	69	58
Затрудняюсь ответить	6	4	5	5	4	3
При приеме на работу в СМИ?						
Да	21	—*	29	28	23	36
Нет	72	—	65	66	74	61
Затрудняюсь ответить	7	—	6	6	3	3
При приеме в вузы?						
Да	—	—	16	—	14	20
Нет	—	—	80	—	84	78
Затрудняюсь ответить	—	—	4	—	2	2

*Вопрос не задавался

значная: в целом на протяжении 20 с лишним лет преобладает отказ от такой селекции, но в 2022 г. резко выросло желание «навести здесь порядок» — рост в полтора раза, с 23 до 36%). Хорошего объяснения снижению «строгости» формирования силовых структур (в два с лишним раза за четверть века, табл. 9) и, напротив, ужесточению в других сферах у нас пока нет. Можно предположить, что рекрутирование солдат для участия в СВО ослабляет такого рода прежние ограничения.

Чаще, чем в среднем, на ограничениях в доступе к важным социальным позициям настаивают государственные служащие (бюрократия), люди старшего возраста, пенсионеры и неработающие, бедные, т.е. носители наиболее консервативных убеждений, люди, идентифицирующие себя с государством. Подчеркнем, что в этом ряду выделяются москвичи (большая часть которых — от 49 до 64% — настаивают на соответствующем контроле, исключение — необходимость следить за этническим составом работников СМИ, где такие требования выдвигают лишь 38%, что близко к средним значениям). Москва — бюрократический город.

Подчеркну, что требования эксклюзии в доступе к высшему образованию выдвигают те категории населения, которые сами не имеют его: с тем, что должна быть установлена должная процентовка при зачислении в вузы, согласны среди людей с высшим образованием 14%, со средним общим — 25%, с образованием ниже среднего — 34%, среди бедных или нуждающихся таких 28%, среди обеспеченных — 16%. Скорее всего мы имеем здесь дело с подавленным resentmentом, символической компенсацией за собственную социальную неполноценность, восполняемую правом на принуждение других. Не так сильно, но та же особенность проявляется и в отношении к отбору преподавателей вузов.

Условия войны на Украине непрямым образом отразились на массовых установках: от-

носительное снижение требований этнической эксклюзии для высших позиций в государстве сменилось на их ужесточение (табл. 10). В 1997–2015 гг. такие требования разделяли и поддерживали 53–55%, в 2018 г. (после неудачной пенсионной реформы, вызвавшей массовое недовольство руководством страны) этот показатель снизился до 47%. В феврале 2022 г. отмеченное снижение было еще большим — до 42%, но уже в апреле, в условиях «патриотической» мобилизации, опять поднялся до прежнего уровня (53%).

Эти изменения не затрагивают положения евреев или, точнее, затрагивают не в той степени, как положение людей другой этнической принадлежности. Тех, кто считает, что «в руководстве страны очень много евреев», и недоволен этим обстоятельством, насчитывается 22%. Преимущественно это люди старше 40 лет (заметно чаще — мужчины: 27% в сравнении с 19% женщин), малообеспеченные, провинциалы (или жители Москвы, занимающие низкие социальные позиции), проявляющие явный resentment по отношению к более высоким и успешным группам. Примечательно, что образование здесь не играет какой-то роли. В этом такие респонденты отличаются от тех, кто придерживается других мнений относительно численности евреев во власти. Дело именно в чувстве социальной или личной ущемленности и в отсутствии перспектив (табл. 11).

На прямой вопрос: «Надо ли следить за тем, сколько руководящих постов занято евреями, и ограничивать их число или ничего подобного делать не следует?», ответы были следующими: «надо следить и ограничивать» — 35%, «не надо» — 56%, затруднились ответить — 9% (апрель 2022 г.). Иначе говоря, более четкие требования — «ограничить доступ евреев» к ключевым позициям в государстве — поддерживают или одобряют меньше опрошенных, чем тех, кто вообще выступает за приоритет русских во власти.

Таблица 10

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, СЛЕДУЕТ ЛИ ПРИНИМАТЬ ВО ВНИМАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА ПРИ НАЗНАЧЕНИИ НА ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОЛЖНОСТИ В ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИИ?

	Февраль 2022 г.	Апрель 2022 г.
Да	42	53
Нет	53	40
Затрудняюсь ответить	5	7

Таблица 11

ГОВОРЯТ, ЧТО В РУКОВОДСТВЕ СТРАНЫ, В КРУГАХ, БЛИЗКИХ К ПРАВИТЕЛЬСТВУ, ОЧЕНЬ МНОГО ЕВРЕЕВ. ЧТО ВЫ ДУМАЕТЕ ПО ЭТОМУ ПОВОДУ?

	Да, так и есть, не вижу в этом ничего плохого	Да, так и есть, это мне не нравится	Думаю, это не так	Для меня не имеет никакого значения	Затруднились ответить
В среднем	21	22	15	33	9
Мужчины	21	27	14	31	7
Женщины	21	19	15	35	10
Возраст					
18–24 года	24	14	11	44	7
25–39 лет	19	18	16	35	11
40–54 года	19	26	16	32	8
55 лет и старше	23	25	13	30	9
Образование					
Высшее	19	22	16	33	9
Среднее специальное	22	22	15	33	8
Среднее общее	20	25	10	34	11
Ниже среднего	30	20	13	26	11
Потребительский статус					
Едва хватает на еду	19	27	13	30	11
Хватает на еду и одежду	21	23	14	32	10
Могут позволить себе ТДП	22	23	16	36	7
Тип поселения					
Москва	24	27	19	29	2
Большой город (0,5 млн — 1 млн)	18	21	16	35	10
Средний город	28	16	13	33	9
Малый город	21	24	12	30	13
Село	18	26	15	36	6
Род занятий					
Менеджер, управленец	20	20	16	38	6
Служащий	20	25	23	26	6
Рабочий	22	23	12	33	10
Учащийся	23	12	10	47	8
Пенсионер	23	26	13	29	10
Неработающий	19	24	14	36	13
Пользование Интернетом					
Ежедневно	21	22	15	33	9
Не пользуются	23	22	14	31	10

Абсолютное большинство россиян на словах декларируют свободу в выборе партнеров по браку (на вопрос, как вы относитесь к смешанным бракам, 82% опрошенных отвечали: это дело самих людей, им решать; лишь 15% считали необходимым избегать подобных бра-

ков). Однако при конкретизации ситуации, в частности в выявлении отношения к браку с евреем/еврейкой, тут же проявлялись скрытые предубеждения (и доля считающих такие браки нежелательными поднималась почти вдвое: до 27–29%, табл. 12, 13).

Таблица 12

КАК БЫ ВЫ ОТНЕСЛИСЬ К СИТУАЦИИ, КОГДА ЕВРЕЙ/ЕВРЕИ ...

	Не имеют ничего против	Считают это нежелательным
Ваш непосредственный начальник на работе	68	28
Коллеги по работе	81	16
Живут рядом с вами, соседи	84	14
Стал мужем вашей дочери, сестры, близкой родственницы	67	29
Ваш брат, сын, внук, другой родственник женился бы на еврейке	69	27

Таблица 13

ХАРАКТЕРИСТИКИ ТЕХ, КТО СЧИТАЕТ НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫМ ИМЕТЬ В КАЧЕСТВЕ ПАРТНЕРА ЕВРЕЯ

Еврей/евреи	Минимальные значения	Максимальные значения
Начальник	55 лет и старше (25%); высшее образование (24%); обеспеченные (22%); предприниматель, менеджер, специалист (22–25%)	18–39 лет (30–31%); бедные (37%); село (35%); среднее и ниже среднего образование (38–41%); рабочий (36%)
Коллеги	40 лет и старше (14–15%); высшее образование (12%); обеспеченные (11%); Москва (12%); предприниматель, менеджер (11–12%)	18–39 лет (19–18%); бедные (21%); село и малый город (18 и 21%); среднее и ниже среднего образование (22–26%); рабочий (20%)
Соседи	55 лет и старше (11%); высшее образование (24%); обеспеченные (22%); средний город (9%); предприниматель (6%); специалист (9%)	18–39 лет (18%); среднее и ниже среднего образование (20 и 19%); бедные (19%); село и малый город (17 и 15%); служащий, рабочий (16%); неработающий (20%)
Муж дочери	Нет различий по возрасту (28–27%); высшее образование (23%); обеспеченные (21%); средний город (23%); предприниматель (18%)	Нет различий по возрасту (28–27%); среднее и ниже среднего образование (37 и 33%); умеренный достаток (31%); Москва (34%); руководитель и рабочий (29 и 32%)
Сын женился на еврейке	Нет различий по возрасту (28–27%); высшее образование (23%); предприниматель (16%)	Нет различий по возрасту (28–27%); среднее и ниже среднего образование (37 и 33%); Москва (34%); пенсионер, неработающий (30–33%)

Таблица 14

ДИНАМИКА АНТИСЕМИТСКИХ СТЕРЕОТИПОВ В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ РОССИИ**А — СОГЛАСНЫ, Б — НЕ СОГЛАСНЫ**

	1990 г.		1992 г.		1997 г.		2015 г.		2020 г.		2022 г.	
	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б
Евреи избегают физического труда	61	12	60	14	66	17	62	19	59	28	49	28
Для евреев деньги, выгода важнее человеческих отношений	40	18	40	17	50	24	57	22	53	30	46	30
Евреи преувеличивают свои беды и страдания	39	14	35	16	42	21	40	31	43	35	37	36
Евреи живут богаче других	58	13	55	14	62	16	67	18	58	27	49	25
Евреи честные, порядочные люди	37	15	38	16	42	22	54	23	53	25	54	20
Евреи хорошие работники	43	17	53	16	59	18	66	14	70	15	57	17
Евреи виновны в распятии Христа	13	30	17	33	16	45	17	56	13	63	14	59
Евреи воспитанные, культурные люди	62	7	65	7	75	9	75	11	82	8	74	10

Продолжение табл. 14

	1990 г.		1992 г.		1997 г.		2015 г.		2020 г.		2022 г.	
	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б
Евреи хорошие семьянины, любят детей	52	4	52	7	71	4	78	6	78	5	66	7
Евреи всегда помогают друг другу устраиваться	—*	—	—	—	84	3	78	8	80	8	74	7
Среди евреев много талантливых, способных людей	68	3	66	7	80	6	84	6	84	6	82	5
У евреев неприятная внешность	13	61	15	60	17	61	18	62	13	74	13	70
Евреи всегда отстаивают только свои собственные интересы, а не интересы страны, в которой живут	—	—	—	—	43	31	49	32	43	43	41	38
Евреи всегда стремятся обособиться от людей других национальностей, боятся их и презирают	—	—	—	—	28	41	31	48	28	54	30	47
Следует по всей строгости закона наказывать за оскорбление национального достоинства евреев, их притеснения и угрозы в их адрес	70	9	56	18	64	13	42	34	52	34	55	28
Для России было бы лучше, если бы в ней совсем не было евреев	—	—	—	—	15	55	14	64	12	74	16	69

*«—» этот вариант вопроса не задавался в год данного опроса.

Таблица 14а

СООТНОШЕНИЕ СОГЛАСНЫХ И НЕСОГЛАСНЫХ С СУЖДЕНИЯМИ

	1990 г.	1992 г.	1997 г.	2015 г.	2020 г.	2022 г.	
Евреи избегают физического труда	5	4,3	3,9	3,3	2,1	1,75	
Для евреев деньги, выгода важнее человеческих отношений	2,2	2,4	2,1	2,6	1,8	1,5	
Евреи преувеличивают свои беды и страдания	2,8	2,2	2	1,3	1,2	1,0	
Евреи живут богаче других	4,5	3,0	3,0	3,7	2,1	2,0	
Евреи честные, порядочные люди	2,5	2,4	1,9	2,3	2,1	2,7	
Евреи хорошие работники	2,5	3,3	3,3	4,7	4,7	3,6	
Евреи виновны в распятии Христа	0,4	0,5	0,4	0,3	0,2	0,2	
Евреи — воспитанные, культурные люди	8,9	9,2	8,3	6,8	10	7,4	
Евреи хорошие семьянины, любят детей	13	7,4	17,8	13	16	9,4	
Евреи всегда помогают друг другу устраиваться	—*	—	28	9,8	10	10,6	
Среди евреев много талантливых, способных людей	22,7	9,4	13,3	14	14	16,4	
У евреев неприятная внешность	0,2	0,2	0,3	0,3	0,2	0,2	
Евреи всегда отстаивают только свои собственные интересы, а не интересы страны, в которой живут	—	—	1,4	1,5	1,0	1,1	
Следует по всей строгости закона наказывать за оскорбление национального достоинства евреев, их притеснения и угрозы в их адрес	7,7	3,1	4,9	1,2	1,5	2,0	
Евреи всегда стремятся обособиться от людей других национальностей, боятся их и презирают	—	—	0,7	0,6	0,5	0,6	
Для России было бы лучше, если бы в ней совсем не было евреев				0,27	0,2	0,16	0,23

*«—» этот вариант вопроса не задавался в год данного опроса.

Приведенное в таб. 14 соотношение согласных и несогласных с суждениями дает возможность оценить силу или значимость предрассудка или оценочного суждения.

Из анализа табл. 14, в которой приведено 21 клишированное мнение о евреях, можно сделать следующий вывод: интенсивность и распространенность большей части как негативных, так и позитивных суждений либо снижается, либо остается той же самой, но респонденты этого не признают.

Разделим приведенные стереотипы на несколько категорий.

1. Низовой ресентимент («евреи избегают физического труда, для них деньги, выгода важнее человеческих отношений, отстаивают только свои интересы, хотят обособиться» и т.п.) явно слабеет — несогласие с этими мнениями растет (в отдельных примерах в 2 раза), хотя и не становится преобладающим.

2. Традиционные религиозные предрассудки («распяли Христа» и др.) подвергаются сильной эрозии, характерны для незначительных групп (в пределах 13–17%) и постепенно уходят, во всяком случае, несогласие с ними удвоилось за 30 лет: с 30 до 59–63%.

3. Доля положительных стереотипов («хорошие работники, культурные, честные, порядочные люди, любят детей и у них крепкие семьи; среди них много талантливых людей» и др.) резко преобладает над отказом в таких качествах и чертах евреев, она постепенно растет (по разным суждениям в 1,2–1,5 раза).

4. Хотя удельный вес агрессивных установок (таких, как «у евреев неприятная внешность») остается неизменным (примерно 13–17%), но неприятие их в последние годы выросло с 60 до 74–70%.

Можно предложить такое объяснение изменениям стереотипов о евреях: в структуре населения:

а) сокращается доля низшего социального слоя, занятого неквалифицированным трудом, бедных людей, испытывающих сильнейший ресентимент по отношению к среднему, точнее, верхнему среднему классу, который в их классах отмечен «преобладанием евреев»;

б) рост внешне- и внутриполитической напряженности, снижение доходов населения, националистическая пропаганда, направленная против «либералов», против Запада, затяжная конфронтация с Украиной и другие подобные факторы отодвинули на задний план все, что связано с «еврейством», сделав эту темати-

ку неактуальной для большей части населения России.

Выводы

1. Анализ результатов исследования 2022 г. подтвердил устойчивость основных этнонациональных установок и предубеждений населения России. В сравнении с 2013 г., на который приходится пик или подъем, всплеск массовой ксенофобии и этнической нетерпимости, сегодняшняя ситуация представляется более спокойной и контролируемой властями. Мобилизация агрессивной неприязни направлена, главным образом, против дальних «не своих» — американцев, украинцев, что делает этот вид враждебности скорее виртуальным, идеологически оправданным, но не требующим собственной активности граждан. С точки зрения опасности и угрозы общественному порядку, сохранения спокойствия в обществе более важны такие формы этнической ксенофобии и расизма, как неприязнь по отношению к кавказцам, приезжим мигрантам из Средней Азии, неграм, цыганам, воспринимаемым как социально или культурно чужие, а потому несущим в себе иррациональную угрозу для большинства. Но этот потенциал скрытой враждебности стабилен и без специальных усилий и провокаций со стороны разных сил в настоящее время не кажется серьезным или актуальным.

2. Военные действия на Украине на данный момент не привели к повышению уровня этнической напряженности и конфликтов между разными группами российского общества. Скрытый потенциал агрессии канализируется вовне, проецируется на украинцев, американцев, что снижает вероятность столкновений на расовой или этнической почве внутри страны.

3. Отношение к евреям можно назвать не просто позитивным, но и имеющим тенденцию к постепенному улучшению за счет того, что уходят по демографическим причинам возрастные группы, заставшие период государственного антисемитизма, который надолго законсервировал архаические предрассудки аграрного и антисемитски настроенного социума, пережившего все трудности и проблемы незаконченной модернизации. Молодежь значительно меньше подвержена как идеологическому, так и бытовому антисемитизму, поскольку ее социализация происходила уже после конца государственного антисемитизма.

4. Эрозия и медленное ослабление юдофобии или неприязни к евреям не означает,

что условий для актуализации антисемитизма уже нет или они незначимы. В массовом сознании сохраняется и воспроизводится значительная часть антиеврейских предрассудков и предрассудков, образующих пласт «спящего антисемитизма». Эта совокупность стереотипов транслируется не средствами формальных институтов (каналами государственных или общественных СМИ, пропагандой, школой), а бытовой средой межличностного общения, включая семьи с невысоким культурным капиталом, отношения между соседями, внутри рабочих коллективов, консервативную и авторитарную среду армии, полиции, низовой бюрократии, а также их аналог уже в иной коммуникативной форме — в соцсетях, не цензурируемом Интер-

нете и т.п. Главная функция и условие устойчивости подобных предрассудков и стереотипных представлений о евреях — поддержание этнической идентичности русского большинства, испытывающего серьезные трудности с позитивным образом самих себя после развала советской системы и дефицита оснований для самоуважения и коллективной гордости. Негативные стереотипы о евреях как о высокостатусной и успешной в социальном плане этнической общности позволяют ослабить внутренние противоречия в структуре идентичности большинства населения, канализировать чувство собственной несостоятельности, неудачи стать «нормальной страной», жить, как на Западе.

Методика, качество, достоверность исследований

Екатерина КОЗЕРЕНКО

Анализ недостижимости в «Курьере» «Левага-центра»

В последнее время в Интернете, в социальных сетях все чаще стали появляться заявления о том, что доверять данным социологических опросов вообще, и в особенности в условиях авторитарных режимов, нельзя. Социологи знают, что такого рода сомнения возникают всякий раз, когда массовые настроения расходятся с ожиданиями ангажированной публики¹. Недоверие к социологии носит выборочный характер: оно затрагивает только узкий диапазон политических исследований. Сомнению подвергаются либо данные политических опросов, в первую очередь о поддержке В. Путина после «Крым-наш» («не верю я в ваши 86%»), либо исследования электоральных установок населения, либо отношение к войне с Украиной. Никого не волнует вопрос адекватности получаемых данных о структуре и динамике ксенофобии, о расизме и антисемитизме, о качестве российского образования и правосудия, об антипрививочных настроениях, об отношении к религии, о распространённости суеверий и степени просвещения населения, потребительском поведении, об экономических установках, о характере коллективной идентичности и прочих, самых разных темах социологических исследований.

¹ Гудков Л. На зеркало неча пенять, коли рожа крива // Вестник общественного мнения. 2012. № 1. С. 109–117 (URL: <http://www.novayagazeta.ru/politics/51942.html>).

Неприятие результатов социологических исследований обосновывается либо их недостоверностью, либо продажностью и беспринципностью социологов, готовностью к фальсификациям («заказуха», «нарисуют, что надо», «растлевают публику», «все работают на Кремль»), либо тем, что функция такого рода опросов в тоталитарных режимах состоит исключительно в легитимации режима.

Одним из аргументов отрицателей достоверности результатов социологических опросов является представление о том, что «респонденты предпочитают давать социально одобряемые ответы». Такое представление скрыто содержит утверждение, что «на самом деле» люди думают «по-другому».

Для профессионального социолога «социально одобряемые ответы» — это не отклонение, не девиация, а норма, основа социального порядка и системы общества, самой сути института общественного мнения. В демократиях «социально одобряемые» ответы (как и поведение) заключаются в следовании ценностям и нормам ответственности, права, участия, свободы выражения своего мнения, достоинства человека, уверенности в значимости своего взгляда на происходящие события. Эти нормы включают как моральный потенциал, т.е. способы саморегуляции, так и принужде-

ние со стороны окружающих, санкции, общественное осуждение и порицание, в том числе юридические меры, или, напротив, поощрение и одобрение. Они заданы всей институциональной системой — образованием, СМИ, экономикой, полицией, общественными организациями и т.п.

Значимость эмпирической социологии (той, что основана на массовых опросах людей) базируется на том, что людям важно выразить свое мнение, свое отношение к происходящему в стране, в регионе, где живут, поскольку они социальные существа. Им важна как точка зрения на себя, так и возможность высказать свое отношение к другим. Это основа социальности, общества как системы взаимосвязей, коммуникаций, взаимопонимания и предсказуемости действий других. Если люди боятся говорить, то это означает не просто исчезновение общественного мнения, а распад и отсутствие общества как структуры солидарности, эмпатии, участия или ответственности. Участие в интервью означает, что респондент сознает ценность своего мнения и его важность для других. В этом смысле социологическое интервью — акт гражданской солидарности или сознания причастности к социальной общности, размеры которой трудно представимы («нас много»). Если люди боятся говорить, высказывать свое мнение, то это значит, что общества как такового в России нет, нет коллективных мнений. Но тогда оказываются бессмысленными и все рассуждения о том, что люди думают иначе, чем говорят².

Сотрудники «Левада-центра» понимают всю сложность подобных проблем и систематическим образом стараются контролировать качество получаемой информации, проводить различного рода эксперименты, с тем чтобы определить долю «боящихся» и отказов по политическим причинам (страха перед последствиями участия в опросах, уровня конформизма и т.п.)³.

Основной аргумент критиков данных социологических опросов — высокий уровень недостижимости респондентов. Утверждается, что в современном российском обществе, особенно в последние месяцы, после начала специальной

² Подробнее об этом см. статью в этом номере журнала: Гудков Л. Негативная идентичность. С. 115-175

³ См., напр.: Звоновский В. Кооперация респондентов в опросах на темы военных операций // Социология войны. Палладиум. Журнал Свободного университета. 2022. № 3 (20). С. 48–58; Звоновский В. Влияние социального окружения на отношение россиян к военным действиям на Украине. Там же. С. 77–88.

военной операции, респонденты боятся открыто высказываться по социально-политическим вопросам и поэтому либо совсем отказываются от участия в опросах, либо прерывают интервью, когда интервьюер начинает задавать сенситивные вопросы.

Действительно, уровень недостижимости — серьезная проблема, с которой приходится сталкиваться социологам во всех странах. Проблема возникла не сегодня, она родилась одновременно с началом выборочных обследований, и с ней так или иначе пытаются работать исследователи в разных странах. В последние десятилетия уровень недостижимости растет во всем мире, в том числе в США и в европейских странах, где никому не приходит в голову бояться социологов⁴.

В попытках снизить уровень недостижимости социологи применяют различные методы опроса, такие как face-to-face, capi, cati, on-line, Mixed mode и т.п. Все эти методы различаются по технике опроса и организации исследования, в том числе и по уровню недостижимости. Все это затрудняет сопоставление качества данных опросов, получаемых в разных странах. Кроме того, в разных странах используются различные методики расчета уровня недостижимости. Однако общая тенденция неизменна: уровень недостижимости растет год от года. И Россия тут не исключение.

Проблема response rate, или, что более точно в профессиональном плане, проблема (не)достижимости, имеет давнюю историю в современной эмпирической социологии. Response rate падает во всех странах, начиная с конца 1980-х гг., после появления новых систем коммуникации (сотовых телефонов и Интернета), образования совершенно непривычного поля сетевых структур, рекламы и торговли по Интернету и прочих новаций. Одна из причин этого — «переопрошенность» населения, огромная нагрузка на население, испытывающее непрерывное давление рекламы, телефонного спама, мошенников и разного рода маркетинговых и консалтинговых служб. Люди устали от опросов. Россия в этом плане не представляет исключения.

Проблема response rate имеет два аспекта: первый — социальный, или идеологический, второй — технический, или организационный,

⁴ URL: <https://pubs.aeaweb.org/doi/pdfplus/10.1257/jep.29.4.199>, https://www.ssoar.info/ssoar/bitstream/handle/document/57088/ssoar-insights-2018-koen_et_al-Response_Rates_in_the_European.pdf?sequence=1.

закрывающийся в достижимости респондентов. На второй влияют качество переписи, учета наличного населения, характер занятости, структура расселения, время работы и прочие обстоятельства.

Первый аспект проблемы имеет собственно социологическое значение. Для понимания характера взаимодействия респондента и интервьюера надо принять во внимание, что согласие на участие в интервью предполагает взаимное сознание значимости мнения каждого человека, его собственного индивидуального достоинства, выражает необходимость (значимость) быть представленным в публичном (общественном пространстве). Без этого консенсуса проведение интервью бессмысленно.

В 1960–1980-х гг. (в доэлектронную эпоху) считалось, что уровень достижимости ниже 70% делает исследование нерепрезентативным. Сегодня такой уровень практически недостижим ни в одной из развитых стран. Возникло противоречие между статистической корректностью (представительностью генеральной совокупности или отражением популяции) и социологической репрезентацией, которая предполагает другие методы выборки и организации опроса. Тем более что всегда стоит вопрос «цены — качества», транспортной достижимости, государственной статистики, наличия закрытых зон и т.п. В Европе это не так существенно из-за относительно небольшого размера стран, в Азии и Латинской Америке, на постсоветском пространстве эти аспекты остаются важнейшими. Скажем, чтобы провести личный опрос на Чукотке, интервьюеру надо лететь из Владивостока (где есть квалифицированная социологическая организация, филиал или база опросной сети) 8–9 часов, на Камчатку — 3 с лишним часа. За это время можно пролететь всю Западную Европу. Расходы соответствующие. Выбор поэтому был сделан в пользу других принципов статистической достоверности и адекватности получаемых данных структуре населения. Сегодня он в среднем (в «Курьерах», т.е. в экспресс-опросах, которые продолжаются три-четыре дня, пятницу и выходные) опустился до 20–30%. При такой методике обычное требование трехкратного посещения респондента интервьюером снято. В других исследованиях монотематического характера (ксенофобии, молодежь, врачи, мониторинг образования и т.п.), поле которых занимает 2–3 недели, это требование выполняется, и response rate там составляет не

ниже 50–60%. Другими словами, все зависит (и не только у нас) от методологии, тематики и заинтересованности самого респондента в содержании анкеты. В опросах, которые касаются жизненно важных вопросов безопасности и существования респондентов, response rate поднимается до 65–75%. Таким он был в исследованиях судебной реформы, особенно у респондентов, прошедших через уголовный суд и имеющих определенный опыт защиты себя в судах, а также у предпринимателей, которых опрашивали об их отношении к судам вообще и к арбитражным судам (наиболее компетентным и действенным в системе судов) в частности. Близким к этому response rate оказывался тогда, когда дело касалось вопросов защиты собственности, справедливости и т.п., а также в опросах населения о насилии и пытках в полиции и др.

В разных странах, где речи нет о «страхе» за последствия интервью, достижимость колеблется от 16% во Франции, до 58–68% в развивающихся или в Скандинавских странах. В США в ходе телефонных опросов достижимость составляет всего 7–9%. Большинство исследовательских организаций сегодня по понятным причинам не публикуют данные о достижимости. Крайне редки и академические или профессиональные публикации на эту тему. Поэтому мы ориентируемся в своей работе на материалы международного исследовательского проекта ISSP, в котором участвуем с конца 1980-х гг. Международные опросы по программам этого проекта проводятся каждые два года, в нем принимают участие несколько десятков стран (от 29 стран в 1989 г. до, кажется, 48 или 50 в 2019 г.). Тематика анкеты все время меняется — от религии и социальной справедливости, равенства, доверия к институтам до национальной идентичности и т.п., в последний раз это были семейно-гендерные отношения. Содержание вопросника (формулировки, число вопросов) общими усилиями согласуется и утверждается; все документы исследования обязательны к публикации. Но с 2019 г. и здесь перестали требовать обязательной информации о достижимости, не только из-за падения response rate, но и из-за сильных различий в методологии. Тем не менее это единственно доступная база для сравнительного анализа.

В табл. 1 приведены данные об уровне недостижимости за несколько лет в международном исследовании ISSP (URL: <https://www.issp.org>) по нескольким европейским странам.

Таблица 1

COUNTRY	ISSP 2000 - Environment II		ISSP 2005 - Work Orientations III		ISSP 2009 - Social Inequality IV		ISSP 2013 - National Identity III		ISSP 2016 - Role of Government V		ISSP 2017 - Social Networks and Social Resources		ISSP 2018 - Religion IV	
	Method	RR (%)	Method	RR (%)	Method	RR (%)	Method	RR (%)	Method	RR (%)	Method	RR (%)	Method	RR (%)
Germany -Western federal states	Face-to-face mixed	38,5	Face-to-face mixed	34,9	Face-to-face	34,0	Mixed mode (CASI + face-to-face +)	34,6	Mixed mode (CASI + face-to-face+)	33,7	Mixed mode (CASI + face-to-face+)	32,0	Mixed mode (face-to-face CASI + CAPI)	32,1
Germany -Eastern federal states	Face-to-face mixed	44,9	Face-to-face mixed	41,1		33,6								
Denmark	Mixed	54,0	Mixed mode (mail + phone)	63,9	Self-Completion (with interviewer involvement)	56,0	Mixed mode (self-completion (web+paper) + phone)	53,1	Mixed mode (mail ->phone-> email)	45,5	Mixed mode (web + phone + mail)	43,2	Web	32,6
Spain	Face-to-face	63,9	Face-to-face	73,1	Face-to-face	33,8	Face-to-face	35,0	Face-to-face	63,6	Face-to-face	58,3	Face-to-face	58,3
Finland	Self-completion by mail	61,1	Self-completion by mail	53,8			Self-completion (mail + online)	49,9	Mixed mode (mail + online)	47,6	Mixed mode (mail + online)	43,1	Web	38,5
France			Self-completion by mail	16,3	Self-completion by mail	29,8	Self-completion by mail	36,3	Self-completion by mail	28,7	Self-completion by mail	32,3	Paper (self-administered, paper and pencil personal interviews)	15,9
Great Britain	Self-completion	54,8	Face-to-face mixed	42,6	Mixed mode (face-to-face + self-completion (with interviewer involvement))	54,8	Self-completion (with interviewer involvement)	52,2	Mixed mode (computer-assisted face-to-face + self-completion)	36,8	Mixed mode (computer-assisted face-to-face + self-completion)	36,6	Paper (self-administered, paper and pencil personal interviews)	33,6
Croatia							Face-to-face	37,0	Face-to-face	29,2	Face-to-face	29,2	Face-to-face	47,9
Latvia	Face-to-face	58,3	Face-to-face	50,9	Face-to-face	55,9	Face-to-face	56,7	Face-to-face	16,9				
Norway	Self-completion by mail	58,1	Self-completion by mail	49,0	Self-completion by mail	44,2	Self-completion (web + postal)	41,0	Mixed mode (mail + online)	31,4			Paper (self-administered, paper and pencil personal interviews)	28,50
Russia	Face-to-face	48,3	Face-to-face	38,3			Face-to-face	51,0	Face-to-face	23,6	Face-to-face	21,6	Face-to-face	20,5

В России массовые опросы населения и изучение общественного мнения начались в конце 1980-х гг., и тогда, на пике перестройки, стремление поучаствовать в опросах было беспрецедентным в истории социологии⁵. Соответственно уровень недостижимости составлял не более 5–7%. За последние 30 лет уровень недостижимости постепенно увеличивался и на сегодняшний день вырос в разы. Это обстоятельство не может не волновать социологов и нуждается в серьезном анализе. «Левада-центр» в апреле 2022 г. провел методический эксперимент⁶, в ходе которого в числе прочего проверялась гипотеза о том, что респонденты, которые не поддерживают руководство страны, в текущих условиях чаще отказываются от участия в опросах. Эксперимент не подтвердил это предположение. Респонденты отказываются от участия в опросах главным образом потому, что не видят в этом смысла. Основной мотив уклонения от участия в опросе, нежелание высказать свою точку зрения по тому или иному вопросу

звучит следующим образом: «Все равно от меня ничего не зависит». И это принципиальное отличие от ситуации 1990-х гг., когда респонденты ощущали важность своей точки зрения и, как следствие, очень охотно шли на контакт с интервьюером и высказывались на самые разные темы.

Рассмотрим теперь структуру недостижимости в регулярных исследованиях «Левада-центра», а именно, насколько верно предположение о том, что высокий уровень недостижимости обусловлен опасениями респондента давать социально неодобряемые ответы. Данные о структуре недостижимости в исследовании «Курьер» за два последних года представлены в табл. 2 и 3. Напомним, что исследование «Курьер» проводится методом face-to-face интервью на дому у респондента с контролем половозрастных и полообразовательных квот на последней ступени выборки⁷.

Как видно из табл. 2 и 3, структура недостижимости достаточно стабильна, колебания от

Таблица 2

	2021 г.													
	январь	февраль	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь	среднее	
НЕДОСТИЖИМОСТЬ	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	
в том числе														
Нежилой дом/квартира	2,0	2,1	2,1	4,8	1,6	2,6	2,8	1,9	2,3	2,1	2,0	1,7	2,2	2,4
Невозможно получить доступ к дому/квартире (охрана, домофон)	5,0	4,3	3,7	5,0	3,9	4,6	6,4	2,5	6,9	4,4	4,5	4,4	5,2	4,7
Никого нет дома	44,8	45,3	45,1	42,5	48,0	50,0	42,7	48,8	45,6	43,6	42,1	42,1	40,8	44,8
Нужного респондента нет дома	4,6	4,3	4,5	5,0	3,6	4,8	3,3	5,0	4,8	4,9	4,1	4,7	4,9	4,5
Респондент не может отвечать (был нетрезвым, не владеет русским языком, был неадекватным)	1,6	1,5	1,2	1,4	1,3	1,3	0,9	1,6	1,8	1,6	1,4	1,6	1,9	1,5
Вне квот/ прерваны на этапе скрининга	12,0	12,6	11,3	10,8	11,0	10,7	11,9	10,2	11,2	14,4	13,8	10,0	13,4	11,8
Итого	70,0	70,1	68,0	69,6	69,3	73,9	67,9	70,0	72,6	70,9	67,8	64,5	68,4	69,6
Отказ открыть дверь / впустить интервьюера	17,4	17,9	19,4	21,6	19,5	15,7	18,7	18,6	15,7	18,3	21,0	21,8	20,7	18,9
Респондент отказался	11,2	11,3	11,3	7,4	10,7	9,1	11,8	10,1	10,6	9,8	9,9	11,7	8,9	10,3
Прерванное интервью	1,5	0,7	1,3	1,4	0,5	1,3	1,6	1,3	1,2	1,1	1,3	2,0	2,0	1,3

⁵ «Есть мнение! Итоги социологического опроса». М., 1990.

⁶ URL: <https://www.levada.ru/2022/06/14/gotovnost-uchastvovat-v-oprosah-rezultaty-eksperimenta>.

⁷ См.: URL: <https://www.levada.ru/zakazchikam/omnibus>.

месяца к месяцу и от года к году незначительны и находятся в пределах ошибки выборки.

Если всю недостижимость принять за 100%, то основную долю от всей недостижимости (в среднем около 70%) составляет недостижимость, «не связанная с респондентом» и его мотивацией (табл. 2 и 3).

Самую большую группу недостижимости (45–50%) составляет вариант, когда нужного респондента нет дома. Тут надо отметить, что данное исследование проводится по экспресс-технологии, продолжительность полевых работ составляет всего два дня, тем самым повторные посещения отобранных домохозяйств не предусматриваются. Доля этой группы довольно стабильна, имеет незначительные сезонные колебания, летом эта категория увеличивается на 3–5%.

Еще около 10–15% респондентов не были опрошены, поскольку они оказались «вне квот», не прошли скрининг. Как правило, эта ситуация возникает, когда интервьюер уже выполнил большую часть задания, но для достижения наиболее мобильных категорий респондентов, таких, как, например, «молодые мужчины с высшим образованием», интервьюеру приходится значительно продлевать маршрут. Кроме того, в данную группу по недостижимости относятся респонденты, которых

интервьюер не смог опросить из-за «невозможности получить доступ к дому/квартире либо респондент физически не мог отвечать (был нетрезвым, не владеет русским языком, был неадекватным и т.п.), в совокупности от 4 до 6%.

На втором месте — отказ открыть дверь интервьюеру из соображений общей безопасности. Эта группа довольно стабильна и составляет 15–20% от всей недостижимости. Колебания от месяца к месяцу составляют 1–3%. Такие значения установились в конце 1990-х — начале 2000-х гг. и с тех пор более или менее стабильны. Из общего ряда выделяется опрос, проходивший 24–25 сентября 2022 г., когда доля отказавшихся открыть дверь интервьюеру выросла на 8% по сравнению с предыдущим месяцем и на 5% по сравнению со среднегодовым показателем (табл. 3). Скорее всего этот рост объясняется объявленной 21 сентября частичной мобилизацией. В октябре этот показатель несколько стабилизировался.

Отказы от интервью конкретного респондента, отобранного по установленной в «Левада-центре» процедуре, составляют 10–11% от общей недостижимости. Прослушивание аудиозаписей этих интервью позволяет утверждать, что абсолютное большинство таких отказов, за исключением 1–2%, связаны с занятостью респондента (ответы «у меня нет

Таблица 3

	январь	февраль	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь	среднее
НЕДОСТИЖИМОСТЬ	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе											
Нежилой дом/квартира	1,6	1,5	2,6	2,1	2,3	2,2	2,5	2,9	1,9	2,3	2,2
Невозможно получить доступ к дому/квартире (охрана, домофон)	4,8	4,3	4,2	3,6	4,1	6,8	6,8	5,0	3,4	5,0	4,9
Никого нет дома	40,7	41,6	38,3	39,8	40,8	44,9	44,6	45,2	41,7	43,0	42,3
Нужного респондента нет дома	4,7	4,5	5,3	4,5	5,6	4,5	3,8	4,0	4,0	3,3	4,4
Респондент не может отвечать (был нетрезвым, не владеет русским языком, был неадекватным)	1,1	1,6	2,3	2,8	2,5	2,0	2,2	2,0	2,7	1,6	2,1
Вне квот/ прерваны на этапе скрининга	13,5	13,9	13,6	12,9	11,7	11,3	10,5	13,4	10,1	10,9	12,1
Итого	66,4	67,4	66,2	65,7	67,1	71,6	70,4	72,4	63,7	66,0	67,9
Отказ открыть дверь / впустить интервьюера		19,5	19,4	17,7	17,9	15,3	16,6	15,6	23,8	21,9	18,9
Респондент отказался	9,9	11,9	13,1	14,9	13,6	11,9	11,7	10,4	11,1	10,7	11,9
Прерванное интервью	1,1	1,2	1,3	1,8	1,4	1,2	1,3	1,6	1,4	1,4	1,4

времени», «занят», «плохо себя чувствую», «ребенок плачет» и т.п.). И здесь надо особо отметить, что в сентябре 2022 г., когда выросла доля отказавшихся открыть дверь, количество тех, кто пустил интервьюера в дом и только потом, после ознакомления с тематикой опроса, отказался от участия в опросе, осталось на прежнем уровне (табл. 3). Это подтверждает гипотезу о том, что отказы обусловлены главным образом неготовностью респондентов тратить свое время на социологические опросы, в которых они не видят особого смысла. Если бы отказы были мотивированы опасением отвечать на чувствительные вопросы, доля тех, кто отказался от интервью сразу после ознакомления с тематикой опроса (например, сразу после вопросов о СВО и отношении к Украине), должна была бы вырасти.

Прерванное интервью составляет всего 1–1,5% от общей недостижимости, и этот показатель практически не меняется со временем. Колебания этого показателя от месяца к месяцу находятся в пределах 1%. В абсолютных значениях в 2022 г. это составляет всего несколько десятков респондентов (от 50 до 90) из общего числа попыток взять интервью в разные месяцы (в среднем 5,5–7 тысяч для вы-

борки в 1600 человек старше 18 лет). Даже если бы действительно эти респонденты прерывали интервью на чувствительных вопросах, их доля в общем массиве настолько мала, что они бы никак не повлияли на средние оценки изучаемых переменных.

Тем не менее для проверки гипотезы о прерывании интервью на чувствительных вопросах был проведен детальный анализ данных о прерванных интервью за последний год, и эта гипотеза не нашла подтверждения. На вопросах об отношении респондента к специальной операции на Украине интервью было прервано всего от 2 до 7 раз в разные месяцы.

Подводя итоги, можно с уверенностью сказать, что, во-первых, рост уровня недостижимости — проблема общемировая, а не специфическая для России. И, во-вторых, гипотеза о том, что повышенный уровень недостижимости объясняется опасениями респондентов давать откровенные, социально неодобряемые ответы, не подтверждается. Этот эффект вызван главным образом ощущением респондента, что его мнение ни на что повлиять не может и, как следствие, массовым отстранением, дистанцированием населения от социальных вопросов, уходом в частную жизнь.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Лев Гудков

Негативная идентичность. Настроения населения России в ситуации кризисов и войны

...Я эмпирически установил и многократно проверял, что чувства человека располагаются в постоянном порядке, воскресая и умирая, возвращаясь и снова уходя. К собственным костям ближе всего злость, за злостью следует равнодушие, за равнодушием — ужас, страх, голод, зависть, любовь. Открытие в том, что равнодушие не последнее чувство в человеке. Злость глубже равнодушия...¹

Продолжающаяся уже больше полутора лет война путинской России с Украиной не вызвала сколько-нибудь значительных изменений в сознании российского населения. Этим нынешняя ситуация радикально отличается от первой чеченской войны, сопровождавшей экономические и социальные изменения. Массовое недовольство той войной стало одной из причин, приведшей в конечном счете к утрате авторитета демократов и передаче власти от реформаторов к силовой номенклатуре. Отсутствие резких реакций россиян как на нынешнюю войну, так и на агрессивную политику В. Путина в целом поражает западных наблюдателей, ожидавших, как это должно было бы происходить в их демократиях, массовых антивоенных выступлений, протестов против снижения уровня жизни, волнений родителей после бессмысленной ги-

бели сыновей и т.п. Ничего из этого не последовало, если говорить о преобладающей массе населения. Это кажется тем более странным, что после аннексии Крыма и вплоть до февраля 2022 г. большинство населения испытывали хроническую тревогу из-за угрозы новой мировой войны². Но опросы общественного мнения не зафиксировали сколько-нибудь значительных моральных переживаний в этом плане³.

¹ Из письма Варлама Шаламова Надежде Мандельштам (21.07.1965). *Шаламов В.* Новая книга: Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела. М.: Изд-во Эксмо, 2004. URL: <https://shalamov.ru/library/24/36.html>.

² За последние пять лет (2018–2023) «испытывали постоянный страх» перед угрозой мировой войны в среднем 56% респондентов (плюс еще у 15% «время от времени» случались приступы подобных страхов). Пик тревожности зафиксирован в марте 2021 г. (соответственно 62 и 14%). URL: <https://www.levada.ru/2023/01/09/massovye-strahi-v-dekobre-2022-goda/>. Как полагает Н. Зоркая, хронический страх войны стал неявным условием ее принятия массовым сознанием.

³ О чувстве стыда, вины, своей ответственности за вторжение в соседнюю страну говорили лишь 10% опрошенных. Большинство комментариев в Facebook наших пикейных жилетов, отрицавших достоверность полученных социологами результатов, сводится к тому, что люди не хотят, боясь говорить о своем отношении к войне и к правящему режиму. Обращение к чисто негативным аргументам «трех обещаний» («не слышу», «не вижу», «не верю») — это не только признак

Панический отъезд молодых людей из России («релокантов») после объявления сентябрьской мобилизации был воспринят большинством россиян скорее с осуждением, чем с сочувствием и пониманием¹.

Задача этой статьи разобраться с тем, как меняются настроения россиян, как складывается в обществе эмоциональный баланс и что стоит за этим в социологическом плане. Статья содержит три тематических раздела: первый — проблема языка эмоций и методики анализа массовых настроений в социологических исследованиях, второй — описание структуры и динамики массовых настроений, третий — интерпретация полученных результатов в категориях теории негативной идентичности². Для облегчения чтения этого обширного текста часть приводимого эмпирического материала перенесена в приложение.

1. Методические пояснения

Один из способов социологического описания «самочувствия» больших групп населения и его динамики — использование в массовых опросах словаря эмоций. Язык повседневного общения многим ангажированным публицистам или начинающим исследователям кажется более близким и понятным, чем формализованная лексика социологической анкеты или отвлеченные (политические, событийные) вопросы о предметах, выходящих за рамки обыденной жизни населения. Отрицая (по идеологическим, политическим или узкогрупповым

интеллектуальной ограниченности. Более важна здесь инерция косного транзитного мышления, сталкивающегося с неприятными фактами массовой поддержки путинского режима. Гораздо сложнее и труднее пытаться раскрыть позитивные основания и мотивы (не сводимые к конформизму или оппортунизму) одобрения этой войны, каким бы извращением это ни казалось человеку с так называемым нормальным рассудком. Наивная переоценка значения негативных аргументов, будь то указание на «страх» или «коррупцию» высшего руководства, его жестокость, алчность, цинизм и лицемерие, является препятствием для понимания массового отношения населения к власти или характера ее легитимности. «Население», описанное в рамках проекта «Советский простой человек», достаточно много знает про нынешнюю власть и тем не менее не просто «не бунтует», а всякий раз готово, если требуется, выразить свое «удовлетворение» ее действиями. Критикам социологии стоило бы сменить установку и последовать максимумом М. Жванецкого: «Что вы воруете с убытков? Воруйте с прибылей!».

¹ URL: <https://www.levada.ru/2023/03/07/emigratsionnye-nastroeniya-i-otnoshenie-k-uehavshim-iz-rossii>.

² Автор рассматривает этот текст как своего рода подведение итогов многолетнего анализа коллективных эмоций, поэтому считает необходимым сослаться на прежние работы, в которых более детально разбирались отдельные аспекты обозначенной тематики. Я благодарю Н. Зоркую за высказанные замечания, что позволило уточнить целый ряд проблемных мест в работе над этой статьей.

соображениям) достоверность описания общественных состояний, которые складываются из данных массовых опросов и которые расходятся с их представлениями о том, «как оно есть на самом деле», оппоненты и критики исследований «общественного мнения» полагают (в тех редких случаях, когда они способны обосновать свое мнение), что социологи получают фиктивные ответы, спрашивая людей о вещах, о которых те либо не имеют представления, либо которые для них не важны, не значимы, поскольку выходят за круг их повседневных проблем³. Утверждающие нечто подобное полагают, что релевантность подхода, основанного на «языке обычного человека», строится на посылке его адекватности обыденному мышлению массового человека, его «жизненному миру». Отсюда следуют утверждения о предпочтительности «качественных методов» (фокус-групп, глубинных неформализованных интервью, включенного наблюдения, слухов, разговоров с бабушкой, попутчиком, таксистом, наблюдения над георгиевскими ленточками у прохожих или подсчетов знаков Z на машинах и т.п. вплоть до анализа сновидений). Методы, ограниченной ситуацией непосредственного взаимодействия респондента с «испытателем», они считают, предпочтительнее «объективированных» формулировок вопросов социологической анкеты, не говоря уже о делаемых на их основе обобщений и «абстрактных» интерпретаций и концептуальных генерализаций⁴.

³ Этот аргумент может приниматься во внимание только в конкретных ситуациях определенной исследовательской задачи — соответствия формулировки вопросов целям исследования и выдвигаемым гипотезам. Вне рамок подобной методической рефлексии такие утверждения представляют собой свидетельства профессиональной некомпетентности и социальной ограниченности. Палитра языков исследования чрезвычайно широка — от формализованного вокабуляра, предназначенного для «всех» и, соответственно, фиксирующего выпадения непонимающих, о чем их спрашивают, как характеристику их социальной дееспособности или «компетентности», до проективной методики «пропуска слов» (когда задачей исследователя становится выявление латентных или цензурируемых пониманий), «ложных» либо подставных понятий или фигур (вроде несуществующих политиков или партий, событий), которые готова «опознать» и поддержать какая-то часть респондентов.

⁴ Подобное противопоставление ложно в принципе. Любые данные экспериментов, опросов, контролируемых наблюдений имеют научный смысл только в контексте поставленных ранее теоретических построений, гипотез, для которых они служат средством проверки, фальсификации (или верификации на ранних стадиях работы). Получить более или менее надежные и интерпретируемые результаты можно только в ходе сочетания различных способов и методов, дополняющих друг друга, контролируемых ранее используемые процедуры или подталкивающих аналитика к новым постановкам исследовательских

Рассуждения этого рода — тривиальные остатки теоретических дискуссий в социологии, проходивших в конце 1960-х — начале 1980-х гг., эхо которых докатилось до России лишь к концу 1990-х. Такая посылка была принята в качестве концептуального обоснования этнометодологии — направления в социологических исследованиях, пытавшегося найти общую почву для взаимодействия социолога и респондента. Ею этнометодологи считали сферу повседневности, обыденного знания и опыта («жизненного мира»), где профессиональные компетенции исследователя могут быть сведены до минимума, с тем чтобы они не влияли на интерпретацию получаемых ответов и знаний. Появление этого течения в социальных науках было реакцией на доминирование теорий высокой степени генерализации, таких как структурный функционализм Т. Парсонса, модернизация, западный марксизм и т.п., превратившихся со временем, как это с неизбежностью происходит в нормальной науке, в рутинные способы описания, анализа и интерпретации социальных явлений, препятствующие видеть новое и нетривиальное в социальной жизни. Революционизирующая посылка этнометодологов заключалась в намеренном и провокационном разрушении контекстов «само собой разумеющихся» понятий и представлений. Согласно этим постулатам в ситуации исследования социолог должен вести себя как этнограф или этнолог в незнакомом ему социуме, всякий раз вопрошая «аборигенов» о смысле тех или иных действий, символов или предметов¹.

задач либо к новому пониманию прежних результатов. Но это общее заключение; более частное соображение сводится к тому, что априорная переоценка значимости «качественных методов», как правило, влечет за собой опасность неконтролируемого методически переноса производимых интерпретаций на социальные массивы, превосходящие размеры малых групп.

¹ См., напр.: Новые направления в социологической теории. М., 1978. Историческая и теоретическая критика этнометодологии (представленная работами Я. Щепанского, Н. Элиаса, Х.П. Турна, Х. Продлем, К. Хаммерихом, Х. Штайнером и другими учеными) показала иллюзорность подобных попыток теоретического обновления социологии. Справедливости ради следует отметить, что благодаря дискуссиям об этнометодологии внимание исследователей было привлечено к новым предметным областям, обогащены методический аппарат микросоциологических исследований и техника самоконтроля социолога (рефлексия по поводу «самоочевидности» понятий, ставших тривиальными или рутинными значениями), вновь поднята значимость проблематики «культуры». Анализ этих дискуссий см.: Гудков Л. Культура повседневности в новейших социологических теориях. М.: ГБЛ, 1988; Гудков Л. Проблема повседневности и поиски альтернативной теории социологии // ФРГ глазами западногерманской социологии. М.: Наука, 1989. С. 296–329.

Неявная (и непредусмотренная авторами этой концепции социологической теории) посылка российских эпигонов подобной установки как бы освобождает «интерпретатора» от необходимости или обязательности оперировать всем сложным арсеналом теоретических средств социологического анализа, обращаться к накопленному ресурсу теорий, предметных концепций, способов проверки производимых утверждений и проч. Тем самым у отрицателей достоверности результатов социологических исследований пропадает социологическая проблематика «общества», т.е. сам предмет дисциплинарной работы (хотя сохраняется апелляция к «обществу», обретающему свойства априорной или трансцендентной сущности).

За «простодушием и наивностью» подобных установок скрывается либо самоуверждение конкурирующих околонучных группировок, либо невежество дилетантов — «публичных интеллектуалов», журналистов, «свободных от шор и кругозора», свойственных узким специалистам, т.е. от необходимости владения ремеслом — техническими средствами анализа и интерпретации социологических данных. Особенности организации науки и образования в России (разделение университетского обучения и научных исследований, дидактики и эмпирических работ) блокируют возможности междисциплинарных обменов, дискуссий, солидарности ученого сообщества, что оборачивается академической склокой и пустыми претензиями.

В таких утверждениях, как приведенные выше, устраняется сама базовая исследовательская установка, а именно то, что каждый вопрос анкеты содержит в себе предположение о наличии каузальных или функциональных связей между ответами, мнениями, социальными позициями, интересами и культурой опрашиваемых как сопричастных определенным (реальным или воображаемым) сообществам. Другими словами, выпадает важнейшая часть исследовательской культуры: каждый вопрос анкеты — это отдельная гипотеза о социальных закономерностях (правилах, нормах) поведения, включая речевую презентацию, подлежащую проверке в ходе опроса. Нет понимания, что наука — это методически организованное сомнение, этим она отличается от безапелляционных суждений профанов и публицистов, «литераторов», по презрительному выражению М. Вебера.

Менее очевидна, но чрезвычайно значима стоящая за этим авторитарная претензия дилетантов на единственно возможную или допустимую позицию в интерпретации данных опросов общественного мнения (как правило, поверхностную, самую примитивную и потому редко верную), отвечающая идеологическим интересам говорящего¹. Даже при условии некоторой добропорядочности намерений дилетантов (в том числе специалистов в смежных научных дисциплинах, экономистов, историков и др.) их интерпретациям грозят неподконтрольные им смещения, а именно вменение респондентам мотивов, свойственных самим интерпретаторам. В числе таких мотивов — универсализм «здорового смысла», предпочтение «демократии» и свободы или «само собой разумеющиеся», как бы «естественные» побуждения и причины действия, «присущие» человеку как таковому, — универсальные «интересы» и «рациональность» поведения, как это представлено в модели «человека экономического», руководствующегося в первую очередь собственной выгодой и минимизацией ущерба и страданий, достижением блага. Чаще этим грешат экономисты. Последствия просчетов такого рода бывают очень болезненными, особенно для оппозиционных политиков.

В любом случае за всеми подобными утверждениями (о «неадекватности» или «нерелевантности» массовых исследований общественного мнения) можно увидеть либо отсутствие познавательного интереса к реальности, либо мотивы ненаучного характера (политические, идеологические, конкуренция за авторитет,

¹ В нынешних условиях путинской России эти обстоятельства приобрели особый смысл: молчание академического сообщества о происходящих социально-политических процессах и реставрации тоталитарного господства привело к тому, что авторитет в условном «обществе» перешел от науки к медиасообществу (включая тех, кто завоевал популярность не своими интеллектуальными открытиями, а в качестве шоуменов, звезд социальных сетей), дистанцирующемуся от путинского режима. Последствия этого самоуничтожения научной элиты были неоднозначными: с одной стороны, потребность в независимой от официоза информации обусловила некритическое доверие к этим журналистам и публицистам, с другой — способствовала распространению дилетантизма и примитивности понимания происходящего. Общая тенденция (и пропаганды, и альтернативных официозу каналов) сводится к ожесточенной конкуренции за «истину» и «мораль», к «обличениям» и «разоблачениям», оборачивающейся взаимной ненавистью, злобой и последовательной деградацией «общества». Повторю: это характеристика всех участников дискуссий, по каким бы поводам они ни возникали — по истории, политике, просвещению или обсуждению идущей войны и т.п. И она имеет прямое отношение к негативной идентичности и последующему анализу данных массовых опросов.

поддержание личной или групповой идентичности и т.п.).

Догматизм и даже агрессивность в защите «собственного мнения» представителей образованного сообщества (безальтернативность, претенциозность, упертость), как показывает практика высказываний в социальных сетях, в Facebook, Twitter, на сайтах оппозиции или каналах кремлевской пропаганды, не зависит от идеологической принадлежности высказывающегося. Неспособность к коммуникации, взаимодействию, дискуссии, соответственно отсутствие социального воображения, навыков эмпатии, понимания значимости компромисса суть производные от тотальных практик насилия, уходящих вглубь российской истории, советского и досоветского времени. Уничтожение оппонента (критика, инакомыслящего, Другого) рассматривается как единственный путь самосохранения. Как результат — принципиальная неспособность к дискуссии, ее отсутствие в общественном пространстве, стагнация лишенной автономии науки, цензура, репрессии, война, централизованное авторитарное государство. Можно считать это особенностями политической культуры России, а можно — ее судьбой.

2. Нормативный компонент языка социальных чувств

Мнимая простота отмеченного выше подхода (использование языка повседневного общения) маскирует тот факт, что мы при работе с материалами социологических опросов общественного мнения имеем дело не с множественностью самостоятельных суждений отдельных респондентов о других людях или событиях, не с суммой индивидуальных мнений, а с групповыми мнениями, имеющими другую социальную природу, нежели бытовая речь. Сама частотность получаемых в опросах суждений или выборов вариантов ответа, предлагаемых в анкете, указывает на то, что мы имеем дело с «силовым полем» коллективных представлений, общих установок, вынуждающих людей думать (или говорить, что они думают) так-то и так-то. Чем более общими являются темы вопросов, чем дальше они от конкретики жизни каждого из них, тем сильнее проявляется коллективный (собираТЕЛЬный) характер подобных ответов, сила так называемых «само собой разумеющихся вещей», «здорового смысла».

Дела не меняет то, что интервьюер спрашивает респондента о его собственных «чувствах» и «настроениях» или о «чувствах» и «настрое-

ниях» других людей. Опрос не фиксирует актуальное (действительное) психическое, аффективно переживаемое состояние опрашиваемого человека (радость, зависть, тревожность, подавленность и т.п.), это, как правильно говорил Д. Волков, не контролируемый в лабораторных условиях психологический эксперимент. Речь идет о мнении опрашиваемого (о рефлексии, об оценке, о типизированном суждении) о его состоянии или предполагаемом состоянии других людей, имеющем обобщающий характер, т.е. относящемся к неопределенному периоду времени (пусть даже оно называется «сегодня» или «последнее время»). Любой отчет (самоотчет) такого рода предполагает генерализацию представлений о себе и о Других, выражаемых в конвенциональных (общепринятых) формах, подведение воспоминаний или представлений о реальных или предполагаемых переживаниях под стереотипные формулы социальной коммуникации. Тем более необходимо учитывать неизбежную типизацию или генерализацию эмоций в ходе социологического опроса (интервью), даже если сам набор слов-аффектов получен в ходе групповых дискуссий или пилотажа вопросника.

Коммуникационный характер «чувств» и «настроений» означает, что способы их выражения (артикуляции) предполагают социально значимое ценностное поле группового контроля и самооценки, действие интересов, желаний, их торможение и сокрытие, утаивание нежелательных актуальных аффектов и т.п. Мнения о собственных или чужих «чувствах» не только обусловлены субъективным восприятием контекста взаимодействия, оглядкой на других людей, латентном учете их отношения к высказываемому, но и встроены в определенные сюжеты социального существования, т.е. в стереотипные конфигурации ожиданий по отношению к действиям других акторов, включая государственных чиновников, политиков, пропагандистов и клкеров проводимой властью политики. «Чувства», которые фиксируются в опросах, всегда представляют собой комплексы смысловых связей, ассоциаций с теми или иными социальными акторами и их намерениями.

На эти ожидания и представления в очень большой степени ориентируются политики и авторитарная власть, проводящая популистскую линию или использующая риторику такого рода. Так, и поздний брежневский режим, и еще в большей степени путинский имитационный, китчевый тоталитаризм старались при-

нять формы «лирической государственности», соединяя милитаризм, патриотическую сентиментальность («...с чего начинается Родина?», «Русское поле», «Старые песни о главном» и т.п.) с идеей приоритета коллективного единства и ничтожности смысла существования частного, отдельного человека. Поэтому фиксация отдельных чувств (тревожности, эйфории) или трактовки их как самостоятельных (гипостазированных) сущностей лишена социологического смысла. Подобные практики интерпретации должны расцениваться как проявление социологического непрофессионализма.

Наконец, что важно именно для анализа динамики массовых настроений, субъективные значения понятий чувств, аффектов и настроений могут меняться с течением времени при изменении социально-политического и общественного контекста. Один пример. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. слова «чувство гордости за свой народ» (из составленного именно тогда списка чувств, «испытываемых» респондентами, ориентированного прежде всего на фиксацию настроений при наметившемся в то время переходе к демократии) относились преимущественно к двум комплексам значений. Первый охватывал эмоциональные переживания по поводу событий и процессов национальной консолидации (в союзных республиках и автономиях), надежды на радикальное изменение положения дел в этих сферах, второй — оптимистические упования на процессы демократизации и избавления от тоталитаризма, государства насилия и принуждения, бедности и унижения. Аннексия Крыма и путинская политика государственного ресентимента дали совершенно иное семантическое наполнение ответам о «гордости за народ»: теперь эйфория патриотической консолидации связана с демонстрацией силы и освобождением от гнетущего самосознания страны-неудачницы, в очередной раз оказавшейся несостоятельной, не сумевшей быть как все «нормальные страны» (Европа, США, Япония, Австралия и т.п.).

3. Необходимость уточнения используемых далее понятий

Величина доли (частота) определенных ответов респондентов указывает на параметры массового распространения этих мнений, а значит, на «принудительность» (социальную значимость мнений предполагаемого большинства) подобных представлений по отношению к индивиду, который учитывает их в своих отве-

тах интервьюеру. Получаемые в исследованиях доминирующие мнения респондентов — не результат самостоятельной (независимой от других) работы мысли отдельного человека-монады, а продукт институциональной и групповой про- и переработки циркулирующей в социальной среде информации из СМИ, ее пересказов, слухов, подчинения неясных или аморфных субъективных переживаний принятым в этой среде формам выражения опыта. Язык (для) их артикуляции — понятия, стандарты понимания и объяснения — задан или опосредован более авторитетными инстанциями, внешними по отношению к индивиду: ТВ, печатью, каналом Интернета, властью. Он усваивается респондентами в соответствии с полученным ранее образованием, средой, интерпретирован неформальными лидерами из их ближайшего окружения или референтными группами, т.е. подчинен самой структуре социальных коммуникаций, включая институты принуждения — работу, школу, полицию, начальство, администрацию и др.¹

Иными словами, в получаемые в ходе интервью мнения опрошенных включены неявные, не признаваемые, не могущие быть отрефлексированными и рационализированными каждым отдельным индивидом ориентации на других, чаще всего генерализованных Других, в том числе ориентации на соответствующие тематике опроса институты.

Возможности выражения субъективных оценок связаны не столько с опытом респондента (а именно таково наивное понимание данных опросов общественного мнения),

¹ Существует огромная литература по эмпирическим и теоретическим аспектам исследований коммуникации — от языка социального контроля до функций различных каналов в конституировании реальности. Есть свои классики в этой области (М. Маклюэн, Г. Лассуэл, Т. Ньюкомб, А. Бандура и др.). Исследователи подчеркивали социальный, в том числе моральный, обязывающий характер средств выражения, артикуляции мнений. В обобщенном виде эти аспекты коммуникативной этики и рациональности разобраны Ю. Хабермасом. См.: *Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns*. Bd. 1–2. Frankfurt am Main, 1981; *Habermas J. Moralbewußtsein und kommunikatives Handeln*. Frankfurt am Main, 1983. Есть русские переводы его работ: *Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности*. Т. 1. Рациональность действия и социальная рационализация. Т. 2. К критике функционалистского разума. М., 2022; *Хабермас Ю. К проблематике смыслопонимания в эмпирико-аналитических и поведенческих науках // Ступени*. 1994. № 1; *Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие*. М.: Наука, 2000. Н. Луман, его оппонент в теоретических дискуссиях о социологии, идею «коммуникации» даже положил в основу понятия общества как предмета социологии. См.: *Luhman N. Die Gesellschaft der Gesellschaft*. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1997. = *Луман Н. Общество общества*. М.: Логос, 2011. Кн. 1–3.

сколько со сложившимися практиками *социализации* и институциональным контекстом, *общепринятыми нормами* «думания». Они подчинены коллективным (групповым, социально-средовым, масс-коммуникативным, институциональным) определениям ситуации и правилам их выражения, т.е. социально одобряемым средствам взаимодействия. В силу этого получаемые в опросах «индивидуальные мнения» имеют *нормативный характер*, т.е. зависят от латентных, принуждающих мнений *предполагаемого «большинства»*, которое наделяется статусом объективности и авторитетности, правильности (в смысле соответствия общепринятым представлениям, согласия с ними), «истинности», и артикулируются принятыми или допускаемыми средствами (в свою очередь также имеющими социально нормативный характер)². Авторитетность (и жесткость в следовании им) может обеспечиваться государством, трансцендентным для отдельного индивида, или референтным для него сообществом, в том числе оппозиционным меньшинством, представителями субкультуры (молодежной, этнической, профессиональной, научной, медийной), партийными, региональными или другими сообществами.

Сам по себе диапазон средств артикуляции точно так же обусловлен *определениями ситуации* коммуникативного взаимодействия: в одних случаях это будут стертые, безличные языковые формы вежливого, канцелярского или этикетного поведения человека в присутственных или публичных местах, в других — экспрессивный или обценный язык, матерная ругань, например в социальных сетях или в аналогичных ситуациях возбужденной речи, когда говорящий позволяет себе выходить за конвенциональные рамки коммуникации, общепринятые нормы приличия, подчеркивая тем самым свою индивидуальность или чрезвычайность своей реакции на фоне сдержанного (регулируемого) ценностного и нормативного «тонуса» коллективного существования.

Во всех этих случаях в комплекс значений, которые становятся предметом коммуникации,

² Нормативность подобных представлений, образов, стереотипов, символов, групповых или институциональных коллективных представлений, не учитываемая дилетантами, оказывается условием социального взаимодействия, доверия, консенсуса, а также общественного конформизма и манипуляции массовым сознанием, общественным мнением, производимыми политическими лидерами, пропагандой, образованием, СМИ, поп-культурой и другими институтами, с одной стороны, и основанием для репрессивной практики тотального государства — с другой.

включаются обаяющие индивида мотивы идентификации с воображаемым сообществом, которое может иметь как универсалистский, так и партикулярный характер. В демократиях — это будут апеллятивные структуры плюралистического общества (право, свобода, индивидуализм, общее благо), в традиционных странах (султанатах, теократиях или их современных имитациях) — неизменность всегда бывшего порядка, в авторитарных или тоталитарных социумах — государство с его символами и ценностями коллективного престижа, угрозами безопасности, со снятием индивидуальной ответственности за проводимую политику и проч.

Другими словами, в субъективных мнениях опрашиваемых индивидов всегда включен компонент, который Э. Дюркгейм называл «коллективными представлениями», имеющими особый статус реальности¹, а М. Вебер — «типовыми формами привычного мышления, расчета и ориентации». В любом случае этот момент институционализации «коллективного мышления» или «общественного мнения» не осознается как отдельным индивидом, респондентом массовых опросов, так и их комментаторами.

Теоретическая трудность работы с данными о «чувствах» заключается в необходимости перевода языка «психологических» или «обыденных» понятий (эмоций) на специализированный язык социальных действий, анализа явлений и процессов. Сам по себе перевод должен содержать указания на связь ответов респондентов о собственных или чужих «эмоциях» или моральных оценках с социальным поведением, а значит — устанавливать связь с механизмами интеграции социальной системы, солидарностью, поддержанием групповой идентичности, позитивной или негативной мобилизацией или состоянием фрустрации, аномии, материальными или идеальными интересами и со всем тем, что определяется особенностями институциональной системы и процессами, происходящими внутри нее.

То, что мы называем *общественным мнением*, есть общепринятые в определенной социальной среде одобряемые взгляды, представ-

ления, позиции, предрассудки, выраженные «известными людьми» (политиками, чиновниками, публичными интеллектуалами ньюсмейкерами, журналистами, комментаторами, участниками ток-шоу, университетскими профессорами) в средствах массовых коммуникаций, в социальных сетях, Интернете, в публичном пространстве, на массовых акциях или при проведении коллективных ритуалов — собраний, митингов и т.п. Степень авторитетности общественного мнения, его значимости и влияния по отношению к другим институтам (праву, правосудию, политике, экономике) зависит от структурной дифференциации других функциональных институтов и их формализации. В этом плане общественное мнение — такое же следствие процессов европейской модернизации, как и другие институты современного, а значит — массового, общества. В этом ряду можно назвать урбанизацию, СМИ, формальное образование, транспортную систему, экспериментальную науку и технологию, доказательную медицину и т.п. Возникнув вместе с другими образованиями модернизации (историей, литературой, представительной политикой, рыночной экономикой и др.), общественное мнение, постепенно, по мере разложения традиционного иерархического социума и формирования открытого и представительского общества, теряло сословный характер, захватывая все более широкие социальные слои и группы населения.

Общественное мнение не тотально. Пространство, в котором складывается общественное мнение (или разные композиции «общественного мнения»), именуется обычно сферой публичности или общественности². Контекст «публичности», в котором высказываются мнения, претендующие на «всеобщее» внимание, может принципиально меняться в обществах с разным политическим устройством.

С точки зрения социологии основными функциями общественного мнения являются: а) интеграция социального целого через внесение и поддержание авторитетных мнений, интерпретирующих актуальные события; б) социальный контроль и в) легитимация наличной системы господства, обеспечение массовой поддержки

¹ О теоретическом и методологическом статусе «коллективных представлений» у Дюркгейма и спорах вокруг этого см. работы: Гофман А.Б. Социология Эмиля Дюркгейма // Дюркгейм Э. Социология. М.: Канон, 1995; Гофман А.Б. Традиция, солидарность и социологическая теория. М.: Новый хронограф, 2015; Гофман А.Б. Социология морали Эмиля Дюркгейма: Истоки, принципы, значение // Дюркгейм Э. Моральное воспитание. М.: НИУ ВШЭ, 2021. С. 7–105.

² Функциональную роль «публичности» (Öffentlichkeit) одним из первых разобрал Ю. Хабермас в своей опубликованной диссертации, вызвавшей широкую дискуссию в академической среде: Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft (Habilitationsschrift). Neuwied / Berlin, Luchterhand, 1962.

действующей власти исходя из принципов навязанного или организованного консенсуса¹.

Пренебрежение или отклонение от «общепринятого» грозит нарушителям применением групповых или институциональных санкций, имеющих как моральный, так и правовой характер. Авторитетность «лидеров мнений» обусловлена тем, что они задают интерпретацию проблемных, требующих определенности явлений с точки зрения фундаментальных символических благ социума. К общественному мнению не следует предъявлять требования «истинности», «адекватности» действительности и подобные претензии когнитивного толка.

В зависимости от степени социально-структурной дифференциации (а стало быть, жесткости вертикали власти) на первый план могут выходить те или иные функции общественного мнения. Было бы непростительным дилетантизмом сводить роль общественного мнения к какой-то одной из этих функций (например, к легитимационной аккламации или интеграции), как это иногда утверждается в российской публицистике. Ни одна из этих функций не исчезает даже в нынешней ситуации путинского имитационного тоталитаризма. Как бы ни усиливался репрессивный контроль над СМИ, гражданским обществом, политикой, остаются сферы, относительно независимые от цензуры и политической полиции, прежде всего это социальные сети и Интернет, образующие, пусть и неполноценные, зоны распространения альтернативных по отношению к официозу и пропаганде мнений и представлений². В этом

¹ Гудков Л. Общественное мнение // БРЭ — <http://bre.mkrf.ru/philosophy/text/2675445>.

² Если обратиться к данным последнего мониторингового опроса общественного мнения (июнь 2023 г.), то мы получим следующую картину распределения влиятельности различных каналов информации: ТВ в качестве основного источника информации называют 57% опрошенных (но доверяют ТВ только 41%); социальные сети Интернета — 38% (доверяют 18%); интернет-издания — 29% (доверяют 15%); Telegram-каналы — 25% (доверяют 19%); никому не доверяют — 19%. Межличностные каналы и формы общения — друзья, соседи, знакомые — связывают различные социальные сферы, но в качестве надежного информационного источника их называют лишь 18% опрошенных, а доверяют им всего 9% респондентов. Кросстабулярный анализ показывает не только существенные различия по возрасту респондентов, но и области взаимного пересечения или значительного совмещения потребления различных каналов информации. Разумеется, это не свидетельствует о сильной дифференциации в обществе, но все же и не может служить аргументом в пользу рассуждений о тотальности цензуры и полицейского контроля над населением. Высокий уровень недоверия указывает на отсутствие элиты — авторитетных фигур, персонажей и групп, которые могли бы задавать тон в интерпретации происходящих событий или намечать перспективы будущих изменений, а также зависимости публичных

смысле следствием путинской политики давления на общество оказывается не тотальное единомыслие, а «недомыслие» — общая тенденция к примитивизации понимания действительности, распадаения картины реальности на равно ангажированные про- и антивластные образы и догмы.

С точки зрения социолога, полученные в ходе опросов данные (ответы респондентов) являются не совокупностью разрозненных мнений отдельных индивидов, а выражением доминирующих в сообществе коллективных представлений, имеющих принудительную для отдельного субъекта силу авторитетных мнений. Их статус — быть такими, какие разделяют «все нормальные, окружающие меня люди», т.е. быть «правильными», «объективными», «верными»³. Эти «мнения» (представления) имеют социально нормативный характер, что дает основание считать «общественное мнение» социальным институтом, сравнительно упорядоченной и регулируемой сферой социального взаимодействия. Как любой другой социальный институт, «общественное мнение» включено в систему действующих институтов (образующих общество — экономики, правосудия, культуры, политики и др.) и реагирует на соответствующие их функциональные требования.

сфер от власти, причем всех без исключения. В общественном мнении доминируют властные каналы ТВ, конструирующие реальность и предоставляющие язык для понимания настоящего и прошлого, однако этот язык «господства» все же не является абсолютно преобладающим. Правильнее было бы говорить не о едином (в содержательном плане) общественном мнении России, а о некотором наборе публичных пространств, в которых сложились свои мало изменяющиеся композиции «общественного мнения». Все они, включая и как бы независимые, или «оппозиционные», социальные среды, находятся под прессом российской пропаганды, будучи вынуждены реагировать на ее повестку дня.

³ Ср. распределение ответов на вопросы: 1) «Как вы думаете, в России в целом много ли людей придерживаются таких же политических взглядов, как и вы сами?»: «большинство, почти все» — 48%; «лишь малая часть» — 22%; «почти никто» — 5% (25% затруднились ответить (апрель 2023 г.); 2) «Как вы думаете, много ли людей придерживаются таких же взглядов на СВО, что и вы?»: «большинство» — 54%; «половина таких же взглядов, половина противоположных» — 28%; «большинство противоположных» — 7%; затруднились ответить — 11% (август 2022 г.). Апелляция к предполагаемому большинству придает нормативный характер мнениям опрошенных. Если откинуть затруднившихся с ответом (что правильно в условиях отсутствия или неопределенности политических убеждений основной массы населения при диктатуре), то удельный вес «мнений большинства» заметно (в 1,5–2 раза) увеличивается. На вопрос: «Как вам кажется, какая доля россиян живет так же, как и вы (лучше вас, хуже вас)?» — ответы были следующими: 54% опрошенных были уверены, что все живут так, как они; 29% — лучше, чем они; 30% — хуже, чем они. От 5 до 11% затруднились ответить (июнь 2023 г.).

Отрицатели достоверности или значимости социологических опросов в России механически исходят из представлений о том, что общественное мнение (а следовательно, и его изучение, социологические опросы) может формироваться и функционировать только в западных демократиях (в идеальных условиях свободных СМИ, защищенных независимым судом, конкуренции политических партий, при сознательном участии граждан в политике и т.п.). Если таких условий нет (как в условиях авторитарных или тоталитарных систем господства), то нет и собственно общественного мнения¹. Режим господства (включая и аппарат насилия) оказывается как бы подвешенным в воздухе, не имеющим ни признания, ни поддержки населения. Такое инфантильное представление, лишаящее смысла работу историка политических движений, повседневности, культуры, конечно, может служить средством самосохранения групповой идентичности российской «оппозиции», но не может быть основанием для понимания всей сложности репрессивных систем. Любое профессиональное исследование тоталитарных обществ-государств (проведенное историком, социальным психологом или психоаналитиком, социологом, политологом или экономистом) всегда будет свидетельствовать о значительной поддержке правящего режима, мотивы которой имеют самую разную природу и смысловые основания (идеологию, иллюзии, материальные интересы, прагматические резоны, ригидность коллективной идентичности, конформизм и проч.)². Именно они и должны быть предметом анализа и социологического изучения. Для социолога объяснения устойчивости этих смысловых мотиваций связаны с возможностями использования теоретического аппарата институционального анализа и с культуроло-

¹ Демагогия такого рода лишает всякого смысла собственную позицию этих критиков, уничтожая (если быть последовательным) какие бы то ни было надежды на выход из авторитарного господства. Другое дело, что они не в состоянии осознать такого рода противоречия из-за интеллектуальной немощности и отсутствия рефлексивного аппарата. Максимум, что они могут предложить публике, — это заверения, что «режим фашистский, но общество не фашистское», «мы хорошие» (URL: <https://www.svoboda.org/a/grigoriy-yudin-eta-sistema-bezuslovno-budet-demontirovana-/32504107.html>). Такое «общество» оказывается «вещью в себе», не познаваемой, не артикулируемой сущностью, предметом веры или словоблудия.

² Уже самые первые исследования тоталитаризма (в Италии, позднее в Германии) были попыткой ответить на вопросы, чем можно объяснить массовую иррациональную поддержку нацистского или фашистского режимов, популярность Гитлера или Муссолини, казавшихся либералам (до захвата власти) нелепыми шутами и маргиналами.

гическими ресурсами соответствующей интерпретации.

«Социальным институтом» я называю устойчивое социальное взаимодействие, воспроизводящееся независимо от персонального состава акторов, его составляющих. Такое понимание социального института означает, что взаимодействие конституируется, определяется, регулируется *правилами поведения* — *формальными* (предписанными другими инстанциями, другими социальными институтами, включая такие, которые имеют правовой характер регуляции) или *неформальными* (групповыми, конвенциональными, слабо артикулированными, но не менее жесткими в своем действии, близкими по характеру к обычаям). *Именно правила или нормы действия структурируют поведение людей и задают надличный социальный порядок, который сохраняется и функционирует, хотя сами акторы могут меняться (из-за смены поколений, миграции и по иным причинам)*. Сам по себе социальный порядок может опираться на традицию, обычай (обычное право) или же на правовые установления, формализованные, кодифицированные и регламентированные в большей или меньшей степени. Указание на «правила поведения» означает, что следующий им индивид — социально полноценен, т.е. прошел определенную *социализацию*, усвоил эти правила, включая определенное представление об их обоснованности, о смысле, об оправдании, источнике («истории» этих правил), включая обязательное знание об опыте и о последствиях нарушения их другими людьми. Это облако социальных представлений (не знаний, а именно аморфных, текучих представлений о людях, об «обществе», органах государственной власти, о разнообразных Других) образует ресурс коллективного «бессознательного» понимания должного поведения, активируемого в ситуации необходимости. Даже те, кто использует эти представления о правилах поведения (об уместности какого-то высказывания на людях, «говорения» или в более общей форме «думания») как ресурс для инструментального, прагматического их нарушения — обмана, привлечения симпатий или интересов других, демагогии, цинической популистской риторики, все равно вынуждены признавать их значимость.

Сказанное не означает единства или однородности мнений. Напротив, разномыслие (в принципе отражающее степень политиче-

ского и гражданского плюрализма, свободы СМИ, политической конкуренции, значимости экспертного сообщества и подобных факторов) указывает на удельный вес авторитетности (господства, признания влияния) тех или иных групп в социуме в целом¹. Тотальность, целостность или плюрализм общественного мнения указывают на степень социально-структурной (функциональной) дифференциации общества, рамки групповой и субъективной автономии, сложности культуры и вместе с тем на вероятность развития личности современного типа (по выражению А. Инкельса).

Социальный контроль не сводится исключительно к внешнему принуждению и тем более к непосредственному физическому насилию. Прямое и грубое принуждение, даже в форме новейших законов о «фейках», «иноагентах», «нежелательных организациях», принимаемых Госдумой на фоне войны с Украиной, скорее крайняя мера, к которой прибегают, когда другие идеологические и политические средства контроля уже не работают. Процесс социализации предполагает усвоение индивидом значимости, необходимости или оправданности такого принуждения («воспитания»), которое принимает форму легитимации социального порядка, а значит, интернализации контроля (т.е. механизмов управления массовым поведе-

¹ В либеральных кругах утвердилось представление, что оппозиция В. Путину по своим ценностным и политическим установкам, морали, кругозору, идеологии, антропологии, культуре приближается или даже полностью соответствует человеку западного типа. С нами самими все хорошо, мы «нормальные люди», как в «других странах», это власть плохая, она мешает нам быть «современными», «демократичными», жить так, как мы считаем правильным или как мы хотим. Отсутствие подкрепляющих аргументов оправдывается запретом на доступ к средствам коммуникации, блокированием участия в политике, подавлением возможности самовыражения и гражданской самореализации, а значит, влиянием на общественное мнение. Дело не в том, что масштабы недовольных действующим режимом при этом сильно преувеличиваются (говорится о 30–40% демократически настроенной публики, более трезвая или реалистичная оценка, исходящая из социологических данных, позволяет говорить лишь максимум о 10–12%), а в нарциссизме этой среды, отождествляющей себя с культурой западной демократии без достаточных на то оснований. Было бы что сказать людям — их бы слушали. Речь идет о претензиях на идентификацию, а не о тождестве или сходстве российского интеллигента-либерала с личностью современного типа. Критерий различения — собственное участие в общественной деятельности и личная ответственность за происходящее, а не ценностные декларации. Я уже не говорю о том, что записываться всех недовольных действующей властью в демократы, представляется явной манипуляцией — среди негативно настроенных к путинской системе можно найти значительное число и крайне консервативно настроенных «коммунистов», и разномастных националистов, чиновников и предпринимателей, озбоченных проблемами своего бизнеса, критиков характера СВО и т.п.

нием). Степень принудительности осознается и воспринимается в зависимости от характера идентификации со всем общественным целым («народным государством», «национальной общностью», группой «своих» и проч.). Предельные случаи заданы следующим: а) полностью усвоенными нормами поведения социализированного индивида, превращенными во внутренние мотивы поведения; осознание своей идентичности с этим нормами (один полюс шкалы); б) полным неприятием навязываемых норм, которые в таких случаях воспринимаются как голое физическое насилие или грубое принуждение (полицейское, армейское, тюремное, санитарное в психиатрических больницах или уголовное, мафиозное). Обе формы — крайние полюса шкалы социального контроля². Между ними располагаются разнообразные формы оппортунизма, двоемыслия, конформизма, бессознательного развращения, подавленности, цинизма и тому подобных социальных механизмов адаптации, составляющие основную массу приемов и способов приспособления субъекта к социальному порядку. Разумеется, идентификация индивида со всем целым в правовом и демократическом, открытом и плюралистическом обществе будет радикально отличаться от идентификации в авторитарном и тем более в тоталитарном социуме, обществе-государстве. И не только по степени принуждения, но и по степени жесткости действия соответствующих норм и представлений. Формализм правовой регуляции в демократии сам по себе является фактором рефлексивного отношения к праву и культивирования различных оттенков и нюансов самоопределения индивида в отношении символического целого, и, напротив, тоталитаризм навязывает жесткое единомыслие и страх перед «мыслепреступлением», бессознательность молчаливого повиновения.

Эмоции, аффекты, социальные чувства, настроения в рассматриваемом плане представляют собой как бы «психологическое», оценочное выражение (язык) модальности группового, т.е. организованного, поведения. «Чувства» можно рассматривать как «шифры» или «коды» значимости события, информации, общественного состояния и его изменений для индивида/группы. «Чувства» или «настроения» следует считать конечным, недифференцированным вы-

² Массивы респондентов, относимых к каждому из полюсов этой шкалы, исходя из практики различных социологических исследований (ксенофобии, политических установок, сталкивающихся с попытками в полиции и др.), можно оценивать как 6–12% взрослого населения.

ражением различных интересов существования респондента, его запросов, жизненных перспектив, включая осознание возможных угроз. Поэтому «чувства» теснейшим образом связаны со структурой групповой идентичности, будучи отражением внешнего уважения к себе, а значит, зависят от средств повышения или снижения самооценки, обусловленных проекциями отношения к индивиду или группе воображаемых Других.

В ходу у образованной и европейски ориентированной российской общественности рассуждения о том, что, да, действующий в России режим имеет авторитарный и архаический характер, но он как бы навязан обществу (то ли сбоку, то ли сверху), имеет признаки оккупационного, октроированного господства. Общество же по своим ценностным ориентациям соответствует общим закономерностям модернизации, россияне склонны к «постматериалистическим» ценностям, к самореализации и т.п., не слишком отличаясь в этом отношении от развитых западных стран. Более того, в обществе идут значимые процессы «низовой модернизации» (в потреблении, в досуге, в рационализации своего здоровья, в мобильности и т.п.), что, собственно, и делает Россию страной европейской культуры.

Говоря о ценностях, я не имею в виду типичные социально-психологические методики «измерения ценностей» (Р. Инглхарта, Ш. Шварца и др.), используемые для межстрановых исследований, поскольку они предполагают фиксацию отношения к тем или иным «благам», признанным стандартами в развитых странах, или «ценностные ориентации». Я исхожу из другого социологического понятия «ценность», другой социологической трактовки. «Ценности» — это не понятие какого-либо определенного предметиваемого «блага», объекта желания или присвоения, а регулятив социального действия, т.е. побудительный мотив действия, *исходящий от самого индивида*. (Профан обычно требует сказать, а какие у них, у нас, у молодежи, в нынешнем обществе «ценности?»). Понятийное различие между «ценностью» и «социальной нормой» заключается в том, что операциональным признаком нормы всегда является сопровождающее его понятие санкции (требования соблюдения определенного образца поведения или действия в соединении с указанием на вознаграждение или наказание за предписанное исполнение образца действия или отказ от него). В понятии «ценность» нет идеи санкций,

т.е. мотива наказания или вознаграждения, соответственно обязательности выбора между правильным и неправильным, осуждаемым и одобряемым поведением. Ценность — это внутренний, субъективный императив собственного действия. Нельзя принудить кого-то к свободе, добру, вере, красоте, истине, совести, но можно *заставить* людей *признавать* право или обязанность других людей считать нечто «благим», важным, авторитетным, правильным, святым, национальным, традиционным (а также противоестественным, отвратительным, «фейком»), тем, чем *надо* гордиться или чего следует бояться и избегать¹.

Ценностный уровень регуляции представляет собой трансцендентальный аспект анализа (разработку чисто методологической проблематики и системы высокогенерализованных теоретических абстракций). Язык ценностей нужен для введения в рассмотрение более высокого уровня генерализации анализа или концептуальной интерпретации. В философии и социальных науках понятие ценности вводится относительно поздно, подготавливая появление основополагающих идей социологии — дюркгеймовского понятия «общества» как сакрализованного коллективных представлений или веберовской идеи культуры как предпосылки субъективного смыслополагания и воли к действию, положенной в основу его понимающей социологии.

Если ценность не имеет временных обозначений (в силу своей субъективной значимости), то норма всегда связана с временными горизонтами существования социальной группы или института. В свернутом виде в семантике нормативности представлены различные интересы группы или института, в первую очередь перспективы их самосохранения и воспроизводства. Временные (в том числе исторические) параметры нормы раскрываются через характеристики символических ресурсов, с помощью которых идет оправдание нормы или легитимация нормативной системы, ее внутренняя интеграция и связи с другими институтами.

В предметном плане (плане эмпирического исследования) о ценностях можно говорить только с целым рядом методических оговорок или выявленных предпосылок. Появление ценностной регуляции означает наличие высокого уровня индивидуального самосознания, субъективной рефлексии и самоконтроля, что

¹ Как говорит профессор Э.А. Паин, «лошадь можно подвести к воде, но нельзя заставить ее пить».

возможно лишь при сложной (структурно и функционально дифференцированной) социальной системе, гарантирующей индивиду известные параметры субъективной автономии и независимости, а также выделения культуры в особую, автономную, область рафинированных значений и идеи совершенствования, «культивирования» чувств, разума, морали (социальности), физического состояния человека, идею его «развития». Симптомы или признаки такого сознания — формирование личной ответственности за положение дел в сферах, выходящих за рамки простых непосредственных личных отношений или отношений индивидуального «интереса», т.е. в сферах генерализованной социальности (ответственность за состояние дел в «обществе», за политику, проводимую правительством, за экологию, сохранение культурного наследия и т.п., сферы, в которых прямой личный интерес не может проявиться¹). Сюда же относится и чувство вины, стыда, сочувствия людям, попавшим в тяжелую ситуацию, но лично не знакомым индивиду и не связанным с ним личными интересами и отношениями². Ценности как субъективный регулятив имеют другую социальную природу и происхождение, чем интересы, но в ряде случаев играют важнейшую роль направляющих

¹ Теоретический смысл социологического понятия «интерес» связан с повседневными обстоятельствами индивидуального или группового поведения, а именно с прагматикой материального обеспечения, обогащения или сохранения социального положения, статуса, престижа, потребностями в защите, безопасности и т.п. Аналитическая или интерпретационная работа с понятием «интерес» всегда обусловлена и ограничена контекстом целерационального действия, т.е. рамками координат действительности, обыденности, практического расчета. В отличие от него понятие ценности (любого рода) разрывает связь с повседневностью, обыденностью, делая акцент на экстраординарности рассматриваемого обстоятельства или факта. В этом плане И. Кант говорил о «незаинтересованном суждении» как характеристике эстетического, религиозного или этического воззрения, созерцания или действия, т.е. о переходе в иную плоскость рассмотрения проблемы. Ценным поэтому можно считать то, что придает реальности значимость более высокого порядка, чем собственная жизнь, что выходит за рамки собственного личного или частного существования. Социокультурная динамика, или «процесс рационализации», как показал М. Вебер, обретает интенсивный характер при констелляции ряда условий, а именно, когда «идеи» (ценности) определяют вектор «интересов». В противном случае, как в России, мы имеем дело с постоянным разрывом и конфликтами ценностей (культуры, этики, идеологии, религии) и повседневности, традиционализирующей власти и запросов обыденного человека.

² Это примерно соответствует идее разведения моделей in-directed и out-directed человека, а также субъективной «культуре вины» и внешней «культуре стыда». Такой уровень ответственности и самосознания, как показывают наши данные, в том числе и в отношении ответственности за войну на Украине, характеризует примерно 8–10%, максимум 12% взрослого населения России.

для интересов (материальных, идеальных, престижа, чести, поиска истины и знаний и т.п.). О ценностях, как и о других внутренних, субъективных планах индивидуального существования (мышления, чувствования), социолог может судить лишь по косвенным признакам, по тому, как *конфигурируется* сочетание или набор социальных норм в массовом поведении³.

В практике эмпирических социологических исследований этот уровень работы (категоризации ценностей и их функциональной роли) может быть представлен только в ходе методологического анализа, но не прямыми диагностическими вопросами и тестами. Функциональный смысл ценностей может быть выражен только как набор или агрегат символов, не образующих между собой системы или иерархии. Символ — это знак, управляющий совокупностями других знаков, другими множествами семантических комплексов, образов и представлений. Ценность, как сказал бы И. Кант, — это пустое понятие без предмета созерцания, т.е. без эмпирического референта.

Сам социальный институт «общественного мнения» — система социальных ролей и взаимодействий по поводу «мнений общества» — конституирован идеей *репрезентации* — признанием важности определения и выражения единства представлений относительно реаль-

³ Вопрос, который ставят дилетанты, когда подвергают сомнению результаты массовых социологических опросов, «искренне ли отвечают люди?», «а что они думают на самом деле?», социологически бессмыслен. Они, таким образом, предполагают, что из-за страха перед репрессиями люди не отвечают интервьюеру так, как они «на самом деле думают», боятся сказать открыто. Такое утверждение, как говорит один известный комментатор (не буду называть его имени, поскольку отношусь к нему с уважением за то, что он делает), представляет «гипотезу, которой трудно найти прямые подтверждения, но и опровергнуть тоже практически невозможно». В философии и методологии науки то, что не может быть верифицировано или методически фальсифицировано, представляет собой метафизические или аксиоматические положения, догматические резидуумы — базовые принципы, теоретические посылы, предубеждения или предрассудки. Проблема искренности в социологии, равно как и утверждения, что люди сами по себе «думают» что-то, но боятся об этом сказать открыто, относится к этому логическому разряду суждений. Каждое проведенное интервью в ходе социологического исследования опирается на негласное представление о субъективной и социальной значимости, важности мнения респондента для других, равно как и на латентное чувство собственного достоинства опрашиваемого, или, другими словами, на сознание социальной солидарности людей, выражающейся в ценности взаимообмена взглядами и соображениями о состоянии дел в пространстве общих интересов. Отказ от интервью, какими бы причинами он ни обосновывался — занятостью, страхом, отсутствием интереса, апатией и т.п., — означает выпадение из «общества», т.е. разрыв слабой или гнилой материи социальных отношений, асоциальный акт или признак аномии.

ности. Потребность репрезентации (общая с другими социальными институтами, такими как искусство, литература, история, наука, спорт) является необходимой составной частью коммуникативной структуры общества или общества как *коммуникативной системы*¹. Она порождена человеческой потребностью в причастности к чему-то большему, чем отдельное существование индивида, значимостью переживаний солидарности, защищенности, «родства», «укорененности в бытии», в общем происхождении. Противоположностью этому является чувство или сознание одиночества, брошенности, бессмысленности жизни, всего того, что Дюркгейм охватывал понятием «аномия». В этом плане институт «общественное мнение» является современным (модерным) *функциональным* аналогом традиционных коллективных ритуалов, церемоний, праздников и манифестаций, интегрирующих архаическое сообщество. Именно поэтому модальность апеллятивных структур общественного мнения предполагает и сохраняет значения «правильности», «истинности», соответствия не просто «действительности», а понятиям справедливости, коллективной чести и престижа, национальной мощи и силы, безопасности частной жизни и т.п.

Значимы оба компонента — и мнение отдельного лица как обязательность выражения своего гражданского статуса, артикуляция своего «я» человека, причастного «общим» заботам и интересам, видящим в этом свое достоинство, и «общественное» — как семантическое указание на установку на солидарность, приоритетность коммуникации с Другими. По поводу чего может складываться «общественное мнение» — в аналитическом плане не так существенно, как потребность в присоединении к Другим, как социальная удовлетворенность от единства общих воззрений и понимания. Эта направленность на то, что есть общая картина реальности, объединяет самых разных индивидов вне зависимости от их происхождения, взглядов, положения, она лежит в основе регулятивной (коммуникативной) идеи «общества» как репрезентации общих символических структур, без чего современный массовый социум (любой природы) существовать не может.

Социология общественного мнения работает только с *нормативными* структурами массо-

вого сознания. Их операциональными признаками можно считать наличие оценочного языка социальных обстоятельств, в том числе — «психологического» языка «чувств» и «настроений».

Структура и содержание «общественного мнения» определяется характером получения информации о значимом (для индивида или группы, или всего коллективного единства, общественного целого) событии по определенными каналам и от определенных социальных групп, селекцией — оценкой его значимости, достоверности сообщения (оценкой информационного потока в соответствии с доверием к авторитету источника — института, группы, персоны, что обязательным образом признается нормами его понимания и интерпретации). А это означает, что общественное мнение (как любой другой социальный институт) организовано в виде совокупности социальных ролей (типовых форм поведения участников — лидеров мнений, распространителей мнений, реципиентов мнений, «рефлексирующих субъектов», оценивающих мнения других, резонеров, скептиков, моралистов, радикалов, пропагандистов, клакеров, «болота», «некомпетентных», а также цензоров, судей, полиции, «торговцев» мнениями и многих других, включенных в гетерогенную сеть отношений по поводу «мнений»). Любая роль в этом комплексе взаимоотношений означает набор социальных норм, композиционно заданных представлением об определенной ценности (содержательном благе, ценностном понятии), и вместе с тем находящихся в функциональной связи с другими социальными институтами (социальными подсистемами), составляющими «общество» или общество-государство.

Доминантная функция общественного мнения заключается в артикуляции и поддержании, воспроизводстве стандартов интеграции социального целого, обеспечении его коллективной идентичности. Как идеальная модель, такое состояние недостижимо даже в самые глухие и страшные времена тоталитарного террора, но как объяснительная схема оно приемлемо с учетом всех необходимых методических оговорок и ограничений по применению и интерпретации. В реальности же мы всегда имеем дело с текучими или смешанными промежуточными формами между единомыслием и отсутствием консенсуса в обществе. Задача исследователя — показать степень и силу интеграционного потенциала тех или иных представлений для социальных групп, механизмы консолидации или

¹ См. анализ современных и домодерных форм социальной репрезентации в кн.: Левинсон А. Социография. М.: НЛЮ, 2004. С. 111–243.

зоны напряжения, состояние «покоя», факторы возбуждения и спада, демобилизации.

В условиях тоталитаризма, пусть даже «китчевого», «имитационного», ряд функций института «общественного мнения», если сравнивать его с аналогичными институтами в демократических странах, не может быть реализован. Речь идет в первую очередь о том, что в условиях стерилизации СМИ и ограничения свободы слова, подавления и отсутствия независимых авторитетов (публичных интеллектуалов) содержательный состав доминанты «общественного мнения» заключен в рамки пропаганды и поддержания легитимности власти. Поэтому «общественное мнение» в таком контексте не выполняет одну из своих важнейших функций — критики власти, социального контроля, влияния на власть и связанные с ней институты (в условиях тоталитаризма это почти все базовые институты). Эта функция уходит в неформальные среды кастрированного нонконформизма.

И, наконец, последнее пояснение, относящееся к используемому далее понятию «*негативная идентичность*». Идея негативной идентичности возникла из частного наблюдения над функцией воображаемого Запада (как воплощения модерности) в культуре России (как первой страны догоняющей модернизации). Сегодня, на мой взгляд, эта концепция может иметь гораздо более общее значение для понимания политической и общественной культуры российского общества-государства. Идеологии сменяют друг друга, русский имперский национализм конца XIX в. замещен сталинским марксизмом. Советский истмат времен брежневского развитого социализма умер, оставив после себя два аморфных течения: компенсаторный русский национализм и рыночную модернизацию. Как бы содержательно ни различались эти идеологии, все они привязаны к символическому образу Запада как фокусу или средоточию ценностных представлений о желаемом общественном состоянии, своего рода утопии модерности и благополучия.

Исходная схема этой концепции изложена в старой статье «К проблеме негативной идентификации», давшей название всему сборнику¹. Ее главный тезис: в закрытом и репрессивном обществе *артикуляция собственных достоинств* и качеств возможна только через *амбивалентный* образ Другого, притягательный, сверхценный и пугающий, отталкивающий. «Мы»

оформляется как антитеза к «ним», как переворачивание ценностных характеристик Других. В русской истории мысли таким Другим был образ Европы или Запада, источник представлений о желаемом будущем, но и травмирующий из-за того, что «мы» никогда не сможем стать такими, как «они». Другой в этой конструкции принципиально амбивалентен, что, собственно, и позволяет оперировать с ним. Если буржуазный или капиталистический богатый и цивилизованный Запад — это холодные, расчетливые, меркантильные, эгоистические люди, то «мы», «русские» («Россия»), хотя бедные и отсталые, но мы теплые, душевные, общинно-коллективистские, духовные, идеалистические, добрые, совестливые и т.п. Без апелляции к Западу собственные добродетели и достоинства не могут быть обозначены².

Подчеркну специфику именно *негативной идентичности*, ее отличие от других форм идентификации. Целый ряд форм социальной идентичности не предполагают в качестве условий своей артикуляции отрицательные образы Других. Позитивная идентичность может опираться как на *аскриптивные* значения «себя», «своих» (например, характеристики сословной, корпоративной, религиозной, гендерной, возрастной, территориальной, расовой и т.п. принадлежности), так и на *достижительские* значения — профессиональные, в особенности элитные (в науке, искусстве, бизнесе, спорте, моде и т.п.). Структуры позитивной идентичности являются маркирующими для современного общества и все более значимыми.

Негативная идентичность чаще встречается в сферах, которые обозначены как традиционные, консервативные, архаические, неразвивающиеся, в первую очередь в области этнонациональной идентификации (ср. характерные напряжения коллективного самоопределения между немцами и французами в XIX—XX вв., между турками и греками, армянами и азербайджанцами, исламскими и западными странами, антисемитизм в Европе и т.п.), в антизападных или антилиберальных, антимодернизационных идеологиях и соответствующих им политических режимах. Структуры негативной идентичности в ходе социологического анализа могут рассматриваться как симпто-

¹ Мониторинг общественного мнения. 2000. № 5. С. 35–44 (перепечатана в кн.: Гудков Л. Негативная идентичность. М.: НЛО, 2004).

² Вместе с тем на вопрос: «Как вы думаете, где выше цена человеческой жизни, полнее реализуется право на жизнь — в России или в странах Запада?» — 68% ответили, что в «в странах Запада», 13%, что «в России» и 19% затруднились ответить (апрель 2007 г., N = 1600).

матика сильнейших ценностно-нормативных напряжений и конфликтов, вызванных сопротивлением определенных влиятельных сил процессам модернизации — авторитарных или тоталитарных, мафиозных или деспотических, диктаторских режимов. Отсутствие достижений в слаборазвитых обществах с сильным влиянием государственного патернализма в таких случаях может и должно порождать компенсаторные мифы, антилиберальные идеологии и специфические коллективные идентичности.

«Запад» в этой системе представлений — это не действительность реальных европейских стран, а внутренний образ, без которого невозможно конституирование собственной тотальной коллективной идентичности. Предметная (не функциональная!) неопределенность, размытость образов Запада симметрична интенциям власти, ее образам тотальности, целостности, что позволяет переворачивать причинно-следственные отношения событий и их объяснений. Без зеркала — виртуального Запада — русское национальное самосознание не может быть выраженным в силу отсутствия достижений, значимых в важнейших для самоуважения общества аспектах. Не случайно описание респондентами этнонациональных черт русских (как общности) начинается с характеристики «мы простые», «открытые», «терпеливые», «миролюбивые», «готовые прийти на помощь» и т.п.¹ В описаниях же самих себя респонденты склонны выделять и подчеркивать как раз «достижительские», активистские, «современные» черты и характеристики, уподобляя себя воображаемому образу западного человека².

Подчеркну, что эти характеристики имеют мало общего с фактическими нормами и реальными формами поведения основной массы населения, как это обнаруживается, когда приходится принимать во внимание статистику девиантного поведения, аномии, крайне низкий уровень межличностного и институционального доверия, огромный потенциал

бытовой агрессии и насилия, а также современную премиальную художественную литературу, тематизирующую подобные напряжения и конфликты³.

Антиподом Западу (сообществу самых развитых и богатых, успешных стран в мире) оказывается аморфное социальное «мы», репрезентируемое патерналистским государством, убеждающее население в своей «неустанной отеческой заботе» о его благополучии и безопасности. Идеологическим клакером такого государства всегда будет «патриотически» настроенная «интеллигенция», призывающая преодолеть «наше ослепление перед Западом» (К. Аксаков)⁴, бороться с проявлениями «низкопоклонства перед Западом» (1948–1953), с влиянием буржуазной идеологии (1972–1984), требующая усилить борьбу с «иноагентами» (2012) и «нежелательными организациями», отдать все силы для победы в «войне с коллективным Западом» (2023) и т.п.

Такова матрица или конституирующий миф, ядро политической культуры российского общества, его центральная смысловая схема⁵.

Смысловая, идеологическая связь *повседневности* с историческим *мифом* Запада, оправдывающая сегодня политическую конструкцию режима, слабеет и почти исчезает, но остается, как это всегда бывает в ходе исторических изменений, сама «пустая форма» — *структура идентификации от противного*. Это не рудимент прежних идеологических конструкций, а порождающая матрица социальных отношений, обязанная своим существованием институциональной системе авторитарного и тоталитарного государства.

Травма или комплекс неполноценности требует переработки — рационализации (в психоаналитическом смысле), вытеснения и переноса негатива на Другого, лишения его достоинств

¹ Гудков Л. Феномен простоты: О национальном самосознании русских // Человек. 1991. № 1; Гудков Л., Дубин Б. Понятие литературы у Тьнянова и идеология литературы в России // Тьняновский сборник. Вторые Тьняновские чтения. Рига, 1986; Гудков Л. Интеллигенция: ушедшее понятие // Russian Journal of Communication, Special issue / ed. by Dmitri Shalin. Vol. 10. No. 2–3. 2018. = Gudkov L.D. *Intelligentsia — the vanishing phenomenon and its aftermath* // Russian Intelligentsia at the Crossroads. = Russian Intelligentsia in the Age of Counterperestroika: Political Agendas, Rhetorical Strategies, Personal Choices. Routledge, 2021.

² Советский простой человек. М.: Мировой океан, 1993. С. 130–151.

³ См., напр., романы В. Сорокина, М. Елизарова, Р. Сенчина, А. Кабакова и множества других писателей, описывающих процессы морального распада постсоветского общества.

⁴ Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика. М., 1981. С. 30.

⁵ Временными характеристиками этой конструкции будут: 1) представление о молодости «мы», о полноте сил, свежести чувств, об уверенности в будущем (при позитивном представлении о Западе как старой и умудренной, но дряхлеющей цивилизации, утрачивающей свои христианские ценности); 2) представление о зрелости, взрослости России, ее самодостаточности при традиционалистской трактовке описываемой оппозиции. Соответственно в первом случае время развернуто в утопию будущего с верой во всеобщий прогресс и универсализм модерности, в другом — время статично, оно повторение того, что было вчера, будущее отсутствует, общество «устало» от кризисов и реформ.

или даже обращения достоинств в пороки. В массовом сознании возможность развития может представляться только как ориентация на развитые страны, которые представляют собой идеал современности, цивилизованности, культуры и процветания, но также и как эталон экономической и военной мощи. Сама идея ускоренного (догоняющего) развития содержит противоречивое представление об отсталости и неразвитости страны, и в то же время о каких-то средствах (политических, насильственных или просветительских, воспитательных) достижения сопоставимого с Западом уровня цивилизации. Как реакция на лозунги «модернизации» и «вестернизации» формируется консервативное идеологическое противотечение, стремящееся противопоставить Западу собственные «ценности», «достоинства», «духовность» и прочие «нематериальные» отношения как необходимое условие сохранения «стабильности» государства. Тем самым Запад превращается не просто в ориентир модернизационной политики верхов («догнать и перегнать»), но и в критерий оценки собственных национальных достижений, сама мысль о возможности которых (критической оценки) подрывает традиционалистские основы легитимности суверенной власти. Выходом из этой внутренней дилеммы власти оказывается перекодирование образа Запада — снижение значений развитости экономики, благосостояния и современности и, напротив, повышение значений враждебности, угрозы, акцентирование качеств «анти-мы», что объясняет «необходимость» политики государственной безопасности, милитаризации, создания собственного сверхоружия (гиперзвукового, суперсовременного, такого, какого нет ни у кого в мире, как об этом заявляет В. Путин). Корреляция между милитаризмом, усилением роли специальной политической полиции, репрессий и защитой мнимых «традиционных ценностей» (включая идеологию великодержавности) в этом случае совершенно очевидна.

Бессознательная реакция общества на такую политику властей противоречива. С одной стороны, ценностные ориентации населения, интересы повседневного потребления определены влиянием образов идеализированной жизни в «нормальных странах», воспринимаемых через массовую культуру, СМИ, рекламу, моду, туризм. С другой стороны, страх утратить идентичность (осознания себя подданными великой державы, государственных людей) парализует любое сопротивление правящему режиму.

Но для меня в данном случае важно не рассмотрение функции Запада в контексте содержательного состава русской/российской общественно-политической культуры, а последствия спуска этого культурного механизма или паттерна идентификации в другие слои или на другие уровни повседневного массового сознания. «Негативная идентичность» как структура самоопределения (вначале — самоопределения российской элиты по отношению к воображаемой Европе) с течением времени, по мере формирования «общества» в рамках централизованной вертикали тотальной власти, распространяется на другие сферы социальных отношений, становясь принципом взаимодействия обывателей с государством, администрацией, а затем обычных людей между собой. Этот формообразующий модуль социальных отношений заменяет механизмы морали, гражданской солидарности и, будучи их суррогатами, вытесняет структуры позитивной коллективной идентичности. Его можно обнаружить в негативной селекции в кадровой политике режима, в прагматике идеологии и пропаганде и других сферах, где власть старается найти эквиваленты символической гратификации и обеспечения лояльности. Относительная устойчивость (инертность) режимов, подобных путинскому, объясняется тем, что негативная идентичность блокирует, вытесняет и замещает собой возможности культивирования человеческих отношений и самих человеческих «чувств» (как потенциал субъективной автономии, функциональной дифференциации и, соответственно, развития).

4. Норма, большинство и меньшинство в опросах общественного мнения

Представление о «нормальности» (нормативности) социального порядка в разных дисциплинах может очень различаться, а потому в общем неспециализированном употреблении остается весьма неоднозначным. Предельными трактовками являются два понятия нормы: статистическое (норма — то, что описывает количественные свойства «типа», поведения «большинства объектов» или проявление большей части их дефинитивных признаков и «типичных» характеристик), социологическое (норма — это то, что связано с социальной регуляцией поведения, т.е. с механизмами социального контроля, управления поведением, идентификацией и вознаграждением).

В социологии общественного мнения в качестве основного приема интерпретации коли-

чественных исследований, массовых репрезентативных опросов соединяются оба подхода. Базовое предположение, на котором строятся любые интерпретации полученных распределений, состоит в том, что за наиболее выраженными мнениями стоят социальные механизмы (апеллятивные структуры) коллективного формирования мнений и представлений, к которым присоединяются люди. Это может быть концепция «спирали молчания» или «антропофизация власти» либо какая-то другая версия разнообразного гипостазирования коллективных представлений. Методологически важно учитывать природу этой производной материи, дабы не впасть в искушение безапелляционной интерпретации¹.

Чтобы дать некоторое представление о том, что такое «норма» в социологических исследованиях коллективного сознания, приведу пример распределения ответов на такой вопрос: «Если говорить об образе жизни вашей семьи, какие цели вы, члены вашей семьи ставите перед собой? Какое из высказываний вам ближе всего?». Этот вопрос задавался на протяжении 25 лет (с 1998 г.), всего получено 22 замера (общее число опрошенных — свыше 32 тыс. респондентов).

Наиболее часто отмеченным было: «Жить не хуже, чем большинство семей в вашем городе, районе». В среднем за указанный период его выбирали 56% опрошенных; 20% отмечали: «Жить лучше, чем большинство семей в вашем городе, районе»; 16% — «Выжить, пусть на самом примитивном уровне существования»; 6% — «Жить так, как живет средняя семья в Западной Европе, США» (или даже «Жить лучше, чем живет средняя семья в Западной Европе, США» — 2%). Колебания между отдельными замерами в основной массе ответов были существенно меньшими, чем в тех группах респондентов, которые давали полярные ответы: в благополучные годы усиливалась значимость ориентации на более высокие образцы жизни, чем уровень жизни самих респондентов (это еще не мотивации реального действия!), в кризисные годы тренд был противоположным (размах колебаний в подгруппе «выжить» составлял от 5 до 21%)².

¹ Обычное приведение социально-демографических характеристик опрошенных с такими-то и такими-то мнениями имплицитно предполагает функциональную значимость и взаимосвязь социального положения респондента и смысла высказывания, но редко разворачивается социологами до рационального обоснования.

² Примерно такую же картину мнений мы можем видеть в распределении статусных самооценок россиян («К какому слою вы себя относите?») или в их политических установках, этнических стереоти-

Преобладающая ориентация на образец «как у всех» представляет собой характерную особенность стагнирующего общества, механизм простого воспроизводства.

Можно выдвигать разные гипотезы и предположения, почему основная масса людей руководствуется такими критериями своей жизни — «как у всех». Здесь и трезвое или смиренное сознание ограниченности своих ресурсов и средств для достижения более высокого уровня жизни, и слабость мотивации, пассивность, апатия и нежелание выделяться, и готовность довольствоваться «обычным» набором благ и символов потребления, присущая консервативным обществам или обществам с принудительным рационированием, плановой дефицитарной экономикой соцстран и проч. Такой тип сознания означает склонность к самоизоляции от внешнего мира, возбуждающего комплекс нежелательных переживаний (зависти, своей неполноценности), ориентацию на замкнутый мир «своих». Спонтанное самоограничение в выборе критериев самооценки может мотивироваться страхом выпасть из этого относительно комфортного состояния безальтернативности, т. е. страхом утраты идентификации со «своими, такими же, как я». Но так или иначе, эта норма — черта недостижительской, неиндивидуалистической культуры неразвивающегося общества и человека антропологического типа, который описан в работах по проекту «Советский простой человек»³.

Двадцать процентов россиян могут характеризовать себя или свои установки как дистанцирующихся от этой нормы, будучи внутренне

пах и предубеждениях и в других сферах. См.: Косова Л. Общество ненакопления // Вестник общественного мнения. 2009. № 1. С. 56–64; Гудков Л. Парадоксы социальной структуры в России // Вестник общественного мнения. 2016. № 1–2. С. 95–125; Ср.: «Распределение мнений среди сторонников трех [ведущих] партий практически идентично, в то время как в среде опрошенных, кто не стал бы участвовать в выборах в Госдуму, доминирует мнение, согласно которому «жить нормально — это жить лучше большинства окружающих» (58% против 38%). Получается, что условные «конформисты», для которых норма общественной жизни — это ориентация на жизнь большинства окружающих, охотнее декларировали свое участие в возможных выборах, чем условные «нонконформисты», желающие «жить лучше окружающих». Большая часть из них декларативно отказалась бы от участия в выборах». — Пилия К. Представления о «нормальной жизни» // Пресс-выпуск «Левада-центра» от 17 января 2020 г. URL: <https://www.levada.ru/2020/01/17/zhit-normalno>.

³ Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х. М.: Мировой океан, 1993. Левада Ю. Ищем человека. М.: Новое издательство, 2006; Он же. «Человек советский»: 1989–2003 гг. Размышления о «большинстве» и «меньшинстве» // Вестник общественного мнения. 2004. № 5 (73). С. 9–18.

связанными с ней, зависимыми от нее (идентификация от противного).

И лишь 8% ориентируются на другие, более высокие стандарты потребления и образы жизни, чем основная масса. Подчеркну, что речь идет об ориентациях, о механизмах идентификации, а не о мотивации реального действия.

Указание на нормативный характер массовых образов и представлений означает, что поддержание их смысловой значимости (силы принуждения) обеспечивается групповыми или институциональными санкциями, поощряющими либо согласие с «мнениями», их принятие и одобрение, либо негативное отношение к тем, кто их не принимает или ставит под сомнение. Значимость «нормы» подтверждается характером предполагаемых и ожидаемых санкций. Последние могут быть как позитивными — гратификацией, вознаграждениями за правильное поведение, за согласие с большинством, признанием субъекта высказывания и действия «своим», «нормальным» и «порядочным», заслуживающим доверия и т.п., так и негативными — формальным и неформальным осуждением, исключением из круга общения «своих» или из всего сообщества, клеймением его как «ненормального», «асоциального», «преступного», подлежащего штрафу или уголовному наказанию.

Норма без санкций не может артикулироваться, поддерживаться и воспроизводиться и, соответственно, быть частью общей системы социального контроля и базирующегося на нем институционального порядка. В противном случае она из социального императива (предписания и запрета) превращается в моральную рекомендацию, идею, лозунг или общее место, которое все знают, но не принимают во внимание в своем поведении. Степень жесткости санкций может варьироваться в широком диапазоне — от признания индивидов членами сообщества, социально близкими, в более генерализованном виде — «людьми», до стигматизации в качестве неприятных субъектов, «маргиналов», провокаторов, преступников, «чужих», инакомыслящих, «иноагентов», в пределе «врагов», «пятой колонны», «нацистов», «нелюдей», угрожающих целостности общества или коллективной идентичности (пример — случаи с Pussy Riot, Навальным или с гражданами, обвиняемыми в распространении «фейков» о СВО).

Каждое высказывание такого рода («мнение») предполагает имплицитные основания

для сравнения сложившегося положения вещей с подразумеваемым порядком «должного», «желательного», «допустимого», «возможного» (а значит, с регулятивной идеей санкций). В мотивацию коммуникативного действия включены и содержательная структура идентичности, и сами механизмы идентификации, в том числе массовые надежды, иллюзии, разделение «действительности» на сферы собственных возможностей действия (и ответственности) и сферы зависимости от внешних сил, в первую очередь от социальных институтов. Поэтому, например, фиксируемые в опросах «оптимизм», «уверенность в будущем» и подобные, позитивно окрашенные ответы включают не только собственные планы (действия) респондентов на (обозримое) будущее, рациональную калькуляцию своих средств и ресурсов, но и утопические компоненты, патерналистские установки по отношению к власти как силы, устанавливающей социальный порядок, доверие к ней и окружающим и прочее, а также, в случае негативного тренда, (возможно) трезвое понимание несоответствия своих ожиданий действительности¹.

Эмпирические данные свидетельствуют, что высказываемые мнения, включая оценки эмоциональных состояний, могут отражать как действие механизмов сохранения и воспроизводства представлений о реальности (т.е. о социальном порядке, оцениваемом позитивно или негативно) — страха, апатии, депрессии, ressentимента, так и механизмов коллективного возбуждения, энтузиазма, паники и т.п. или их смены и чередования. Ответы респондентов всегда находятся в горизонте социально определенного времени или в системе соотношения групповых определений настоящего и прошлого, перспектив существования в ближайшем или отдаленном будущем своей группы или в соотношении со всем общественным целым.

Чисто теоретически здесь важно учитывать двойственность этих порядков представлений, в соединении которых происходит перманентное осмысление людьми себя и окружающих, сложившегося положения дел и возможных изменений (к лучшему или к худшему).

¹ Примером такого сочетания желаемого и действительного положения вещей могут служить распределения ответов на вопросы: «Сколько денег вам нужно для того, чтобы жить, по вашим представлениям, нормально?» и «Каков душевой доход в вашей семье?». В среднем основная масса респондентов полагала, что «нормальный для жизни доход» в 2,5 раза должен превышать имеющийся доход. — Гудков Л. Бедность и зависть: негативный фон переходного общества // Гудков Л. Абортивная модернизация. М.: РОССПЭН, 2011. С. 71–117.

С логической точки зрения такое систематическое соотнесение двух или более семантических планов представляет собой *смыслопорождающее образование*, то, что мы называем метафорой, в котором один смысловой компонент будет выполнять функцию ценностного императива, методически направляющего интересы субъекта высказывания, а другой («предметный») компонент — функцию признания фактического положения вещей, соотносимого с обозначенными или предполагаемыми ценностями, желаниями и страхами¹. Оба компонента производят оценку или диагностику потенциального действия (включая отказ от него), необходимых ресурсов, целей и доступных средств, позволяя респонденту рационализировать свое положение в новом мыслительном пространстве.

Именно эти основания социальных механизмов, в особенности модальные переключатели этих планов действия — нормативного и ценностного — «логические шарниры», по выражению Х. Файхингера, определяющие, что может считаться реальным, достижимым, желаемым, утопичным, угрожающим, своим, важным, неважным и в какой степени и т.п., представляют главный интерес для социолога².

¹ Гудков Л. Метафора и рациональность в перспективе социальной эпистемологии. М., 1994.

² Неспособность исследователя различать такие модальные планы приводит к ложным заключениям, неверным (ловбовым, буквальным) интерпретациям получаемых данных. Я не беру в расчет случаи сознательной демагогии или политтехнологического, пропагандистского манипулирования данными, как это имеет место в практике обслуживающих Кремль опросных контор, ВЦИОМа или ФОМа. Вопросы, регулярно задаваемые кремлевскими службами, вроде «Вы счастливы или нет?», сами по себе не имеют социологического смысла и пригодны лишь для пропагандистских манипуляций. См., например, пресс-выпуск ВЦИОМа от 22.04.2022: «Индекс счастья. За последние 30 лет Индекс счастья вырос в 11 раз, а доля счастливых людей увеличилась вдвое» — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/indeks-schastja>. То, что показатели удовлетворенности, индексы потребительских настроений выросли в последние месяцы, не вызывает сомнения, но суть проблемы в их интерпретации. Получаемые ответы трактуются в духе либо всеобщего довольства, романтически-гедонистического понятия индивидуального счастья, эйфории непосредственного существования, приписываемых основной массе населения или распространяемых на него (поскольку положительные ответы на такого рода вопросы дают 60–70–80% опрошенных). Одновременно полагается, что «счастье» испытывают именно те, кто оказался под благодетельным правлением «нашего дракона» (по Е. Шварцу). Но их можно (если надо) интерпретировать совершенно по-другому, например, как утверждения: «я — не неудачник!», «у меня все не хуже, чем у других». В самых ранних наших опросах (1989–1992 гг.), когда мы только обкатывали различные варианты и типы тестовых вопросов, наиболее «счастливой» оказалась Туркмения — беднейшая из советских республик, где установился самый жестокий и мрачный на постсоветском пространстве режим Тур-

Пренебрежение этими обстоятельствами или неумение видеть, учитывать или анализировать их — симптом непрофессионализма или низкой квалификации исследователей. Социологу необязательно всякий раз требовать методологической экспликации этих латентных структур, но держать их в уме необходимо.

В нынешних условиях — подавления государством социального и культурного разнообразия, стерилизации функциональных элит, дискредитации науки и авторитета научного знания, подмены его политическим принуждением — воспроизводится и сохраняется одномерность масс-коммуникативного (или сетевого) общества, устанавливаются жесткие стандарты понимания действительности. Результаты социологических опросов понимаются плоско и вульгарно, без подключения аппарата социологической интерпретации.

Повторю еще раз: «ангажированность» понимания данных оказывается схожей что у властей, что у тех, кто называет себя оппози-

---

кменбаши, державшего своих поданных в состоянии голода и страха, а наименее счастливой была самая развитая из республик бывшего СССР — Эстония, с высоким уровнем потребления и потенциалом национальной и гражданской солидарности (что подтвердилось ее скорым выходом из СССР и восстановлением государственного суверенитета).

Нечто похожее можно наблюдать и в Чечне, где уровень «счастья» и «удовлетворенности» зашкаливает, несмотря на очень высокий уровень безработицы, террора и т.п. Примерно так же выглядят данные аналогичных опросов в Европе, где психологические напряжения сильнее проявляются в среде с прогрессирующей социальной дифференциацией, порождающей современную личность достижительского типа, неуверенную в себе, испытывающую давление разнообразных ценностных интересов и групповых императивов. И, напротив, уровень удовлетворенности выше в странах с остаточным традиционализмом, низким уровнем благосостояния и культурным консерватизмом.

Пример такой примитивизации — пошлая антиномия «телевизор против холодильника», основывающаяся на вульгарном понимании антропологии человека, сведения социальной сущности человека к экономической рациональности и характеру потребления. Примитивное прочтение данных социологических опросов всегда будет свидетельствовать о наличии признаков идеологической демагогии, под какими знаменами она бы ни выступала. Нет большой разницы в установках манипуляторов из ВЦИОМа и во множестве публичных интеллектуалов, полу- или четвертьсоциологов, требующих запретить проведение социологических исследований во время военных действий, дилетантов, опровергающих надежность опросных данных в условиях авторитарных режимов или глубокомысленно рассуждающих о том, завышены ли рейтинги или нет. Это же относится и к публицистам, отчасти и к социологам, настроенным против войны с Украиной и антипутински. Их усилия сосредоточены на задаче доказать, что «не все» россияне поддерживают СВО, что доля противников войны гораздо больше, чем это кажется из опросов общественного мнения, включая и опросы «Левада-центра», что она растет и т.п. Идеологические установки здесь работают как критерии интерпретации.

цией. Говорю это не для того, чтобы кого-то задеть, а чтобы указать на общие принципы мышления: ментальную основу российского общества образует одномерность или антропологическая примитивность (вульгарность тотального видения реальности). Сочетание идеологического контроля и репрессивной политики государства порождает практики ориентирующегося на нее сообщества соцсетей, фейсбучных пикейных жилетов, присваивающих себе достоинства интеллектуальной элиты. Неважно, одобряют или осуждают они политику В. Путина, важно, что именно она становится для них источником коллективных переживаний. В итоге склонность к упрощению, примитивизация мышления передаются с нижних уровней общественного сознания на верхние, в группы образованных, обладающих на первый взгляд большими социальными и культурными ресурсами. Стиль мышления здесь важнее, чем идеологические разногласия¹.

Готовность использовать язык социальных эмоций или настроений для фиксации динамики и структуры общественных настроений (и стоящих за ними социальных процессов) проявилась очень рано в работе сотрудников Ю. Левады. Но для практической работы с ним требовалось научиться разводить понятия острых ситуативных реакций населения на происходящее (возбуждения, энтузиазма, возмущения, ненависти) и хронических, стационарных переживаний (оптимизма, фобий, тревоги, апатии и проч.), обусловленных рамками и идеологическими «сюжетами» институциональной системы (верой в демократию, а затем ее кризисом, восстановлением государственного патернализма, фобиями мировой войны и угрозы, исходящей от Запада, реанимацией целых пластов политической культуры закрытого общества советского времени)². Такой ход означал, что любые, в том

¹ Стиль мышления — это выражение взаимосвязи или обоснования целей и средств социального действия, включая политику, религию, мораль и проч. «Под стилем в данном случае (применительно к политическому периоду, политической деятельности) можно понимать, прежде всего, характерные способы связи целевых установок и используемых для их реализации средств, критериев оценки тех и других». — Левада Ю. Ищем человека. С. 172–173.

² См. публикации анализа соответствующих опросов в журнале первого ВЦИОМа: Голов А. Постоянные страхи россиян // Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. 1995. № 3; Гудков Л. Страх как рамка понимания происходящего. Там же. 1999. № 6 (перепечатано в: Гудков Л. Негативная идентичность. С. 59–82); Левада Ю. Проблема эмоционального баланса общества.

числе «спонтанные», реакции людей и настроения в обществе могут рассматриваться только как обусловленные состоянием институциональной системы и ресурсами составляющих ее социальных групп.

Как вариант такого решения методической задачи, Ю. Левада ввел понятия «стимуляторов» и «ингибиторов» социальных эмоций, позволяющих переводить острые реакции (коллективных страхов, возмущений) в хронические состояния, институционально поддерживаемые. Последнее производится путем их идеологической разгрузки, проработки средствами пропаганды («объяснения» причин тех или иных событий, указания на временные характеристики обещанных благ или угроз, снятия ответственности с населения или властей и т.п.) и вытеснение их на периферию массового сознания. Действуя таким образом, институциональная система добивается пассивного подчинения людей и подавления активного сопротивления политике государства³.

5. Динамика массовых настроений

Начну с самого простого вопроса — о настроении опрашиваемого в данный момент. Он кажется «несуразным», «ни о чем» или «сниженным» в сравнении его с вопросами об отношении к власти, рейтингам, электоральными опросами. Обычно именно к таким темам сводится социология у журналистов или депутатов. Но если спрашивать о настроении людей 30 лет подряд, то ответы дают нам что-то вроде кардиограммы или сейсмограммы эмоционального тонуса общества. В свернутом виде они будут отражать массовые переживания своего существования, установки по отношению к будущему, внутренние напряжения, волны коллективного возбуждения, надежд или спада, депрессии, астении. С учетом происходящих событий это позволяет понимать определяющие их факторы⁴.

Первое, что необходимо отметить при анализе этих данных, — чрезвычайная устой-

Там же. 2000. № 2 (перепечатано в: Левада Ю. От мнений к пониманию. М.: МГШПИ, 2000. С. 359–390).

³ Левада Ю. Проблема эмоционального баланса. С. 387.

⁴ «Левада-центр» задает ряд подобных, как бы бессодержательных вопросов, близких к методике «пропущенных слов», для отслеживания динамики массовых установок и состояний. Назначение этих проективных процедур — в актуализации нормативного фона существования респондента, например, «Как вы считаете, в правильном или неправильном направлении движется страна?», ежемесячно представляемого на сайте «Левада-центра» (URL: <https://www.levada.ru>, раздел «Индикаторы»).

чивость распределения полученных ответов. Крайние позиции («все прекрасно» и «тоска, страх») дают незначительное наполнение, причем показатели аномии (страха, тоски, одиночества) последовательно снижались с 10 до 2–4%. Основная масса ответов сосредоточена в зоне того, что можно считать «нормой», оценкой «нормальности» своего состояния, причем показатели нормы увеличиваются с течением времени. Удовлетворенность жизнью последовательно росла после 2000 г.: сумма позитивных ответов, начиная с 2000–2001 гг., постепенно увеличивалась с 35–40 до 70% в 2012 г. В годы путинского правления эти показатели в среднем превышают 50–60% (рис. 1).

В суммарном виде эти распределение выглядят еще более ясно (рис. 2).

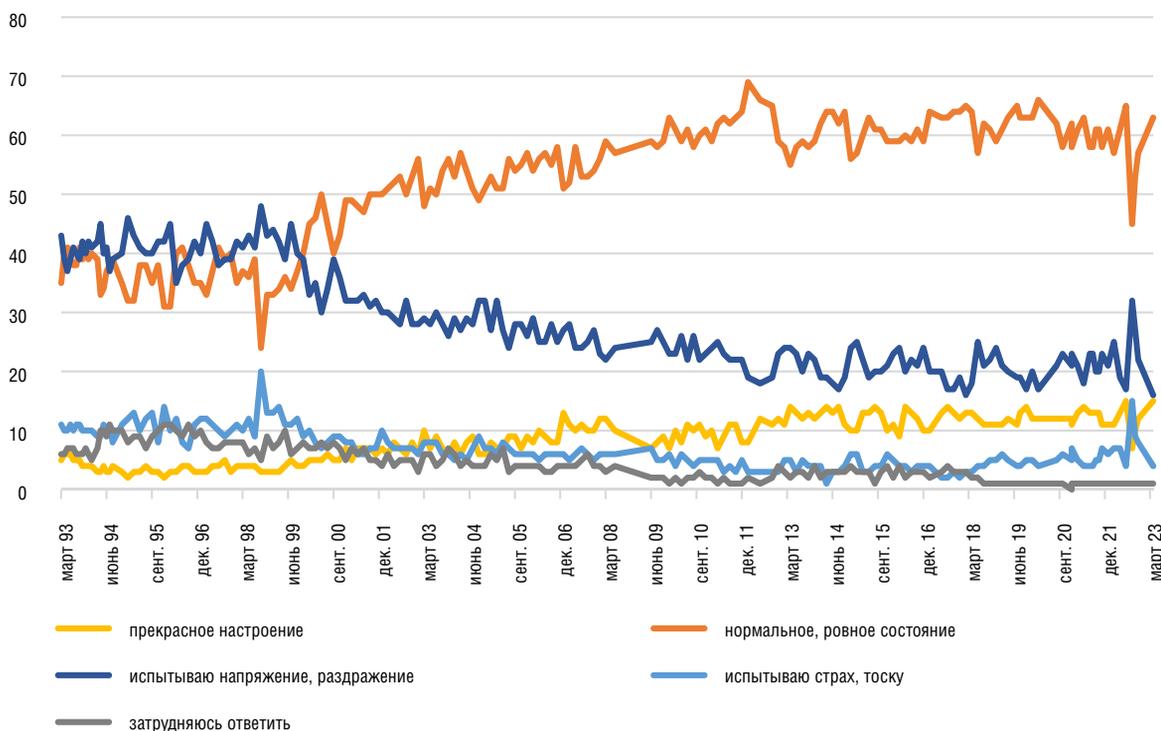
Симптомы напряжения и раздражения, опять-таки начиная с 2000 г., медленно, но постоянно снижались, примерно с 40–45% до 20–25%. Незначительные колебания и всплески напряжения и раздражения возникали в ситуациях

смотреть на динамику настроений в целом, то несомненным выводом следует считать общий тренд «нормализации» самочувствия общества (обобщенные тренды представлены на рис. 2)¹.

Суммарные показатели массовой дезориентированности, фрустрации как индикаторы эрозии нормы или нормативного конфликта, нестабильности социального порядка, преобладающие в 1990-е гг., с установлением авторитарного режима сменились на «стабильность» и «предсказуемость» жизни. Две волны острых негативных переживаний (кризис 1998 г. и война на Украине весной 2022 г.) заметно выбиваются из этого ряда. Однако индикаторы напряжения были не настолько велики, чтобы это недовольство, неудовлетворенность жизнью привели к утрате смысла существования, его обесцениванию. Проявления социальной дезадаптации (напряжение, раздражение), преобладавшие в первое постсоветское десятилетие институциональной и политической турбулентности, постепенно

Рисунок 1

ЧТО БЫ ВЫ МОГЛИ СКАЗАТЬ О СВОЕМ НАСТРОЕНИИ В ПОСЛЕДНИЕ ДНИ?

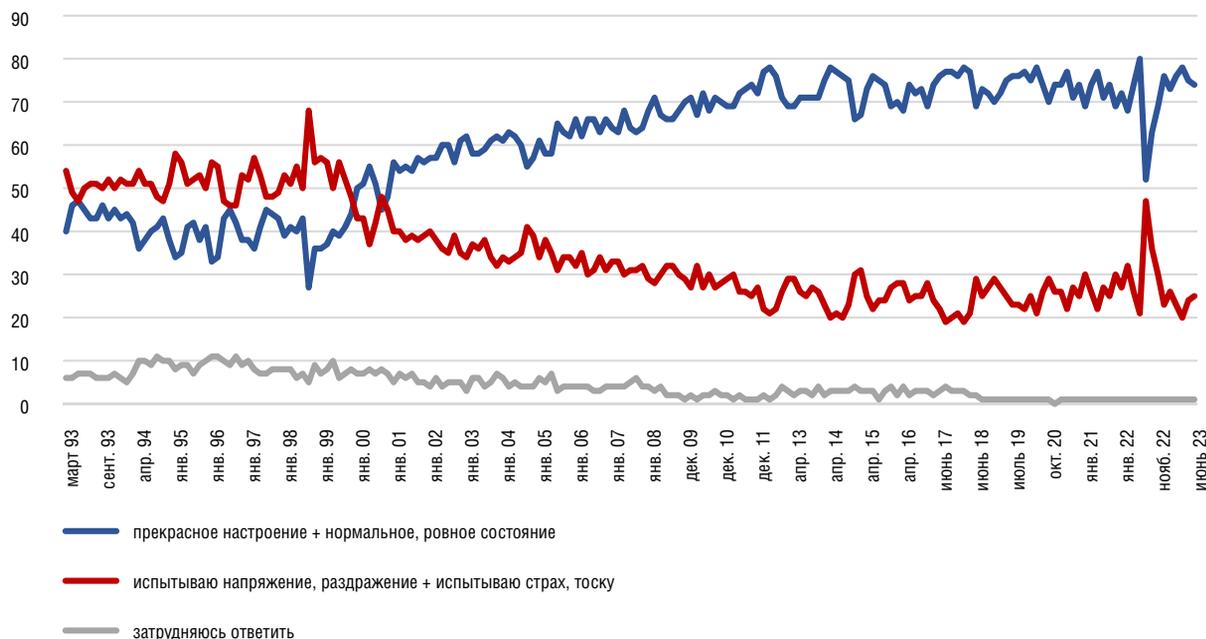

политических конфликтов, резкого обострения конфронтации сторонников и противников правящей партии, экономических кризисов, войн, повышения пенсионного возраста и пандемии ковида (1993, 1994, 1995, 1996, 1998, 2000, 2005, 2014–2015, 2018 и 2020–2021 гг.). Но если

¹ Отметим в этой связи сходство настроений двух фаз: 1999–2003 гг. и 2018–2022 гг. (рис. 1 и 2). Консолидации предшествует состояние кризиса, недовольства, дезориентированности (и другие симптомы аномии). В первом случае — сочетание страха обнищания, дезорганизации и терроризма, во втором — страх перед насилием государства (произвол, репрессии), перед пандемией и большой войной с Западом.

Рисунок 2

ЧТО БЫ ВЫ МОГЛИ СКАЗАТЬ О СВОЕМ НАСТРОЕНИИ В ПОСЛЕДНИЕ ДНИ?

слабели и снижались вплоть до массовых протестов 2011–2012 гг.¹

Снижение напряженности связано с двумя факторами: ростом доходов населения и примитивизацией массового сознания под действием все более заметного тотального идеологического и социального контроля государства. Иллюзорные надежды времен перестройки сменились готовностью приспособиться к сложившемуся положению дел, к реальности, которую невозможно изменить. Речь не просто об отсутствии уверенности в ближайшем будущем, но и о хроническом сознании, что впереди могут быть только неприятности и беды. Какого рода эти беды, люди затрудняются ответить. Но горизонт реальности омрачен ожиданием «тяжелых времен» (рис. 3, приводятся данные лишь за последние 15 лет).

Именно эта негативная установка определяет массовые настроения и структуру собственной и коллективной идентичности. В среднем за 32 года (1991–2023 гг., 82 опроса) соотношение мнений «худшее уже позади» и «нас ждут тяжелые времена» составляет 1:3 (15 и 48% соответственно). Наиболее мрачные ожидания приходятся на 1991 г. — год краха СССР. Доля таких ответов составляла тогда в разные месяцы от 58 до 80%; мнения, что все плохое уже в прошлом, достигали максимума в 2009–2010 гг.,

¹ Конец 2013 г. — низшая точка кривой одобрения и поддержки В. Путина в довоенный период. — URL: <https://www.levada.ru/2023/04/26/odobrenie-institutov-rejtingi-partij-i-politikov-aprel-2023>.

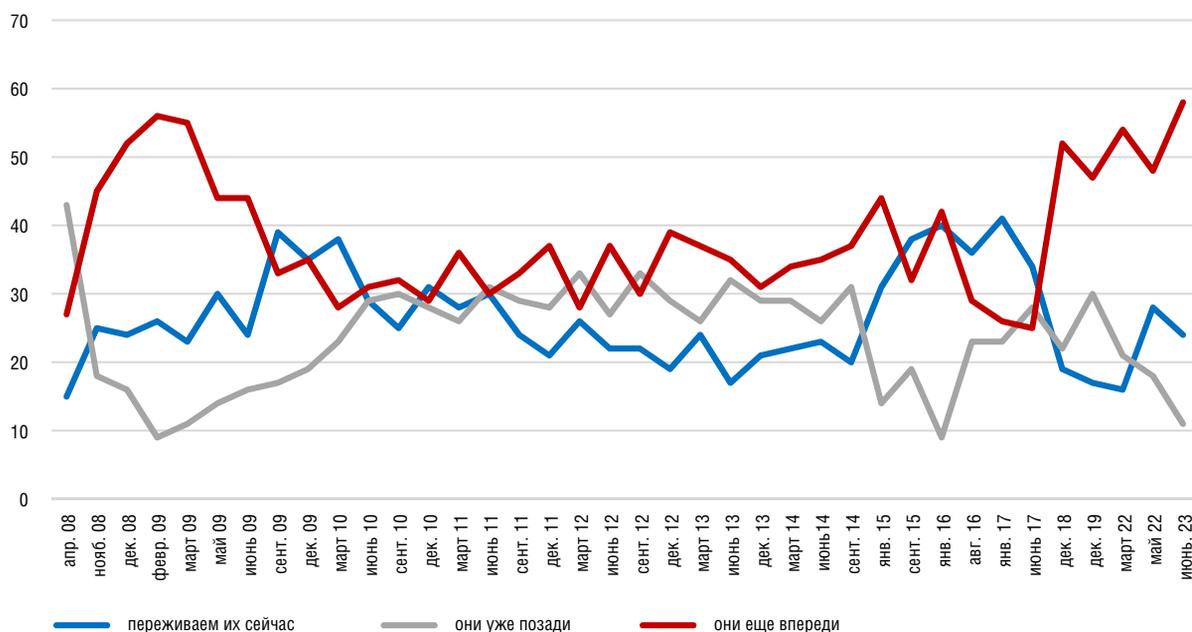
после выхода из кризиса 2008 г. (35–38%), и в 2016–2017 гг., после эйфории от захвата Крыма (40–41%), когда стало ясным, что негативных последствий от западных санкций для обычных людей не будет.

Примечательно, что последний всплеск «уверенности в завтрашнем дне», вызванный войной с Украиной, военно-патриотической риторикой властей и пропагандой, был интенсивным, но очень коротким по времени (с марта по сентябрь). Сентябрьская мобилизация 2022 г. заставила оценивать текущие события уже не с отвлеченной точки зрения властной вертикали или «национальной гордости», а с позиции частного человека и тех проблем, которые возникают у призываемого в действующую армию и его семьи.

Кажется парадоксом, что тренд «успокоения и удовлетворенности» во время путинского правления существенно отличается от динамики ответов об «уверенности в завтрашнем дне» (рис. 4). На протяжении 30 лет социологических опросов у респондентов преобладает состояние неуверенности в ближайшем будущем. Особенно остро оно переживается в 1990-е и первой половине 2000-х гг. С установлением централизованного режима господства (включая имитацию возвращения к советским порядкам) состояние неопределенности слабеет, усиливается вера в «порядок и стабильность» (синдром сильной руки). С 2008–2009 по 2014 г. показатели (уверенности/неуверенности) не-

Рисунок 3

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, МЫ СЕЙЧАС ПЕРЕЖИВАЕМ САМЫЕ ТЯЖЕЛЫЕ ВРЕМЕНА ИЛИ ОНИ УЖЕ ПОЗАДИ, ИЛИ ВПЕРЕДИ?

надолго становятся сопоставимыми, а с 2015 г. показатели неопределенности и тревожности вновь незначительно преобладают. Как уже не раз отмечалось, отсутствие институциональных ресурсов (доверие/влияние только на узкий круг семьи и близких) делает горизонт планирования повседневной жизнью коротким¹.

За весь этот период наблюдений зафиксированы лишь пять коротких моментов превышения кривой «уверенности в будущем» над негативным трендом: война с Грузией (2008), протесты 2011–2012 гг., неустойчивый период 2014–2015 гг. («Крымнаш») и гораздо более значительный всплеск — война на Украине в первой половине 2022 г. В четырех из пяти случаев субъективное сознание благополучия и оптимизма были обусловлены не материальным процветанием, а коллективным возбуждением и государственной патриотической мобилизацией. Главным инструментом приведения общества в такое состояние была антизападная пропаганда — *борьба с внешним врагом*. Свою роль сыграло и устранение оппозиции, оппонентов и критиков власти, *отключение населения от нежелательных каналов информации или взглядов публичных авторитетов*.

¹ Для абсолютного большинства — в пределах нескольких месяцев; в среднем за 1990–2023 гг. 55% отвечали, что «не знают, что с ними будет даже в ближайшие месяцы». Незнание в данном контексте означает опасения чего-то крайне неприятного, ожидание «худшего», от которого выстраиваются жизненные планы и стратегии повседневности.

«Уверенность в завтрашнем дне» (предсказуемость будущего, надежды как минимум на то, что положение индивида и его семьи не ухудшится в обозримое время) может быть гарантирована либо личными усилиями индивида (обеспеченными его *доверием к институтам* как условиям и средствам достижения индивидуальных целей), либо верой в способность патерналистского государства сделать жизнь «лучше» или, по меньшей мере, сделать ее предсказуемой, стабильной и безопасной. Фиксируемая в этом плане «уверенность в будущем» означает не что иное, как возвращение к утраченным в 1990-е гг. представлениям о времени брежневского застоя — жизни маленького человека в великой державе с претензиями на исключительность, чувством высокомерного превосходства над другими народами и странами за счет обладания ядерным оружием².

² Принципиально важно, что такая «уверенность в будущем» никак не связана с политическими представлениями, конкуренцией различных политических партий и выдвигаемых ими программ (а значит, с собственным участием или ответственностью), вообще с целями развития, которые ставит перед страной, обществом «суверенное» руководство. На вопрос: «Есть ли у вас представление, в каком направлении движется наша страна, какие цели преследует ее нынешнее руководство?» (задавшийся в течение 15 лет, 2004–2021 гг.) — в среднем лишь 18% опрошенных отвечали, что есть «довольно ясное представление», остальные — либо «смутное представление», либо вообще нет никакого, либо же твердо заявляли, что руководство пустило все на самотек. (Ежегодник — 2021. М.: Левада-центр, 2022. С. 18. Табл. 2.2.1.)

Другими словами, уничтожение при В. Путине самого института политики (борьбы за власть в рамках легального процесса конкуренции политических партий) никак не отражается на массовой «уверенности в будущем», порождаемой авторитарным режимом. Это не конкретное доверие к определенному политическому курсу с его более или менее ясными целями национального развития, прозрачным распределением бюджета, а общее аморфное упование на власть и что «все должно быть хорошо». При этом одновременно опросы фиксируют принципиально двойственные, не упраздняемые и противоречивые социальные чувства, вызываемые «будущим». На вопрос: «С какими чувствами вы смотрите в собственное будущее?» и парный к нему: «С какими чувствами вы смотрите в будущее России?», задавшиеся в течении девяти лет (2013–2021), мы получаем амбивалентные ответы — в собственное будущее смотрят «спокойно, с уверенностью» в среднем 42%, «с беспокойством, опасениями» — 52%; в будущее России — соответственно 38 и 54%. Подчеркну (что важно для дальнейшего разбора): свои перспективы, связанные с имеющимися у индивида ресурсами, оцениваются немного лучше, чем коллективное существование, выпадающее из зоны частного контроля. Жизненный горизонт *нормативно* определен или обусловлен ожиданиями ухудшения, негативными установками. На вопрос: «Как вы думаете, мы сейчас переживаем самые тяжелые времена или они уже позади, или еще впереди?», задававшийся в период с 1992 по 2022 г., ответы «они еще впереди» в среднем за 30 лет составляли 41% (колебания от 73% в 1992 г. до 25% в 2017 г.), «переживаем их сейчас» — 27% и только 21% верил, что все плохое уже позади (минимум в 1992–1993 гг., максимум оптимизма приходится на фазу протестов 2010–2013 гг. и на предковидный, 2019 г.)¹.

Такая структура распределения социальных аффектов означает консервацию общественных состояний в одних слоях населения и признаки существенной социальной дифференциации в других, более узких слоях — рост социальных групп с накопленными ресурсами, позволяющими членам этих групп более спокойно относиться к будущему.

Начало войны с Украиной отмечено резким ростом уверенности в будущем, снижением неопределенности. Таким образом, мы получаем

¹ Общественное мнение — 2021. М.: Левада-центр, 2022. С. 19. Табл. 2.2.3.

противоречивую картину массовых состояний: настроение «спокойное, нормальное», но уверенности в завтрашнем дне у основной массы населения нет (рис. 4)².

Состояние «нормальности» массовых настроений обусловлено отказом от завышенных ожиданий, успокаивающим отсутствием изменений, снижением страха перед новым или архаизацией общественной жизни, ослаблением требований к человеку достижительской этики. Самые частые ответы респондентов — «приходится вертеться» и «живу, как раньше». Как бы то ни было, но рис. 5 показывает, что единственный растущий тренд — это именно «живу, как раньше», остальные показатели (деадаптированности или понижающейся адаптации, сокращения запросов и аспираций) либо снижаются, либо малозначимы, как и рост доли «успешных» (с 6 до 13%).

Доминанта массовых оценок своей жизненной ситуации сводится к формуле — «жить трудно, но можно терпеть» (в среднем за 1992–2004 гг. — 48,5%, с 2006 по 2023 г. при изменении шкалы и переходе от трехпозиционной к четырем позициям ответа — 40%; табл. 1 и 2). Все это признаки механизмов «понижающей адаптации».

В 2006 г. в этот мониторинговый вопрос добавлена опция «Все в полном порядке», оттянувшая на себя часть ответов «Все не так плохо и можно жить». Но даже с учетом этих методических изменений из табл. 2 видно, что принудительная мобилизация общественного мнения для одобрения поправок в Конституцию в 2020 г. (скачок удовлетворенности с 45% в 2018 г. до 68% в 2020 г.) и война с Украиной в 2022 г. (61–65%) дали максимум позитивных оценок респондентами собственной жизни за все время измерений. Негативные оценки (суммарно) снижались с 54% (2018 г.) до 31% (2020 г.) и 34% (2023 г.).

Таким образом, **относительная рутинизация процесса трансформации или «нормализация» социальной системы наступила лишь через 20–25 лет после перестройки.** Произошла массовая социализация к новому (или старому, но ретанимированному) авторитарно-традициона-

² Редкие всплески уверенности совпадают с военными кампаниями (2008, 2014 и — особенно — 2022 г.), с завершением экономического кризиса (2009 г.) и (может быть) с надеждами в 2011–2012 гг. у депрессивных групп на восстановление «стабильности». Подскок в 2011–2012 гг. кривой «живу, как раньше, ничего не поменялось» допустимо интерпретировать именно как консервативную реакцию на антипутинские протесты этого времени.

Рисунок 4
ЧУВСТВУЕТЕ ЛИ ВЫ УВЕРЕННОСТЬ В ЗАВТРАШНЕМ ДНЕ?

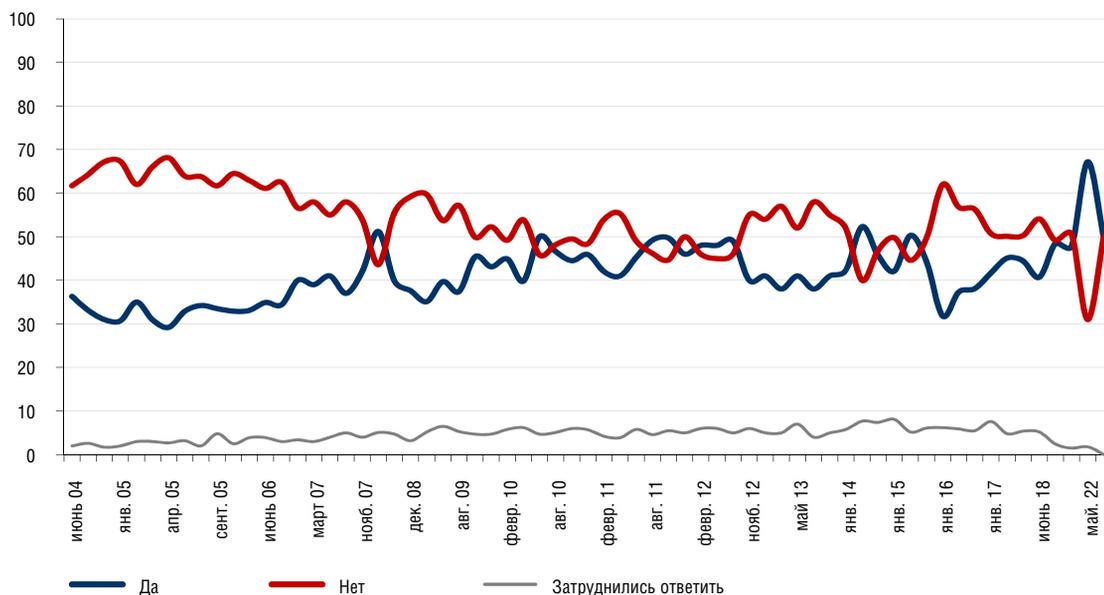
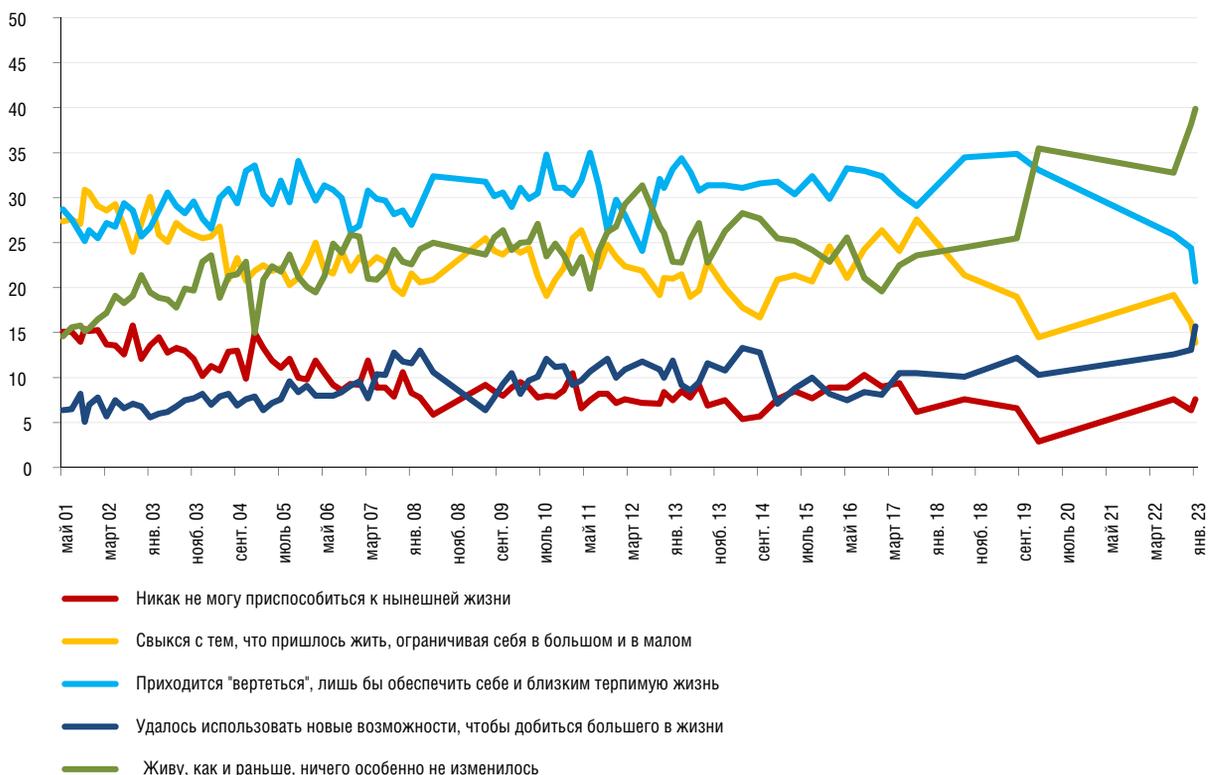

Рисунок 5
ТИПЫ АДАПТАЦИИ

листскому устройству государства и общества. Возврат к антизападной милитаристской политике означал усиление тотального контроля государства над социальными сферами, ненадолго перед тем освободившимися от государства, уничтожение правовых институтов, репрессии по отношению к гражданскому обществу и

независимым СМИ, примитивизацию общества и его социальной структуры¹. Подавление процессов функциональной дифференциации

¹ Поправки в Конституцию 2020 г. закрепили продолжительную социально-политическую инволюцию России, которую многие зарубежные аналитики (А. Умланд, Т. Снайдер и др.) сравнивали с фашизмом, стали законодательной предпосылкой войны с Украиной.

Таблица 1

КАКОЕ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ БОЛЕЕ ВСЕГО СООТВЕТСТВУЕТ ВАШЕЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ, ЖИЗНИ ВАШЕЙ СЕМЬИ?

	VI 1992	II 1993	V 1994	V 1995	V 1996	V 1997	V 1998	V 1999	V 2000	V 2002	V 2004
Все не так плохо и можно жить	5	6	11	11	11	10	10	7	10	20	20
Жить трудно, но можно терпеть	51	52	49	48	45	42	42	40	54	54	56
Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	40	36	34	35	36	40	42	45	29	21	20
Затрудняюсь ответить	4	6	6	6	7	8	6	8	7	5	4
<i>Число опрошенных</i>	<i>1 700</i>	<i>1 650</i>	<i>3 000</i>	<i>2 000</i>	<i>1 600</i>	<i>2 400</i>	<i>2 400</i>	<i>2 400</i>	<i>2 400</i>	<i>2 100</i>	<i>2 100</i>

Жирным шрифтом и здесь и далее выделены значимые отклонения от среднего.

Таблица 2

КАКОЕ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ БОЛЕЕ ВСЕГО СООТВЕТСТВУЕТ ВАШЕЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ, ЖИЗНИ ВАШЕЙ СЕМЬИ?

	X 2006	II 2015	IX 2018	VIII 2019	VIII 2020	IX 2021	V 2022	III 2023
Все в полном порядке	12	12	7	11	25	12	16	18
Все не так плохо и можно жить	40	41	38	40	43	39	45	47
Жить трудно, но можно терпеть	38	40	40	38	26	36	31	28
Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	8	7	14	10	5	12	7	6
Затрудняюсь ответить	1	0	1	1	0	1	1	1
<i>Число опрошенных</i>	<i>3 000</i>	<i>2 000</i>	<i>1 600</i>					

отвечало внутреннему движению массового сознания к самоизоляции и активированию структур негативной идентичности.

Путинский порядок стал привычным и потому понятным. Он принят двумя третями населения, в массе своей политически пассивного, занятого, как и раньше, в первую очередь заботами о физическом выживании и самосохранении. Ушли надежды на перемены у одних категорий населения, наступило привычное состояние покорности и терпения у других; третьим (молодым) этот порядок представлялся единственно возможным и приемлемым, поскольку ничего другого они в своей жизни не знали. Такая картина настроений (рис. 4, табл. 1 и 2) не означает ни полной удовлетворенности населения, ни значительного потенциала для активного протеста. Мы в очередной раз наблюдаем процессы понижающей адаптации к социальным изменениям, которые носят фундаментальный, конституирующий общество характер.

Легкость, с которой «продвинутая» часть населения отказалась от прогрессистских взгля-

дов и демократических или либеральных упований времен перестройки и первых лет реформ, можно объяснить не только вытеснением удручающего сознания своей человеческой ничтожности и несостоятельности, но и возвращением к льющему зеркалу коллективной идентичности — «Великая Россия», в которое люди хотели и хотят смотреться (можно в этой связи вспомнить сводящее с ума «зеркало желаний» из «Гарри Поттера»)¹. Пропаганда здесь играла лишь вспомогательную роль, предлагая людям то, что они хотели слышать, и отсекая все, что возбуждало сомнения и старые комплексы неполноценности, неизбежно ассоциируемые с превосходством Запада. «Нереальность» языка, который использует власть, пропаганда, его несовместимость с языком проблем повседневной жизни населения радикально разделяют сферы политики (особенно внешней) и частной

¹ Потребность в компенсации сознания такого типа ведет к переносу величия на самих себя, утрированной склонности к самоутверждению, к завышенной самооценки у чиновников, у университетской публики, заимствующей готовые «знания» из западных учебников, и у фейсбучной «оппозиции» с ее внутренними склоками и обличениями.

жизни, превращая пропаганду в своего рода театр, зрелище, сюжеты которого известны заранее. Эта сторона власти не принимается во внимание политологами, комментаторами, публицистами, исходящими исключительно из своих представлений о том, как «надо», проецирующими свои интересы на массу. Подобная игра с мнимостями, лукавство и избирательное восприятие самих себя укладываются в сюжеты «негативной идентичности», требующей дисквалификации и опорочивания Другого (готовности массового человека верить в украинских нацистов, захвативших власть, в злобредность США и Запада в целом, но и в потенциальную опасность, исходящую от «большинства людей» в самой России, которым «нельзя верить» и к которым «следует относиться настороженно»). Так именно и действуют механизмы подавления фрустрирующих факторов при оценках собственной жизни («ингибиторов» в терминологии Ю. Левады) и перевода их в позитивные детерминанты восприятия текущей действительности («стимуляторы»).

На различия в настроениях респондентов обычные и понятные детерминанты (возраст, доход) влияют, но не слишком сильно (табл. 3). Более важными факторами оказываются общие представления о власти и ее мотивациях, вектор социально-политического или общественного дрейфа, который аккумулирует в себе свернутые представления о собственных перспективах респондента, его моральное самочувствие, групповые идентичности и другие вещи, которые редко учитывают в обычных рассуждениях комментаторов о состоянии общества.

Возьмем июльский замер 2022 г. и рассмотрим, какие факторы особенно влияют на субъективное восприятие происходящего и самочувствие респондента. Чтобы не загружать читателя обилием цифр, приведу лишь показатели настроений крайних групп (по шкале возраста, оценки политического курса и деятельности президента) (табл. 3).

Разница в самооценках между теми, кто одобряет В. Путина и общее направление его политики, и теми, кто негативно относится к президенту и вектору эволюции страны под влиянием его политики, составляет 18–27 п.п.: это расхождение намного больше, чем по любым другим параметрам (возрасту, доходу, образованию, уровню урбанизации и т.п.).

В этом месте можно сделать первый или предварительный вывод. *Определяющим фактором массовых оценок настроений является состояние институциональной системы.* Ее изменения отражаются в массовом сознании в форме реакции на важнейшие социально-политические события (распад советской системы, тотальный кризис институтов, экономические и политические реформы, войны, anomия, деградация социального положения, дезориентация и утрата идентичности.). Ингибитором негативных состояний в ряде случаев становится пропагандистская мобилизация масс, переключающая сознание с актуальных проблем социальной политики и материального положения семей на внешние угрозы и, соответственно, снимающая ответственность с политиков и государства.

Таблица 3

СОБСТВЕННОЕ НАСТРОЕНИЕ ПОЛЯРНЫХ ПО СВОИМ УСТАНОВКАМ КАТЕГОРИЙ ОПРОШЕННЫХ

	Прекрасное	Нормальное, спокойное	Раздражение, напряжение	Страх, тоска	Сумма позитивных ответов	Сумма негативных ответов
В среднем	15	65	17	4	80	21
18–24 года	21	66	12	1	87	13
65 лет и старше	6	69	19	6	75	25
Дела идут в правильном направлении	16	69	12	2	85	14
Дела в стране идут в неправильном направлении	8	51	33	8	59	41
Одобряют ВВП	16	67	14	3	83	17
Не одобряют ВВП	7	49	35	9	56	44

Июль 2022 г., без затруднившихся ответить.

6. Варианты методики фиксации эмоционального баланса общества

Описание распределения ответов на самые общие вопросы, приведенные выше, дает представления лишь о векторах аффективных состояний общества. Для анализа массовых настроений в ряде случаев более эффективным и оправданным следует считать использование многомерной шкалы чувств и настроений, аналогичных процедуре «семантического дифференциала». Подобные процедуры отключают или ослабляют самоцензуру опрашиваемого, силу «общих мнений», группового контроля над сознанием индивида. Для этих целей обычно используются либо методики *проективных* вопросов, либо многомерный выбор *самооценок* аффективного состояния опрашиваемого (из предложенного набора вариантов ответа).

«Левада-центр» в своих исследованиях, начиная с 1989–1990 гг., использует вопрос, предполагающий проективную оценку чувств окружающих: «*Какие чувства, на ваш взгляд, окрепли в последнее время у окружающих вас людей?*». Позже мы дополняли его аналогичным вопросом о чувствах самого респондента.

Для ответа опрашиваемым предлагается список из 16 чувств, составленный в ходе предварительных пилотажей.

1. Надежда
2. Усталость, безразличие
3. Чувство одиночества, заброшенности
4. Страх
5. Чувство собственного достоинства
6. Обида
7. Растерянность
8. Зависть
9. Отчаяние
10. Уверенность в завтрашнем дне
11. Чувство свободы
12. Чувство несправедливости, обиды за свой народ
13. Чувство ответственности за происходящее
14. Чувство стыда за происходящее
15. Озлобленность, агрессивность
16. Гордость за свой народ
17. Другое
18. Затрудняюсь ответить

Процедура предлагала респонденту набор проективных определений, выбирая которые он описывал состояние окружающей социальной среды и, косвенно, самого себя. В отличие от прямых лобовых вопросов политического рода (или иного щекотливого для репрессивного со-

знания) такой прием снимал слой защитных механизмов и социальных табу, позволяя диагностировать то, что сам респондент либо не мог сформулировать и обосновать, либо не считал нужным открыто выражать в ответах на другие вопросы. Посредством переноса собственных представлений на неких неопределенных и вообразимых Других, но не «дальних» и потому не верифицируемых в принципе, а как бы близких и знакомых, снималась цензурирующая блокировка сознания. Кроме того, сама множественность выбора определений затрудняла конформистский самоконтроль, т.е. попытки соответствовать нормативным представлениям и мнениям предполагаемого большинства.

Сам набор диагностических «чувств», или аффектов, был разработан под определенный круг задач исследования. Как и многие другие методические процедуры, используемые в настоящее время, этот диагностический блок был опробован в рамках проекта «Простой советский человек» (1989 г.)¹. По замыслу авторов, подобная процедура должна дать возможность фиксировать социально-психологические и моральные состояния различных социальных групп, находящихся в ситуации углубляющегося институционального, экономического и человеческого кризиса советской системы. Такой методический прием предназначен для выявления латентных установок населения и, соответственно, диагностики подавленных или еще не полностью проявленных процессов в обществе, предчувствий конца советской системы и распада СССР. Позднее этот же методический прием использовался в исследованиях этнических образов, массовой ксенофобии и антисемитизма². Его результативность вскоре позволила распространить его и на другие сферы социологического анализа общественного подсознания и двоемыслия.

В принципе можно отслеживать и анализировать динамику каждого из этих выделенных 16 индикаторов, но такая работа оказывается малоинформативной, поскольку в итоге мы получаем очень громоздкие и труднообозримые на выходе результаты. Поэтому для анали-

¹ Простой советский человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х. М., 1993.

Конечно, набор определений может быть иным. Его состав зависит от тех проблем, которые хочет решать социолог, что, какие проблемы он хочет диагностировать и какой теоретический аппарат, какие предметные концепции он собирается использовать.

² Gudkov L., Levinson A. Attitudes Toward Jews in the Soviet Union: Public Opinion in Ten Republics. — Working Papers on Contemporary Anti-semitism. N.Y., 1993. 187 p.

за и интерпретации чувств я обычно предлагаю агрегировать полученные данные, разбив ответы на три типа социальных состояний:

1) *позитивного комплекса сохранения идентичности* (удовлетворенность, уверенность, оптимизм);

2) *астенического или депрессивного синдрома* (внутренние неизживаемые конфликты, эрозия идентичности — растерянность, одиночество, усталость, безразличие);

3) *негативного комплекса сохранения идентичности* (*фрустрация, ресентимент, агрессия* — обида, отчаяние, стыд, озлобленность и др.).

Применение этой процедуры в ходе последующих социологических опросов позволило отслеживать как *динамику* массовых настроений и состояний и анализировать социально-демографические характеристики тех категорий опрошенных, которые склонны к выражению подобных аффектов, их типы, так и факторы или детерминанты, определяющие мотивы подобных установок и словесного поведения опрошенных¹.

7. Настроения и чувства окружающих как фон для артикуляции оценок собственных состояний респондентов

Систематическое и продолжительное отслеживание массовых настроений показало хроническое преобладание негативного фона происходящих социальных изменений, обусловленных институциональными трансформациями. Сумма показателей «ресентимент» + «депрессия и астения» составляла (у «других людей») в среднем более двух третей всех ответов (рис. 5). Это значит, что такого рода мнения (общие представления) не просто преобладали в статистическом смысле, но и выражали социальную норму определения действительности

¹ Следует отметить одно обстоятельство, которое надо учитывать в исследованиях динамики массовых настроений и установок: в течение длительного времени семантика отдельных характеристик может существенно меняться, что следует отмечать при анализе полученных данных. Так, например, «чувство гордости за народ» после краха ГКЧП и «великой демократической революции» означало нечто совершенно иное, чем шовинистическая и имперская эйфория, вызванная аннексией Крыма («Крымнаш») и войной с Украиной. Но это важно только лишь при прослеживании отдельных диагностических компонентов (обида, гордость, чувство свободы и др., получающие свое содержание только в определенных исторических ситуациях). При агрегировании характеристик эта проблема или методическая сложность устраняется, поскольку произведенное обобщение позиций в вопроснике фиксирует «пульсацию» социальной функции, а не отдельных семантических элементов.

(отношения к происходящему) на протяжении первого десятилетия (1990-е гг.) постсоветской истории.

С 1990 г. мы наблюдаем пять фаз подъема и спада позитивных чувств (уверенность, свобода, самоутверждение) населения, выраженных с различной силой (рис. 5). Негативные настроения (депрессия, ресентимент) демонстрируют зеркальный тренд по отношению к показателям удовлетворенности. Оба комплекса показателей меняются согласованно, что говорит о влиянии одних и тех же факторов на настроения людей². Сильные социальные чувства, объединяемые общим комплексом ресентимента, выражены более явно и интенсивно, они подавляют пассивный комплекс астении и депрессии.

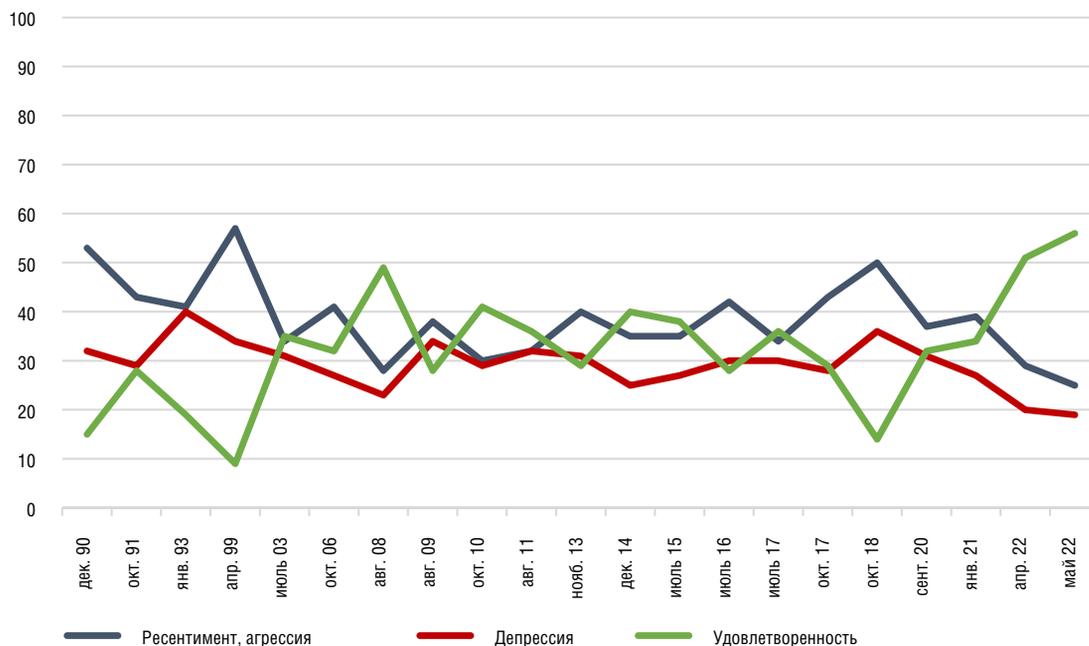
Конец советской системы (1989–1991 гг.) отмечен нарастанием ресентимента и раздражения. Незначительный подъем настроений населения после провала ГКЧП оказался недолгим. За ним последовал рост негативных состояний основной массы опрошенных, который — по закону преувеличенных ожиданий — уже через два-три года дал самый сильный (за все время наблюдений) всплеск разочарования и ресентимента. Завершение первого периода институциональных реформ (1992–1996 гг.) сопровождалось снижением уровня жизни, фрустрацией от использования армии как средства насилия для решения политических проблем (расстрел парламента 1993 г., первая чеченская война), состоянием социальной дезорганизации и дезориентированности, высоким уровнем аномии общества (рис. 5).

Приход В. Путина к власти и вторая чеченская война повлекли за собой свертывание демократических реформ. Эти события совпали с выходом из трансформационного кризиса и периодом значительного роста массового благосостояния (2003–2007 гг.). Экономический кризис в конце 2008 г. — начале 2009 г. оборвал наметившийся тренд. В 2010 г. наблюдается слабый всплеск надежд после окончания кризиса, за которым последовал спад настроений вплоть до 2013 г. Все это время (2010–2013 гг.) отмечено массовыми протестами городского класса. Инфантильные надежды этого слоя на то, что мирными акциями можно предотвратить авто-

² Исключение — лето и осень 2018 г.: на фоне ослабления антизападной риторики в момент проведения чемпионата по футболу пенсионная реформа, отобравшая заметную часть семейных доходов, спровоцировала острую реакцию в обществе. Кривые ресентимента и депрессии на рис. 5 расходятся очень заметно, сильнее расхождение было лишь весной 1999 г.

Рисунок 6

КАКИЕ ЧУВСТВА, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ОКРЕПИЛИ В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ СРЕДИ ОКРУЖАЮЩИХ ВАС ЛЮДЕЙ?

ритарный реванш, обернулись последующим тяжелым разочарованием после неудачи протестного движения и наступления реакции и политики репрессий. Аннексия Крыма как демонстрация силы и успеха имперской идеологии В. Путина расколола протестное движение. Значительная часть недовольных примкнула к пассивному «великодержавному большинству», получив таким образом ценностную компенсацию «мы — великий народ», «можем заставить других уважать нас».

Однако на фоне предыдущего спада настроений «патриотическая» (или шовинистическая, имперская) эйфория после присоединения Крыма в терминах массовых настроений не выглядит такой значительной, как можно было бы полагать, если смотреть только на показатели скачка рейтинга президента и одобрения всех других органов власти. Двоемыслие массового сознания «советского человека» или постсоветского общества позволяет гасить возникающие напряжения и конфликты, канализируя недовольство в привычные формы хронического отчуждения от власти и терпения, пассивности, снижения уровня запросов. Оно разделяет сферу демонстративной консолидации с властью, с государством, воплощающую собой коллективные ценности, интересы порядка, экзистенциальной безопасности, и сферу частной жизни как зоны психологического комфорта, убежища от произвола и насилия

государства. Стерилизация политического пространства (уничтожение протеста, оппозиции) и ликвидация возможности защищать свои интересы, расширение зоны действия цензуры и полицейского принуждения обрекают общественное мнение на постоянные колебания между состоянием слабого возбуждения и апатии. Проблема заключается в том, какие силы и при каких условиях вызывают социальное возбуждение и спад, наступление массовой депрессии.

Социально-экономический кризис 2015–2016 гг. был недолгим. Инертность общественного мнения и «патриотического» воодушевления («Крымнаш») сгладила его влияние, но изменение пенсионного законодательства в 2018 г. вызвало один из сильнейших всплесков массового негативизма (возмущения, агрессии, разочарования, злобы по отношению к власти, а также депрессии и беспомощной растерянности), сопоставимого с показателями 90-х гг. Но и он не привел к каким-либо общественно-политическим результатам, если не считать последующих поспешных и жульнических усилий режима законодательно закрепить безальтернативный статус президента и всю конструкцию диктаторской власти. Так называемые поправки в Конституцию 2020 г. лишили Основной закон РФ юридического смысла, сделав «законным» любой произвол власти и «незаконным» обсуждение ее действий.

Напротив, действия властей в период пандемии COVID-19 были встречены скорее с одобрением: с точки зрения массовых представлений они были «правильными», т.е. содержали признаки «заботы о людях» и строгого отношения к непослушным. Конец пандемии и милитаристская мобилизация во второй половине 2021 г. — весной 2022 г. вызвали общий рост позитивных переживаний и консолидацию основной массы населения, какой мы не видели до сих пор¹.

Таким образом, процедура семантического дифференциала эмоций показывает более сложную картину реакций населения на процессы в обществе, чем отдельно взятые одномерные вопросы о поддержке власти, об одобрении правителя, а также всевозможные рейтинги и т.п. Этот результат можно считать более адекватным или сложным описанием массовых настроений и социальных процессов в контексте, скажем, анализа динамики одобрения/неприятия сложившегося режима или отторжения от власти, чем простые лобовые вопросы о доверии к президенту или правительству.

Если сравнить рис. 1 и 2 (вопросы о собственном настроении респондентов) с кривой распределения ответов на вопрос об уверенности в ближайшем будущем (рис. 3, с. 24–26), то различия будут очень наглядными: второй вопрос дает более сглаженную картину динамики настроения, «нормализация» (или принятие «обществом» сложившегося авторитарного режима) наступает гораздо позже, чем в ответах респондентов на вопрос о «своем настроении» (примерно к 2011–2012 гг.), причем сама кривая будет неустойчивой. По мере этих изменений уверенность в будущем, даваемая доверием к социальным институтам (суду, полиции, СМИ, местной администрации, профсоюзам, работодателям и политическим партиям, представляющим и защищающим интересы рядовых граждан), сменяет настроения неопределенности и тревоги.

Два всплеска или пика уверенности (в 2014 г. — 58% и в 2022 г. — 67%) связаны с коллективной мобилизацией, имперской и ми-

¹ Отношение россиян к войне с Украиной следует разбирать отдельно, здесь мы пока будем говорить лишь об аффективных характеристиках динамики массовых настроений. См. пресс-выпуски «Левада-центра»: URL: <https://www.levada.ru/2022/09/29/konflikt-s-ukrainoj-sentyabr-2022-goda/>; <https://www.levada.ru/2023/04/27/konflikt-s-ukrainoj-otsenki-aprelya-2023-goda>. Анализ их (до июля 2022 г.) см.: Гудков Л. Три фазы адаптации // Re-russia, 04.07.2022. URL: <https://re-russia.org/9e08c1975d634cf8a0270de61c400aa1>.

литаристской гордостью: аннексией Крыма и войной на Украине.

Начиная с 2010-х гг. стало возможным говорить о некотором равновесии («эмоциональном балансе», по выражению Ю. Левады) массовой удовлетворенности и недовольства, сокращении объемов дезориентированного населения. Какую-то часть этого сокращения объемов дезориентированного населения составляют те самые 7–10% (о которых говорилось выше, в разделе о типах адаптации, с. 25) успешных, но в массе аполитичных представителей нового поколения россиян с другими потребительскими установками и несколько иными стереотипами идентичности².

Произошедшие к этому времени изменения институциональной структуры получили традиционалистскую идеологическую интерпретацию и оправдание, значимые для старших поколений, но и не вызывающие активного сопротивления у молодых. Вопрос, почему (посредством каких социальных механизмов) консервативная идеология оказалась значимой для «общества», была воспринята подавляющим большинством, остается пока без объяснения. Но так или иначе, а изменения были приняты по крайней мере половиной населения страны.

Обычные для социологического анализа факторы, детерминанты влияния на массовые настроения, такие как доход, возраст, место жительства, образование, профессиональный статус или социальное положение в системе распределения влияния и престижа, каналы информации, политические взгляды и др., взятые по отдельности, имеют лишь симптоматический характер, они не могут объяснить сам механизм воздействия. Объяснение лежит во взаимосвязи этих факторов, усиливающих действие каждого по отдельности. Рассмотрим их более внимательно.

Большая часть объяснения респондентами нынешнего «плохого» настроения (включая регулярный вопрос о том, какие чувства у респондента вызывает СВО), депрессии и resentимента (у окружающих, и у них самих) по большей части сводятся к причинам трех типов:

1) война и сопутствующие ей обстоятельства (гибель наших людей, разрушения, страх за себя и близких родственников, отправленных на войну) в соединении с раздражением от политической ситуации в стране, «бардака», отсутствия определенности своего положения;

² Постсоветская молодежь: предварительные итоги. М.: НЛО, 2023.

2) проблемы социального существования или выживания — бедность, рост цен, низкая зарплата, финансовые трудности, безработица, преступность, недоступность или низкое качество медицинских услуг;

3) личные, семейные проблемы и неурядицы, ссоры с окружающими и близкими людьми, утрата близких¹.

Политические обстоятельства негативных состояний сильнее артикулированы респондентами, которые обладают большими социальными и культурными ресурсами: более обеспеченными, жителями Москвы и крупных городов, людьми старшего возраста. Проблемы физического существования или выживания, напротив, сильнее волнуют депрессивные группы населения: бедных, жителей провинции (малых городов, сел) или низших страт Москвы, лишенных доступа к социальным институтам государственного обеспечения. Личные и семейные проблемы, склоки и ссоры отличают людей молодых и лиц среднего возраста, живущих в социально-депрессивной среде малых городов, характеризующейся повышенным уровнем социальной патологии и низким уровнем взаимной терпимости.

Частота высказываний респондента об удовлетворенности жизнью у окружающих людей растет с повышением его собственной материальной обеспеченности: 43% в группе нуждающихся и 64% в категории самых обеспеченных опрошенных (табл. 4). И напротив, негативные показатели снижаются так же последовательно — от самых бедных к обеспеченным: сумма депрессивных и рессентиментных ответов падает с 57% у бедных до 36% у обеспеченных. В этом плане заключение о связи проективных оценок состояния Других и установок и располагаемых материальных или символических ресурсов респондента имеет вполне тривиальный характер: чем выше потребительский статус, тем более радужным, стабильным и благополучным кажется мир. Соответственно, поддержка властей и проводимой политики выше в среде «государственно зависимых» категорий госслужащих (особенно руководителей среднего и высшего звена) и аффилированного с режимом коррумпированного бизнеса.

Однако снижение негативных представлений не означает их полного исчезновения — их функция «горизонта» существования (ожиданий, надежд и пр.) или рамки координат сохраняется в полной мере.

¹ URL: <https://www.levada.ru/2023/05/25/obshhestvennoe-samochuvstvie-i-prichiny-bespokojstva>.

Рассмотрим характер ответов респондентов о потребительском положении своей семьи за время идущей сегодня войны (табл. 4). Распределение возможностей семьи за 2021–2023 гг. мало чем отличается от предыдущих 15–20 лет. Структура «благополучия» остается неизменной: Россия — бедное общество в сравнении с развитыми странами. Лишь 6–8% населения приближаются к средним европейским стандартам².

За полтора года войны душевые доходы росли с 22,2 тыс. до 27,5 тыс. рублей. Колебания величины абсолютных доходов за этот период никак не отражаются на *структуре распределения мнений* респондентов о своем материальном положении. Экономическое объяснение сводится к тому, что инфляция в 10–12% за время войны съедает тот же прирост 10–12% семейных доходов.

Социологическое объяснение заключается в том, что структура устойчива, поскольку воспроизводит не фактические изменения, а соотношение представлений респондента о своем статусе и представлений о социальном положении других социальных акторов, о своем статусе внутри группы и пространстве общих координат³. Оценки своего положения включают соотношения «желаемого» («как у всех» или «больше, чем у всех»), «фактического» (базы отсчета, соответственно чувство удовлетворенности или неудовлетворенности в сравнении опять-таки с тем, что «у всех» или у референтной группы) и «реально достижимого» (а значит, представление не только о потолке запросов, но и о средствах достижения желаемого, одобряемых или неодобряемых, имеющихся в распоряжении или являющихся предметом зависти и рессентимента, равно как о сроках или времени этого достижения)⁴.

На доминанту в массовых самооценках потребления (стандарт перманентной «умеренной бедности») указывает наиболее частый ответ

² Косова Л. Представления о статусной динамике и социально-политические установки // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1994. № 4. С. 20–22; Косова Л. Общество не накопления // Вестник общественного мнения. 2009. № 3 (99). С. 56–64; Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н. «Средний класс» as if: мнения и настроения высокодоходной молодежи в России // Вестник общественного мнения. 2008. № 3. С. 27–41; Гудков Л. Парадоксы социальной структуры в России / Возвратный тоталитаризм. С. 148–213.

³ Подчеркну количественную надежность самих этих данных — база составляет 29 тыс. опрошенных (сумма респондентов за 18 волн опросов).

⁴ Проявления открытой зависти подлежат осуждению в языке публичного выражения, в том числе в ситуации социологического опроса, они табуированы и могут быть схвачены лишь косвенными вопросами.

Таблица 4

КАК БЫ ВЫ МОГЛИ ОПИСАТЬ МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВАШЕЙ СЕМЬИ?

Год, месяц опроса	Нам не хватает денег даже на питание	На питание хватает, но не хватает на одежду	Денег хватает на питание и одежду, но покупка таких вещей, как телевизор или холодильник, вызывает проблемы	Можем покупать ТДП, но не можем купить автомобиль	Можем купить машину, но не можем сказать, что не стеснены в средствах	Можем позволить себе практически все: квартиру, дачу, машину и многое другое	Семейный доход в месяц в среднем (тыс. руб.)	Средний душевой доход в месяц, (тыс. руб.)
2021								
X	7	16	45	25	3	5	49,1	22,2
XI	5	14	47	28	4	2	49,4	22,0
XII	6	15	47	26	4	2	48,8	21,8
2022								
I	6	16	44	27	4	2	49,4	22,0
II	6	14	45	28	5	2	48,8	21,8
III	8	15	47	26	4	2	51,7	24,9
IV	7	15	47	25	5	2	50,2	22,5
V	5	15	44	29	4	2	51,9	22,7
VI	7	15	46	25	5	2	50,6	21,7
VII	6	15	48	26	5	2	53,1	22,8
VIII	5	14	45	26	5	2	53,9	23,4
IX	6	18	45	25	4	2	54,2	24,0
X	4	15	48	27	4	2	57,1	25,1
XI	5	16	44	27	6	2	51,6	23,6
XII	5	13	44	31	5	2	53,5	23,9
2023								
I	5	13	45	30	4	3	58,5	23,8
II	4	15	46	27	6	2	53,7	23,6
III	5	17	45	27	4	2	56,4	24,4
IV	4	15	41	29	5	3	55,6	24,8
V	5	12	43	29	6	3	59,8	25,9
VI	5	14	45	29	5	2	64,3	27,5

В % к числу опрошенных (100% по строке).

(в среднем 46%): «Нам хватает денег на питание и одежду, но покупка более дорогих вещей, таких как телевизор или холодильник, вызывает у нас проблемы».

Диапазон возможного (рамки «достижимого», социальная норма аспираций) для основной массы опрошенных (а это 44–48%, у которых есть средства на еду и одежду, но денег не хватает на ТДП) лежит между категориями *бедных*

и *нуждающихся* потребителей (составляющих в сумме 20–22%) и следующей за ней категорией респондентов с *умеренным достатком* (= «мы можем покупать некоторые дорогие вещи, такие как холодильник или телевизор, но не можем купить автомобиль»). Эта группа относительно обеспеченных в рассматриваемый период времени насчитывает от 26 до 31%. Она не задает стандарты потребления для основной массы,

поскольку представляет собой верхний уровень ее фактического существования (имеет ресурсы, чтобы поддерживать сложившийся или достигнутый образ жизни, включая средства на замену вышедшей из строя бытовой техники). Такой образ потребления не выступает предметом сильных желаний. На него могут ориентироваться только самые бедные россияне¹.

Для людей с «умеренным достатком» (упомянутые 44–48% базы «общества») фактический уровень аспираций — не следующая категория («могут приобрести ТДП» — 22%), а через одну: «Мы можем купить машину, но все равно очень ограничены в средствах» (3–6%, в среднем 4%).

Полюса шкалы потребления («очень нуждающихся» и «хорошо обеспеченных») не предполагают указаний на стандарты массового потребления, а лишь подчеркивают предельные границы «нормы» существования.

Таким образом, горизонт существования и пределы допустимых («реалистичных») аспираций для абсолютного большинства населения (72%) определяются уровнем таких доходов, которые в лучшем случае позволяют с трудом сохранять сложившийся образ жизни, т.е. имеет место простое воспроизводство существования, но не развитие и качественное улучшение жизни за счет собственных усилий. Серьезных

улучшений основная масса не ждет и на них не надеется (табл. 5, 6).

Доминанта оценок материального положения семьи опрошенных («положение не изменилось», «останется прежним», «будет таким же, как сейчас») за год войны практически не меняется (табл. 5, 6 и 7). Ожидания ухудшения, проявившиеся в феврале 2022 г., снизились примерно в 1,5 раза к началу 2023 г. Напротив, характерные для массового сознания иллюзии улучшения финансового положения и доходов семьи немного выросли.

Скрытые соотношения, порождающие как напряжения, комплексы неполноценности, так и высокомерное сознание превосходства, приподнятости над основной массой «убогих» и «нищевродов», выражаются преимущественно на конвенциональном языке социальных эмоций. Логично предположить, что осознание именно этого обстоятельства в сочетании с демонстрируемыми СМИ и масскультурой образцами «другой жизни», сытой, благополучной и защищенной (однако защищенной чем-то иным, нежели правом, законом и порядком, обеспечиваемыми демократией) порождает аномические явления: фрустрацию, неопределенность будущего, неуверенность, зависть и ресентимент².

Таблица 5

КАК ИЗМЕНИЛОСЬ МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВАШЕЙ СЕМЬИ ЗА ПОСЛЕДНИЙ ГОД?

	II 2022 г.	IV 2022 г.	VI 2022 г.	VIII 2022 г.	X 2022 г.	XII 2022 г.	II 2023 г.	IV 2023 г.	VI 2023 г.
Скорее улучшилось	14	13	19	17	16	16	19	19	20
Осталось без изменений	47	45	47	52	53	56	53	55	54
Скорее ухудшилось	39	41	34	31	31	27	28	26	25
Затрудняюсь ответить	0	0	0	1	0	1	0	0	1

Таблица 6

КАК ИЗМЕНИТСЯ МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВАШЕЙ СЕМЬИ В БЛИЖАЙШИЙ ГОД?

	II 2022 г.	IV 2022 г.	VI 2022 г.	VIII 2022 г.	X 2022 г.	XII 2022 г.	II 2023 г.	IV 2023 г.	VI 2023 г.
Скорее улучшится	21	22	26	24	22	24	27	27	28
Останется прежним	43	39	43	46	43	47	46	45	44
Скорее ухудшится	26	29	21	19	24	16	16	15	17
Затрудняюсь ответить	10	10	11	11	11	13	11	13	12

¹ Гончаров С. Оценки уровня дохода россиян в 2023 году. URL: <https://www.levada.ru/2023/07/18/otsenki-urovnya-dohoda-sredi-rossiyan-v-2023-godu>.

² См. рис. 4, 5 и 7. В. Высоцкий так сформулировал ресентиментные переживания уравнилельной справедливости: «Я в дела чужие не суюсь, / Но мне очень больно и обидно... <...> Ему, значит, — рупь, а мне — пятак?! / Пусть теперь мне платит неустойку! / Я ведь не из зависти — я так, / Ради справедливости — и только» (1965).

Мощнейшим средством снятия этих напряжений (вытеснением, канализацией, трансфертом на внешние силы — на различных внешних и внутренних антиподов, врагов, нелюдей) является патерналистское и милитаристское государство, абсорбирующее неудовлетворенность и обещающее в «ближайшем» будущем «сделать всем хорошо», обеспечить порядок, повысить доходы, пенсии, улучшить социальное обеспечение и т.п.

В апреле 2022 г., на втором месяце войны, сильнее всего проявляются два социальных аффекта: вызванная милитаристской и антизападной пропагандой «гордость за страну» + неопределенная «надежда» (на «победу», на престиж великой державы, на сохранение благосостояния). Высокое значение функции «надежды» — иллюзий, что «все будет хорошо», — свидетельствует об инерционности массовых (политических) установок (в первую очередь по

Таблица 7

ЧЕРЕЗ ГОД ВЫ (ВАША СЕМЬЯ) БУДЕТЕ ЖИТЬ ЛУЧШЕ ИЛИ ХУЖЕ, ЧЕМ СЕЙЧАС?

	II 2013 г.	X 2021 г.	XII 2021 г.	I 2022 г.	III 2022 г.	V 2022 г.	VII 2022 г.	XI 2022 г.	I 2023 г.	III 2023 г.
Значительно лучше	2	8	7	7	9	9	11	8	9	10
Несколько лучше	17	18	18	19	19	22	20	18	20	20
Так же, как сейчас	44	38	37	39	33	35	34	36	36	34
Несколько хуже	10	12	12	12	12	10	8	9	9	7
Значительно хуже	2	5	6	4	5	5	4	6	3	4
Сумма «лучше»	19	26	25	26	28	31	31	26	29	30
Затрудняюсь ответить	24	19	18	18	22	20	23	23	23	25

N = 1600 (2013 г., год общественных разочарований, взят для сравнения динамики за 10 лет).

Таблица 8

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЧУВСТВАХ ОКРУЖАЮЩИХ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ*

	В среднем	Денег не хватает даже на еду	Денег хватает на еду и одежду	Могут приобретать ТДП
Надежда	30	28	30	31
Усталость, безразличие	12	13	13	11
Чувство одиночества, заброшенности	4	7	4	2
Страх	11	14	11	10
Чувство собственного достоинства	12	7	11	16
Обида	7	9	7	6
Растерянность	14	16	15	13
Зависть	1	0	1	1
Отчаяние	8	10	8	6
Уверенность в завтрашнем дне	15	10	15	19
Чувство свободы	9	6	9	12
Обида за свой народ	13	14	13	12
Чувство ответственности за происходящее	14	10	14	15
Чувство стыда за происходящее	7	7	8	5
Озлобленность, агрессивность	4	6	3	4
Гордость за свой народ	36	32	37	39
Другое	4	6	3	3
Затрудняюсь ответить	6	6	6	6

* Группы с высоким доходом («Мы можем купить автомобиль, но не можем сказать, что не стеснены в средствах» — 5% и «Мы можем позволить себе практически все: квартиру, дачу и многое другое» — 2%) не рассматриваются из-за малой статистической наполненности. Апрель 2022 г.

отношению к государству), значимость которых почти одинакова во всех категориях потребителей: 28–31% (чуть выше в группах относительно обеспеченных).

В суммированном виде эти представления выглядят следующим образом.

Соотношение положительных и негативных оценок эмоциональных состояний окружающих (проекции собственных представлений на Других) таково: у абсолютно бедных в апреле 2022 г. — 0,96, в мае — 0,75; у условно бедных в апреле — 1,38, в мае 1,04; у относительно обеспеченных в апреле — 1,86, в мае — 1,78.

В агрегированных таким образом данных видно, что негативные эмоции сильнее выражены в группе А (с низкими доходами — 51 и 57%), позитивные — в группах Б и В (с умеренным достатком и относительно обеспеченных — 58–51 и 65–64% соответственно).

Анализ социально-демографических характеристик «уверенных в своем будущем» указывает на то, что наибольшую уверенность и удовлетворенность жизнью, позитивный настрой проявляют *молодые люди* (с естественным для этой возрастной фазы оптимизмом и планами на будущее) и *чиновники*, служивые люди, связанные с администрацией или госорганизациями, зависимые от власти и обеспечиваемые государством¹.

Гораздо сильнее различия в установках проявляются между россиянами, лояльными к

действующей власти, к президенту, к режиму в целом, и нелояльными группами, которые отрицательно оценивают политический курс страны, символически представленный фигурой В. Путина.

О позитивных настроениях у окружающих говорят 72% респондентов из тех, кто *одобряет политику руководства страны*, и 58% из тех, кто *поддерживает В. Путина* (сумма негативных эмоций у них — 28 и 42% соответственно). Напротив, *среди осуждающих президента и его курс* аналогичные показатели позитивных настроений составляют 21 и 17%, о негативных переживаниях окружающих заявили 79 и 83% соответственно (табл. 10)². Идентификация с властью дает сильное преимущество («стимулятор», по Ю Леваде): готовность верить, что «все нормально», «все идет как надо», подавляя сомнения и нежелательную информацию.

8. Сравнительный анализ проективных и прямых ответов о настроениях опрошенных

Вопрос о настроениях окружающих людей позже был дополнен парным вопросом о настроениях самого респондента, задаваемым с 2015 г. (табл. 11).

Если брать средние значения за все годы замеров (1990–2023 гг., 23 опроса), то оказывается, что в настроениях окружающих преобладают негативные эмоции — ресентимент и депрессия (в среднем соответственно 38 и 29%,

Таблица 9

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЧУВСТВАХ ОКРУЖАЮЩИХ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ (в %, агрегированные данные за 2022 г., без затруднившихся ответить и обеспеченных)

	В среднем	Позитив		Депрессия		Ресентимент	
		апрель	май	апрель	май	апрель	май
А. Едва хватает на еду, но не хватает на одежду	22	49	43	19	26	32	31
Б. Хватает на еду и одежду	47	58	51	16	22	26	27
В. Могут приобретать ТДП	26	65	64	13	17	22	19

¹ В качестве объяснения фиксируемых изменений можно было бы предполагать концепцию смены поколения. И такие предположения были бы весьма убедительными, если бы опять-таки не малая численность возрастных когорт молодежи (15%), не могущих влиять на общие сдвиги в оценках. А это значит, что имели место массовые изменения в настроениях всего населения, пусть даже в разной степени влияющие на установки различных групп. Хотя доля чиновничества (вместе с семьями) в структуре населения за постсоветское и особенно за время путинского правления выросла на 20% по сравнению с поздним советским периодом, позитивные изменения нельзя приписать только этому росту (удельный вес этих категорий в структуре населения, даже с учетом членов их семей, незначительный). URL: <https://www.rbc.ru/economics/15/10/2014/543cfe56cbb20f8c4e0b98f2>.

² Примечательно, что «нелояльные» обладают несколько большей способностью артикулировать свои представления об эмоциональных состояниях окружающих людей, если судить об этом по числу ответов, данных на эти два вопроса.

Таблица 10

КОМПЛЕКСЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О НАСТРОЕНИЯХ ОКРУЖАЮЩИХ ЛЮДЕЙ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ МНЕНИЙ О ХАРАКТЕРЕ РАЗВИТИЯ СТРАНЫ И ОДОБРЕНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. ПУТИНА
(в % по столбцу)

	Страна движется в правильном направлении		Страна движется в неправильном направлении		Одобрят В. Путина		Не одобряют В. Путина	
	2022 г.	2023 г.	2022 г.	2023 г.	2022 г.	2023 г.	2022 г.	2023 г.
Позитивные настроения	72	61	21	25	58	56	17	15
Астения	12	15	26	25	13	18	26	27
Ресентимент	16	23	53	50	29	28	57	58
Число ответов	220	194	241	219	248	203	258	196

Май 2022 г., июнь 2023 г.;

в сумме 67% опрошенных), позитивные значения описывают состояние трети населения — 33% («з/о» и «другое» не учитывались из-за низких процентов). Напротив, у самого респондента (11 замеров) преобладает *чувство удовлетворенности* (51%), а негативные комплексы в сравнении с чувствами окружающих отодвигаются на второй план: «ресентимент, агрессия» = 24%, «депрессия» = 25% (сумма 49%).

Оценки респондентами *собственных настроений* в общем и целом повторяют распределение мнений о «*чувствах социально Других*», «*окружающих*», но отличаются от них меньшим разбросом (табл. 11 и 12). Начиная с 2000 г., со второй чеченской войны и прихода нового президента, позитивные оценки собственных настроений респондентов стали расти и преобладать в чисто количественном плане, что позволяет говорить, что они утверждаются в качестве «нормы» и статистически, и социально (как самоидентификация «большинства»). Это позволяет сделать вывод, что к этому времени *завершилась адаптация* основной массы населения к институциональным переменам, более того, сложившийся с приходом В. Путина авторитарный режим стал восприниматься как восстановленная *норма* социального порядка. Война вытаскала эту норму мобилизованного общества-государства. И на этом «сердце успокоилось».

В большинстве случаев *свое* состояние и положение *своей семьи* респондентами оценивалось лучше и более позитивно, чем состояние обобщенных Других («окружающих», «экономического положения России в целом», *своего состояния в сравнении с положением других людей* и т.п.). Такое поведение опрашиваемых — проявление устойчивых механизмов *негативной идентичности*, свойственной обществу,

контролируемому репрессивным государством. Их нельзя смешивать с «релятивной депривацией» или релятивной гратификацией («лучше синица в руках, чем журавль в небе»), поскольку здесь нет соизмерения «больше — меньше». Структуры негативной идентичности статичны, так как это механизм повышения самооценки через установление рамки соотношения (от «противного»).

Негативный фон (настроения, приписываемые респондентом окружающим) означает не столько фактическую констатацию положения вещей, сколько горизонт или систему координат (структуры определений реальности), от которой индивид отталкивается и исходит в оценке своего собственного положения. Модель: «У всех все нехорошо, но у меня все неплохо или терпимо». Война (или военные кампании) актуализировала и укрепила эту норму идентичности.

Косвенными следствиями такого устройства идентичности будут:

а) разделение зоны собственной активности и ответственности (в частной жизни, где индивид, исходя из своих возможностей, контролирует поведение Других и свою мотивацию достижений, соотнося желаемое и достижимое через механизм релятивной гратификации) и зоны общественной жизни, в которых ключевую роль играют не контролируемые респондентом силы — государство, корпорации, работодатели, институты попечения, образования, медицины и др., а значит, возникают иррациональные чувства зависимости, неуправляемости и беспомощности;

б) императивы понижения стандартов жизни («лишь бы хуже не было», «лишь бы не было войны» и т.п.).

Таблица 11

КАКИЕ ЧУВСТВА, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ОКРЕПЛИ В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ У ОКРУЖАЮЩИХ ВАС ЛЮДЕЙ? КАКИЕ ЧУВСТВА, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ОКРЕПЛИ В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ У ВАС ЛИЧНО?

1. Ресентимент, агрессия (сумма ответов: ожесточение, страх, обида, отчаяние, зависть, обида за народ).

2. Депрессия (сумма ответов: усталость, растерянность, одиночество, стыд).

3. Удовлетворенность (сумма ответов: надежда, достоинство, уверенность в будущем, свобода, гордость, ответственность).

Год, месяц опроса	У окружающих людей			У самого респондента		
	Ресентимент, агрессия	Депрессия	Удовлетво- ренность	Ресентимент, агрессия	Депрессия	Удовлетво- ренность
1990-XII	53	32	15	–	–	–
1991-X	43	29	28	–	–	–
1993-I	41	40	19	–	–	–
1999-IV	57	34	9	–	–	–
2003-VII	34	31	35	22	29	49
2006-X	41	27	32	–	–	–
2008-VIII	28	23	49	–	–	–
2009-VIII	38	34	28	–	–	–
2010-X	30	29	41	–	–	–
2011-VIII	32	32	36	–	–	–
2013-XI	40	31	29	–	–	–
2014-XII	35	25	40	–	–	–
2015-VII	35	27	38	24	28	48
2016-VII	42	30	28	24	22	54
2017-VII	34	30	36	24	27	49
2017-X	43	28	29	–	–	–
2018-X	50	36	14	26	30	44
2020-VII	–	–	–	25	26	49
2020-IX	37	31	32	26	28	46
2021-I	39	27	34	29	26	44
2022-IV	29	20	51	22	19	59
2022-V	25	19	56	19	18	63
2023-I	29	25	46	21	22	56
2023-VI	29	22	46	19	21	60

«–» — вопрос не задавался.

В конечном счете такие установки основной массы населения могут служить симптомами постоянной функциональной деградации общества, его морали, образовательного и интеллектуального потенциала; в более общем теоретическом плане доминирование таких представлений («добровольное» понижение уровня аспираций) означает подавление потен-

циала структурно-функциональной дифференциации, т.е. замораживание условий развития, примитивизация запросов и самой общественной жизни, тривиализация представлений о человеке. Идеологический упор на воспитание страны в духе «традиционных ценностей» — это не только условие тотального полицейского контроля над частной жизнью (вертикаль вла-

Таблица 12

РАЗНИЦА МЕЖДУ НАСТРОЕНИЯМИ САМОГО РЕСПОНДЕНТА И ЕГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯМИ О НАСТРОЕНИЯХ ОКРУЖАЮЩИХ

Год и месяц	Удовлетворенность	Депрессия	Ресентимент, агрессия
2003-VII	+14	-2	-12
2015-VII	+10	-3	-11
2016- VII	+26	-8	-18
2017- VII	+13	-3	-10
2018-X	+30	-6	-24
2020-IX	+14	-3	-11
2021-I	+10	-1	-10
2022-IV	+8	-2	-7
2022-V	+7	=	-6
2023-VI	+14	-1	-10

сти), но и неизбежная архаизация или героизи- рованная «варваризация» общества, его «новое средневековье», что ярче всего отразилось в самом факте одобрения развязанной В. Путиным войны с Украиной.

Проявления этих механизмов, как мы уже отмечали, весьма своеобразно: общие показатели негативных настроений массы, обеспокоенность различными аспектами и проблемами частного существования идут вверх в сравнительно стабильной ситуации¹, и, напротив, с началом войны (войн) наступает фаза относительного успокоения и консолидации с властью.

То, что мы в обыденном языке фиксируем как постоянный, перманентный «страх войны» (большой, мировой войны, абсолютного тотального несчастья), имеет сложную и неоднозначную природу. Его структура позволяет переключать модусы сознание: из состояния привычной повседневности, коротких обыденных планов «на завтра» этот абстрактный страх, не могущий быть объективируемым и конкретизируемым (поскольку сам индивид не управляет обстоятельствами его возникновения или снижения), переводит сознание в ментальный режим чрезвычайности и мотивов выживания. Он сужает сознания индивида до поиска средств индивидуального спасения, разрушая или нейтрализуя обязывающие нормы солидарной общности (эмпатии, сочувствия, сопереживания, недопустимости насилия как ценностной дисквалификации Другого, обезличивания и расчеловечивания Другого) и со-

средоточивая все внимание на самом индивиде и его близких². Подчеркну: речь идет не о реальных катастрофических событиях (наступлении фазы массовых репрессий, террора, войны с ее сплошными разрушениями, погромами, убийствами), а о страхах (или тревожных ожиданиях). Включение мысли о реальной возможности такого течения события переворачивает все оценки и критерии «нормальности» и, соответственно, «отменяет» нормы обыденного, обычного, общепринятого человеческого поведения. Этот переключатель сознания меняет точку зрения, перспективу или плоскости оценки событий и приоритеты предполагаемого собственного поведения. При этом вытесняются, уходят, становятся ничтожными любые представления о высоких уровнях человеческого существования — об идеальных мотивах поведения, о солидарности, гуманности, об общих интересах, о неповседневных ценностях (вере, истине, добре, красоте, рафинировании чувства жизни и проч.) и жизненных ориентирах, которые мы связываем с понятием морали и культуры.

Однако они не исчезают окончательно, защите этих понятий принимает на себя авторитарная и суверенная по отношению к обществу власть, система господства. Власть выставляет или подает себя как единственную силу (авто-

¹ Zorkaja N. „Ich pfeife drauf“. Sanktionen in Russlands öffentlicher Meinung // OSTEUROPA. 2021. 71 Jg. No. 10–11. — URL: <https://zeitschrift-osteuroopa.de/hefte/2021/10-12>.

² Это еще одна из форм или механизмов негативной идентификации, но уже не коллективной, а партикулярной, парцеллярной. Меняется структура времени, исчезает план «истории» (точнее, от нее остается лишь набор примеров ужасных событий), включаются механизмы ценностной селекции — значимым оказывается лишь то, что общает примитивное выживание. Именно таково массовое поведение в ситуациях террора и войны.

ритарное, централизованное, отеческое государство), готовую и способную защитить индивида от внешних угроз его существованию — от катастрофических несчастий войны, вражеской агрессии, терроризма, предателей и т.п. до обеспечения сохранности традиционной морали и нравственности. Но избавить и защитить она готова не в его частном статусе, а только вместе со всем целым, как частицу всего коллективного целого (народа, *Отечества, Родины, России*, государства уже в качестве метафоры совокупности подданных — зависимых от власти граждан). Другими словами, тоталитарное государство наделяет себя чертами абсолютной нравственности, требуя воспринимать себя как носителя морали и духовных добродетелей¹. Дискурс экстраординарной ситуации, в которой *мог бы оказаться* индивид, отрывается от почвы повседневной действительности и ее нормативных регуляций.

Установившаяся в массовом сознании структура актуальной (одномоментной) референции строится на диффузных и на не определяемых, не конкретизируемых представлениях *об угрозах существованию* индивида и его семьи (а не на вполне возможных и исчисляемых потерях или ущербе для индивида). Практически все виды испытываемых населением страхов не являются ситуативными реакциями на какие-то конкретные угрозы. Речь идет именно о хронических, устойчивых и социализированных страхах как норме ориентаций. Ожидания неприятностей не контролируются сознанием индивида, образуя горизонт повседневного существования. При слабости механизмов социальной gratификации (вознаграждений за соответствующие достижения или «правильное поведение») страхи артикулируют то, что считается респондентами самым важным в жизни. Другими словами, это важнейший механизм удержания представлений о ценностях, осознаваемых только в контексте их возможной утраты. Страхи — подсознание повседневной жизни в тоталитарном обществе или обществе безмолвной придавренности. Стойкое психологическое напряжение и ожидание несчастья прорываются в виде негативных проекций на «виновников» этих несчастий, что является удобным поводом для психологической разрядки.

Угроза в данном отношении не подлежит рационализации, это табуированная константа, горизонт повседневного существования. Ее

¹ Старгард Н. Мобилизованная нация. Германия 1939–1945. М., Ко-Либри, 2020, с. 90.

функция — поддерживать определенный баланс aspirations и реальных достижений, которые примиряют фрустрированного индивида с трудностями жизни или с обстоятельствами, на которые он не может влиять или которые он не может изменить (в первую очередь объективные социальные институты, такие как власть, суд, полиция, работодатель, медицина, образование, налоги, пенсионное обеспечение и др.)². Многократное повторение или периодически производимое мобилизационное «вздрючивание» населения (угрозы войны, терактов, вредоносных санкций) и «успокоение» (заверения власти о гарантированности защиты и безопасности населения, восхваление мощи российской армии, милитаризация пропаганды) в конечном счете нормализуют сознание, снижая интенсивность страхов и переживаний. Культ силы вытесняет моральное и историческое сознание, понимание тех бедствий, которые приносило советское или российское государство другим странам и народам. Милитаризация общественного пространства, воспринимаемая как действие непреодолимой силы, — симптом последовательной примитивизации или «варваризации» общества.

Смутное сознание опасности, исходящей от лиц (незнакомых или не близких самому респонденту), поддерживает в людях состояние хронической тревожности и недоверия, подавляя или разрушая слабые импульсы эмпатии, солидарности, всего того, что могло бы лежать в основе «гражданского общества»³. Накопленный потенциал негативизма (обиды, злобы, фрустрации, ресентимента, астении) является ресурсом для проекций на «врага» и потребности в войне в качестве компенсаторной разрядки. Однако условием и источником материализации «врага» становится государственная пропаганда, предоставляющая массовому сознанию необходимые формы и сте-

² Характерным примером в этом ряду можно считать устойчивые распределения ресентиментных мнений о справедливости социальной gratификации и оплаты труда. На вопрос: «Если сравнивать вашу зарплату с зарплатой людей такого же уровня образования и квалификации, занятых на работе, похожей на вашу, то вы получаете зарплату больше или меньше, чем у них?» — в среднем каждый третий опрошенный говорил: «меньше других»; относительное большинство, 38–40%, «такую же, как у других»; 8% — «больше других». В социологическом плане здесь важно указать на слабую значимость нормы «как у других» (40% в сравнении с ресентиментными 34% «меньше других»). Речь здесь идет не о фактических данных госстатистики, а о механизмах релятивной депривации, социальной самореференции и об идентификации в несвободном полурыночном обществе, где зависть и ресентимент играют значительную роль.

³ Гудков Л. «Доверие» в России: смысл, функции, структура / Гудков Л. Возвратный тоталитаризм. Т. 1. М.: НЛЮ, 2022. С. 359–460.

реотипы, в которых отливается коллективная агрессия.

Низкий уровень доверия указывает на слабость морали как основы социальной солидарности и взаимной ответственности. Это не естественное состояние гоббсовской «войны всех против всех», а глубоко укоренный опыт социализации в тоталитарном государстве (табл. 16). Человеческое недоверие как субстанциональное качество в сообществе такого рода — самое надежное основание тоталитарного режима, включая китчевый тоталитаризм В. Путина.

Таблица 13

ЧУВСТВУЕТЕ ЛИ ВЫ САМИ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА КРОВОПРОЛИТИЕ, ГИБЕЛЬ ЛЮДЕЙ НА ВОСТОКЕ УКРАИНЫ?

	2014 VIII	2014 X	2014 XI	2015 XI
Определенно да	2	3	3	3
Скорее да	10	5	6	5
Скорее нет	19	27	27	25
Определенно нет	62	58	56	60
Затрудняюсь ответить	8	7	9	7
Сумма «не несут»	81	85	83	85

N = 1600

9. Социальное самочувствие и эмоциональный фон в экстраординарной ситуации военных действий за пределами России (апрель — август 2022 г.)

Сразу же после начала СВО «Левада-центр» провел телефонный экспресс-опрос населения об отношении к войне.

Первоначальные предположения заключались в том, что предельно высокий уровень тревожности (страх перед большой войной, эскалацией конфронтации России с Украиной и перерастанием ее в войну с НАТО проявляют 72–77%), фиксируемый в 2017–2021 гг., накопленный после аннексии Крыма, страх из-за вероятности перерастания конфронтации с Украиной в третью мировую войну понизят уровень одобрения военных действий и самого главного начальника — инициатора этой операции¹. Однако эта гипотеза не под-

твердилась уже тогда и тем более при последующих опросах (табл. 14 и 15). Напротив, максимум поддержки и одобрения войны и самого В. Путина был отмечен в марте и апреле 2022 г. После этого показатели стабилизировались и не меняются до настоящего времени (июнь 2023 г.)².

Война с Украиной, начатая в феврале 2022 г., как и другие военные кампании России (1999, 2008, 2014 гг.), подняла «настроение» российского населения, активировав идентификацию с «великодержавным» государством³.

Уже в первом военном опросе (табл. 17) можно выделить два устойчивых и внутренне взаимосвязанных комплекса эмоций:

1) гордость, удовлетворение, радость, воодушевление с незначительными добавками тревоги, страха (перед последствиями переноса военных действий на территорию России), шок и возмущение (действиями украинцев);

2) гнев, возмущение, стыд (за действия России), тревогу, ужас, подавленность и шок.

Первый комплекс — поддержка СВО — характеризует преобладающее большинство населения, но интенсивность его гораздо слабее, чем у второго, негативного, отношения, что говорит о большей консолидированности мнений антивоенного меньшинства (не переходящего,

¹ Наиболее частые ответы респондентов о причинах или мотивах поддержки войны России против Украины (открытый вопрос): «защита русскоязычного населения, защита ЛНР/ДНР» — 26%, «защита от НАТО, безопасность» — 18%, «уничтожить нацизм, поставить на место националистов» — 9%, «ответ на агрессию Украины в адрес России», «нас вынудили», «спровоцировали» — 7%, — воспроизводят главные тезисы выступления В. Путина и российской пропаганды.

² Разница между телефонным опросом и личным интервью по месту жительства (основной тип опроса, принятый в «Левада-центре») не принципиальна и должна объясняться другими обстоятельствами (приложение, табл. 1). См. статью Е. Козеренко «Анализ недостижимости в «Курьере» Левада-центра» в этом номере журнала, с.

³ Сентябрьская, частичная, мобилизация заставила почувствовать некоторую часть поданных, что речь идет не о виртуальных событиях, а об их собственной жизни и благополучии. Поэтому баланс самооценок снизился на недолгое время (негативные оценки подскочили с 20% до 47%, рис. 2), но затем вернулся к прежним значениям. Еще раз подчеркну, что вопрос фиксировал субъективное самочувствие индивида.

Таблица 14

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, НЕСЕТ РОССИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА КРОВОПРОЛИТИЕ, ГИБЕЛЬ ЛЮДЕЙ НА ВОСТОКЕ УКРАИНЫ?

	2014 VIII	2014 X	2014 XI	2015 XI
Определенно да	5	5	5	3
Скорее да	12	15	12	10
Скорее нет	25	32	29	32
Определенно нет	50	38	44	47
Затрудняюсь ответить	8	10	10	8
Сумма «не несет»	75	70	73	79

N = 1600

Таблица 15

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, НЕСУТ ЛИ ТАКИЕ ЛЮДИ, КАК ВЫ, МОРАЛЬНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ГИБЕЛЬ МИРНЫХ ЖИТЕЛЕЙ И РАЗРУШЕНИЯ НА УКРАИНЕ?

	2022 IV	2022 V	2022 VIII	2022 XII
Безусловно, несут	9	11	10	10
В какой-то мере несут	19	25	22	24
Безусловно, не несут	65	57	61	59
Затрудняюсь ответить	7	6	7	7

N = 1600

Таблица 16

МОЖНО ЛИ ДОВЕРЯТЬ ЛЮДЯМ ИЛИ ОСТОРОЖНОСТЬ В ОТНОШЕНИЯХ НИКОГДА НЕ ПОМЕШАЕТ?

	2005 V	2009 X	2010 IV	2011 IV	2012 X	2013 II	2014 XI	2015 III	2016 VIII	2017 X	2018 IX	2020 I	2022 IV	2023 IV
Практически всегда людям можно доверять	1	3	3	3	5	4	5	3	4	4	3	3	3	4
Обычно людям можно доверять	20	24	24	25	28	30	29	25	26	30	15	16	11	14
Обычно осторожность в отношениях с людьми не мешает	59	49	51	53	46	50	42	48	47	49	56	56	50	53
Практически всегда осторожность в отношениях с людьми не мешает	17	17	21	18	17	15	20	23	21	14	24	25	36	28
Затрудняюсь ответить	2	7	1	1	4	1	4	1	2	3	1	0	0	1
Сумма доверяющих	21	27	27	28	33	34	34	28	30	34	18	19	14	18
Сумма недоверяющих	76	66	72	71	63	65	62	71	68	63	80	81	86	81
Соотношение позитивных и негативных ответов	0,28	0,4	0,37	0,39	0,52	0,52	0,55	0,39	0,44	0,54	0,22	0,23	0,16	0,22

N = 1600

впрочем, в действия). Одобрение и поддержка политики государства выражена сильнее в старших возрастных группах (52–58% у респондентов предпенсионного возраста и старше,

17% — у молодежи); негативные эмоции в большей мере проявляются у молодых респондентов (49% в когорте 18–24 года и 21% — у людей старше 65 лет) (табл. 19).

Таблица 17

КАКИЕ ЧУВСТВА ВЫЗЫВАЮТ У ВАС ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ РОССИИ НА УКРАИНЕ?

	В среднем	Одобрят В. Путина (71% выборки)	Не одобряют В. Путина (20%)	Москва	Малый город
Гордость за Россию	39	52	5	28	45
Тревогу, страх, ужас	28	25	38	36	25
Гнев, возмущение	10	4	36	23	9
Шок	8	5	21	13	8
Стыд	8	1	34	19	6
Подавленность, оцепенение	6	3	19	15	5
Удовлетворение, радость	6	8	1	7	9
Воодушевление	5	7	0	4	6
Никаких чувств	8	6	12	28 (!)	12
Другое	15	15	12	8	15
Затруднились ответить	4	5	2	0	4
Сумма ответов о позитивных переживаниях	50	67	6	39	60
Сумма ответов о негативных переживаниях	60	38	158	106	53
Соотношение позитивных и негативных чувств	0,83	1,76	0,04	0,37	1,5

27 февраля 2022 г., телефонный опрос, N = 1504.

Таблица 18

КАКИЕ ЧУВСТВА ВЫЗЫВАЮТ У ВАС ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ РОССИИ НА УКРАИНЕ?

	Поддерживают действия российских войск на Украине (N = 1 035), 69%	Не поддерживают действия российских войск на Украине (N = 328), 22%
Гордость за Россию	55	4
Тревогу, страх, ужас	23	41
Гнев, возмущение	3	34
Шок	4	22
Стыд	1	30
Подавленность, оцепенение	3	17
Удовлетворение, радость	9	0
Воодушевление	7	0
Никаких чувств	7	10
Другое	15	10
Затруднились ответить	4	2
Сумма позитивных переживаний	71	4
Сумма негативных переживаний	34	144
Соотношение позитивных и негативных чувств	2.1	0.03

27 февраля 2022 г., N = 1504.

С началом войны России с Украиной фиксируется общий психологический подъем (удовлетворение, чувство гордости и т.п.). Из-

менились не отдельные показатели, а их совокупность, что говорит о системном характере перемен в массовых настроениях. В мае 2022 г.

Таблица 19

**ВЗАИМОСВЯЗЬ АФФЕКТИВНЫХ СОСТОЯНИЙ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВОЗРАСТА
РЕСПОНДЕНТА**

	Положительные	Негативные	Смешанные	Никаких чувств/ затруднились ответить
В среднем	38	35	6	12
18–34 года	17	49	5	21
35–44	27	39	7	16
45–54	44	32	5	9
55–64	52	28	4	7
65 лет и старше	58	21	8	6

27 февраля 2022 г.

Таблица 20

КАКИЕ ЧУВСТВА У ВАС ВЫЗЫВАЮТ ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ РОССИИ НА УКРАИНЕ?

	В среднем	Одобрят президента В. Путина	Не одобряют президента В. Путина	Страна движется в правильном направлении	Страна движется в неправильном направлении	Затруд- нились ответить
<i>Число опрошенных/ доля в %</i>	<i>1 612</i>	<i>1 333 (83%)</i>	<i>244 (15%)</i>	<i>1 090 (68%)</i>	<i>381 (24%)</i>	<i>141 (8%)</i>
Гнев, возмущение	11	8	24	7	21	8
Стыд	7	4	22	3	18	8
Подавленность, оцепенение	6	5	16	4	13	6
Тревогу, страх, ужас	31	29	45	27	41	35
Шок	12	10	27	9	22	12
Удовлетворение, радость	7	7	4	8	5	2
Воодушевление	8	9	3	10	5	2
Гордость за Россию	48	54	15	59	21	30
Другое	4	4	2	4	2	4
Никаких особых чувств	11	10	13	9	11	23
Затрудняюсь ответить	3	3	2	3	3	8
Соотношение позитивных и негативных чувств	0,9	1,25	0,16	1,54	0,27	0,55

Август 2022 г., N = 1600.

о своей «уверенности в завтрашнем дне» заявили уже 67% против 31% «неуверенных», и это несмотря на резкий всплеск инфляции, падение реальных доходов населения, угрозу безработицы и спад экономики в первой половине этого года (см. рис. 1; в 2016–2020 гг. доля ответов «уверенных» не превышала 40–49%). Этот всплеск уверенности (рост с 48 до 63–67%) продолжался очень короткое время. Общее мнение о том, что СВО будет короткой по времени и локальной, не затронет территории самой

России, что путинский «блицкриг» завершится полным разгромом украинской армии и парадом в Киеве, сменилось недоумением, а затем усиливающейся тревожностью и осознанием затяжного характера идущей войны. Уже в начале лета 2022 г. показатели уверенности возвратились к прежним значениям. Уменьшаются расхождения между проективными оценками настроений окружающих и оценками собственного состояния. Размывается разница в мнениях разнообразных социальных групп, что

указывает на действие централизованных институтов пропаганды и контроля, образующих общее силовое поле, подчиняя массовые представления официальным трактовкам (стираются различия между образованными и необразованными, обеспеченными и бедными, центром и периферией). И такое соотношение мнений о СВО не меняется на протяжении всего времени военных действий.

Пока военные действия происходили за пределами РФ, тональность общественного мнения была преимущественно спокойной, люди закрывались от происходящего и блоки-

ровали неприятные для себя сведения. Однако сентябрьское объявление о частичной мобилизации на короткое время снизило общий позитивный настрой (табл. 22, сентябрь 2022 г.), восстановившийся уже в последующие месяцы.

В подобных ситуациях политической мобилизации, угрозы существования из-за активизации действий «врага» (неважно, реально-го или идеологически наведенного) общество принудительно приводится в состояние коллективного возбуждения, не затрагивающего, впрочем, уровень частного существования. Акценты в системе координат и соотношения

Таблица 20а

КАКИЕ ЧУВСТВА У ВАС ВЫЗЫВАЮТ ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ РОССИИ В УКРАИНЕ?

	В среднем		Одобрят президента В. Путина		Не одобряют президента В. Путина		Страна движется в правильном направлении		Страна движется в неправильном направлении	
	2022	2023	2022	2023	2022	2023	2022	2023	2022	2023
<i>Число опрошенных/ответивших</i>	1612	1634	1333	1328	244	256	1090	1001	381	380
<i>В% от всех опрошенных</i>	100	100	83	81	15	16	68	61	24	23
Гнев, возмущение	11	8	8	6	24	21	7	5	21	18
Стыд	7	8	4	4	22	26	3	3	18	19
Подавленность, оцепенение	6	5	5	4	16	9	4	4	13	8
Тревогу, страх, ужас	31	32	29	30	45	46	27	27	41	44
Шок	12	11	10	10	27	17	9	8	22	17
Удовлетворение, радость	7	7	7	8	4	1	8	9	5	3
Воодушевление	8	6	9	7	3	1	10	9	5	3
Гордость за Россию	48	43	54	50	15	10	59	55	21	19
Другое	4	5	4	4	2	4	4	4	2	4
Никаких особых чувств	11	8	10	8	13	9	9	7	11	7
Затрудняюсь ответить	3	4	3	4	2	4	3	3	3	4
<i>Соотношение позитивных и негативных чувств</i>	0,9	0,9	1,25	1,2	0,16	0,16	1,54	1,55	0,27	0,24

Август 2022 г., июнь 2023 г.

Таблица 21

ЧТО ВЫ МОГЛИ БЫ СКАЗАТЬ О СВОЕМ НАСТРОЕНИИ В ПОСЛЕДНИЕ ДНИ?

	2022 г.										2023 г.				
	I	III	V	VII	VIII	IX	X	XI	XII	I	II	III	IV	VI	
Прекрасное настроение	11	11	13	14	13	7	9	12	12	11	11	13	15	13	
Нормальное, ровное состояние	61	57	62	65	64	45	54	57	64	62	65	63	63	62	
Испытываю напряжение, раздражение	21	24	19	17	17	32	27	22	17	20	18	17	16	19	
Испытываю страх, тоску	6	7	6	4	4	15	9	8	6	6	5	6	4	6	
Затрудняюсь ответить	1	1	0	0	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	
<i>Сумма негативных переживаний</i>	27	31	25	21	21	47	36	30	23	26	23	23	20	25	
<i>Соотношение позитива и негатива</i>	2,7	2,2	3,0	3,8	3,7	1,1	1,7	2,3	3,3	2,8	3,3	3,3	3,9	2,9	

оснований оценок меняются: включается важнейший компонент идентификации с патерналистским государством (как символом суверенности власти и хозяином всего социального целого), повышаются показатели надежды и уверенности в завтрашнем дне, и ослабевают прежние страхи, а значит, и главный критерий повседневного существования — стабильность частной жизни и ее защищенность от произвола государства и опасностей любого другого рода. В идеологической плоскости ценности частной жизни замещаются компенсаторной идентификацией с государством, претендующим на собственную символизацию коллективной идентичности.

За восемь месяцев войны (апрель 2022 г. — январь 2023 г.) представления об удовлетворенности жизнью и происходящими событиями (войной, политикой властей) у окружающих и позитивные оценки жизни у самого респондента выросли (у окружающих в среднем на 5 п.п., у самих опрошенных — 12–16 п.п.). Главный фактор здесь — «гордость за свою страну».

При этом самые значительные изменения происходили в крайних возрастных группах — у молодых и у самых старших респондентов. У молодежи представления об улучшении настроений окружающих выросли на 11 п.п. (апрель — январь), что даже несколько больше, чем увеличение позитивных собственных оценок (+9%), показатели ресентимента у окружающих снизились еще сильнее: с 33 до 19% (оценки собственных переживаний — страха, злости и обиды — не изменились), однако суммарные индексы депрессии уменьшились на 8%. В группе самых пожилых опрошенных всплеск позитивных оценок эмоционального состояния окружающих был очень коротким (с 54% в марте до 64% в мае, но затем показатели вернулись к прежним значениям). В меньшей степени милитаризация затронула самые активные возрастные категории населения — 25–39 лет, подлежащие призыву в армию.

Война и пропаганда консолидировали российское общество. Присоединение к консервативному большинству соответствует общему конформистскому тренду в политической культуре России. Резонно предполагать, что именно старшие возрастные группы задают тон и влияют на молодых. Процесс распространения консервативных мнений и установок идет от тех групп, которые отличаются более сильной идентификацией с властью, с путинским государством — пожилых людей, населения провинции,

к молодым жителям метрополии и мегаполисов, что гасит у последних потенциал эмпатии, воображения и моральной ответственности, совести¹.

Однако наиболее важным фактором, определяющим различия во мнениях, оказывается источник информации, формирующий общие представления о происходящем, о смысле событий, реальности, в которую включены массовые ожидания, иллюзии, интересы, элементы групповой идентичности. Предписываемые населению идеологическими каналами (прежде всего федеральными каналами ТВ — основным голосом власти) коллективные «переживания», непосредственно воздействующие на структуру идентичности респондента, проецируются на окружающих, приписываются им. И это влияние оказывается более сильным, чем образование, тип поселения, доходы и проч. (см. приложение, табл. 2–5).

Из табл. 23 и 24 видны стабильные различия между двумя сферами — между официозом (ТВ, а также не приводимые здесь радио и самые тиражные печатные издания, контролируемые администрацией президента или губернаторов) и альтернативными по отношению к официозу каналами информации, опосредуемые межличностными структурами общения (Интернет, соцсети, друзья, родственники, знакомые, Telegram-каналы)². Расхождения в оценках пользователей альтернативных каналов незначительны, но они в целом отличаются от аудитории пропагандистских СМИ. Позитивные оценки у телезрителей вдвое превышают негативные оценки (67% : 33%), у вторых аналогичное соотношение составляет от 1,1 до 1,3 (53–56% респондентов, давших позитивные ответы, против 44–47%, давших негативные). Эти различия в степени «оптимизма» и «удовлетворенности жизнью» происходящим в стране лишь отчасти обусловлены общественными и поли-

¹ Одно из самых заметных социальных изменений можно наблюдать в столице: Москва, обладавшая наибольшим экономическим, социальным, образовательным, культурным и информационным капиталом среди всех прочих типов поселения в России, длительное время отличалась самым высоким уровнем протестных и антипутинских настроений. Однако аннексия Крыма в 2014 г. и последовавшая патриотическая эйфория стерилизовали и подавили протест. Схожие проявления мы видим сегодня в отношении населения Москвы к войне с Украиной. Начиная с февраля 2022 г., именно Москва демонстрирует максимальную поддержку СВО. URL: <https://www.levada.ru/2023/07/28/konflikt-s-ukrainoj-otsenki-kontsa-iyulya-2023-goda/>.

² Сами Telegram-каналы становятся все более неоднородными, а значит, и их аудитория. Рост аудитории и популярности заставляет власти и околотоварные группы, отодвинутые от федерального ТВ, использовать их в качестве альтернативы цензурируемому официальным СМИ. Но пока различия между ТВ и Telegram-каналами существенны.

тическими пристрастиями. Кремлевская пропаганда и самодеятельные патриоты точно так же присутствуют в Интернете, социальных сетях и Telegram-каналах. Тем не менее коммуникативное пространство Интернета и соцсетей несколько свободнее от цензуры и прессинга ФСБ. Еще более заметны эти расхождения на ответах респондентов о собственном психологическом состоянии и настроениях (табл. 23 и 24). У зрителей ТВ соотношение представлений о позитивных переживаниях и негатива у окружающих составляет 1,5, у самих респондентов — 2,3, напротив, у пользователей Telegram-каналов аналогичное соотношение составляет 0,9 и 1,1.

О самих себе (о своих настроениях и переживаниях) люди склонны говорить более сдержанно (на 7–20 п.п. меньше количество высказываний), но в более позитивном ключе. Число позитивных высказываний о собственном состоянии на 8–10 п.п. выше, чем аналогичные оценки психологического состояния окружающих. Высказываний о собственных негативных переживаниях на 5–12% меньше, чем в проективных оценках настроений окружающих.

Но дело не ограничивается только оценками своего положения. Установки, трансли-

руемые «каналом», охватывают гораздо более широкие предметные сферы. Пользователи Интернета, соцсетей или Telegram-каналов более пессимистично оценивают не только эмоциональное состояние окружающих, но и экономические перспективы России, чем, например, аудитория ТВ: так, мнения, что «безработных будет больше в ближайшем будущем» среди ТВ-зрителей составляет 43%, среди интернет-пользователей — 58%, а среди аудитории Telegram-каналов — 62%, т.е. последние почти в полтора раза чаще высказывают негативные оценки. Надежды на «лучшее» смещают общие оценки положения дел в стране в сторону позитива. При этом «изменение к лучшему» не предполагает приложения собственных усилий в достижении этого «лучшего», оно не зависит от самого индивида, его возможностей, поскольку ресурсы и мотивация остаются прежними. Улучшение, как предполагается, всегда и во всем является производным от внешних и неконтролируемых индивидом сил — это упование на власть, на государство.

Ожидания массовых антивоенных протестов, распространенные в среде недовольных нынешним режимом, основаны на убеждении,

Таблица 22

РАЗЛИЧИЯ В ОЦЕНКАХ ЧУВСТВ ОКРУЖАЮЩИХ И СОБСТВЕННЫХ СОСТОЯНИЙ РЕСПОНДЕНТА, ОБУСЛОВЛЕННЫХ ИСТОЧНИКАМИ ДОВЕРИТЕЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ

	Позитив, удовлетворенность		Астения, депрессия		Фрустрация, resentment	
	окружающих	самого респондента	окружающих	самого респондента	окружающих	самого респондента
ТВ	60	70	13	12	27	18
Друзья, знакомые	50	60	22	17	28	23
Соцсети	44	52	18	22	38	26
Интернет	50	53	21	20	38	27
Telegram-каналы	42	52	20	19	29	29

Апрель 2022 г.

Таблица 23

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОПРОШЕННЫХ О ЧУВСТВАХ ОКРУЖАЮЩИХ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ИСТОЧНИКОВ ИНФОРМАЦИИ, КОТОРЫМ РЕСПОНДЕНТЫ БОЛЬШЕ ВСЕГО ДОВЕРЯЮТ

	ТВ	Друзья	Соцсети	Telegram-каналы	Интернет
Позитив	67	53	54	54	56
Астения	16	23	21	22	22
Фрустрация	17	24	25	24	22
Сумма негатива	33	47	46	46	44
Сумма ответов	223	273	254	266	258

Май 2022 г.

что падение уровня жизни, вызванное экономическими последствиями войны и санкциями мирового сообщества, приведут к изменениям политической системы в России или даже падению путинского режима. Однако эти утверждения не находят подтверждения в материалах опросов общественного мнения.

Но с точки зрения большинства опрошенных, особого падения доходов не происходит. Структура оценок субъективного положения семьи за полгода не изменилась, несмотря на инфляцию, рост цен и т.п. Напротив, за полгода военных действий и семейный, и среднедушевой месячный доход даже несколько вырос (на 8–13%, табл. 4). Можно предположить или объяснять это обстоятельство тем, что обычный человек продолжает считать, что ничего не меняется, раз зарплата и пенсии номинально не уменьшаются. Другими словами, он оценивает свое состояние исходя из номинального количества денег, которые он получает, не принимая во внимание падение их покупательной способности. То, что инфляция, даже по официальным данным составлявшая за первое полугодие войны от 20% до 14%, сжирает весь номинальный прирост доходов, обычный человек не в состоянии ясно осознать, хотя смутная, фоновая тревога в итоге у него не проходит, как показывают данные косвенных вопросов о безработице, недоступности медицинской помощи и т.п. Рост цен и угроза обеднения («обнищания» на языке респондентов) очень беспокоят людей, как об этом свидетельствует список проблем, называемых респондентами, но их связи

с политикой, путинской войной они не улавливают или не хотят признавать, поскольку это грозит им утратой идентичности.

10. Возвращаясь к концепции негативной идентичности

Описанные выше структурные (институциональные) особенности тотального общества-государства постоянно производят двойственность самооценок и настроений, которую правильнее было бы называть «негативной идентификацией» или «негативной идентичностью». Сочетания ресентимента, апатии и «удовлетворенности» у себя и окружающих выглядят как фундаментальные структуры организации российского социума, отношения людей между собой и их отношение к власти. Отсутствие или дефицит форм социального одобрения индивидуального поведения порождает бессознательную идентификацию с сильной властью (или властью, стремящейся казаться сильной), по отношению к которой основная масса демонстрирует лояльность и одобрение (по крайней мере, отсутствие неодобрения), одновременно дистанцируясь от нее. Об этом убедительно говорит общее нежелание участвовать в политике (так заявляют 75–85% опрошенных¹), в общественных делах (до 90–95%), отказ от ответственности за проводимую в настоящее время властью политику или действия руководства страны в прошлом. Состояние хронической тревожности, следствие уязвимости частного человека, его бессилия по отношению к произволу власти не

Таблица 24

КАК ВАМ КАЖЕТСЯ, КТО ПРЕЖДЕ ВСЕГО НЕСЕТ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ГИБЕЛЬ ЛЮДЕЙ И РАЗРУШЕНИЯ В УКРАИНЕ?

	2022 IV	2023 VI
США, страны НАТО	57	56
Украина (Киев)	17	16
Россия	7	8
Никто конкретно	8	8
Все виноваты / Другое	5	6
Затрудняюсь ответить	6	6

¹ В апреле 2023 г. общая величина дистанцирующихся от политики россиян (сумма ответов: «политика меня не интересует», «не разбираюсь в политике», «нет возможности влиять на власть», «разочаровался в политике») составляла 72%. На прямой вопрос, готовы ли вы лично принимать более активное участие в политике, 5% ответили «определенно да», еще 17% — уклончиво «в какой-то мере да», 77% — «нет».

может быть — по канонам политической культуры российского общества — осознано, тем более отрефлексировано общественным мнением и поднято, генерализовано до понимания аморальности такого режима господства. (Ответственность за это бессилие лежит в первую очередь именно на российской научной и интеллектуальной элите, ее несостоятельности и оппортунизме). Фактором подавления такого понимания оказывается представление, что «насилие государства было всегда», ничего другого обыватель не знал. Его истоки и природа непостижимы с точки зрения частного, обычного человека. Чиновники и политики, безусловно, могут быть признаны и обычно признаются преступниками, казнокрадами, злодеями, но целое — государство, нация, общество — не может. Государство как целое, теряя признаки субъектности и человечности, а значит, вменяемости и реагирования на человеческие нужды и желания, превращается во всеохватывающую нуминозную тотальность, «систему», не подлежащую оценкам, как не может осуждаться климат или территория России. Они даны. Причины их возникновения вытесняются, а сам опыт терпения дереализуется. Для индивидуального сознания это предел способности понимания. Бессилие отдельного, частного человека, его

вов действия. Сцена действия, акторы, смыслы действий радикально меняются.

С переключением планов действия с индивидуального на коллективный, символический происходит снятие ответственности с отдельного человека, поскольку нормы морали повседневной жизни и взаимодействия (межличностного контроля) здесь не действуют. Это не оправдание преступлений государства, а непонимание самого вопроса об ответственности отдельного человека за проводимую политику государством. Условием такого переключения являются страхи разного рода (табл. 25–26)¹. Ответственность же падает на внешние силы.

Негативная сторона страхов — смысловое производство мотивов действия, приписываемых враждебным суперакторам. Это способ объяснения того, что не поддается пониманию и субъективному контролю. Идентификация обывателя с государством уничтожает ценности частной, в том числе гражданской, жизни и морали. Происходит одновременное действие — объективация «зла» и самооправдание бессильных подданных и перенос ответственности или вины государства на противника, наделяемого значениями превосходства, унижающего россиян. Доверие к армии и ФСБ, их способности гарантировать национальную без-

Таблица 25

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, К ЧЕМУ ПРЕЖДЕ ВСЕГО СТРЕМЯТСЯ СТРАНЫ ЗАПАДА, ПРОДОЛЖАЯ/УЖЕСТОЧАЯ САНКЦИИ ПРОТИВ РОССИИ?

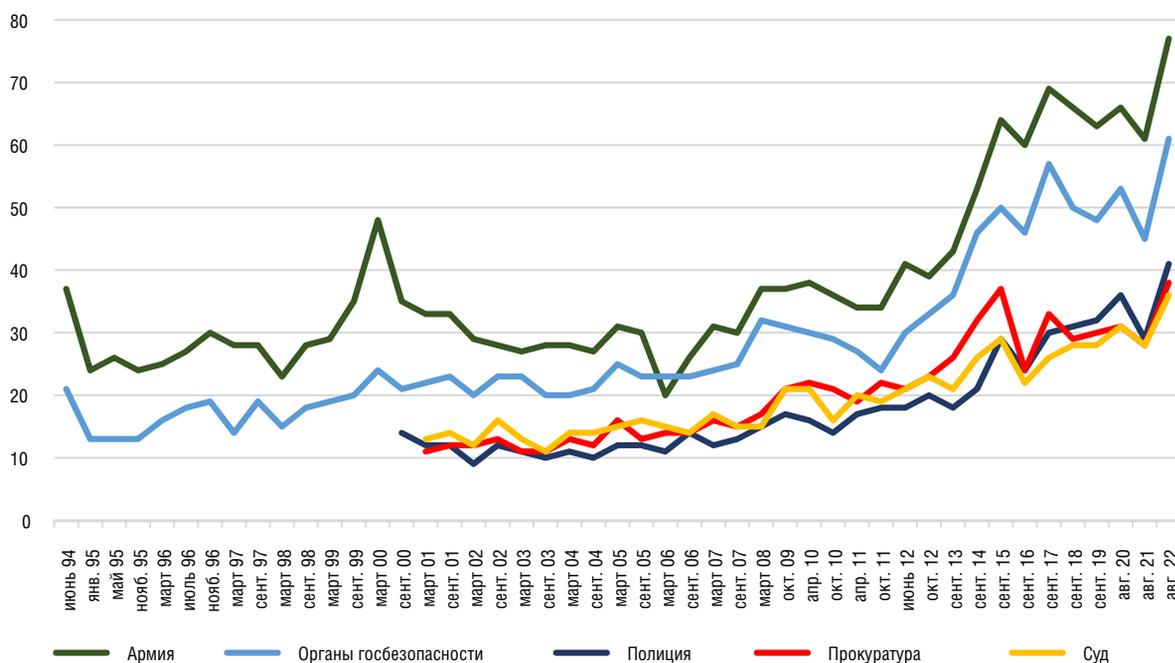
	IX 2014	VI 2015	X 2015	X 2016	V 2022	VI 2023
Остановить войну, разрушения и гибель людей	4	5	6	5	12	9
Восстановить геополитическое равновесие, нарушенное присоединением Крыма к России	17	21	17	13	8	9
Ослабить и унизить Россию	71	66	69	74	74	75
Затрудняюсь ответить	8	8	7	8	6	7

N = 1600

отказ от участия в политике, в общественной деятельности, вполне «искренний» и прочувствованный всем опытом прожитой жизни (социализацией), транспонируется на другой уровень сознания, где речь уже идет не о частных проблемах обычных людей, а о действиях субъектов, акторов другого масштаба и мотивации — государств, объединений целых стран. Иными словами, включаются другие сюжеты (мировая политика, история) или другие социальные игры, другие правила понимания мотивов

¹ Ранее я уже упоминал о высоком уровне страха перед большой, мировой, войной, фиксировавшегося на протяжении многих лет. Эти диффузные страхи могут быть легко «объективированы» и насажены на конкретные события. Так, сегодня (июнь 2023 г.) наибольшее беспокойство вызывают: обстрелы российской территории украинскими беспилотниками (боятся 94% опрошенных), обстрелы приграничных с Украиной российских городов (93%), поставки западными странами вооружения Украине (81%), контрнаступление ВСУ (67%) и, наконец, все повышающаяся вероятность применения В. Путиным ядерного оружия в этой войне (85%). Широко разлитая (хотя низкой интенсивности) тревожность предполагает, с одной стороны, натурализацию источника страха — опредмечивание врага, с другой — идентификацию с государством, как силой, способной защитить обывателя от врагов.

Рисунок 7
В КАКОЙ МЕРЕ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ЗАСЛУЖИВАЮТ ДОВЕРИЯ...

опасность населения России росло после аннексии Крыма и военных действий в Донбассе, подъема русского шовинизма и милитаристской пропаганды (рис. 7). Институциональная связка — авторитарный президент — армия — политическая полиция — церковь — стала символом суверенной власти, вышедшей из правового пространства. И именно это оказывается основанием аморальной коллективной идентичности, построенной на принципах негативизма и разрыва с повседневностью. Суверенность власти — условие действия механизма дереализации.

То, что мы получаем в виде «поддержки СВО» (73–77%), есть не что иное, как страх перед утратой идентичности, удержания «нормальности» повседневного существования, которая гарантируется идентификацией себя как «патриотов России», «Великой державы». Размывание нормативных представлений о себе грозит реальной аномией и социальной дезориентированностью, чувством потерянности, как это было в 1990-е гг.

В публичном пространстве негативная идентификация выражается, в частности, как меняющиеся про- и антизападные настроения, в других сферах (прежде всего в частной жизни) — как ресентимент, ксенофобия, социальной зависть, жалобы на несправедливое социальное устройство, коррупцию чиновников,

мафиозное распределение государственных доходов¹.

Агрессия, скрыто присутствующая в таких стереотипах и бессознательных установках, может быть активирована пропагандой и стать для государства ресурсом мобилизации, консолидации населения, превращения его в объединенную массу подданных, как это было в чеченскую войну по отношению к чеченцам или как это имеет место сегодня по отношению к Украине и украинцам. То, что в локальных ситуациях прорывается в виде погромов и нападений на мигрантов, в более общем плане превращается в массовую поддержку политики руководства страны.

На личностном уровне дефицит GRATIFICATION (любого рода) — причина комплексов, дефектности и внутренних разрывов личностной и коллективной идентичности, порождающих стабильный «комплекс жертвы». Его смысловое ядро заключается в убеждении, что человек

¹ Негативные этнические стереотипы и предрассудки чрезвычайно устойчивы и не меняются на протяжении нескольких поколений. Однако они без специальных усилий власти или элитных групп редко приобретают агрессивный характер. Негативизм таких представлений обычно является частью представлений этнонационального большинства о себе самих, выстроенных в противопоставлении, оппозиции с воображаемыми Другими, т.е. функционально направлены на поддержание собственной идентичности «от противного». — Гудков Л. Состояние массового антисемитизма и ксенофобии в условиях военных действий России на Украине. См. с. ... данного номера журнала).

«живет плохо», потому что он во всем оказывается объектом негативного воздействия внешних сил, лишаящих его полагающихся ему благ, признания, покоя, благосостояния и других социальных вознаграждений¹. Оправданием «жертвы» (способ ее социально-психологической компенсации) может быть только вменение индивиду, точнее, присвоение самому себе особых «достоинств», которые, собственно, и являются причиной (равно мотивом) внешней агрессии и насилия².

Вполне тривиальное заключение, подтверждаемое материалами социологических опросов, сводится к тому, что в периоды политических и экономических кризисов (состояния массовой дезориентации, растерянности, неуверенности и тревоги) оптимизм и удовлетворенность жизнью у людей резко падает, а в ситуациях политической мобилизации (в первую очередь военных кампаний, которые проводит российское госу-

¹ Гудков Л. Комплекс «жертвы». Особенности массового восприятия россиянами себя как этнонациональной общности // Мониторинг общественного мнения – 1999. № 3. Перепечатано с сокращением в: «Негативная идентичность. С. 83–120.

² Этот механизм переноса, сублимации или преобразования недостатка, собственного убожества в добродетель можно рассматривать как остаток извращенной православной культуры (не этики!) в секулярном (советском атеистическом) и циническом посттоталитарном социуме. Если влияние европейского (католического и тем более протестантского) христианства основывалось на внесении в массы идеи трансцендентности, трансцендентных ценностей, трансформированных в процессе секуляризации в универсалистскую этику индивидуальной ответственности и самодисциплины, автономного индивидуализма и коллективной солидарности, то православие, теснейшим образом связанное с патримониальной автократией, превратившееся в часть бюрократической системы, оставалось институтом архаического или магического обрядоведения, поддерживаемого и защищаемого традиционалистским государством. В этом смысле причисление большинства к православию при отсутствии веры, предполагающей свои способы внутренней работы человека, выступает как механизм разгрузки от морали и ответственности. Как следствие — приходится говорить о невозможности (систематическом подавлении, стерилизации) универсальной этики и, напротив, о производстве во всеобщих масштабах лукавого двоемыслия (двоедушия или двоегласия, как называл это поведение М.Е. Салтыков-Щедрин), вытесняющего, по определению, веру в силу моральных или либеральных (гуманистических) принципов и убеждений. Неизбежным в этих условиях суррогатом трансценденции и трансцендентальной этики становятся различные варианты секулярных утопий и идеологий, превращающихся, в случае их массовой рецепции, в систему внешнего принуждения, а затем в элементы легитимации власти и социального порядка. Следствием такого социального порядка становится повседневная стратегия жизненного поведения, которую мы в наших исследованиях называем стратегией «понижающей адаптации» — примитивизацией запросов, представлений о человеке, о снижении ценности собственной жизни и чувства собственного достоинства. Ценой этого снижения непременно оказывается хроническая неудовлетворенность, фрустрированность и недоверие, подозрительность, враждебность, агрессия по отношению к Другим.

дарство) общая уверенность растет. Нетривиальным оказывается соображение, что спокойствие и удовлетворенность растут в ситуации войны и конфронтации даже при ухудшении экономического положения и снижения реальных доходов населения, как это было в период 2014–2020 и 2022 гг. Обычная в России неуверенность маленького человека в ближайшем будущем, вызванная характером институциональной системы, сменяется в периоды военных действий уверенностью в будущем как производной от коллективной консолидации, гордостью, ростом одобрения президента как символического выразителя государственной идентичности. Сюда подтягиваются и другие компоненты этой символической «общности — Мы», партикулярные ценности, включая значимость демонстрации силы, военной мощи или насилия по отношению к Другим. Их диалектическим оправданием (задним числом по схеме: «Я первый дал сдачи» или как у В. Путина: «Мы были вынуждены начать СВО, иначе они бы все равно на нас напали») служит угроза благополучию обывателя (или даже его существованию), навязываемая пропагандой провластных СМИ. Демагогия этого рода отодвигает на задний план все претензии к власти, частные интересы, включая материальные, а значит, лишает смысла сам потенциал гражданской активности, солидарности, важности участия в защите своих «отдельных» прав (равно свобод), подчиняя сознание индивида давлению «общих, государственных» интересов.

Содержательно предмет «угрозы» не столь важен, как его функция. Это может быть чеченский терроризм, экспансия НАТО в Восточной Европе, русофобия Запада, европейские ценности, чуждые российскому духу (например, свобода, трактуемая как вседозволенность или распушенность), права человека, демократия, политическая ответственность и проч. «Угроза» любого рода выступает как триггер, спусковой механизм перекодировки таких понятий ценности в нечто совершенно противоположное и негативное по смыслу.

Демагогия такого вида скрывает реальные интересы самосохранения власти. Важно при этом отметить сам механизм возбуждения консолидации: подъему «национальной гордости» обязательно предшествует фаза социальной фрустрации, ресентимента, растерянности, позволяющая вводить в публичное пространство спасительный фактор государственной силы: появление «сильной руки», «решительного политика», указывающего выход из драматиче-

ской ситуации, главы государства, на которого проецируются инфантильные ожидания слабого и безответственного населения¹.

Прагматические, инструментальные формы рациональности и мотивы действия обывателей, экономические факторы в таких ситуациях уступают, вытесняются неэкономическими, немеркантильными представлениями и аргументами, в том числе фобиями утраты своей идентичности — национальной, групповой, личностной. Разрывается понимание связи между падением доходов вследствие войны и проводимой властями политики, введением международных санкций из-за оккупации территории другой страны, и сокращением социальных расходов, инфляцией, дефицитом определенных товаров и услуг, безработицей, влиянием ответных контрсанкций и т.п. Массовое сознание оказывается совершенно закрытым для понимания подобных причинно-следственных отношений. Значимость идентичности (жестких нормативных групповых представлений о себе и окружающем мире) оказывается более важной и действенной, чем субъективные способности рационализации частного существования, таящие угрозу политической или социальной маргинализации индивида². Поэтому в таких ситуациях логика оппозиции и академических «либералов» не работает. Длительное и радикальное ухудшение материального положения в 1990-х, как и медленное снижение доходов населения в 2009–2022 гг., не приводило к массовым протестам и выступлениям против действующего режима.

В полной мере нормы инструментальной рациональности в социально-политической сфере общественной жизни работают только в обществах с очень развитой и дифференцированной институциональной системой — в условиях демократии, правового и солидарного общества. Они действенны, если воспринимаются как привычные, т.е. предсказуемые, связи между различными социальными институтами или, другими словами, как устойчивые нормы повседневного поведения. Подавление политики, уничтожение правосудия, гражданского

общества, независимых СМИ и т.п. ведут не просто к блокировке или стерилизации процессов социально-структурной и функциональной дифференциации общества (автономии экономики, культуры, науки, образования и других институциональных подсистем общества), а к формированию неконтролируемого обществом или населением мафиозного государства и к хронической непредсказуемости его действий для обывателя, сознанию уязвимости и незащищенности его частного существования. Тем самым уничтожаются условия и социальные механизмы, обеспечивающие индивида субъективной позитивной гратификацией. Вместо них включаются и работают преимущественно *механизмы негативной идентичности*. Возможности для высокой самооценки, уважения к себе — все равно, будь то в частной и повседневной жизни или в публичной и политической сфере — открываются (для «массы», но не для полностью маргинализированных режимом гражданских активистов, правозащитников, независимых журналистов, влияние которых на общество и так было невелико, но сейчас заблокировано) только при условии демонстративного нарушения общепринятых норм, т.е. в обращении к насилию, агрессии, грубости как средствам обесценивания Другого, превращения его в противника, чужого, врага, пусть и в «игровой», т.е. ситуативно определенной, не выходящей за рамки условности, манере. Агрессия — главный ресурс самоутверждения и самовозвеличивания в режимах такого рода.

Речь не только о бытовой склоке, конфликтах между знакомыми и близкими людьми, составляющими основную массу бытовой преступности или деликвентности, но и о российской политике с ее языком истерической вражды и лжи, а также о дискурсе российского Facebook и Twitter, взаимной ругани уехавших после начала войны на Украине и оставшихся в России, «хороших» и «плохих» русских, об отсутствии уважения и готовности к кооперации между различными фракциями российских демократов и оппозиционеров. Это не маргинальная черта, а фундаментальная особенность российской культуры и российского общества в целом³. Только через агрессию и насилие по от-

¹ Гудков Л. Национальный лидер: диагноз массового сознания // Вестник общественного мнения. 2021. № 3–4. С. 175–270.

² Такое понимание есть лишь у верхней страты «среднего класса» — менее зависимого от государства, более обеспеченного и информированного, обладающего интеллектуальными ресурсами. У всех остальных групп сочетание цензуры, отсечение нежелательной информации, пропаганда и внеочередные выплаты малоимущим гасят недовольство или перенаправляют его, усиливая враждебность к Западу и оппозиции.

³ О языке насилия см.: Гусейнов Г. Коммуникация остается даже в условиях катастрофы. Интервью А. Архангельскому. — URL: <https://www.svoboda.org/a/gasan-guseynov-kommunikatsiya-ostaetsya-dazhe-v-usloviyah-katastrofy-/32517809.html>. Характерным признаком автоагрессии может быть растущая терпимость к мату, распространение его на

ношению к Другому можно придать себе достоинство и ценность. Иного способа (ресурса) добиться самоуважения, кроме дисквалификации Другого, нет — не работают механизмы признания авторитета в науке, в любви, в политике, в общественной жизни, в экономике. Такова обратная сторона систематического институционального подавления и стерилизации солидарности, доверия, познания, ценностей плюрализма, сложности и многообразия устройства социальной жизни.

Но сводить эти характеристики политики, пропаганды, массового поведения к особенностям исключительно настоящего, военного времени было бы крайне поверхностным выводом: матрица «врага» глубоко вошла в структуру национальной культуры, стала конститутивным условием смыслового и символического конституирования общего пространства¹. Идеологема «врага» образует горизонт понимания и входит в саму идеологическую структуру российской истории, внедряемой в общественное сознание с самых ранних школьных лет: борьба «с печенегами и половцами», татаро-монгольское иго, войны с поляками, шведами, немцами, французами и прочими рассматривается в качестве предпосылки формирования абсолютистского государства. Сюда же надо отнести и тезисы — о прогрессивном характере опричнины, о территориальной экспансии государства и превращении Московской Руси в империю, о зловредности католического Запада, о войнах Екатерины Великой и Александра I, о войне 1812 г. и о Наполеоне — как факторы формирования национального сознания, оппозиции славянофилов и западников, самодержавия и революционеров, декабристов, народников и т.п. вплоть до большевистского и сталинского террора и проч.

Волны удовлетворенности и спокойствия, описываемые в ходе динамики массовых настроений, указывают на то, что функция виртуальных внешних и внутренних врагов, мифов о токсичности Запада, об угрозе, исходящей от НАТО и США или теперь от Украины, бал-

социальные сферы, в которых матерная речь ранее была нетерпимой.

¹ См. подробнее: Образ врага. М.: ОГИ, 2005. Набор персонализированных врагов и виновников неудовлетворительного состояния российского населения (или общества) не столь уж важен, ими могут быть Сталин, Хрущев, Брежнев, Горбачев, Ельцин, Гайдар, Чубайс или более абстрактные — США, Эстония, Литва, Латвия, Грузия, Украина, Польша и другие бывшие страны соцлагеря либо они все вместе. Важна их функция, обеспечивающая негативную консолидацию Мы против Они и трансферт удручающего понимания собственной несостоятельности, агрессивности, глупости, злобы в образ и восприятие себя как жертвы внешних сил и обстоятельств.

тийских стран, национальных «предателей», «пятой колонны» и др., сводится к апологии авторитарного или тотального, «суверенного» государства и идентификации с ним как с источником силы или монополии насилия.

Для путинского режима негативным основанием для оценки текущей ситуации являются общие, но нерелевантные или нерационализированные коллективные представления о «хаосе» и обнищании населения в 1990-х г., вызванных «преступными» реформами и политической демократией, о «катастрофе» распада СССР, заговоре западных стран против нашей. Им противопоставлены путинская «стабильность» и «порядок» 2000-х, возвращение к традиционным ценностям — патриотизму, «единству власти и народа». Навязанные сверху длительной пропагандой и практикой властей, они слились с травмирующим повседневным опытом выживания в конце 1980-х — в 1990-е гг. основной массы населения, сильнейшим образом зависимой от тотального государства, которое обеспечивает доход, пенсии, медицинское обслуживание, жилье, инфраструктуру и проч., и за давностью лет утратившей всякие представления о том, что все может быть по-другому.

В любом случае социальный ресентимент и антизападные фобии (а значит, латентные ассоциации с мифами прошлого) — важная часть удобных для нынешнего режима наборов объяснений расхождения между ожиданиями населения и повседневной реальностью жизни. Но дело не только в этом.

Производство и поддержание коллективной идентичности возможны в обществе-государстве российского типа лишь при постоянном снижении или дисквалификации, уничтожении ценностного образа значимого Другого (им могут быть Запад, олигархи, Навальный, КГБ/ФСБ, «пятая колонна», Москва и москвичи для провинции, евреи для русских националистов, Китай, Турция — короче, любой объект, наделенный ценностным статусом). Превращение значимого Другого в противника, в «анти-мы», наделение его функцией «врага», «чужого» и установление барьера «мы/они» снимают остроту собственной ущербности, неполноценности, сознания жизненной неудачи и порождаемой этим фрустрации.

Дело не сводится к самоизоляции, хотя, безусловно, определенная склонность к ней имеет место. Важнее систематическое производство воображаемой оппозиции, функция Другого, негативный компонент которой переворачива-

ется и зеркально отражается в позитивных качествах «нас», «своих», «себя».

Проблема, таким образом, заключается в том, почему не могут быть прямым образом выражены собственно позитивные характеристики «нас самих»? Ответ — потому что их нет, нет языка артикуляции собственных достоинств, кроме языка лояльности государству или ненависти к режиму у либералов и оппозиции. Язык же частного существования, язык субъективности и автономии предполагает или требует оценивать себя в категориях, составляющих суть притягательности Запада: симпатии, восхищения достижениями и достоинствами Другого, способности к инновациям, коммуникативности, социальности и т.п.

Дело, конечно, не в Западе, образ Запада здесь лишь самый наглядный и исторически убедительный пример или материал, на котором было легче разбирать эту структуру. В «обществе», возникающем внутри закрытого, авторитарного или тоталитарного режима, неизбежно будет подавляться частная инициатива, будут ограничиваться свободы и социальные права (гарантированное пространство автономной субъективности). Проблема, следовательно, в организации государства, системно и постоянно порождающего дефицит индивидуальной гратификации как условие признания господства суверенной власти и ее произвола, и в природе общества, *нуждающегося* в таком государстве.

Повторю основные элементы теории негативной идентичности (перевода собственной ценностной неполноценности, фрустрированной идентичности в позитив). Для артикуляции собственных «достоинств» нужны:

а) «я» — лишенный качеств множественный субъект (простой, терпеливый, свой, привычный), воспринимаемый в своем частном, индивидуальном, т.е. в не организованном, не коллективном состоянии, не солидарном множестве;

б) «мы» — аморфное множество, означаемое через принципиально не определяемые ценности — «духовность», «особый путь», особые человеческие отношения и прочее; но «мы» также — это состояние, определяемое только через персонифицированные символы государственных институтов — власть (генерального секретаря, президента, национального лидера) и армию. Все предикаты «мы» — культура, религия, спорт, наука — даны лишь как проекции государства в виде истории великой

страны, империи, огромности ее территории, завоеванной в ходе длительной колонизации, но воспринимаемой в первую очередь как неисчерпаемые природные богатства, источник экспортного сырья. В практическом смысле респонденты дают преимущественно негативные характеристики окружающих, отражающие их недоверие и настороженность;

в) «третий», высоко ценимый, но Другой — чужой, враг, Запад, Европа, США, либералы и прочие «иные»; этот коллективный стереотип воплощает совокупность ценностных образцов, служащих безусловным ориентиром или образцом для сравнения себя с ними и перекодирования недостатков в преимущества;

г) техники перевода достоинств Других в их пороки, которым научают и которые являются основой социально-политической культуры «общества», такого рода социализация составляет цель функционирования базовых институтов — образования, правосудия, полиции, армии, пропаганды;

д) двойственная структура негативной идентичности, позволяющая оперировать с модальностями разного плана, превращается в априорную структуру, определяющую нормы понимания и интерпретации социальной действительности, сами правила социального взаимодействия (параметры доверия, инструменты оперирования с официальной информацией, умениями работать с ложью и лицемерием окружающих и самого государства), все то, что определяет тактику понижающей адаптации.

Процесс идеологического обесценивания образца (для сравнения себя с ним, идентификации себя в оппозиции к нему) может совершаться самым разным способом: «Дряхлеющая Европа утратила свои христианские традиции и ценности», «Запад всегда был настроен враждебно по отношению к России», «Западный мир — холодный и формальный, люди там расчетливы, меркантильны, эгоистичны и бездушны». Напротив, «в России люди относятся душевно друг к другу», «всегда готовы помочь друг другу», «ради Отечества, Родины, России люди готовы на любые жертвы и подвиги» и т.д.¹ Но в повседневной и частной жизни

¹ Так, например, в образе США сочетаются два плана: первый — «самая богатая и могущественная страна» (61%), «сильная военная держава» (51%), «демократия»; и второй — «страна, которая бесцеремонно вмешивается в дела других стран, навязывает им свои ценности и порядки» (51%), «стремится прибрать к рукам все богатства мира» (40%), «главный военный и политический противник России» (17%), «насаждает низменные нравы и вкусы, погоню за наживой» (15%), «спонсор диктаторов, поддерживает реакционные режимы и

приемы понижения ценностного уровня взаимодействия могут заключаться в снижении/обесценивании человеческих качеств окружающих, облегчающем негативные установки к ним и использование других как ресурса для достижения своих целей, либо, напротив, в утверждении, что «у них все хорошо и они всем довольны», освобождаящем от необходимости помощи, сочувствия (блокировка эмпатии) или проведения соответствующей социальной политики, поддержки социального уязвимых групп.

Следствием неудачи модернизации в России (аборта модернизации) оказывается не фундаментализм (иранского или северокорейского типа), а всеобщий цинизм верхов и самого общества, интегрирующий описанную двойственность в своеобразный синкретизм общества-государства¹. Акт цинизма всегда ситуативен, однократен, но сами предполагаемые ценности постоянны как горизонт общества. Их сочетание или взаимосвязь и создает своеобразие социального порядка, каким он предстает в нынешней России. Без понимания этого соединения невозможно понять и действие пропаганды, и популярность политиков, в первую очередь В. Путина, постоянно играющего в демонстративное нарушение нормы и ее как бы восстановление через указание на более высокие ценностные порядки, чем порядок данной, конкретной ситуации.

Такого рода двойственность редко осознается, еще реже становится предметом рефлексии и анализа. Но именно на этом держится путинский режим.

Было бы неправильным полагать, что антизападные установки дали толчок или образец для других институциональных сфер и видов социального взаимодействия, что мы имеем дело со спуском образца и рецепции подобной модели взаимоотношений в других общественных областях, включая повседневные практики. Дело в другом: отношения России и Запада —

терроризм в разных странах», «общество социального неравенства» (7%) и т.п. — Гудков Л. Отношение к США в России и проблема антиамериканизма // Гудков Л. Негативная идентичность. М.: НЛЮ, 2004. С. 496–551.

¹ Цинизм — сложное по своей структуре действие, мотивированное сознательным и демонстративным осквернением общепринятого ценностно-нормативного порядка или людей, олицетворяющих его. И вместе с тем циническое поведение воспроизводит, пусть в негативном виде, сами ценности, подлежащие поношению. Без них, без понимания их значимости цинический жест или политика теряет свой смысл, превращаясь в чистое самодурство и насилие, уничтожающее все и вся, в принципе осуждаемое и отвергаемое населением.

наиболее рационализируемая и дискутируемая область политической и культурной жизни российского общества, поскольку эта проблематика затрагивает множество аспектов коллективной идентичности, самопонимания различных групп, в первую очередь элиты, бюрократии и более образованных слоев населения.

Слабая гратификация поведения, исходящая от государственных институтов, компенсируется практиками насилия и принуждения. Как следствие — двойственная система регуляции: сочетание формальных институциональных норм и неформальных норм регуляции и вознаграждения, обеспечиваемых принадлежностью к малым группам (к семье, дружеским и подобным кругам взаимодействия, неформальным группам интересов), коррупцией, блатом и т.п.². В такой системе взаимодействия неизбежно появление и воспроизводство сильнейших внутренних противоречий, напряжений, фрустраций, конфликтов, хронического состояния лицемерия, т.е. всего того, что охватывается понятием двоемыслия. Отсутствие институционализированных стратегий личного успеха, общепризнанного достижения, возможности самореализации оборачивается как дискредитацией властью функциональных элит, наиболее инициативных и продуктивных групп в обществе, так и массовой политической апатией, отсутствием механизмов гражданской солидарности (солидарность — только на уровне малых групп с их системой аффективной гратификации, личной ответственности и социального контроля).

Важно, что отсутствие представлений или идеи трансцендентности стерилизует саму возможность идеи (ценности) отдельного человека, философию индивидуализма (прагматически отстаивающую главным образом стремление к личному достижению, защиту собственного достоинства как такового, независимо от государства), всего того, что лежит и в основе европейских учений об автономии субъективной этики, и в основе культуры. В России достижение возможно только в рамках государственных институтов, негосударственная карьера вызывает подозрение, зависть и ресентимент. Без санкции государства усилия отдельного человека не подлежат социальному признанию и вознаграждению. А это значит —

² Олейник А.Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М.: ИНФРА-М, 2001. С. 32–47, 230–235.

отсутствие социальных и культурных условий для социальной дифференциации и постоянно, прогрессирующего усложнения социальной системы, самой возможности формирования «общества» (как объединения, основанного на взаимных интересах или солидарности, без оси «господство — подчинение»).

Подводя итог анализу массовых чувств и настроений, можно сделать следующий вывод: в языке массовых эмоций, социальных настроений артикулируются не только текущие состояния общества, но и его структурные характеристики, имеющие гораздо более устойчивую

природу, нежели ситуативные реакции на события. Структуры негативной идентичности работают как антикультура, укрепляя авторитарную власть и систему тотального репрессивного контроля, милитаризм и великодержавные механизмы единства. Они разрушают позитивные значения частной жизни, автономной субъективности, а значит, и гражданской солидарности, эмпатии и доверия. В этом смысле судьба России не дает повода для оптимизма и надежды на либеральную модернизацию или демократизацию общества.

Приложение

Таблица 1

КАКИЕ ЧУВСТВА ВЫЗЫВАЮТ У ВАС ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ РОССИИ В УКРАИНЕ?

(в % к числу опрошенных, выразивших определенные чувства, без затруднившихся ответить и «другое»)

	2022* II	2022 III	2022 VIII	2022 XI	2023 III	2023 VI
Гордость за Россию	32	37	33	32	32	36
Тревогу, страх, ужас	23	22	21	26	26	27
Гнев, возмущение	7	6	8	8	7	7
Стыд	7	4	5	5	4	7
Подавленность, оцепенение	5	4	4	5	4	4
Шок	5	9	8	8	7	9
Воодушевление	4	5	5	4	4	6
Удовлетворение, радость	8	5	5	4	4	5
Никаких особых чувств	8	6	7	6	7	7
<i>Сумма позитивных чувств</i>	41	47	43	40	40	47
<i>Сумма негативных чувств</i>	48	41	46	52	48	54
<i>Число опрошенных</i>	1 500	1 600	1 600	1 600	1 600	1 600

*Телефонный опрос.

Факторы влияния на мнения респондентов (пол, возраст, социально-профессиональный статус, урбанизация, источники информации) в ситуации войны

Милитаристская консолидация и рост национальной гордости снизили показатели resentment у окружающих (пропорционально на 12 п.п у мужчин и на 9 п.п. у женщин), они сместились в зону депрессии и подавленности. Уровень хронического недовольства и resentment у женщин выше, чем у мужчин (за счет большей доли старших возрастов и низких доходов среди женщин).

Проективные оценки эмоционального состояния окружающих стабильны, меняются оценки собственных состояний респондента:

позитивные эмоции усиливаются, resentment снижается (табл. 2).

Готовность артикулировать свои представления о психоэмоциональном состоянии окружающих людей сильнее развита у молодых людей. С возрастом способность к социальному воображению заметно снижается (если полагать, что число ответов у респондентов отражает их способность к рефлексии: общее число ответов в возрасте 18–24 года составляет в среднем 247, у людей старше 65 лет — 198, т.е. на четверть меньше). Различия обусловлены и более высоким уровнем образования, и интенсивным потреблением аудиовизуальной продукции.

Выше всего представления об удовлетворенности жизнью у окружающих у началь-

Таблица 2

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЧУВСТВАХ ОКРУЖАЮЩИХ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПОЛА ОПРОШЕННЫХ

	Позитив			Депрессия			Ресентимент		
	У окружающих								
	2022		2023	2022		2023	2022		2023
	IV	V	I	IV	V	I	IV	V	I
Мужчины	54	59	58	16	20	15	30	21	27
Женщины	48	53	50	17	21	18	34	26	32
	У самого респондента								
	Позитив			Депрессия			Ресентимент		
	2022		2023	2022		2023	2022		2023
	IV	V	I	IV	V	I	IV	V	I
Мужчины	54	59	70	16	20	12	30	21	18
Женщины	48	53	60	18	21	15	34	26	25

N = 1600

Таблица 3

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЧУВСТВАХ ОКРУЖАЮЩИХ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВОЗРАСТА ОПРОШЕННЫХ И ПОКАЗАТЕЛИ ЧУВСТВ У САМОГО РЕСПОНДЕНТА

	Позитив			Депрессия			Ресентимент		
	2022		2023	2022		2023	2022		2023
	IV	V	I	IV	V	I	IV	V	I
Чувства окружающих									
18–24 года	50	49	61	17	17	20	33	34	19
25–39 лет	48	55	50	18	17	19	34	29	31
40–54 года	50	57	55	17	15	16	33	28	29
55 лет и старше	54	64	56	16	14	14	30	22	30
Чувства у самого респондента									
	2022		2023	2022		2023	2022		2023
	IV	V	I	IV	V	I	IV	V	I
18–24 года	57	58	66	21	17	13	22	25	21
25–39 лет	59	62	61	13	17	16	28	21	23
40–54 года	60	66	69	14	10	11	26	24	20
55 лет и старше	60	64	63	15	14	13	25	21	24

N = 1600

ства — в группе «руководители», самой лояльной к власти, и у связанной с ней категории опрошенных, довольных собой и переносящих собственное довольство на всех окружающих. Специфическая слепота бюрократии вряд ли кого может удивить. Наиболее чувствительными к пропаганде оказались «специалисты» (преимущественно женщины, основа российской бюрократии), учащиеся и предприниматели (увеличение позитивных ответов, соответственно, на 12%).

Единственной группой, у кого отмечено снижение позитивных оценок состояния окру-

жающих, — это служащие без специального образования, вынужденные в силу обстоятельств чаще сталкиваться с проблемами людей «на земле».

Самыми стабильными распределения мнений оказались в группах «рабочих», всегда демонстрирующих средние показатели по всему массиву. Показатели «депрессия» изменились незначительно: сильнее всего они увеличились у учащихся (+10% в мае 2022 г.) и у пенсионеров (+5%); снизились у «специалистов» (–5%). Оценки ресентимента у окружающих *снизились у всех категорий опрошенных*, кроме служащих,

но особенно у учащихся и пенсионеров (–13 и –11% соответственно).

Динамика настроений среди опрошенных в разных типах поселений точно так же отличается разнонаправленным характером изменений¹.

Хотя удовлетворенность положением вещей после 24 февраля поднялась везде, но интенсивность ее выражения сильнее всего проявляется в консервативной среде малых городов (+12%), а меньше всего в Москве (+2%). (При том что способность артикулировать мнения о чувствах, по понятным соображениям, сильнее развита в мегаполисах: в Москве общее число ответов в столице на 1/5 больше, чем в селе или малых городах: 258 и 204–208 соответствен-

но.) Пропорционально уменьшились мнения о ресентиментных переживаниях окружающих (в малых городах и селе сокращение составляет –10–11%). Колебания показателей депрессии и астении незначительны, чуть выше допустимых точностью измерений колебаний. Сильнее они проявляются в больших городах (+8%).

По мере продолжения войны с Украиной и конфронтации с Западом (т.е. с наиболее развитыми странами мира, мировым сообществом) картина настроений практически не меняется. Оценки перспектив материального положения собственной семьи в ближайшие месяцы выглядят статичными. Установки и надежды большинства людей подкреплены ТВ, заверяющим аудиторию в том, что «все хорошо» и «будет еще

Таблица 4

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЧУВСТВАХ ОКРУЖАЮЩИХ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ОПРОШЕННЫХ И САМОГО РЕСПОНДЕНТА

	У окружающих								
	Позитив			Депрессия			Ресентимент		
	2022		2023	2022		2023	2022		2023
	IV	V	I	IV	V	I	IV	V	I
Предприниматель	47	54	58	16	17	13	37	29	29
Руководитель	58	58	65	14	18	15	28	24	20
Специалист	48	60	50	20	15	20	32	25	30
Служащий	52	55	48	18	22	18	30	23	34
Рабочий	52	54	54	19	19	18	29	27	28
Учащийся	47	50	55	19	29	20	34	21	25
Пенсионер	55	60	58	13	19	14	32	21	28
	У самого респондента								
	Позитив			Депрессия			Ресентимент		
	2022		2023	2022		2023	2022		2023
	IV	V	I	IV	V	I	IV	V	I
	Предприниматель	51	63	68	14	16	9	35	21
Руководитель	63	69	73	15	10	10	22	21	17
Специалист	59	60	65	16	18	13	25	22	22
Служащий	63	63	62	15	15	12	22	22	26
Рабочий	60	62	63	16	14	14	24	23	23
Учащийся	51	58	70	23	19	15	26	23	15
Пенсионер	60	60	64	13	11	12	27	29	24

N=1600

¹ Как и у молодых, способность артикулировать свои мнения меняется в зависимости от степени дифференцированности и развитости социальной среды, информационного и группового многообразия. Число ответов снижается от Москвы (258) к средним городам (238), а от них к малым городам и селу (204 и 208 соответственно). Отклонением можно считать в данном случае большие города (213).

лучше». Опасения ухудшения благосостояния, распространенные в начале войны, заметно ослабли к концу 2022 г. и сохраняются на этом уровне до весны 2023 г. (снижение с 39–41 до 26%). Общий тренд — «без изменений», если и не успокаивающий людей, то и не порождающий новой тревоги.

Категории дезадаптированных респондентов или утративших привычный образ жизни, а также вынужденных прилагать особые усилия для сохранения «терпимой жизни» заметно чаще негативно оценивают политический курс руководства страны, не одобряют деятельность президента. Однако устойчивость политической системы держится на тех, кто «живет, как раньше», не замечая всех изменений, происшедших в последние годы. Среди них самый высокий уровень одобрения президента и проводимой им политики в стране и в мире (44–47%, в 2–3 раза выше, чем у дезадаптированных или депримируемых категорий опрошенных; см. табл. 1 и 2). Это значит, что для них усиление государственного контроля, репрессий против гражданского общества, установление тотальной цензуры, милитаризация внутренней и внешней политики, снижение социальных расходов прошли незамеченными

или не сознавались вовсе. Примечательно, что среди них повышенный удельный вес некомпетентных, затрудняющихся с ответом на такие вопросы. Они одобряют В. Путина, так как он ничего не меняет (точнее, возвращается к советским практикам), и считают это правильным! Все знакомо и понятно. Такие установки можно назвать «фобиями нового» или боязнью изменений. Собственно, это и есть основа консерватизма общества, не желающего развития и перемен.

Лояльность или идентификация с властью оказывается наиболее существенным фактором довольства жизнью. Установка на стабильность, а не на улучшение свидетельствует о том, что нет социальных механизмов, которые могли бы производить представления о возможности лучшей жизни. В этом плане столь же определены ожидания стабильного ухудшения.

Сторонники войны более консолидированы, чем их противники. 64% из них уверены, что «большинство» россиян на их стороне, в отличие от их оппонентов, — там аналогичная доля мнений составляет всего 27%. Они уверены в своей правоте (всего лишь 7% считает, что «большинство» придерживается противо-

Таблица 5

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЧУВСТВАХ ОКРУЖАЮЩИХ И НАСТРОЕНИЯХ САМОГО РЕСПОНДЕНТА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ТИПА ПОСЕЛЕНИЯ ОПРОШЕННЫХ (УРОВНЯ УРБАНИЗАЦИИ)

	У окружающих								
	Позитив			Депрессия			Ресентимент		
	2022		2023	2022		2023	2022		2023
	IV	V	I	IV	V	I	IV	V	I
Москва	48	50	44	21	26	21	31	24	35
БГ	45	51	48	18	26	20	37	23	32
СГ	54	57	59	18	20	16	28	23	25
Мг	50	62	60	17	16	13	33	22	27
Село	54	59	55	13	18	15	33	23	30
	У самого респондента								
	2022		2023	2022		2023	2022		2023
	IV	V	I	IV	V	I	IV	V	I
Москва	58	59	56	18	19	14	24	22	30
БГ	56	59	66	17	17	9	27	24	25
СГ	60	64	64	15	14	14	25	21	19
Мг	62	66	69	15	13	12	23	21	19
Село	57	63	65	15	14	13	28	23	22

N=1600

положных взглядов; у противников войны соответствующая доля ответов составляет 19%). Иначе говоря, у них размывается чувство уверенности в своей силе и потенциале поддержки своей позиции. Промежуточная группа ($N = 451$, 28%) состоит из колеблющихся и склонных к оппортунизму, из тех, кто не уверен в себе, что выражается в сомнениях в поддержке своих взглядов большинством (они считают, что половина думает так, как они, а половина думает иначе). Этот массив размазан, хотя в нем противников войны пропорционально почти вдвое больше, чем сторонников (43 и 24% соответственно). Однако в абсолютных цифрах антивоенно настроенных респондентов в этом массиве намного меньше, чем «ястребов» (120 человек и 293 человека).

Таким образом, «организованный консенсус» большинства респондентов, т.е. тех, кто поддерживает СВО, кто уверен, что все идет по плану, что Россия победит в этой войне, несмотря на всю неясность целей этой войны, ее сомнительность и аморализм, создан общими усилиями государственной пропаганды и цен-

зуры, за которыми стоят авторитет и легитимность государства как такового, снимающего с индивида ответственность за эти действия или, как сказано одним деятелем в аналогичных обстоятельствах, освобождающего от «химеры совести». Другими словами, этот консенсус получает двойной характер нормативного санкционирования: во-первых, от государства, во-вторых, от «большинства», резко негативно и агрессивно воспринимающего любые отклонения от признанных мнений и взглядов.

Сторонники войны преисполнены гордости за Россию (59% при 48% в среднем) и — в заметно меньшей степени — «воодушевления» (9%) или «удовлетворения, радости» (7%). Но и у этих ручных «ястребов» отмечается проявления тревоги, страха, ужаса (27%), шока (9%), подавленности (4%), стыда (3%), хотя эти цифры ниже средних значений по выборке (соответственно 31, 12, 6, 7%). У противников войны (основания выступать против СВО могут очень различаться) «гордость за Россию» проявляется лишь у 11% (значения «воодушевления» или «удовлетворения, радости» незначитель-

Таблица 6

ВЗАИМОСВЯЗЬ ТИПОВ АДАПТАЦИИ И ОДОБРЕНИЯ РУКОВОДСТВА СТРАНЫ

Год, месяц опроса	Страна развивается в...						Одобрят президента		Не одобряют президента	
	Правильном направлении		Неправильном направлении				2022 VIII	2023 I	2022 VIII	2023 I
«Я никак не могу приспособиться к нынешней жизни»	2022 VIII	2023 I	2022 VIII	2023 I	2022 VIII	2023 I	2022 VIII	2023 I	2022 VIII	2023 I
«Я никак не могу приспособиться к нынешней жизни»	8	7	6	4	12	18	7	6	10	17
«Я свылся с тем, что пришлось отказаться от привычного образа жизни; живу, ограничивая себя в большом и в малом»	19	14	18	11	21	20	19	12	23	21
«Мне приходится «вертеться», хвататься за любую возможность заработать, лишь бы обеспечить себе и близким терпимую жизнь»	26	21	23	18	34	27	24	9	34	30
«Мне удалось использовать появляющиеся возможности, чтобы добиться большего в жизни»	13	16	15	18	9	12	13	17	9	9
«Я живу, как и раньше, — для меня в последние годы ничего особенно не изменилось»	33	40	37	47	23	22	35	44	21	21
Затрудняюсь ответить	2	2	1	2	2	1	1	2	3	2

$N = 1600$

Таблица 7

ОЦЕНКИ МАТЕРИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ОТНОШЕНИЯ К ВЛАСТИ
(в % к числу опрошенных, без затруднившихся с ответом)

	Улучшится		Не изменится		Ухудшилось / ухудшится	
	2022 VIII	2023 IV	2022 VIII	2023 IV	2022 VIII	2023 IV
А. Как изменилось материальное положение вашей семьи за последний год?						
Дела идут в правильном направлении	20	22	56	59	24	19
Страна движется в неправильном направлении	12	14	42	42	45	43
Одобрят ВВП	19	21	54	58	26	21
Не одобряют ВВП	7	11	37	35	55	54
Б. Как оно изменится в ближайший год?						
Дела идут в правильном направлении	26	32	51	47	14	10
Страна движется в неправильном направлении	18	17	39	38	32	34
Одобрят ВВП	26	30	47	47	16	11
Не одобряют ВВП	12	12	41	38	39	41

N = 1600.

ны –2–3%, что ниже допустимых стандартных колебаний в точности измерения). Основной эмоциональный фон у противников войны (образующих явное меньшинство) составляют «тревога, страх, ужас» (46%), «шок» (28%), «гнев, возмущение» (28%), «стыд» (25%). Уровень «подавленности» (17% в сравнении с 4% у сторонников войны) характерен, как и полагается, для растерянного и бессильного социаль-

ного меньшинства, знающего, что оно не поддержано основной массой.

Те, кто воспринимает события с «тревогой и ужасом», вдвое чаще — в сравнении с «ястребами» — выступают за мирные переговоры (41 и 23%). Те, кто «гордится», настаивают на продолжении войны (64%, за переговоры вдвое меньше — 32%).

Таблица 8

СУММА ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ У СТОРОННИКОВ И ПРОТИВНИКОВ ВОЙНЫ

	Сторонники продолжения войны	Сторонники мирных переговоров	Затруднились ответить (на вопрос о продолжении войны / о необходимости мирных переговоров)
Позитивные переживания	85	41	36
Негативные переживания	41	97	50
Никаких чувств/затрудняюсь ответить	10	15	36

Август 2022 г., сумма ответов больше 100% (респондент мог назвать несколько вариантов испытываемых им эмоций).

Таблица 9

АГРЕГИРОВАННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЧУВСТВАХ ОКРУЖАЮЩИХ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ (БЕЗ САМЫХ ДОХОДНЫХ КАТЕГОРИЙ) (в %)

	Нуждающиеся	Бедные	Умеренно обеспеченные
Позитив	49	58	65
Астения	19	16	13
Ресентимент	32	26	22

Апрель 2022 г.

IM MEMORIAM

Виктор Леонидович Шейнис (1931–2023)

10 августа 2021 года Виктор Леонидович Шейнис написал в некрологе своему другу Сергею Адамовичу Ковалеву: «Узнавая его, думая о нем, встречаясь и разговаривая с ним, мы, наверное, не всегда задумывались о том, как личность может ознаменовать время. И сколь немногих для того ниспосылает нам время от времени судьба России. Как во все времена, то, в котором прожили мы, посылало нам, думающим и мечтающим российским интеллигентам, вдоволь надежд и радостей, потерь и разочарований. <...> И сейчас, провожая Сергея Адамовича в последний путь, надо иметь честность и мужество сказать: да, кончается время, уходит наше поколение, так и не достигнув исполне-

ния своих надежд на желанные перемены. Хотелось бы, конечно, вернуться назад и многое переделать заново и в себе, и вокруг себя. Но если годы прожиты не зря, то это и потому, что перед глазами всегда был пример Ковалева, его понимание непростых вещей, его смелость, честность и мужество в противоречивых обстоятельствах и нередко вопреки им — поступать по совести».

Теперь, когда ушел и Виктор Леонидович, все это с полным основанием можно отнести и к нему самому. Он, несомненно, был личностью, ознаменовавшей время — время оттепели, время перестройки, время 1990-х. Его биография одновременно и типична, и уникальна

для поколения шестидесятников. Шейнис родился в 1931 году в Киеве. После войны и эвакуации они с матерью уехали в Ленинград, где в 1953 году Виктор Леонидович окончил исторический факультет университета и три года работал учителем истории в школе. В 1957 году он написал статью о советском вторжении в Венгрию в ноябре 1956 года. За это в 1958 году был исключен из комсомола и отчислен из аспирантуры Института востоковедения АН СССР, после чего шесть лет проработал расточником на Кировском заводе в Ленинграде, о чем всегда говорил с большой гордостью.

С 1964 года начинается очень успешная академическая карьера Виктора Леонидовича. Окончив аспирантуру, он до 1975 года работает в Ленинградском университете, из которого в 1975 году его уволили после того, как первый секретарь Ленинградского обкома Романов высказал недовольство тем, что «такие люди, как Шейнис» преподают в ЛГУ. В 1977 году Шейнис переезжает если не в более свободную, то менее душную Москву, где становится ведущим, а потом главным научным сотрудником Института мировой экономики и международных отношений АН СССР. За время работы в ИМЭМО под руководством Шейниса вышло несколько фундаментальных научных работ, посвященных экономике и социальным проблемам развивающихся стран.

В конце 1980-х годов жизнь Виктора Леонидовича вновь резко меняется. Он активно включается в политическую жизнь пробудившегося общества, становится членом «Московской трибуны», выступает с публичными лекциями и статьями в перестроечных газетах. В конце 1989 года Отдел развивающихся стран ИМЭМО выдвигает Шейниса кандидатом на Съезд народных депутатов РСФСР. Мне довелось быть свидетелем и участником избирательной кампании Виктора Леонидовича, который проявил фантастическую энергию и выносливость, встречаясь на протяжении трех месяцев с жителями не самого благополучного, спально-академического Севастопольского района Москвы. В марте 1990 года он выигрывает выборы с большим отрывом от остальных 15 кандидатов по этому избирательному округу.

Став депутатом Съезда и избранного из его состава Верховного Совета, Шейнис посвящает свои главные усилия написанию новой Конституции Российской Федерации. Он был

заместителем председателя Конституционной комиссии Съезда и одним из авторов наиболее важных глав будущей Конституции, в частности главы второй, посвященной правам и свободам человека и гражданина. В 1992–1993 года Шейнис отстаивает выработанный Конституционной комиссией проект Конституции в жесточайшей политической борьбе и с большинством Съезда, и с президентской властью, которая предложила свой вариант Основного закона. На собранном президентом Ельциным Конституционном совещании в июне 1993 года Шейнис сделал все возможное для того, чтобы скрестить, как он говорил, два проекта Конституции, сохранив в тяжелейших политических условиях того времени ее демократическое содержание. Поддерживая Ельцина в его противостоянии со Съездом народных депутатов, Шейнис был противником его неконституционного роспуска в сентябре 1993 года. В декабре 1993 года он избирается депутатом первого и в 1996 году — второго созыва Государственной думы РФ сначала от избирательного объединения «Явлинский - Болдырев — Лукин», а потом от партии Яблоко, видным членом которой он оставался всю жизнь. В 1994–1995 годах Шейнису удалось добиться принятия Думой избирательного закона, который, как он считал, полностью соответствовал международным стандартам и даже в некоторых отношениях превосходил их. После ухода из Государственной думы в 2000 году Шейнис написал два фундаментальных труда, посвященных политическому развитию России: «Взлет и падение парламента: переломные годы в российской политике (1985–1993)». Т. 1–2. М., 2005; «Власть и закон: Политика и конституции в России в XX–XXI веках. М.: Мысль, 2014».

Одним из важнейших качеств Виктора Леонидовича как политика и как человека была его твердость и последовательность в отстаивании того, что он считал главным, и в то же время готовность слушать других, понимать их позицию и идти на компромисс. Его всегдашнее непоколебимое спокойствие (за 46 лет знакомства и дружбы с ним я ни разу не видела, чтобы он вышел из себя), внешняя мягкость, его неизменное уважение к оппоненту и очевидная для всех, но никогда не афишировавшаяся внутренняя сила и человеческая состоятельность делали его одним из лучших представителей того уходящего поколения русской интеллигенции,

о котором он говорил в отношении Ковалева. Этому поколению довелось дважды пережить великие надежды и дважды — их крушение. В последние 20 лет его жизни и истории страны Шейнис с горечью осознавал, как уничтожаются те демократические институты, на создание которых он положил огромные силы, жизнь. Видеть практически ежедневную политическую деградацию страны (он до последних дней был в курсе новостей и неутомимым читателем оставшихся газет) было для него тяжелейшим

испытанием. Он до конца оставался последовательным и честным перед самим собой. И как политик, и как интеллектуал он ни разу за всю свою долгую жизнь не пошел против собственной совести и отстаивал свою позицию, практически всегда оставаясь в меньшинстве. Шейнис был честным русским интеллигентом, его внутренний нравственный компас всегда удерживал его на правильной стороне истории.

Татьяна Ворожейкина

Дмитрий ШАЛИН

Виктор Шейнис и Алла Назимова: «Сведение счетов и установление меры ответственности каждого мне кажется занятием малопродуктивным»

Я познакомился с Виктором Леонидовичем в конце 1960-х на философском факультете Ленинградского университета, где он читал студентам курс политэкономии. Сразу же привлекла к себе его спокойная манера, внимание к собеседнику, нежелание навязывать свои мысли. Меня всегда притягивали люди с таким характером, который иногда путают с мягкотелостью. Когда я познакомился с Виктором ближе, стало ясно, что это человек не только принципиальный, но и мужественный, о чем свидетельствует его поведение во время венгерского восстания 1956 года, последовавшее за тем исключение из комсомола, нестандартные работы по госкапитализму, печатавшиеся после его восстановления на кафедре по завершении вынужденной паузы для работы на заводе.

Виктор Леонидович был одним из первых, с кем я пришел советоваться в середине 70-х, когда замаячила возможность легальной эмиграции. Объясняя свою позицию по данному вопросу, он привел такую притчу. Официально в нашей стране дважды два — двенадцать, говорил Виктор. Своим студентам я даю понять, что

это восемь. А ты и еще пара студентов слышали от меня, что дважды два — четыре. Я вижу свою миссию в том, чтобы процесс познания не прекращался, чтобы было кому передать факел просвещения.

Я тогда подумал и, кажется, сказал своему собеседнику, что печальна судьба человека, посвятившего жизнь доказательству того, что дважды два — четыре, что (выражаясь современным языком) свобода лучше, чем несвобода. Ведь есть еще алгебра, интегральное исчисление, проблемы высшего порядка, исследовать кои невозможно в нашей стране... Если я тогда действительно высказал такого рода соображения — тут меня может подвести память, — то это было бестактно с моей стороны. Но в то время я действительно так думал. Сейчас, когда мои соотечественники стоят перед сложными решениями, вопрос этот сохраняет актуальность.

Летом 1990-го, после 15-летнего отсутствия, я приехал Россию. В то время я занимался проектом по русской интеллигенции, брал интервью с российскими обществоведами, некоторые из которых публиковались в российской

печати¹. В числе моих собеседников был Виктор Леонидович Шейнис. Первое интервью с Виктором и его супругой Аллой Назимовой проводилось у них дома в Москве 17 июля 1990 года. Разговор шел о мотивах вступления в и выхода из КПСС, роли интеллигенции в перестройке и о будущем горбачевских реформ. Второе интервью было записано 28 мая 1992 года в офисе Виктора Леонидовича, который тогда был депутатом СНД и ВС РФ, и оно касалось новой российской Конституции. Размышления Виктора Шейниса предлагаются вниманию читателя в год его смерти².

Дмитрий Шалин

Лас-Вегас, 26 июня 2023 г.

Шалин: ...Я только сейчас уточню дату. Что у нас сегодня — уже почти 19 июля?

Назимова: Нет-нет. 18 июля.

Шалин: А, да. 18 июля 1990 года. Я разговариваю с Аллой...

Назимова: Назимовой.

¹ К настоящему времени опубликованы следующие интервью: *Шалин Д.* «Я считал, что было бы неестественно вести себя как-то иначе». Интервью с Юрием Левадой // Социологический журнал. 2008. № 1. С. 155–174; URL: http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/vy_ds_dialogues.pdf. *Шалин Д.* «По мере созревания нравственная конфронтация становилась политической». Беседа с Андреем Алексеевым, Олегом Божковым, Галиной Саганенко и Леонидом Кесельманом // Телескоп. 2010. № 4. С. 1–13; URL: http://cdclv.unlv.edu/pragmatism/shalin_aa_90.pdf. *Шалин Д.* «Попытки изменить эту систему я предпринимал не раз». Интервью с Игорем Коном // Социологический журнал. 2011. № 2. С. 100–137; URL: http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/kon_96.pdf. *Шалин Д.* «Если бы в начале 80-х меня куда-нибудь бы выпустили, я бы точно не вернулся». Интервью с Игорем Коном // Мониторинг общественного мнения. 2019. № 2; «Я мог бы написать свою биографию в ключе жертвы режима, в ключе успешного карьериста, в ключе таланта, который не полностью раскрылся в данной системе, и посредственности, которая реализовала себя на максимуме». Интервью с Игорем Коном // Социологические исследования. 2019. № 6. *Шалин Д.* «...После моей смерти ты можешь это напечатать». Интервью с Игорем Коном // Вестник общественного мнения. 2019. № 1–2. *Шалин Д.* «Я этим и занимаюсь и не раз видела свои мысли в выступлениях Ельцина». Интервью с Мариеттой Чудаковой. URL: http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/shalin_chudakova_interview_96.pdf; Мониторинг общественного мнения. 2021. № 3–4. См. также: *Шалин Д.Н.* Из переписки с Игорем Коном // Мониторинг общественного мнения. 2018. № 6; URL: <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/547/489>.

² Участники данного интервью-диалога познакомились с расшифровкой звукозаписи и предложили поправки. В нижеследующем тексте длительные паузы, смысловые разрывы и перебивы обозначены многоточием. Расчленение речевого потока на отдельные предложения делалось прежде всего с целью облегчить чтение текста. В тех случаях, когда голоса участников разговора накладывались друг на друга, речевые ряды разведены. Некоторые междометия и повторяющиеся слова типа «вот», «там», «значит» опущены. Вопросы ведущего в некоторых случаях слегка сокращены.

Шалин: Аллой Назимовой. Виктор Шейнис к нам скоро подключится. Меня интересует проблема ответственности [поднятая Владимиром] Солоухиным. Можно ли сказать, что мы все виноваты или все не виноваты, или мера ответственности должна определяться индивидуально? Вот вы сказали, что вступали в партию, когда уже были разочарованы в ней.

Назимова: Думаю, что мера ответственности каждого должна быть осознанна и принята как нравственная мера, как некая нравственная планка. Предположим, я вступала в партию из прагматических соображений или, наоборот, верила в те идеалы, которые защищала партийная программа. Этого не было. Не то чтобы я вступала в партию только из карьеризма. В наше время быть обществоведом практически — на 99 процентов — означало быть членом партии. Речь не шла о большой карьере, а просто о возможности заниматься гуманитарной профессией. Конечно, когда я вступала в 1974 году, я вполне отдавала себе отчет в том, что такое партия. Мне уже было не так мало лет, прошел XX съезд, вся оттепель, удушение оттепели, начался брежневизм. Тем не менее слабость и желание заниматься профессией меня на это дело подвигли. Но мне не хотелось бы вставать на точку зрения, которой придерживается Солоухин: что все виноваты, время виновато, что надо судить время, а мы действовали как все, и вина общая. Есть у Окуджавы одна очень хорошая, очень точная песенка. Я думаю, она относится к нашему поколению. Как первая война (это песенка о войне) — то ничья вина, вторая война — чья-нибудь вина, а уж третья война — то моя вина.

Шалин: «А моя вина, она всем видна».

Назимова: Да. И сегодня, когда решается вопрос о выходе из партии, а я для себя этот вопрос решила, это для меня не только вопрос расставания с партбилетом и куском жизни, но и вопрос нравственный [связанный с покаянием]. Мне бы хотелось, выступая на собрании с этим заявлением, сказать, что, к сожалению, я стала храброй и могу сделать сегодня такое заявление, поскольку это уже дозволено. Почему я и расхрабрилась. Конечно, достойны всяческого уважения люди, которые решались на этот поступок, когда в этом был риск, когда [такой шаг] мог, по крайней мере, приостановить карьеру. С этой точки зрения мне кажется, что Ельцин в своем заявлении [о выходе из партии] мог бы произнести какие-то слова покаяния. Потому что он плоть от плоти, кость от кости партии... Мне кажется, что это очень

важно для нравственного здоровья общества. Я должна чувствовать, что в моем шаге совсем нет фальши. Просто выйти — в этом есть фальшивая нота. Мы как раз с Виктором об этом разговаривали, и он сказал, что «почему-то у меня неприятный осадок от этого поступка». Я подумала и сказала ему, что, может быть, такое чувство как раз с этим связано. Не говоря уже о том, что очень трудно отказываться от своей биографии. В конце концов, прожита жизнь, в сущности, дело идет к шестому десятку. Прожита жизнь, и отказываться от своей биографии одним росчерком, не произнеся вот этих слов внутри себя и вслух, чтобы было ясно всем окружающим, — мне кажется, что такой поступок делать было бы неверно.

Шалин: Был ли там континуум, который осознавался интеллигентными людьми...

Назимова: Там это?..

Шалин: В 60-е, 70-е годы, в застойные времена. Где на одном конце были люди вроде Солоухина, люди у кормушки, которые продадут все и всех. Люди, которые молчали или голосовали. Затем те, кто, скажем, как Каверин, не пришел на собрание, где выгоняли Пастернака [из Союза писателей], — не такой уж геройский шаг, казалось бы, но по тем временам он...

Назимова: Тогда он был геройским. Конечно.

Шалин: ...И теми, кто выходил на площадь, [или] Буковский, Сахаров, Солженицын. Где та грань, за которой человек переставал быть порядочным в среде интеллигенции, и где он, даже идя на компромисс, все-таки оставался человеком вполне... [Я имею в виду] таких, как вы, как Виктор.

Назимова: Согласно расхожему анекдоту порядочный человек — это тот, кто не делал подлостей по собственной инициативе.

Шалин: А я слышал другое определение: порядочный человек — это тот, кто делает гадости с отвращением.

Назимова: Нет, такого не слышала. (*Смеется.*) В нашем кругу это был человек, который не делает подлостей... Я думаю, что такая грань существует, и выделила бы здесь два критерия. Один из них — осознание своего греха, понимание греховности того, что ты делаешь. Надо понимать: то, что ты делаешь, — плохо... Это важно для сохранения своего морального здоровья. И второе, не делать индивидуального поступка. Другое дело, когда ты пассивно участвуешь в действиях толпы...

(*Виктор Леонидович присоединяется к разговору, наливает чай и садится к столу.*)

Шалин: В этом смысле мера ответственности Солоухина выше, чем ваша, хотя бы потому, что вы молчали. Человек, помогавший диссидентам, еще менее ответствен. А Буковский был полностью порядочным человеком?

Назимова: Разумеется.

Шалин: И позиция Солоухина — это самовыгораживание.

Назимова: Конечно. Это было и так понятно. Кто-то Солоухину остроумно отвечал — не то Татьяна Иванова, не то еще кто-то из наших хороших публицистов... Его мера ответственности усугубляется тем, что он не понимает своей греховности.

Шалин: Оборачиваясь в прошлое, видите вы в нем какие-то свои поступки, за которые сейчас может быть стыдно, которые балансировали на грани порядочности, где надо было встать и выступить, скажем...

Назимова: Дима, я думаю, что мне просто повезло, потому что не было таких ситуаций. Все-таки мы жили в относительно вегетарианское время. Будь это сорок лет назад, наверное, ситуация могла бы быть другой...

Шалин: Но какую-то меру ответственности вы на себя берете.

Назимова: Да, конечно. Тем более что были уже образцы поведения, заданные Сахаровым. Я все время понимала, что я нахожусь ниже этой нравственной планки... Должен быть суд, но суд собственный, нравственный, хотя бы и не произнесенный вслух... Такое гласное самоосуждение добавляет атом кислорода в нашу атмосферу.

Шалин: Я заметил, что в какой-то момент люди вроде Бондарева перешли в атаку: «Тот вы все сейчас раскричались, а где вы были тогда — кто писал рецензию на мемуары Брежневца? И кто вам дал право сейчас распространяться...» В этой критике что-то есть, не правда ли? Задним числом легко идти впереди, а где вы были тогда? Мол, между нами нет большой разницы. И в то же время — это неправда.

Назимова: Неправда, неправда...

Шалин: (*суммирует суть предыдущего разговора Шейнису.*)

Шейнис: Дима, во-первых, я против охоты на ведьм в любом варианте. Я против того, чтобы разыскивать и пригвозждать к позорному столбу...

Шалин: Кого бы то ни было.

Шейнис: Во всяком случае всех или широкий круг людей. Я думаю, что, конечно, первых учеников надо выставить на обозрение. И я принимал участие в предании гласности под-

вигов определенной группы лиц на экономическом факультете Ленинградского университета, у которых [подлость?] в крови. Но, в принципе, сведение счетов и установление меры ответственности каждого мне кажется занятием мало конструктивным. Это первое. Теперь второе. Я думаю, что нынешнее поведение человека весьма существенно для того, чтобы его оценить. Когда была опубликована очередная довольно гнусная статья против Гавриила Попова, кажется, в «Советской России» или какой-то столь же мало почтенной газете, появились цитаты о том, что Попов тогда-то и тогда-то писал то-то. Несколько дней спустя я встретил Попова и сказал ему: « Ну вот, поздравлю, вас отметили ». На что Попов живо откликнулся: « Это Нина Андреева не меняет принципы, а я развиваюсь. Я живой человек, я меняю принципы ». Я думаю, многое можно простить...

Шалин: А он действительно что-то такое нехорошее говорил?..

Шейнис: Я бы не стал тут вести разыскания... Думаю, что это достаточно случайное...

Назимова: Цитата из партийных документов скорее.

Шалин: Он никого не изгонял откуда-то...

Назимова: Дима, у нас всегда была некоторая шкала или, как вы, социологи, любите говорить, «континуум», на которой выстраивались группы людей. И всегда были люди, о которых было известно, что этот человек более профессионален, меньше цитирует... или цитирует только для проформы, или выставляет заслон... И у Ленина, как и во всяком партийном документе, есть разные места, которые можно было брать на вооружение. И если ты человек профессиональный или, скажем, левый, то ты берешь те места, которые служат какой-то доброй идее, здравому смыслу, а не оправданию политических нужд власти. Или, наоборот, какие-то общие места, чтобы только прокукарекать. Попов был из [нашей] когорты людей. У него всегда были интересные книги.

Шейнис: Серьезные претензии предъявляются Коротичу. Я не очень хорошо знаком с его работами, с его публикациями, хотя допускаю, что писал он малосимпатичные вещи. Но я думаю, что за то, как он сейчас поставил «Огонек», где-то там, на Страшном суде, это ему простится. И люди, которые вытаскивают его прежние цитаты, не столько недовольны его прежней деятельностью, сколько им не нравится сегодняшней «Огонек».

Шалин: Их сверхзадача ясна.

Шейнис: Потом Алла сказала, что существует какая-то неуловимая грань между тем, что заслуживает снисхождения, и тем, что снисхождения не заслуживает. Я согласен, что эта грань неуловима. Если бы ее нужно было как-то формализовать, то сделать это было бы невероятно трудно... Но я думаю, что применительно к каждому конкретному человеку это сделать не очень сложно. Если знать этого человека. Круг духовно близкой мне интеллигенции имеет достаточно совпадающее мнение об Иксе, Игреке, Зете и так далее.

Шалин: Поскольку оценки сходятся, можно предположить, что за этим стоит какой-то [феномен]. А выход из партии — почему он создает чувство неловкости...

Назимова: Дискомфорта.

Шалин: Дискомфорта. С чем это связано?

Шейнис: Если попытаться это отрефлексировать... Я вступил в партию в 63-м году. Тогда у меня не было особых иллюзий относительно этой партии.

Шалин: Может быть, какие-то иллюзии все-таки были?

Шейнис: Нет.

Назимова: Нет, нет, нет — только относительно того, что партия является главной общественной силой и только через нее можно что-то делать.

Шейнис: Как вы рационализировали свое вступление в партию?

Шейнис: Сейчас скажу. Я считал, и думаю, что, в общем, это подтвердилось, что, только будучи в партии, я могу реализовать себя в той сфере, в которой я хотел себя реализовать. В отличие от некоторых других моих коллег у меня не было возможности заниматься гуманитарией, не вступив в партию, после того как меня исключили из комсомола и отправили на Кировский завод.

Шалин: Это было средством, а не целью.

Назимова: Виктор, мне кажется, что у тебя тут есть некоторая абберрация. Я помню наши с тобой длинные разговоры — я тогда была крайним противником, как ты помнишь...

Шейнис: Да, я помню.

Назимова: А ты, помимо личных мотивов, доказывал мне, что через партию можно изнутри что-то изменять...

Шейнис: Правильно, правильно. Я так считал, и я считаю, что был прав. Потому что в рамках партийных структур заданы были те импульсы, которые привели к перестройке...

Шалин: Если не было бы Яковлева и Попова, то, возможно, не было бы и...

Шейнис: Да, конечно. Должен сказать, что если у меня были оценки, которые я пересматривал, то скорее в противоположную сторону. Я очень плохо в те времена относился к Хрущеву. Очень плохо. Перемена моего отношения к нему произошла, когда его сместили, когда пришли другие люди и стало хуже. Но, в общем, к Хрущеву я относился скверно и не переоценил свое отношение к тому, что [тогда вызывало у меня чувство протеста]. Просто соотношение того, что на памятнике [Хрущеву работы Эрнста] Неизвестного — светлого и темного, — это соотношение тогда мне виделось несколько иначе... Но то, что я считал темным тогда, я продолжаю считать темным сейчас... Поэтому я не жалею, что я тогда вступил в партию.

Я думаю, что в моем конкретном случае это было правильно. Что касается моего выхода из партии, то тут есть два момента. Во-первых, [вряд ли] партия сейчас стала хуже, чем тогда, когда я в нее вступал. Если взять всю совокупность 19 миллионов [ее сегодняшних членов], то она сейчас лучше, чем когда я в нее вступал. [Не то чтобы] я в нее наивно вступил, когда у меня были иллюзии, а сейчас у меня иллюзии, видите ли, развеялись, у меня и тогда не было иллюзий. Изменились обстоятельства. В этих обстоятельствах партия, партийная структура играет несколько иную роль. Не несколько, а существенно иную роль. Это первое. Второе, по-видимому, заключается в следующем. Я не на сто процентов уверен, что самая верная тактика в нынешних условиях — выходить из партии... Я думаю, что еще можно извлечь что-то полезное из структуры партии. Отличие моей позиции от позиции большинства моих единомышленников, коллег, большей части московских депутатов, скажем, и других заключается в том, что я не считаю себя противником Горбачева. Хотя я очень четко дистанцирую себя от некоторых его последних акций или отсутствия таковых (Тбилиси, Карабах, Вильнюс).

Шалин: То есть он не является силой, полностью израсходованной.

Шейнис: Да, мне кажется, что это так.

Назимова: Еще есть один существенный момент, Дима, в том, что [касается вопроса] надо или не надо покидать партию, что партия сегодня — это дохлая собака. К сожалению, пока еще нет других структур, которые могли бы ее заменить...

Шейнис: Вот это очень существенно.

Назимова: В особенности в провинции... Мы, все, кто сам уходит, подаем пример дру-

гим — может быть, мы берем на себя [слишком много] ответственности, потому что нет структур, которые ее заменят...

Шалин: То есть ex post factum может оказаться, что поторопились.

Назимова: Да, так... Наше влияние столь ничтожно, что мы вряд ли смогли бы противостоять опытным аппаратчикам со всеми их отлаженными механизмами. Это и на выборах было очевидно.

Шалин: Ваша задача в основном образовательная — сеять семена, которые со временем...

Назимова: Да, во-первых, образовательная... И даже не столь плох мой выход или выход Виктора, как массовый исход людей и ослабление всей этой структуры сверху донизу. Потому что оно может оказаться очень деструктивным для [всей ситуации].

Шалин: Если можно вернуться к ранее затронутой теме — кто-то мне высказал такую мысль, что Сахаров мог бы сделать гораздо больше для страны, для диссидентского движения, если бы был более осторожен и не спровоцировал высылку в Горький. В этом смысле те, кто выходил на площадь, становились героями с последующим выездом в Сибирь или на Запад, они, возможно, не были исторически разумны... Нужно было осторожничать, воспитывать учеников и так далее. Я не согласен с этим, но...

Шейнис: Дима, я думаю, что истории были нужны все: и те, и другие. Каждый из них выполнял свою миссию. Конечно, люди, которые выходили на площадь, заслуживают самого высокого уважения...

Назимова: Это задавало определенную планку, давало образцы поведения, которым не все могли следовать, которым могли следовать единицы...

Шалин: Не каждому быть Буковским.

Назимова: Да, не каждому. Но эти образцы поведения были важны. Нам нужно, чтобы они были. Иначе общий уровень очень [снизится].

Шалин: Был такой момент у вас обоих, когда вы все-таки верили, скажем, в пионерском возрасте, когда верилось, что наше общество оно самое-рассамое, что мы строим светлое будущее и так далее. И где тот момент, когда вы впервые засомневались, что послужило тому толчком?

Шейнис: Да, конечно. Я это хорошо помню. Во всяком случае, я правоверным никогда не был. Не случайно у меня постоянно были столкновения с комсомольскими властями. Меня дважды выгоняли из комсомола.

Шалин: Когда примерно?

Шейнис: Первое мое персональное дело было с политической окраской на первом курсе... В сорок девятом году с формулировкой « за поддержку антипатриотического выступления на диспуте» . Конечно, в то время я мало понимал. То есть я достаточно ясно видел ситуацию на факультете, где я учился, — в смысле состава, структуры, соотношения сил. Я не связывал это с общей ситуацией. Когда я своим близким друзьям [высказывал свои сомнения], их довод был: « Ну, как же так, этого не может быть. Ведь в целом хорошо, почему же у нас не ладится в масштабе факультета?»

Назимова: ...Виктор закончит свою мысль, я только скажу коротко, что я была другим человеком — по семье, воспитанию, потому что была девчонкой, — я была менее политизирована и достаточно инертна и конформна...

Шалин: То есть где-то верили.

Назимова: Нет, я не верила, потому что всегда знала — есть разница между тем, что написано в газете, и тем, что в реальной жизни... Я всегда ощущала различие между официальной позицией и [реальностью]...

Шейнис: Чтобы Дима успел на метро, которое через 15 минут закроется, нам нужно...

Шалин: Алла сказала, что она меня подбросит.

Назимова: Да, конечно.

Шалин: И в какой момент отпали шоры?

Шейнис: Вот о том я хочу сказать. Очень четко могу назвать дату. Смерть Сталина. И какие-то первые события, которые вслед за этим развернулись. Я очень хорошо помню майские праздники 54-го года. Алла была в больнице. Приехал наш друг, который работал в провинции. Мы сидели на скамеечке во дворе больницы и по пунктам производили тотальный пересмотр всего. Что-то оставалось еще ряд лет, еще в начале 60-х...

Назимова: Прости, тут недавно мы смотрели заключительный момент Съезда народных депутатов, и [когда] все стали петь «Интернационал», то тут посыпались шуточки. И все-таки остается какое-то [чувство], что-то заложенное на генном уровне, в подкорке...

Шалин: Что-то такое в тебе поднимается...

Назимова: Ну, не то что поднимается, но где-то щемит в позвоночнике. (Смеется.)

Шалин: А когда у вас произошла перемена?

Назимова: Я думаю, что мне было проще. Тут я уже шла за Виктором, мы были недавно женаты...

Шейнис: Не недавно, мы были женаты год.

Назимова: Ну, год. Считается за десять первый год. (Смеется.)

Шалин: И уже полностью все прояснилось во время чехословацких событий?

Шейнис: Не-е-ет. Значительно раньше.

Назимова: Во время венгерских событий, когда мы втемяшились в дело Пименова³. Кстати, ты знаешь, что Пименов тоже депутат? Он сейчас депутат от Коми.

Шалин: Что-то я смутно вспоминаю. Его отовсюду выгнали, кажется...

Шейнис: Нет-нет. Это не тот. Он дважды сидел.

Назимова: Причем один раз семь лет.

Шалин: И уже в хрущевские времена...

Шейнис: Когда Хрущев читал свой доклад на XX съезде, для многих это было шоком. Сама концепция мне показалось [наивной?]. По известному анекдоту: « И это все, мальчик, на что вы способны?»

Назимова: Разумеется, какие-то факты были новыми, мы их не знали.

Шалин: Тогда стало ясно, что партия не реформируема.

Назимова: В таких категориях мы не думали. Процесс шел постепенно. Вот Венгрия, начались венгерские события. Виктор читал тогда публичные лекции по Венгрии, излагал факты, которые существенно расходились с официальными материалами. Тогда я вошла в комитет комсомола института, где тогда работала. Не то что у нас уже сложились законченные концепции об обществе, о роли партии — это складывалось постепенно. Мы концептуализировали актуальные события. А через них уже, я думаю, накапливались [соображения общего порядка].

Шалин: А в 70-е годы...

Назимова: Нет, принципиальных сдвигов в нашем представлении о происходящем в стране и мире уже не было.

Шалин: Еще пара вопросов, и мы закончим на этом. Когда стало ясно, что перестройка — это всерьез?

Шейнис: Опять же назову совершенно четкую дату. Это произошло между августом и декабрем 1986 года. Август — это поездка Горбачева на Дальний Восток и какие-то очень се-

³ Револьт Иванovich Пименов (1931–1990) - Советский математик, историк, участник диссидентского и правозащитного движения в СССР (политзаключенный 1957–1963, политссылный 1970–1974) народный депутат РСФСР (1990). <http://www.chronos.msu.ru/old/biographies/pimenov.html> А. Назимова и В. Шейнис проходили свидетелями по делу Пименова Р.И., Вайля Б.Б., Данилова К.Г., Заславского И.Д. и Вербловской И.С. в в Ленинграде в 1957 г. (прим. ред.). URL: <https://arch2.iofe.center/person/27193>.

рзные заявления... А декабрь — это возвращение Сахарова из горьковской ссылки. Вот это было для меня решающим.

Назимова: Это было для нас всегда четким критерием. Мы говорили себе: « Вот если бы он сразу вернул его [Сахарова] ». А он это взял и сделал.

Шалин: А интеллигенция сразу за ним пошла?

Назимова: Нет, не сразу. Во многих людях, особенно старшего поколения, долго сидело опасение, настороженность, недоверие. Тем более что действительно, Дима, вернуть все в прежнее русло — это очень просто.

Шалин: Вы верите в обратимость процесса?

Шейнис: Нет, [это было бы] очень сложно.

Назимова: Может быть, на короткий срок.

Шалин: В истории нет ничего необратимого, как мы знаем.

Назимова: Но для нашего поколения этого хватит. Нам уже второй раз не подняться, понимаете? Как мы после XX съезда и оттепели были загнаны [в угол] и как долго поднимались..

Шалин: В Бостоне Грушины мне рассказали такую историю. Сидят они как-то в офисе, [смотрят выступление Сахарова], пьют чай, но без сахара. Никто своего из дома не принес. И кто-то тут говорит: « А я согласен пить чай без сахара, но с Сахаровым ». Мне тогда подумалось, а скажи-ка ты такое шахтеру, которому нечем руки помыть...

Назимова: Дима, здесь аберрация. Во всяком случае, в Москве никогда не было проблемы с сахаром.

Шейнис: Это во-первых. А во-вторых, что касается шахтеров, то сегодня ситуация там другая. Я ведь только что из Новокузнецка. Сегодня там идет забастовка — и не было ни одного экономического требования. Все требования политические.

Шалин: Этот вопрос меня интересует, потому что он касается роли интеллигенции в перестройке. Интеллигенция в общем поддержала Горбачева. Свобода слова, моральные устремления — все это очень хорошо. Но мне кажется, что интеллигенция здесь выиграла и материально больше, чем ряд других классов... Тут и возможность ездить за границу, и выступать на телевидении. Не то чтобы ее интерес был чисто материальным, но в чем-то ставка интеллигенции была выше, чем у других групп.

Назимова: Конечно. Это естественно, Дима. Это социальный выигрыш класса.

Шейнис: Почему мне нужно ездить за границу? Я за то, чтоб и шахтеры ездили туда, и кто угодно. Но для меня это момент моей социально-профессиональной роли... Мне нужны контакты, и что еще важнее, запас впечатлений [который] для меня важнее, чем [для кого-то еще].

Назимова: Контакты профессиональные и, как бы их назвать, социально-политические. Куда бы мы ни ездили [мы участвовали в] профессионально-политических форумах, где очень важно донести свою позицию, свое понимание.

Шалин: А можно ли сказать, что начался, и если да, то когда, процесс отхода интеллигенции от Горбачева? ... (*Шейнис прихлопывает комаров*).

Назимова: Да не надо, стена будет грязная. Три комара, Дима, они тебя очень любят.

Шейнис: Два комара закончили свою жизнь.

Назимова: Ну и что? Теперь грязная стенка.

Шалин: Как объяснить женщине, что инстинкт джунглей в нас, наверное, заложен... Вы считаете, что его [Горбачева] надо подталкивать, поддерживать. Но многие махнули на него рукой, говорят, что он — часть проблемы, а не ее разрешения.

Шейнис: (...) Есть достаточно широкий слой интеллигенции [который отошел от Горбачева].

Шалин: Вы не согласны с тем, что он [Горбачев] себя полностью исчерпал?

Шейнис: Не согласен. Не согласен.

Назимова: Не говоря уж о том, что пока, к сожалению, как говорил товарищ Сталин, «У нас для вас других писателей нет». Нет у нас человека, который бы обладал доверием [всех]. Горбачев показывает себя достаточно мастерски.

Шалин: Да. ...Мне не понравилось, как Горбачев себя вел на президентских выборах Ельцина. Мне он показался petulant [раздражительным] и arrogant [высокомерным]. В смысле темперамента мне он показался чужим человеком, не интеллигентным...

Назимова: Нет, ну конечно.

Шейнис: Конечно, конечно.

Назимова: Он не мог даже поздравить Ельцина.

Шейнис: Он отвратительно вел себя с Ельциным. Вся эта история...

Назимова: А его выступление на Съезде народных депутатов России перед избранием Ельцина, его откровенное давление, которое явно против него и сработало.

Шалин: ... И вот последний мой вопрос. Какой у вас прогноз на дальнейшее время и ближайшую перспективу относительно Горбачева и ситуации в целом?

Шейнис: Я хочу еще немножко добавить по поводу партии. Если бы на XXVIII съезде КПСС все закончилось взрывом справа [если бы победили Полозковы], я бы из партии не ушел. Если бы избрали в политбюро Лигачева и *(прерывистая запись)*... Это вселяет некоторые колебания [в правильности моего решения?]. Хотя я не могу сказать, что я конформист уж настолько... Не уйти из партии я просто сейчас уже не мог ни при каких обстоятельствах... Не думаю, что Горбачев себя исчерпал. Наверное, он поступает правильно, потому что, не являясь главой этой партии...

Назимова: Если бы Горбачев смог освободить республики, передать им полномочия, и республики на этом подъеме, на этом... Как показывает опыт Прибалтики, есть ресурсы, которые можно пустить в ход только благодаря тому, что люди почувствовали [себя свободными], возрожденными для дела. Если он [Горбачев] сможет это сделать, оставшись такой связующей силой наверху, то можно многого добиться. А пока, я думаю, единственный для него выход, — это укреплять свою личную власть. И поскольку у него нет особых надежд сделать все как надо — укрепить рынок, укрепить демократию, давая всем сестрам по серьгам, — я думаю, что в конечном счете он вынужден будет [сделать некоторые отступления].

Шалин: А дальше, через пять-семь лет?

Назимова: А дальше трудно думать. Сейчас так быстро меняется ситуация... На год, на два ситуацию можно изменить, вплоть до применения насилия, скажем, насильственно вводить рынок, подавляя забастовки и сопротивление аграриев.

Шалин: Но пока он свою власть употреблял не слишком часто.

Назимова: Ну, он ее только что получил. И в Литве он ее употребил достаточно гибко.

Шалин: Но предсказывать историю...

Назимова: Да, Дима, тем более что у нас так много связано с... [тем, как идет процесс не только в верхушке, но и захватывает глубинные слои общества.]

(Конец аудиозаписи.) Запись беседы с Виктором Шейнисом, 28 мая 1992 г.

Шалин: Я говорю с Виктором Леонидовичем Шейнисом. Сегодня у нас 28 мая 1992 года.

[Как вы сказали] надо выбирать курс между Сциллой и Харибдой.

Шейнис: Я думаю, что ни одно из крайних решений не является оптимальным: ни разгон парламента в той или иной форме, ни сохранение его в том абсурдном виде, в котором он был создан. Это ведь замечательное порождение аппаратной фантазии — соединить парламент с неким вече, сходкой, советом народных депутатов, который избирается... Кстати, вы помните, что Союзный съезд избирался на одну треть из представителей общественных организаций, по корпоративной системе, которая будила воспоминания о временах революции? Все это, конечно, абсурдно: парламент на тысячу человек. В Англии тоже большой парламент: палата общин — шестьсот человек, палата лордов — тысячи полторы. Но они же не занимаются тем, чем занимается наш парламент. Скажем, утверждается какой-то закон, изменения в Конституции может осуществить только съезд. И вот заседает съезд, тысяча человек, у каждого из нас огромное количество поправок, и каждая из этих поправок голосуется. Тысяча человек голосует. Даже время на [процедуру] голосования нужно огромное. Кроме того, еще люди выступают, спорят. Это совершенно невообразимая [ситуация]. Я уж не говорю о том, что люди, которые работают не на постоянной основе, мало способны вникнуть в суть дела. Это «замечательная» ленинская идея...

Шалин: Взаимозаменяемости.

Шейнис: Да, да, да. Они пришли из трудовых коллективов, поэтому-де отражают мнение народа и так далее... Вообще, это идея советской власти. Они не профессиональны, они внушаемы. Они четко знают, как им голосовать, когда выдвигаются острые критические вопросы, которые у всех на слуху. Но когда речь идет о законодательной технике, они могут шарахаться то в ту, то в другую сторону. Такой парламент, конечно, слабо работоспособен. Я вижу выход в том, чтобы попытаться провести реформу парламента в рамках самого парламента, не разгоняя его, потому что бог весть, что дадут выборы, бог весть, где придут избиратели, где они вообще не придут. А у нас действует закон, согласно которому если в избирательном округе пришло менее 50 процентов избирателей, то выборы считаются несостоявшимися... И сейчас у нас несколько округов не представлены в парламенте. На новых выборах таких округов будет много.

Шалин: Такие округа лишаются представительства на время сессии?

Шейнис: До тех пор, пока не изберут своих [представителей]. Можно, конечно, каждые несколько месяцев проводить выборы в надежде, что [выборы дадут желаемый результат]... Но надежды на это слабы...

Шалин: А на Западе есть минимальный [процент явки]?

Шейнис: Как правило, нет. Или эта граница очень низкая. Теперь дальше. Я думаю, что если бы были реальные выборы, то большая часть наших республик, входящих в состав России, просто откажется проводить референдумы, выборы, и это будет импульсом к дальнейшему распаду России.

Шалин: Откажутся на том основании, что...

Шейнис: ... это их не касается... Ведь с трудом удалось выработать какой-то компромисс на базе так называемого федеративного договора. Это в значительной мере замазывание тех противоречий, которые не сняты. Хорошо уже единственно то, что открытая перепалка сейчас отошла на задний план. Но федеральные власти не могут сделать в республиках то, что они считают необходимым, а республики не могут получить в федерации то, что они хотят. Это очень неустойчивое равновесие. В условиях такого политического соперничества нового центра — уже не всесоюзного, а всероссийского — и новых республик это очень рискованно.

Шалин: А насколько реален, учитывая все это, распад федерации?

Шейнис: Я боюсь, что это может произойти.

Шалин: Чем это может быть вызвано — голодом, безвластием в центре?

Шейнис: Очень трудно сказать.

Шалин: Но это не исключено. И вы видите свою задачу в том, чтобы в этой сложной ситуации делать что можно: проводить поправки к Конституции, улучшать законопроекты...

Шейнис: Мы выработали проект Конституции. В целом неплохой проект. Мы отдельными блоками уже вводим элементы новой Конституции в виде поправок в старую Конституцию. И это в какой-то мере спасает положение. Например, раздел о правах человека, он выведен на международные современные стандарты. Он лучше, чем американская Конституция в этой части. Просто американская Конституция создавалась определенным образом в определенное время. Но принимавшиеся позднее к ней поправки более или менее закрепляют права [человека]. У нас это разработано детальнее,

как разрабатывались Конституции XX века в странах, переходивших от тоталитаризма к демократии.

Шалин: А слабая часть Конституции?

Шейнис: Я думаю, что самая слабая часть — действующей Конституции или проекта?

Шалин: Проекта, хотя интересна и действующая Конституция.

Шейнис: Самое слабое — это, конечно, национально-государственное устройство, которое основано на федеративном договоре. Сделан вид, как будто проблему мы решили. На самом деле большая часть полномочий отнесена к сфере совместной компетенции. Здесь я предвижу осложнения, даже если Конституция будет принята... Здесь идет постоянное перетягивание каната. Потому что у нас есть сфера совместной компетенции, и мы не всегда можем договориться, кто выигрывает. Это первое. А второе — это государственное устройство, структура власти. Практически никто не отстаивал республику чисто парламентского типа. Конечно, все сравнения условны, ну, скажем, Германия или Италия. Выбор был между американской системой и французской. Президентской республикой и полупрезидентской республикой, условно говоря. По сути дела, сейчас мы сталкиваемся с шантажом ряда лиц в президентской администрации, которые считают, что президенту по новой Конституции предоставлены недостаточные права.

Шалин: И вы видите больше риска в предоставлении таких расширенных полномочий президенту, чем в парламентской системе.

Шейнис: Вообще, американская президентская система хорошо работает, по-моему, только в Америке. Когда ее попробовали вводить к югу от Рио-Гранде, везде получались авторитарные режимы. Поэтому я бы предпочел правительство отдельно от президента — это не кабинет помощников президента, а люди, которые должны получать вотум доверия в парламенте. Парламент должен выносить вотум доверия или недоверия правительству. У нас очень долго шли споры по этому вопросу, и в конечном счете мы приняли очень усложненную формулу, при которой парламент может выразить недоверие отдельно взятому министру. И тогда президент либо увольняет этого министра, либо сообщает парламенту свои соображения, почему он не хочет увольнять этого министра. И вот тогда уже парламент может выразить вторичный вотум недоверия, и в этом случае министр обязан подать в отставку. То

же самое по отношению к премьеру, но в отношении премьера требуется [не просто большинство, а] две трети голосов. И если премьер получил вотум недоверия, как там записано, «правительство решает вопрос об отставке». ... *(Перерыв в записи.)*

Шейнис: ... Я очень горжусь тем, что с подачи одного моего знакомого киевского социолога я ввел, по моей инициативе введено в Конституцию такое положение, по которому каждый вправе определять свою национальную принадлежность, и никто не может быть принужден обозначить свою национальную принадлежность.

Шалин: То есть все определяет внутреннее самосознание. И это положение введено в проект Конституции?

Шейнис: В новый проект Конституции. И более того, сегодня я сказал, что раздел о правах человека мы ввели в старую Конституцию почти целиком...

Шалин: Там прямо так и говорится, что отныне [национальная принадлежность базируется на самоопределении]? Это очень любопытно. Я этого не знал.

Шейнис: Тут у меня есть текст. *(Роется в документах.)*

Шалин: И он одобрен в принципе VI съездом?

Шейнис: Да, да, да. Сейчас, минуточку, найдем. Вот как это звучит: «Каждый вправе свободно определять и указывать свою националь-

ную принадлежность. Никто не должен быть принужден к определению и указанию его национальной принадлежности» ...

Шалин: Это статья 27, и она уже является законом.

Шейнис: Ну, в новом законе она, наверное, не 27-я, а какая-то другая.

Шалин: Нумерация изменилась. Но она там есть, и это уже закон.

Шейнис: Это закон, это уже принято. Мне тут как-то дали старую анкету, нужно было заполнять, не помню уже для чего, и там партийность уже убрана, а национальность еще стоит. Я написал «еврей», а потом приписал: «Но вообще, я такой вопрос считаю подлежащим исключению».

Шалин: Значит, вы можете не отвечать, если не хотите. Но здесь не говорится, что такой вопрос является неправомочным.

Шейнис: Нет, не говорится... Я думаю, что по смыслу этой статьи эта графа должна быть исключена из паспортов. Тут есть еще такое положение...

Шалин: Где говорится, что...

Шейнис: *(зачитывает)* «в паспорта, свидетельства, удостоверяющие акты гражданского состояния, удостоверения личности и другие документы не включаются сведения о национальности как не имеющие отношения к правовому статусу лица». Страница 46-я.

(Конец аудиозаписи.)

Авторы номера:

Любовь Борусяк – ведущий научный сотрудник Лаборатории социокультурных образовательных практик МГПУ, Москва

Татьяна Ворожейкина – независимый исследователь, Москва

Екатерина Воскресенская – аналитик ООО SmartDec, Москва

Федор Воскресенский – адвокат Адвокатской палаты Ленинградской области

Екатерина Козеренко – Левада-Центр

Лев Гудков – Левада-Центр

Алексей Левинсон – Левада-Центр

Сергей Николюк – политолог, Минск

Антон Олейник – Университет «Мемориал», Канада

Марк Тольц – русско-израильский демограф, Еврейский университет в Иерусалиме, Израиль

Дмитрий Шалин – профессор социологии и директор Центра демократической культуры Университета Невады в Лас Вегасе, Лас-Вегас, США.

SUMMARY

The Perception of the Problem of Independence and Self-sufficiency by Russian Judges (by Fedor Voskresensky, Ekaterina Voskresenskaya)

The article presents the results of a sociological survey of judges of the North-West region of the Russian Federation, mainly of the Arbitration Courts. It conducted by the Laboratory of Political and Legal Studies, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, in the framework of a scientific study of the independence of the institutions of Justice. The aim of the study is to describe the information obtained during the questionnaire about the respondents' perception of the problem of independence of the key actors of the domestic justice system - investigators, prosecutors, judges. A sociological survey in the form of a personal survey of judges was used as a method. Analyzed 133 questionnaires filled out by judges of the Arbitration Courts of the North-West Region and the St. Petersburg City Court. When compiling the questionnaire, the emphasis was placed on threats to independence from the leaders, these officials, respectively, many questions were formulated in such a way as to assess the impact of management on objectivity, completeness and comprehensiveness in the consideration and investigation of case materials that fall into the orbit of the justice system. The results showed that the majority of the judges interviewed do not believe that the problem of independence and autonomy is acute on the agenda. The majority pointed to its locality and insignificance, since judges, prosecutors and investigators mostly resist external influence. Thus, the problem of independence is not recognized by the sharply questioned Russian judges. In their opinion, non-systemic factors do not impact on them.

Propaganda channels and their compared effectiveness (by Anton Oleynik)

Ever since Lasswell (1938) propaganda is considered one of the main means of war waging, along with military pressure and economic sanctions. Russia's invasion of Ukraine resurrects the public and scientific interest towards the study of military propaganda. The President of the Russian Federation sees the war as an imperial one. The president of Ukraine, conversely, sees it as a liberation war. Thus the battle of discourses supplements the military one. The result of the former depends on the effectiveness of the propaganda waged by the involved parties.

The term "effectiveness of propaganda" refers to the spread of government's statements regarding the war via various media without or with minimal distortion. The effectiveness of propaganda is compared (i) by country, with a particular focus on the two warring parties — Russia and Ukraine, (ii) by the media used (traditional media, digital media) and (iii) using two different study methods (content analysis and statistic analysis of poll results). The data was gathered during the first year of the large scale invasion (February 2022 through February 2023). The initial message (military statements by political leaders) was compared by way of content analysis with that translated by the media. The results of polls conducted in Russia and Ukraine make measuring the degree of agreement with the message spread by the media possible.

Marriage as a Factor in Contemporary Fertility in Russia (by Mark Tolts)

The article analyzes the dynamics of the shares of marital and extra-marital births among all births in Russia in 1946-2019. The incidence of extra-

marital births dynamics in Russia is compared to that in other countries in 1970-2019. The dynamic and differentiation in levels of extramarital fertility among Russia's regions in 1990-2019 is analyzed. The results of calculations that allow to evaluate the contribution of marital and extramarital births to the fertility dynamics in 2005-2019 based on a standardized marker — total fertility rate are provided. The analysis shows a growing importance of marriage in contemporary fertility in Russia. In this Russia is markedly different from most European countries and the US but is not unique. The dynamics of extramarital fertility in Belarus and Ukraine are similar to that of Russia.

The new wave of emigration of the educated: why did the leave and do they plan to come back
(by Lyubov Borusyak)

The article is based on the results of a longitudinal study of Russian educated emigrants who mainly left Moscow and St. Petersburg. During the three stages of the study conducted during a year (April 2022 — April-May 2023), about 300 interviews were taken, with 2-3 online meetings being held with the majority of respondents. The article analyzes the main reasons for the emigration peaks in March and September 2022, that is, after the start of the special military operation and the announcement of partial mobilization. The geographic diversity and turbulence of the movement of emigrants during the year, caused mainly by the random choice of countries of relocation, is analyzed. Much attention is paid to studying the adaptation and integration of new emigrants in host countries, the reasons for their orientation towards a predominantly Russian-speaking environment, their social life, and difficulties with self-identification. The probability of returning a significant part of the respondents to Russia has decreased significantly over the year: this can happen either due to impossibility to stay in the host country or move to another one, or due to lack of suitable work and difficult financial circumstances.

Heads and Tails of the Union State (by Sergey Nikolyuk)

Despite the low level of support of the actions of Russian military forces in Ukraine by Belorussians, the share of supporters of integration with Russia in the republic has increased since the beginning of the special military operation, because the Belorussians see the war itself online and the results thereof such as sanctions offline.

The well-being of Russia's jews: summer 2022
(by Alexey Levinson)

The survey was conducted in the form of focus groups in Moscow, Yekaterinburg, Rostov-on-Don, Kazan and Tula. The study presents the opinions and viewpoints of the most numerous types of contemporary Russia's Jewish populace as of the first half of 2022.

Currently, Russian Jews generally don't experience state antisemitism. Popular antisemitic outbursts occur but only occasionally. The Jews still hold the belief that president V. Putin subscribes and will continue to subscribe to non-antisemitic views. However, despite that, antisemitic stunts by certain official remain possible. The study captures the initial stage of expecting the soviet forms of treatment of Jews to resurrect. The expectation is tied to the general rise of conservative forces, repressive practices, economic decline in the country as well as the critical stance of a number of Jewish public figures towards the Special Military Operation.

Russian Jews (as well as many non-Jews) are very concerned about the introduction of limitations on foreign travel or total ban on leaving Russia.

Current state of antisemitism and xenophobia in Russian (by Lev Gudkov)

The article contains the results of a 2022 study summarizing the results of a 30+ year long sociological study of antisemitism and xenophobia in Russia. Compared to 2013, marked by a peak or rise, an upsurge of mass xenophobia and ethnic intolerance, today's situation appears to be more calm and better controlled by the authorities. The mobilization of dislike is mostly directed against the "remote others" — the Americans, the Ukrainians, which makes makes this kind of hostility virtual, ideologically justified and not requiring any personal activity on the part of the citizens. Such forms of ethnic xenophobia and racism as distaste towards natives of the Caucasus, migrants from Central Asia, black people and gypsies who are perceived as socially and culturally alien and therefore presenting an irrational threat for the majority — are more important in terms of danger to public peace.

The aggression is channeled outside, is projected onto the Ukrainians and the Americans, which lowers the likelihood of racial or ethnic clashes inside the country. The attitude towards Jews can be described not just as positive but as having a tendency towards gradual improvement due to the fact that age groups that witnessed the period of state antisemitism which preserved the archaic

prejudice of an agrarian and antisemitic society for a long time are passing on.

The youth is much less prone to either ideological or “everyday” antisemitism since its socialization took place when state antisemitism was already over. A considerable part of anti-Jewish prejudice and preconceptions which forms the layer of “dormant antisemitism” is preserved and perpetuated in the mass consciousness. This sum of stereotypes is not translated by means of formal institutions (state owned or public media, school) but via the social medium of interpersonal communication, including families with low cultural capital, interactions between neighbors, among co-workers, the conservative and authoritarian environment of the army, police, lower-tier bureaucracy as well as the analogues of the media in the social networks, the uncensored internet.

The main function and condition of the stability of such prejudice and stereotypes regarding Jews is maintaining the ethnic identity of the Russian majority which is having considerable difficulty with positively self-identifying after the collapse of the soviet system and a shortage of causes for self-respect and collective pride.

Inaccessibility analysis in Levada Center’s Courier (by Ekaterina Kozerenko)

Negative identity. Russia’s populace’s outlook in times of crisis and war (by Lev Gudkov)

The article contains three main sections: the first focuses on the theoretical analysis of mass surveys data, identifying the normative structure of mass beliefs; the second — on social sentiment dynamics, the ratio of satisfaction, asthenic syndrome and resentment as well as factors influencing the fluctuations and changes thereof; in the third the sub-components comprising the collective identity

in authoritarian or totalitarian conditions are dissected.

It is fundamentally concluded that in the conditions of suppression by the state which aims for total control over all areas of society — the law, education, civil society activity, culture, science, the media, religion, morals and private life, economy and politics - the structure of group and individual identity is formed by contradiction — based on the image of the enemy, the alien, the “other” — who is better off and enjoys a higher status and prestige.

Transferring one’s own weaknesses and shortcomings onto the “other” — an object of envy and resentment — allows one to get rid of the depressing sense of inferiority and vulnerability, and to award oneself the virtues the other doesn’t possess. This mechanism suppresses the idea of development, personal and social improvement, the ethics of achievement and creates the conditions for self-isolation thus allowing to bypass the awareness of one’s shortcomings, and channel the frustration and aggression outside.

Thus negative identity is by nature an anti-culture, with a function of supporting the conservative supremacy system. According to the results of surveys conducted throughout 30 years, the chronic predominance of negative sentiment in Russian society is being replaced with positive feelings and satisfaction with life only during military campaigns and the accompanying collective mobilizations.

Victor Leonidovich Sheinis (1931-2023) (by Tatiana Vorozheikina)

Victor Sheinis and Alla Nasimova: “Settling scores and determining the degree everyone’s responsibility seems like a fairly nonconstructive endeavor to me” (Interview by Dmitry Shalin)

